

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

ПРАВОПОРЯДОК И ЕГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

**СБОРНИК ТРУДОВ
международной научной конференции**

(Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.)

Воронеж
НАУКА-ЮНИПРЕСС
2019

УДК 340.114:172.12
ББК 67.0
П68

Редакционная коллегия:

кандидат философских наук, доцент М.А. Беляев,
кандидат юридических наук, доцент В.В. Денисенко

*Проведение конференции
и издание сборника трудов
осуществлено при поддержке РФФИ
(проект № 19-011-20008)*

П68   Правопорядок и его институциональные основы: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.) / [редколл.: Беляев М.А., Денисенко В.В.]. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. – 295 с.

ISBN 978-5-4292-0178-8

Сборник включает статьи, подготовленные участниками международной научной конференции, организованной Воронежским государственным университетом и приуроченной к 90-летию со дня рождения ведущего немецкого социального философа Юргена Хабермаса. В центре внимания исследований, представленных в данном сборнике, находится правопорядок как категория правовых и социологических дисциплин, интегрально характеризующая уровень и качество реализации правовых предписаний. Многие авторы не ограничиваются в своих исследованиях эмпирическим взглядом на отечественный или международный правопорядок, предлагая собственные варианты его дальнейшего совершенствования.

Для исследователей, аспирантов и студентов социальных и гуманитарных специальностей.

УДК 340.114:172.12
ББК 67.0

ISBN 978-5-4292-0178-8

© Коллектив авторов, 2019

Содержание

Честнов И.Л. <i>Институционализация правопорядка и теория делиберации</i> Ю. Хабермаса	6
Клименко А.И. <i>Идеологические основания правопорядка</i>	11
Лаптева Л.Е. <i>Этические кодексы как элемент структуры правопорядка</i>	17
Денисенко В.В. <i>Институциональные основания правопорядка с позиции теории коммуникативной рациональности</i>	25
Баранова М.В. <i>Правопорядок в обществе программируемых коммуникаций</i>	28
Ломакина И.Б. <i>Содержание правопорядка в его эволюционном развитии</i>	34
Панько К.К. <i>Уголовно-правовые предписания в системе обеспечения правопорядка</i>	40
Андреев Н.Ю. <i>Налоговый патриотизм и правопорядок</i>	45
Архипов В.В. <i>Семантические пределы права в условиях медийного поворота от виртуальной реальности к теории права</i>	56
Белова Н.В., Белов А.В. <i>Необходимость изменения уголовного законодательства как средство обеспечения правопорядка</i>	65
Беляев М.А. <i>О правопорядке и легитимации правовых суждений</i>	69
Ветютнев Ю.Ю. <i>Герменевтический подход к исследованию правопорядка</i>	75
Вольский М.В. <i>Вопросы реформирования российской тюремной системы и попытки ее гуманизации в первой половине XIX в.</i>	80
Воробьева А.Д. <i>Нормирование ольфакторной среды в контексте современной парадигмы правопорядка</i>	87
Дерюшева О.И. <i>Семейные правоотношения как составная часть правопорядка в гражданском обществе</i>	95

Зуева Н.Л. <i>Институт социального обслуживания: реалии и проблемы</i>	99
Карпова Е.С. <i>Правопорядок в сфере земельных отношений</i>	108
Ковкель Н.Ф. <i>Плюральность и динамичность правопорядка в контексте основных подходов к семиотике права и перспектив ее развития</i>	114
Куприянова О.И. <i>Использование дореволюционных процессуальных институтов при кодификации уголовно-процессуального права в РСФСР в 1920-е годы.</i> . . .	121
Купцова О.Б. <i>Принцип делиберативности и его роль в эволюции правопорядка.</i>	129
Ливенцев Д.В. <i>Исправительно-трудовые работы как этап либерализации пенитенциарной системы в 20-е гг. XX в.</i>	133
Лунина Н.А. <i>Роль земельно-правовой ответственности в обеспечении земельного правопорядка</i>	136
Мачин И.Ф. <i>Экологический порядок: проблемы легитимации</i>	148
Медведев В.В. <i>Правопорядок в свете политико-правовых ценностей полицейской государственности.</i>	158
Молчаков Н.Ю. <i>Юридизация достижений политической науки в конституционно-правовых исследованиях территориального устройства государства</i> . . .	167
Палеха Р.Р. <i>Правопонимание и правопорядок: диалектика взаимосвязи</i>	177
Петрова Е.А. <i>Национальный правопорядок в эпоху глобализации: основные векторы трансформации</i>	185
Полянский П.Л. <i>К вопросу о разработке Положения 1845 г. о заповедных наследственных имениях.</i>	191
Романов А.К. <i>Коррупция и правопорядок: актуальные вопросы правовой теории, государственной политики и правоохранительной деятельности</i> . . .	197
Семьянов Е.В. <i>Юридическая ответственность как основа правопорядка</i>	206

Сенных Л.Н. <i>Роль пенсионной реформы в решении проблемы бедности населения . . .</i>	215
Серегина В.В. <i>Правопорядок и государственное принуждение . . . . .</i>	225
Сиденко О.А. <i>Правопорядок в гибридных политических режимах: к постановке вопроса . . . . .</i>	230
Скоморохина Е.В. <i>Экологический порядок как элемент общественного порядка . . . .</i>	237
Смирнова М.Г. <i>Институционализация социальных притязаний как гарантия порядка . . . . .</i>	241
Стародубова Г.В. <i>Правопорядок в сфере уголовного судопроизводства: диалектика объективного и субъективного . . . . .</i>	246
Сумин А.В. <i>Выборы тюремных сторожей в России XVII века в условиях кризиса общественного порядка и боевых действий (на примере города Верхотурья). . . . .</i>	252
Трикоз Е.Н. <i>Правовое регулирование геномных и иных биомедицинских исследований в смешанных порядках. . . . .</i>	256
Червяковский А.В. <i>Государственно-правовой порядок в Интернете . . . . .</i>	262
Щеглова Д.В. <i>Практики публичного участия жителей города в принятии общезначимых решений (воронежский кейс) . . . . .</i>	271
Юртаева Е.А. <i>Международный порядок и объективация коррупции. . . . .</i>	284
Сведения об авторах.	293

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОПОРЯДКА И ТЕОРИЯ ДЕЛИБЕРАЦИИ Ю. ХАБЕРМАСА

Илья Львович Честнов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Аннотация: автор анализирует проблемы правопорядка в связи с идеями немецкого социального философа Ю. Хабермаса. Теория делиберации Ю. Хабермаса имеет как свои плюсы, так и минусы. Автор формулирует постклассическую концепцию институционализации правопорядка. Институционализация правопорядка, по мнению автора, формируется внешними факторами и их преломлением в правовые значения и смыслы.

Ключевые слова: правопорядок, делиберативная теория Ю. Хабермаса, постклассическая теория права.

Проблема правопорядка – важнейшая в теории права, во всей юридической науке. Как возможен правопорядок, от чего он зависит, как обеспечить его воспроизводимость, как его измерить – вот далеко не полный перечень вопросов, имеющих принципиально важное значение как для юридической теории, так и для практики.

Одной из наиболее сложных и одновременно существенных проблем правопорядка является определение его оснований; существует ли некая «природа вещей» (природа социальных отношений), с объективной необходимостью предопределяющая правовую сущность? Другими словами, существуют ли объективные причины для закрепления некоторых социальных норм как юридически значимых, которые и являются нормативной предпосылкой или основанием правопорядка? Классическая теория права отвечает на этот вопрос положительно, но в поиске таковых не преуспела: разные авторы по-разному отвечали (и продолжают отвечать) на него. Неклассическая и постклассическая теория права в общем и целом понимают бесперспективность поисков «черной кошки в темной комнате, особенно если ее там нет». С моей точки зрения, объективные основания права, как это ни парадоксально, существуют, но они являются трансцендентными для права (выходящими за его границы) и содержательно неопределимыми (или неопределенными), «сущностно оспоримыми». Такие основания находятся в обществе и представляют собой конститутивные принципы и условия его нормального воспроизводства. Но содержательно их эксплицировать можно только «задним числом» – с позиций завтрашнего дня. Право, как и все другие социальные институты, призвано обеспечивать нормальное (с точки зрения господствующих представлений – что сегодня также является сложной проблемой) функционирование социума, как минимум – его самосохранение. Оно может выражаться в развитии личности, в социальных программах, в экономическом процветании или экологическом благополучии, но параметры и показатели этих и других характеристик социальной эволюции не могут быть рационально калькулируемы, тем более что рассчитать последствия (особенно отдаленные) какого-либо социального преобразования прин-

ципально невозможно. Социальность стохастична, а потому непредсказуема, утверждается и небезосновательно в синергетике. Это же, несомненно, относится и к праву.

Одним из наиболее интересных и востребованных социально-политической и правовой теорией вариантов решения проблемы определения правопорядка является делиберативная концепция Ю. Хабермаса. Понимая невозможность универсального содержательного обоснования социальных норм (включая нормы права), он формулирует коммуникативную концепцию социальной нормативности, основанную на формальной, дискурсивной, делиберативной рациональности. «Основное положение этики дискурса, — пишет немецкий мыслитель, — запрещает особо выделять, ссылаясь на философский авторитет, какие-либо моральные содержания (например, определенные принципы справедливого распределения) и раз и навсегда закреплять их средствами морали»¹. Тем самым обосновывается, что социальные (и, следовательно, правовые) нормы, включая, несомненно, и правовые, притязают не на истину, а на социальную значимость как их принятие или признание универсальной аудиторией. При этом «универсальность аудитории» является лишь потенциальной, так как предполагается, что любой желающий может – но не обязан – принять участие в обсуждении (делиберации) и формировании нормы. «Каждая действительная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые общее следование ей возымеет для удовлетворения интересов каждого отдельного индивида, могут быть без какого бы принуждения приняты всеми, до кого она имеет касательство»².

Концепция Ю. Хабермаса в социально-философском плане основывается на дискурсивной рациональности, формирующейся в «идеальной речевой ситуации» - в практике «идеального коммуникативного сообщества», способствующей достижению компромисса в ходе обсуждения любой социальной проблемы. Условием, обеспечивающим признание нормы, претендующей на значимость, по мнению Ю. Хабермаса, является принцип универсализации — «идеальная языковая ситуация» обеспечивает одобрение нормы со стороны всех затрагиваемых этой нормой лиц. К условиям процесса коммуникации он причисляет иммунитет против подавления и неравенства, симметричность коммуникации, руководство одним мотивом — мотивом совместного поиска истины и, наконец, допущение идеального «неограниченного коммуникативного сообщества». При этом Ю. Хабермас приводит правила дискурса, сформулированные известным немецким теоретиком права Р. Алекси: 1) ни один говорящий не должен противоречить себе; 2) каждый говорящий, применяющий предикат F к предмету а, должен быть готов применить предикат F к любому другому предмету, который во всех релевантных отношениях равен а; 3) разные говорящие не должны использовать одно и то же выражение, придавая ему различные

---

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб., 2000. - С. 182.

² Там же. С. 179.

значения; 4) каждый говорящий может говорить только то, во что он сам верит; 5) тот, кто прибегает к высказыванию или норме, не относящимся к предмету дискуссии, должен привести основание для этого; 6) каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе; 7) каждый может ставить под вопрос любое утверждение; 8) каждый может вводить в дискурс любое утверждение; 9) каждый может выражать свои установки, желания и потребности; 10) никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в пунктах 6 и 7¹.

Таким образом, делиберативная теория Ю. Хабермаса постулирует, что правопорядок не есть некая данность, вытекающая из «природы вещей», открываемой «законодательным Разумом», а представляет собой социальный конструкт, результат социального конструирования власти. Правопорядок, другими словами, конструируется и каждый раз переконструируется практиками людей, прежде всего, политически активной частью социума. Содержательные его характеристики невозможно определить заранее; они формируются в процессе делиберации социально значимых проблем. При всей привлекательности такой концепции, она, тем не менее, страдает избыточным утопизмом.

«Идея, будто может существовать состояние коммуникации, - писал М. Фуко, - которая будет такова, что игры истины смогут циркулировать в ней без препятствий, без давления и последствий принуждения, на мой взгляд, принадлежит к порядку утопии»². Кто формирует «повестку дня» предельно широкого – универсального – политического форума, на котором происходит выработка правовых норм, выступающих основанием правопорядка; кто селектирует те позиции, которые достойны обсуждения; по каким критериям происходит определение «победителя» в конкурентной борьбе идей, на этом форуме представленных? ***На эти вопросы делиберативная теория не в состоянии дать вразумительные ответы. Но именно они образуют содержание процесса институционализации правопорядка.***

Оригинальную версию обоснования правопорядка в постклассическом мире тотального риска и неопределенности предлагает так называемая «неоклассическая республиканская теория», представленная Ф. Петтитом и его сторонниками, которая, в определенном смысле, дополняет делиберативную теорию Ю. Хабермаса³. Целью политики (и правопорядка) ими заявляется общее благо, понимаемое формально как ситуация свободы, понимаемой как не-доминирование, определяемое как нейтральный политический идеал. Этот идеал, с одной стороны, формулируется «методом от противного» - через раскрытие доминирования:

---

¹ Там же. С. 137-140.

² Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. - М., 2002. - С. 266.

³ О близости позиций Ю. Хабермаса и Ф. Петтита заявляет сам автор республиканизма. - См.: Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М., 2016. С. 394.

преднамеренное влияние негативного характера, наносящего вред¹. Интересным и заслуживающим специального внимания представляется выдвигаемый «неореспубликанистами» принцип «демократической оспариваемости», который вместе с делиберацией, инклюзивностью и респонсивностью характеризуют выдвигаемую ими модель электорально-контестаторной демократии. Идея оспариваемости заменяет или дополняет классическую теорию легитимности политики и права. «Вмешательство становится не-произвольным, а вмешивающийся недоминирующим, - пишет Ф. Петтит, - только если я могу эффективно оспорить любое такое вмешательство, т.е. только если я могу заставить признавать мои релевантные интересы и идеи. ... Что позволило бы считать публичное решение "своим"? Благодаря чему такое решение не будет напоминать акт произвольного вмешательства? Ответ напрашивается: решение не будет произвольным благодаря тому, что мы можем более или менее эффективно оспаривать решение, обнаружив, что оно не отвечает нашим релевантным интересам или идеям, ... Не-произвольность публичных решений обусловлена не тем, что они зародились или возникли в соответствии с некой процедурой согласования, но тем, что, в случае, если они противоречат воспринимаемым интересам и идеям граждан, граждане могут их эффективно оспорить»².

Признавая оригинальность и эвристичность приведенных идей сторонников «неклассического республиканизма», замечу, что в них не обнаруживается и не решается важная проблема для постклассической теории – как «прочитывается» правопорядок в динамическом аспекте, как именно он формируется и воспроизводится? Это связано с тем, что правопорядок в постклассической интерпретации – это не статичная данность, не другое название системы права (в интерпретации Г. Кельзена), а процесс воспроизводства правовой реальности.

Структуру правопорядка в такой постклассической перспективе образуют люди – носители статуса субъектов права, их действия и последствия (результаты), которыми конструируется и воспроизводится правопорядок, ментальные знаковые феномены (значения, смыслы, фреймы, скрипты и др.), которыми опосредуется деятельность людей, а также контекст, представленный внешними факторами, интериоризируемыми правосознанием и определяющими содержание правопорядка.

Нормативную основу правопорядка конструирует власть в широком смысле слова – представленная основными социальными группами, образующими социальную структуру данного социума. При этом правящая элита в демократическом обществе ведет конкурентную борьбу с представителями основных социальных сил за право официальной номинации некоторых социальных норм как правовых. В то же время в множестве социальных групп, на которые стратифицируется современное контингентное общество, вырабатываются свои, в большинстве случаев обычно-правовые,

---

¹ Там же. С. 151.

² Там же. С. 318.

нормы. Поэтому сегодня следует вести речь не о едином правопорядке, а о множестве правопорядков в любом сложном обществе. Более того, даже в отношении законодательства социальные группы производят его конкретизацию, наполняя фактическим содержанием применительно к своей сфере жизнедеятельности, включая собственные групповые интересы. Так, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство нетождественно оценивается и воспроизводится в практиках оперативных сотрудников полиции, прокуроров, следователей и адвокатов, обрстая специфическими правовыми обычаями и обыкновениями. Это лишний раз свидетельствует если не о множественности (сегментарности) правопорядка, то, по крайней мере, о его многоуровневости, многогранности.

Важной особенностью постклассического рассмотрения правопорядка является анализ ментальной его составляющей. Правопорядок – это не только действия (или деяния, образующие правоотношения и простые формы реализации права – соблюдение, исполнение и использование), именуемая «объективной стороной», но и так называемая «субъективная сторона». Ее образуют правовые значения, представляющие содержание фреймов, скриптов, и их интериоризация в правовые смыслы. Правовые значения – это не «словарные определения» правоотношений и простых форм реализации права, а общепризнанное (хотя бы на уровне социальной группы) знание способов реализации норм права как господствующих в соответствующих социальных группах правовых традиций и обычаев, обыкновений. Другими словами, правовые значения – это знание того, как должен действовать «нормальный» (дееспособный) человек (а субъектом права эмпирически всегда является живой человек из плоти и крови) в определенной правовой ситуации. Именно они образуют содержание правовых фреймов (моделей или рамок юридически значимых ситуаций) и скриптов (моделей должного поведения в такого рода ситуациях)¹. При этом юридическая значимость образуется в процессе интерпретации субъектом права ситуации через соотнесение ее с нормами права. Одновременно при этом происходит интериоризация юридического значения в смысл – наполнение значения личностными аспектами: соотнесение модели ситуации с ценностями, интересами, потребностями конкретного человека, интерпретирующего юридически значимую ситуацию. В процессе интерпретации дается не только «объективная» квалификация ситуации, но и субъективная личностная оценка². Только после такой оценки формируется (часто это происходит автоматически, без особой рефлексии, иногда – бессознательно) мотивация и, преломляясь через волевой аспект, принимается решение о совершении действия (де-

---

¹ Различие между правовыми фреймами и скриптами не принципиальное, оно сводится к статике в первом случае и динамике во втором. Если знание того, что должно быть в зале судебного заседания образует скрипт, то как должно проходить типичное судебное заседание – это скрипт.

² Существующие в правосознании данного человека правовые фреймы и скрипты выступают основанием юридической интерпретации: именно с ними соотносится модель или представление о ситуации.

нения) в контексте проинтерпретированной ситуации. Такого рода действия (деяния), совершаемые людьми социализированными (обладающими юридической компетенцией – важным аспектом специальной дееспособности), включающие внешнюю и внутреннюю, психическую или ментальную стороны, и образуют правопорядок.

Важную роль в этом процессе играют внешние факторы, которые во многом определяют содержательные характеристики «субъективной стороны» правопорядка. Это не только ситуация в мире, проводимая в данном государстве политика или ситуация в экономике, но и господствующие в данном социуме ожидания, образующие содержание общественного правопорядка. Такого рода ожидания диктуют необходимость должного, правомерного поведения с точки зрения соответствующей референтной группы. Так, например, для сотрудников правоохранительных органов руководящие указания начальства, система отчетности, перспективы прохождения уголовного дела в суде, мнения коллег и т.п. играют важную роль в выборе линии поведения в соответствующей социальной группе. В то же время эти внешние факторы интериоризируются в индивидуальное правосознание, соотносятся с личностными стереотипами, установками и потребностями, навыками и умениями и определяют юридически значимое поведение человека.

Полагаю, что дальнейшее изучение правопорядка в постклассической перспективе должно быть направлено на анализ очерченных выше проблем, которые ждут своих исследователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева; предисл. А. Павлова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб.: Наука, 2000. – 379 с.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. - М.: Пракисс, 2002. – 382 с.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Алексей Иванович Клименко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикота

Аннотация. Статья посвящена проблематике идеологических оснований правопорядка. В ней поднимаются проблемы: идеального образа правопорядка, формируемого правовой идеологией, который является значимым для существующего реального правопорядка, так как выступает основанием его оценки; проблема понимания правопорядка как реального (социологический подход), формального (формально-юридический, позитивистский подход) и действительного (социологический подход). Ставится вопрос о том, как с учетом материально обусловленных потребностей и интересов социальных акторов формируются конвенциональные правовые ценности, которые, получая идеологическое выражение в содержании правовой идеологии, выступают важнейшим фактором формирования образа правопорядка в масштабе государства, а также международного правопорядка.

Ключевые слова: правопорядок, правовая идеология, правовой дискурс, правовые идеи, правовые ценности, право, классовая борьба, легитимность, легальность, международное право, международный правопорядок.

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE ORDER OF LAW

Alexey I. Klimenko

*Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federation
named after V.Y. Kikot'*

Abstract. The article is devoted to the problem of the ideological foundations of the order of law. It raises problems: of the ideal image of the order of law, formed by ideology of law, which is important to the existing real order of law, as it serves as the basis for its assessment; the problem of understanding the order of law as real (sociological approach), formal (formal legal, positivist approach) and existing (socio-axiological approach). In the article we see the problem of how, taking into account the material needs and interests of social actors, conventional legal values are formed, which, receiving ideological expression in the content of ideology of law, are the most important factor in shaping the image of the order of law on a national scale, as well as of international order of law.

Keywords: order of law, ideology of law, legal discourse, legal ideas, legal values, law, class struggle, legitimacy, legality, international law, international order of law.

Основания правопорядка

Правопорядок всегда понимался как некое желаемое состояние, сообщаемое общественным отношениям правом. Целью и важнейшем критерием эффективности права выступает именно это качественное состояние упорядоченности общественных отношений, поэтому правопорядок является центральной категорией любого правового исследования социологического плана. В этом смысле можно говорить о различных основаниях правопорядка. Правопорядок может существовать тогда, когда он адекватно отражает интересы и потребности социальных акторов (в той или иной степени), то есть выражает «расстановку сил» в обществе. Однако очевидно, что когда мы говорим о современном политически организованном обществе (ярким примером здесь выступает государство), интересы и потребности социальных акторов не могут быть учтены в полной мере, и в этом плане правопорядок как некий общий масштаб упорядоченности испытывает определенный кризис легитимности и, соответственно, нуждается в легитимации. Таким образом, здесь речь может идти об обеспечении «замиренной среды»¹. Эта легитимация осуществляется идеологическими средствами.

Также эффективность правопорядка, в особенности если речь идет о государственном правопорядке, может до определенной степени обеспечиваться государственным принуждением, заключающимся в насилии над теми, кто этот порядок нарушает. Но и насилие государства, направленное против нарушителей правопорядка, должно быть не только легальным, но и легитимным. Эта легитимность государственного насилия

---

¹ См., Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 40, 122.

также обеспечивается идеологическими средствами. Таким образом, даже в том случае, когда мы говорим о материальных основаниях (потребности социальных акторов суть как раз такие основания, так как формируются исходя из материальных условий существования этих акторов) и политико-силовых основаниях (силовой аппарат государства) правопорядка, мы неминуемо сталкиваемся с необходимостью изучить его идеологические основания.

Правопорядок как «идеологический порядок»

Правопорядок часто связывается с «порядком в умах» людей. И, очевидно, правопорядок чаще всего обеспечивается идеологически, не порождая необходимости задействовать аппарат принуждения. Важнейшей идеологической задачей в этом смысле является формирование «идеального образа» правопорядка. Этот образ необходим для оценки действующего реального правопорядка. Он также может рассматриваться как способ развития реального правопорядка. В этом случае можно говорить об «идеальных основаниях правопорядка». Однако проблема состоит в том, что образ «идеального правопорядка» может быть несколько, в особенности тогда, когда эти образы пронизаны интересами определенных классов, групп, пропитаны религиозными ценностями и ценностями классовой морали (выражающими классовые и конфессиональные, по сути, групповые потребности и интересы). В этой связи одной из важнейших задач для современного государства является формирование такого идеологического образа правопорядка, который бы отражал конвенциональные правовые ценности и выражал своего рода «общественный договор». Этот образ должен быть основан на идейном выражении правовых ценностей, под которыми следует понимать конвенциональные ценности, выражающие согласованные интересы и потребности социальных акторов. Разумеется, эти ценности не выступают продуктом чьих-либо фантазий, а обусловлены материальными условиями жизни конкретного общества – условиями, которые и определяют потребности социальных акторов (в этом плане материалистическая позиция понимания ценностей является наиболее релевантной)¹. Применительно к правовым ценностям следует отметить, что они хоть и выражают интересы правящего класса в конкретном буржуазном обществе, но в условиях современного правового государства (которое предполагает господство в идеологической сфере общества правовой идеологии)² являются продуктом социального компромисса, в результате которого правящий класс получает всеобщее признание своей легитимности и легитимности своих институтов в обмен на определенные уступки и учет (в различном объеме) интересов угнетаемых классов. Здесь следует отметить, что такой компромисс достигается в процессе перманентного правового дискурса, результаты которого не являются раз и навсегда опре-

---

¹ Бабурин С.Н., Бережнов А.Г., Воротилин Е.А. и др. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т.1. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2011. С. 307-308.

² См., о понятии «идеологическая сфера» общества или «идеосфера» общества: Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. С. 223-224.

деленными; соответственно, этот дискурс воспроизводит динамику изменений материальных общественных отношений и может быть основанием их переосмысления и изменения самого образа правопорядка. Действительно, правовые ценности образуют определенную категорию относительных синтетических конвенциональных ценностей, и не случайно наблюдение В.П. Малахова, которое он выразил следующим образом: «Право начинается (актуализируется) с того момента, когда отношения к ценностям перестают быть личными и требующими личностного ценения и становятся безразличными, как согласованными с фактом общей признанности»¹. Под конвенциональным фактом подразумевается именно такой факт общей признанности.

Основанный на правовых ценностях правопорядок можно назвать «действительным правопорядком». Это полностью согласуется с мыслью о праве как о системе конвенциональных ценностей в рамках социоаксиологического подхода.

Реальный, формальный и действительный правопорядок

Сегодня можно обратиться к вопросу, затронутому Г. Кельзенем, который предлагал различать материальную конституцию – «конституцию в материальном смысле слова» и формальную конституцию². Развив по аналогии и дополнив эту мысль, можно рассмотреть вопрос и о правопорядке в подобном ракурсе, руководствуясь соображениями, изложенными выше. Итак, можно говорить о формальном – юридическом правопорядке, то есть о «законсообразном» порядке, модель которого определена в юридических нормах. Такая модель тесно связана с понятием законности. Однако это именно модель. Анализ любого государственно-организованного общества покажет, что эта модель реализуется не в полной мере. Это вызывает необходимость поставить вопрос о правопорядке в социологическом ключе, то есть ввести категорию «реальный правопорядок». Тем не менее, когда мы начинаем анализировать сложившуюся правовую практику как элемент реального правопорядка, мы рискуем утратить критерии оценки этого порядка, так как единственным его несомненным качеством является реальность, а вот его собственно правовое качество не всегда очевидно. Разделение правопорядка на формально-юридический и реальный позволяет оценивать реальный правопорядок с точки зрения «чистоты» выражения в нем юридических предписаний и наоборот: оценивать юридические нормы с позиции их реализуемости, «жизненности», соответствия насущным потребностям общества в правовом регулировании. Однако эта схема, на наш взгляд, не может быть полной без учета еще одного ракурса видения правопорядка. Речь идет о действительном правопорядке как системе правовых ценностей конкретного общества, находящих выражение в правовой идеоло-

---

¹ Малахов В.П. Право в его универсальности, особенности и конкретности: Монография. М.: Московский университет МВД России, 2005. С. 110-111.

² Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 279.

гии. Именно действительный правопорядок, выступая как идеологический образ правопорядка, способен стать критерием оценки как реально-го правопорядка, так и правопорядка формально-юридического. Выступая идеологической основой правопорядка в современном обществе, этот правопорядок может выражаться как непосредственно (когда участники правоотношений руководствуются в своей деятельности правовыми ценностями, как правило выраженными в правовых принципах)¹, так и опосредованно, через юридический правопорядок, когда мы имеем дело с легализацией или юридизацией правовых ценностей.

«Гражданский правопорядок»? «Государственный правопорядок»? Между легитимностью и легальностью

Конечно, вопрос об идеологическом основании правопорядка зависит и от нашего понимания различных типов, видов и уровней правопорядка. Так, в настоящее время можно встретить идеи о групповом правопорядке². Понятно, что идеологическими основаниями этого порядка являются ценности членов группы, нас же интересует масштаб всего политически организованного общества. Также дифференциация правопорядка на «естественный» порядок, с одной стороны, который обладает способностью к самовоспроизведению и правопорядок режимного типа, проецируемый государством – с другой, в целом вписывается в модель соотношения реального и формально-юридического правопорядков соответственно. В этой связи также ставится вопрос о правопорядках государства и гражданского общества³. Здесь следует отметить, что само это разделение: государство (выразитель публичного интереса), с одной стороны, и гражданское общество (сфера интересов частных) – с другой, как бы подменяет наиболее существенный социальный антагонизм – классовый, менее существенным, который хоть и имеет в определенном контексте значение, однако используется для идеологической маскировки классовых противоречий и классового характера государства. Тем не менее, когда речь идет о взаимном ограничении государства и гражданского общества, то имеется в виду важная проблема, связанная именно с идеологическим основанием правопорядка. Так, для ряда буржуазных государств характерно возводить в закон «волю господствующего класса», далеко не всегда ориентируясь на правовые ценности общества (которые тоже имеют классовый характер, однако «смягчены» социальным компромиссом и консенсусом), на действительный правопорядок. Созданное таким образом законодательство воспринимается обществом как нелегитимное, и его нелегитимность может, но лишь отчасти, компенсироваться идеологической функцией государства, которая при этом приобретает явный

---

¹ См., Дворкин Р. О правах всерьез. / ред. Л.Б. Макеева, пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

² См., Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.

³ См., Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.

агрессивный характер. Такой насаждаемый порядок нуждается и в силовом сопровождении, в репрессивных мерах по своему поддержанию, и, если правопорядок призван в современном государстве выступать основанием легитимности государственной власти, этот правопорядок сам нуждается в легитимации. Легитимация правопорядка становится важной задачей в контексте идеологической функции государства. При этом государство теряет правовое качество и больше не нуждается в правовой идеологии, подменяя ее религиозной или квазирелигиозной идеологией, имеющей большой социально-мобилизационный потенциал, однако недолговечной. Правовые ценности, не получая должного отражения в законодательстве (легализация правовых ценностей) выступает как условие легитимности государственного правопорядка), реализуются в рамках гражданского общества стихийно, как на уровне суждений, так и на уровне действий социальных акторов, выступая альтернативой государственному правопорядку и вступая с ним в противоречие, образуя широкую автономию (понимаемую как самозаконность) социальных акторов.

Такая политика государства неминуемо обостряет классовые противоречия, так как свертывание правового дискурса – отказ от правовой идеологии, исключает снятие остроты классовых противоречий через правовую дискурс и, соответственно, возрождаются силовые формы классовой борьбы.

Напротив, обращение к системе правовых ценностей как к действительному правопорядку дает возможность сохранять социальную стабильность, снимая классовые противоречия в правовом дискурсе, обеспечивает легитимность закона (в том случае, если законодательство выражает правовые ценности, оно легитимно и не нуждается в дополнительной легитимации). При этом механизм правового дискурса дает возможность развивать и совершенствовать правопорядок соответственно меняющимся общественным отношениям, не разрушая его. Именно это следует иметь в виду, говоря о праве гражданского общества как основании правопорядка. Более точно можно описать проблему соотношения легитимности и легальности применительно к правопорядку в контексте соотношения действительного и формально-юридического правопорядка (в идеале они должны совпадать, тогда правопорядок государства будет легитимным). Следует также отметить, что такой легитимный правопорядок имеет все шансы воплотиться в реальном правопорядке.

Идеологические основания международного правопорядка

Следует отметить, что международный правопорядок как правопорядок, минимально обеспеченный принуждением, в отличие от государственного правопорядка еще в большей степени нуждается в высокой степени легитимности. Соответственно, международный правопорядок, по сути, определяется международным правом как идеологической формой права. Это в большей степени касается глобального международного правопорядка и в меньшей – интеграционных правопорядков (правопорядков на международном региональном уровне).

Выводы

Важнейшей идеологической основой правопорядка в современном политически организованном обществе выступает правовая идеология, выражающая систему конвенциональных правовых ценностей.

Имеет смысл говорить о формально-юридическом, реальном и действительном правопорядке. Последний представляет собой систему правовых ценностей конкретного общества.

Действительный правопорядок, несмотря на то что выражает интересы правящего класса, учитывает и интересы эксплуатируемых классов, представляя своего рода социальный компромисс, способный сформировать и поддерживать замиренную среду в обществе, обеспечивать его устойчивое развитие в правовой сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабурин С.Н., Бережнов А.Г., Воротилин Е.А. и др. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т.1. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2011.
2. Дворкин Р. О правах всерьез. / ред. Л.Б. Макеева, пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015.
5. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
6. Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
7. Малахов В.П. Право в его универсальности, особенности и конкретности: Монография. М.: Московский университет МВД России, 2005.

ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ

КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ ПРАВОПОРЯДКА

Людмила Евгеньевна Лаптева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

За прошедшие два десятилетия нового века наметился явный перелом в представлениях о методах государственного управления, который объясняется в том числе кризисом традиционного правового регулирования. На смену убеждению, что любую проблему можно решить простым принятием очередного закона, приходит осознание необходимости более гибкого воздействия на общественные отношения посредством норм-принципов и ценностей, оказывающих благотворное воздействие на профессиональные навыки и правосознание не только простых граждан, но и чиновничества, и судейского корпуса.

Всплеск коррупции в современном мире связывается с системным кризисом, который испытывает общество, в том числе и современное гос-

ударство. «Организованная преступность, терроризм, коррупция – все эти явления получают широкое распространение по всему миру, искажая традиционную систему ценностей, и подменяя ее собственными императивами. В силу этого одной из главнейших задач, стоящих перед современным государством, является сохранение и поддержание традиционной системы ценностей»¹.

Веской причиной востребованности профилактики и воспитательного воздействия на госслужбе стал повсеместный рост коррупции, вызванный технократизацией управления, а также укреплением союза между властью и бизнесом. Несмотря на то, что активизация борьбы с коррупцией на государственной службе происходит уже не менее 20 лет, зарубежные исследователи констатируют, что статистические данные о коррупции далеко не полны ввиду ее высокой латентности. Ни одна из сторон коррупционного деяния (разве что в случаях прямого вымогательства) не заинтересована в том, чтобы опубликовать информацию о нем. В итоге такое деяние может быть квалифицировано как простое вымогательство, как форма кражи или даже как просто дисциплинарное нарушение. Все это затрудняет статистику, искажает реальный характер и масштабы коррупционных проявлений².

В условиях, которые сложились на постсоветском пространстве, можно говорить о дополнительных факторах, которые вызваны общим отрицанием ценностей, поддерживаемых энергией тоталитаризма в советском обществе. «Негативными последствиями такой контрреволюции стали резкое понижение уровня культуры в обществе и почти полное исчезновение моральной регуляции социального поведения»³. Действительно, в годы, прошедшие после 1991 г., российское государство не стремилось, да, видимо, было и не в состоянии поддержать сложившиеся в советском обществе нравственные императивы. В итоге существенно изменилось представление о запретном и дозволенном с моральных позиций поведения: богатство и показная роскошь перестали быть запретными и, напротив, трактовались едва ли не как самоценность. Конечно, корни коррупции следует искать далеко не только в несовершенстве человеческой природы. Но утрата обществом моральных ориентиров – один из мощных факторов, способствующих ее распространению.

Коррупция идет рука об руку со злоупотреблением властью, попытками произвольно расширять допускаемую законом дискрецию. Эта связка отмечалась еще в делах об импичменте, возбуждаемых в британском парламенте в период его укрепления. Так, в одной из обличительных ре-

---

¹ Снетков В.Н. Савельева А.П. Правовые ценности как проекция морально-этического императива в сфере регулирования общественных отношений // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения. Спб. 2018. С. 234.

² P. de Lancer Julnes, M. Villoria. Understanding and addressing citizens' perceptions of corruption: The case of Spain. *International Review of Public Administration*. 19(1): 2014; 23–43.

³ Скоробогачкий В.В. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург. 2002. С. 232.

чей члена Платы общин Эдмунда Берка (1788) говорилось: «Система произвола, в действительности, всегда является коррупционной... Еще никогда не было человека, который, думая, что не существует иного закона, кроме его собственной воли, не придет к мысли о том, что для него нет иной цели, помимо его собственной прибыли. Коррупция и власть произвола, несомненно, имеют общий естественный источник происхождения, в котором они с неизбежностью порождают друг друга»¹. Подобные системы, предполагающие существование и консервацию системы институтов публичной власти, обеспечивающих государственные и частные привилегии, наблюдаются в ряде стран и в наши дни. Пока это так, любые антикоррупционные меры, по сути, будут оставаться не более чем пропагандистским флером, прикрывающим разборки между элитами, стремящимися удержать свои позиции в органах государственной власти. Таким образом коррупционер наносит не только простой материальный ущерб, но и развращает общество, поскольку действует от имени государства.

Итак, опасность коррупции не исчерпывается финансовыми потерями государства. Фактические финансовые выгоды, получаемые отдельными лицами, а, значит, и размер нанесенного государству ущерба иногда не так уж и велики. Но любое проявление коррупции губительно для общественной нравственности, поскольку снижает доверие к органам государственной власти, подрывает потенциал управления, разочаровывает общество в его правомерных ожиданиях, влечет за собой коррозию институтов демократии, порождает уверенность в том, что иначе система управления функционировать не может, нейтрализует действие антикоррупционных программ и законов.

Многочисленные исследования, которые проводятся в разных по уровню благосостояния и устройству политической системы странах мира, говорят о том, что при хорошо организованном управлении традиционные формы низовой коррупции (взяточничество, вымогательство и т.п.) постепенно сходят на нет. Чаще всего на этих уровнях коррупция остается в форме конфликта интересов, неправомерного использования информации, nepотизма². Другое дело – злоупотребление дискреционными полномочиями, которое может выражаться в самых разнообразных формах: назначение персонала, закупка товаров и услуги в рамках государственного и муниципального заказа, контроль и регулирование выдачи разрешений и лицензий, оформление документации на строительство объектов и т.д. Коррупционные проявления встречаются на всех административно-территориальных уровнях, не только в общей администрации, но и в таких сферах, как здравоохранение, энергоснабжение, образование, налоговые службы, правосудие и т.д. Самой опасной формой коррупции целесо-

---

¹ Цит по: Лафитский В.И. Конституционный принцип противодействия коррупции. М., Проспект. 2019. С. 113.

² Graycar Adam. Corruption: Classification and analysis/ Policy and Society. Vol. 34. 2015. Issue 2: Corruption and Integrity: Analysis and Control file:///C:/Users/vf/Desktop/НИР%20коорупция/Corruption_%20Classification%20and%20analysis_%20Policy%20and%20Society_%20Vol%2034,%20No%202.html

образно считать такую, которая направлена не на личное обогащение высокопоставленного чиновника, а на сохранение сложившейся системы, например, «привилегированных» корпораций, монополизировавших получение выгодных государственных контрактов.

В действующем российском законе «О противодействии коррупции» под ней подразумевается (ст.1 п.1) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица¹. Очевидно, что дефект этого определения в том, что оно не учитывает те проявления коррупции, которые не подразумевают имущественной выгоды конкретных лиц, во всяком случае, в краткосрочной перспективе (непотизм, финансирование избирательных кампаний, оказание услуг избирателям и т.п.).

Это не случайно: считается, что дать общее определение, которое пошло бы для всех многочисленных проявлений коррупционного мышления и поведения, далеко не просто. Хотя, казалось бы, нет ничего проще, чем определить коррупцию через понятие злоупотребления публичной властью. Законодательные попытки исчерпывающего определения границ коррупции терпят неудачу во многих странах. Но здесь следует вспомнить существенный момент, во многом определяющий перспективу нормативного закрепления антикоррупционных мер в законодательстве: полнота и определенность содержания применяемого в законе термина во многом зависит от общего уровня культуры данного общества, прежде всего, нравственной. Не случайно ряд дефектов системы законодательства некоторые авторы объясняют бездействием нормоустановителей. Его причины «могут носить как объективный, так и субъективный характер. К субъективным причинам бездействия авторы относят непреднамеренные и преднамеренные ошибки, состоящие в нежелании законодателя устанавливать нормы правового регулирования тех или иных общественных отношений, что может иметь негативные общесоциальные последствия в связи с т.н. «квалифицированным молчанием»².

---

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) "О противодействии коррупции". Изменения, внесенные Федеральным законом от 30.10.2018 N 382-ФЗ, вступили в силу со дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 31.10.2018).

² Гневко А.В., Макромченко В.Д. Бездействие нормотворчества в законодательном процессе: общетеоретический аспект // Ленингр. юрид. журн. – 2017. – № 3 (49). – С. 36–44.

В этой связи заслуживает внимания и эффект т. н. «выученной беспомощности», который современная этнопсихология рассматривает как один из элементов социального характера. Этот эффект формируется культурой сверхцентрализованного управления в авторитарных системах. Речь идет о поведенческом стереотипе, связанном с «бегством от собственного принятия решения, от личностного выбора в ситуациях, жестко регламентируемых командами центра, и неприятием права на выбор у других»¹. Применительно к рассматриваемой нами проблематике важно то, что «человек, неоднократно убеждающийся в неподконтрольности ситуации, в невозможности изменить своими действиями размеренный ход событий, в конечном итоге вообще отказывается от поиска»². Очевидно, что эффективная работа демократических институтов, в том числе общественного контроля, во многом блокируется подобными чертами национального характера. В такой системе ни один закон или даже локальный акт не будет принят без «отмашки».

Ряд стран, которые особенно страдают от коррупции либо видят подобную угрозу в перспективе, стараются тем или иным способом возвести борьбу с коррупцией в ранг конституционного принципа. Так, Конституция Вьетнама 1992 г. призывает должностных лиц и служащих проявлять уважение к народу и преданно ему служить, бороться с коррупцией и расточительством (ст.8), отказываться от роскоши, предпринимать меры по предупреждению и противодействию коррупции в экономической и социальной деятельности и государственном управлении (ст. 56), искоренять проявления авторитаризма и коррупции в государственной публичной службе (ст. 96)³. В российском правоведении цель противодействия коррупции не рассматривается как конституционный принцип, но, несомненно, концептуально приближается к нему.

Пробелы в законодательстве могут быть в той или иной степени восполнены с помощью альтернативных социальных регуляторов. Так именно для преодоления дефектов сознания представителей государственной службы в США в 1958 г. были впервые сформулированы нормы административной морали. За прошедшие с этого времени десятилетия этические кодексы распространились в большинстве развитых стран мира. В России оптимизация управления долгое время связывалась с показателями экономической эффективности, что часто оставляло за скобками вопрос о человеке. Задолго до начала разговора о цифровом государстве акцентирование экономической эффективности управления превращало человека не более чем в статистическую единицу. Однако подход «эффективных менеджеров» к совершенствованию управления отнюдь не исключает коррупционной составляющей. Даже напротив, отсутствие человека в управленческом целеполагании только облегчает положение

---

¹ Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М. Смысл. 2019. С.306.

² Там же.

³ Приведено по: Лафитский В.И. Конституционный принцип противодействия коррупции. М. 2019. С. 63.

управленца. Государственно-частное партнерство порождает новые формы конфликта интересов. Лишь осознание необходимости решения проблемы ограничения бюрократического произвола поставило на повестку дня вопрос о моральных качествах государственного служащего. Нормативы правильного поведения на госслужбе получили закрепление как рекомендательные моральные принципы. Считается, что «даже сам факт возникновения такого документа и его обсуждения в административных коллективах может послужить повышению уровня административной морали»¹.

По мнению одного из ведущих российских экспертов в области этики государственной службы А.В. Оболонского, «ряд действий людей, в том числе и чиновников, по своей природе гораздо эффективнее регулируются не юридическими, а неформальными (но от этого не менее действенными) нормами групповой – в данном случае, административной – морали и нормами индивидуальной нравственности. А групповые нормы на разных уровнях и в разных областях деятельности не во всем совпадают... Поэтому кодексы должны содержать как общую, единую для всех, часть, так и часть особенную, отражающую специфику вида деятельности и регулируемой сферы. К тому же следует учитывать региональные и национальные особенности моральных норм и стандартов»². Так, например, в Канаде существуют отдельно этические кодексы для уровня руководителей ведомств, для служащих более низких уровней и для членов парламента.

Первым шагом в направлении создания кодекса поведения государственного служащего в России стала Федеральная программа реформирования государственной службы (2002 г.). В августе того же года был издан указ Президента РФ «Общие принципы служебного поведения государственных служащих» № 885. В дальнейшем на базе принятого в 2010 г. Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих³ были созданы лишь только слегка адаптированные кодексы для отдельных областей государственной службы. Представляется, что они не вполне учитывают специфику конкретных областей государственной службы и особенности регионов. Для того, чтобы идея этического регулирования государственной службы заработала, а кодексы стали реальной основой правопорядка, необходима конкретизация правил, которые излагаются в Типовом кодексе достаточно абстрактно.

Кроме того, чтобы содержание подобных кодексов не оставалось пустым благопожеланием, нарушение их норм должно влечь за собой не только моральные, но и юридические санкции. Поэтому предусматривается контроль за соблюдением предписываемых заданной моделью пове-

---

¹ Оболонский А.В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М. Мысль. 2016. С. 187.

² Оболонский А.В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М. Мысль. 2016. С. 186.

³ Одобрено решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)

дения действий, а также доходов и расходов служащих. В большинстве министерств и ведомств уже действуют комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов¹. Помимо должностных лиц соответствующего ведомства и представителей Управления Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции или соответствующего подразделения Аппарата Правительства Российской Федерации в состав комиссии входят представители научной общественности, профсоюзов, общественных советов.

Круг вопросов, которые рассматривают комиссии, ограничен: представление государственным служащим недостоверных или неполных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; обращение гражданина, замещавшего в государственном органе должность государственной службы, включенную в перечень должностей, утвержденный нормативным правовым актом Российской Федерации, о даче согласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации либо на выполнение работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации, если отдельные функции по государственному управлению этой организацией входили в его должностные (служебные) обязанности, до истечения двух лет со дня увольнения с государственной службы; заявление государственного служащего о невозможности по объективным причинам представить сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей; заявление государственного служащего о невозможности выполнить требования Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ "О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; уведомление государственного служащего о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов; представление руководителем государственного органа материалов проверки, свидетельствующих о представлении государственным служащим недостоверных или неполных сведений, предусмотренных частью 1 статьи 3 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" (далее - Федеральный закон "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам"). В компетенцию комиссии не входит рассмотрение сообщений о преступлениях и административных правонарушениях, а также

---

¹ Положение о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. Утв. Указом Президента РФ от 01.07.2010 № 821 (ред. от 19.09.2017)// СЗ РФ. 05.07.2010. № 27. Ст. 3446.

анонимные обращения и проверка по фактам нарушения служебной дисциплины.

Бросается в глаза то обстоятельство, что предусмотренный порядок вряд ли будет способствовать раскрытию вполне вероятных ситуаций, связанных, скажем, с оказанием на служащего коррупционного давления со стороны его непосредственного руководителя. Не акцентируют такие кодексы и совершенно особую роль руководителя организации, который своим примером должен давать образец честной и бескорыстной службы, формируя в рамках своего ведомства соответствующий стиль общения, идеологию служения людям и способствуя утверждению взаимного уважительного отношения между гражданами и представителями государственной и муниципальной службы.

Конечно, этическое воспитание чиновников – только часть того комплекса средств, которые могут и должны способствовать укреплению правопорядка в сфере государственного управления. Но это – важное средство. Оно направлено на создание модели должного поведения для тех, кто не замечен ни в нарушениях этических императивов, ни в коррупционных преступлениях. А таких на государственной службе пока большинство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. P. de Lancer Julnes, M. Villoria. Understanding and addressing citizens' perceptions of corruption: The case of Spain. *International Review of Public Administration*. 19(1): 2014.
2. Снетков В.Н Савельева А.П. Правовые ценности как проекция морально-этического императива в сфере регулирования общественных отношений // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения. СПб. 2018.
3. Скоробогачкий В.В. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург. 2002.
4. Лафитский В.И. Конституционный принцип противодействия коррупции. М., Проспект. 2019.
5. Graycar Adam. Corruption: Classification and analysis/ *Policy and Society*. Vol. 34. 2015. Issue 2: Corruption and Integrity: Analysis and Control file:///C:/Users/vf/Desktop/НИР%20кооррупция/Corruption_%20Classification%20and%20analysis_%20Policy%20and%20Society_%20Vol%2034,%20No%202.html
6. Гневко А.В., Макроменко В.Д. Бездействие нормотворчества в законодательном процессе: общетеоретический аспект // *Ленинградский юридический журнал*. 2017. № 3 (49).
7. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М. Смысл. 2019.
8. Оболонский А.В. Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М. Мысль. 2016.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ*

Владислав Валерьевич Денисенко
Воронежский государственный университет

Аннотация: Автор в данной статье рассматривает концепцию правопорядка. В работе содержится анализ различных подходов к правовому порядку, а также авторские идеи к пониманию теоретических проблем обоснования институциональных основ правопорядка. Правопорядок в современном обществе, по мнению автора, связан с принципом делиберативности в правовой системе.

Ключевые слова: правопорядок, теории правопонимания, взаимное признание в праве, коммуникативный подход к праву, принцип делиберативности, коммуникативная рациональность.

INSTITUTIONAL BASIS OF LEGAL ORDER FROM THE POINT OF VIEW OF COMMUNICATIVE THEORY

Vladislav V. Denisenko
Voronezh State University

Abstract: In this article the author considers the concept of legal order. The article contains the analysis of different approaches to legal order and also the author's ideas about understanding of theoretical problems of justification of institutional basis of legal order. In the author's opinion legal order in modern society is associated with principle of deliberation in the legal system.

Keywords: legal order, theories of legal understanding, mutual recognition in law, communicative approach to law, principle of deliberation, communicative rationality.

Категория «правопорядок» широко распространена в отечественной юриспруденции. Традиционно в учебной литературе по дисциплине «Теория государства и права» существуют глава или раздел, посвященные вопросам правопорядка. При этом следует отметить отсутствие концептуальных разработок по данному вопросу в последние несколько десятилетий. Сама теория правопорядка сформулирована в отечественной науке еще в середине XX века в рамках узконормативного подхода к праву. Право рассматривалось как явление, тождественное закону, и поэтому понимание правопорядка не включало целый ряд вопросов, имеющих значение для современной правовой науки. Речь идет, прежде всего, об институциональных основаниях правопорядка, которые могут изменяться в конкретных исторических условиях.

Вопрос оснований правопорядка был предметом дискуссий довольно долгий период времени, идея справедливости как основания правопорядка была сформулирована еще в древности, о ней много размышлял Аристотель в «Никомаховой этике». Августин, христианский мыслитель эпохи позднего эллинизма, пишет: «Что такое царства без справедливости, как не большие шайки разбойников? И сами шайки разбойников что

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00796

такое как не маленькие царства?». По мнению Августина, именно справедливость есть основание правопорядка. Так как «права не может быть там, где нет истинной справедливости. Ибо, что делается по праву, то непременно бывает справедливо. А что делается несправедливо, то не может делаться по праву». По мнению Августина: «справедливость есть добродетель, которая воздает каждому свое».

В современных теориях позитивизма справедливость не признается в качестве основания правопорядка. Так, Ганс Кельзен писал: «то, что справедливость не может быть признаком, отличающим право от других принудительных порядков, следует из относительности оценочного суждения, согласно которому некоторый социальный порядок справедлив»¹. Следует отметить, что Гансом Кельзеном была разработана оригинальная идея правопорядка, который отмечал: «...если мы сравним предметы, которые в разное время у разных народов обозначались словом «право», то обнаружим, что во всех случаях речь идет о порядке человеческого поведения. «Порядок» – это система норм, единство которых зиждится на том, что они имеют общее основание действительности. Основание нормативного порядка, как мы увидим, составляет основная норма, из которой выводится действительность всех норм, относящихся к этому порядку. Отдельная норма есть норма права, если она относится к определенному правопорядку, а она относится к определенному правопорядку, если её действительность основана на основной норме этого порядка»².

Рассматривая современные подходы к пониманию концепции правопорядка, следует признать неверными попытки построить его вневременные или «чистые» концепции³. Связано это с различными процессами легитимации закона в традиционном обществе и в обществе Модерна. Помимо этого, в рамках общества Модерна существует несколько исторических факторов, которые обуславливают специфику институциональных оснований правопорядка. Процессы легитимации социальных норм и правовых, в частности, в обществе позднего Модерна стали предметом исследований выдающегося философа Юргена Хабермаса. Немецкий мыслитель формулирует дискурсивную концепцию права, на методологической базе которой разрабатывает идеи делиберативности. Принцип делиберативности лежит в основе формирования правопорядка в правовых системах обществ позднего Модерна. Правовые идеи Юргена Хабермаса сосредоточены вокруг вопроса о том, как избежать кризиса легитимности в современном обществе, так называемых социальных патологий современности. Причины патологий заключаются в формировании социального государства и доминировании права над другими нормами. В зарубежной и отечественной литературе процесс расширения правового регулирования называют сверхрегули-

---

¹ Ганс Кельзен. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб., 2015. С.67.

² Там же С.46.

³ Алекси Р. Понятие и действительность права / Р. Алекси. – Москва: Инфотропик Медиа, 2011. С. 3.

рованием или юридификацией¹. Для понимания причины кризиса легитимации норм в публичной сфере, Хабермас вводит категорию коммуникативного действия. По мнению немецкого ученого, помимо действий, направленных на успех, то есть инструментальных действий, есть еще действие коммуникативное, то есть направленное на взаимопонимание². Этим концепция общества Хабермаса отличается от концепций трудового общества Макса Вебера или Адама Смита, которые в качестве единственного действия в обществе Модерна выделяли инструментальное действие, или целерациональное, если использовать терминологию Макса Вебера.

Коммуникативное действие передается через так называемые перформативы или речевые акты – действия. Если право – это инструментальное действие, то мораль – действие коммуникативное. Государство всеобщего благоденствия закрепляет через право социальные функции и таким образом коммуникативное действие заменяется инструментальным. Однако, если коммуникативное действие основано на консенсусе, то инструментальное базируется на принуждении и санкциях. Поэтому в XX веке в результате процесса юридификации сферы, которые раньше регулировались с учетом мнения граждан, стали упорядочиваться государственной властью без учета власти. Неизбежным следствием такого сверхрегулирования становится ситуация, которую Макс Вебер называл «потерей смысла» и «потерей свободы», когда законы становятся столь сложны и обширны, что граждане их не понимают и не являются участниками их создания. Таким образом, закон теряет свой авторитет и становится менее эффективным. На смену закону приходят иррациональные регуляторы, такие как религия и религиозное право.

Хабермас пишет, что в обществе позднего Модерна право должно не заменять коммуникативное действие, а поддерживать. То есть право должно служить шарниром между сферой инструментального и сферой коммуникативного действия³. Для этого в законах должны содержаться делиберативные процедуры, направленные на достижение консенсуса. Основанием правопорядка, таким образом, являются процедуры, связанные с участием граждан в правотворчестве и правоприменении при соблюдении их равенства. Причем принципиальным является возможность участия граждан не только через делегирование, например, через парламент, но выражение воли непосредственно. Речь идет о возможности инициации референдума на различных уровнях, а также различных медиативных процедурах в правоприменении. Использование делиберативных процедур в правотворчестве позволяет поддерживать необходи-

---

¹ Беляев М.А. Сверхрегулирование: трудности проблематизации // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 02-04 июня 2016 г.) отв. Ред. В.В.Денисенко. – Воронеж, 2016. С.160-175.

² Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. / J. Habermas. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. – 640 s.

³ Habermas J. Between Facts and Norms / J. Habermas. – Cambridge: The MIT Press, 1996. – 631 p.

мый уровень легитимности правовых норм и, таким образом, служит основанием правопорядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алекси Р. Понятие и действительность права / Р. Алекси. – Москва: Интропик Медиа, 2011.
2. Беляев М.А. Сверхрегулирование: трудности проблематизации // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 02-04 июня 2016 г.) отв. Ред. В.В.Денисенко. – Воронеж, 2016. С.160-175.
3. Ганс Кельзен. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб., 2015.
4. Habermas J. Between Facts and Norms / J. Habermas. – Cambridge: The MIT Press, 1996.
5. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 2. / J. Habermas. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.

ПРАВОПОРЯДОК В ОБЩЕСТВЕ ПРОГРАММИРУЕМЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Марина Владимировна Баранова
Нижегородская академия МВД России

Аннотация: Автор подвергает многоуровневому анализу специфику постиндустриального общества и преломляет его основополагающие черты к воплощению феномена правопорядка в современном реальном социуме. В статье отмечается, что программируемые коммуникации становятся основой нового правопорядка, обеспечиваемого инновационными средствами и способами, что, в свою очередь, обуславливает особую роль «правокультурных мемов», способствующих достижению конвенциональной договоренности в правовом поле государства. Воплощение законности в правопорядок в обществе программируемых коммуникаций обеспечивается через сжатие правовой информации для обеспечения правокультурного обмена посредством технологических достижений и охвата максимального потенциальных субъектов права через широкий спектр информационных каналов.

Ключевые слова: правопорядок, общество программируемых коммуникаций, постиндустриальное общество, законность, правокультурный мем, правовая аккумуляция, правовая инкультурация, технологии.

LAW AND ORDER IN THE SOCIETY OF PROGRAMMABLE COMMUNICATIONS

Marina Baranova
Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

Abstract: The author presents a multi-level analysis of the specifics of post-industrial society and refracts its fundamental features to the embodiment of the phenomenon of law and order in modern real society. The article notes that programmable communications become the basis of a new legal order, provided by innovative means and methods, which, in turn, determines the special role of "right-cultural memes" that contribute to the achievement of a conventional agreement in the legal field of the state. The implementation of the rule of law in the society of programmable communications is ensured through the compression of legal information to ensure the right-cultural exchange

through technological advances and the coverage of the maximum potential subjects of law through a wide range of information channels.

Key words: rule of law, the programmable communications society, postindustrial society, law, juridical-cultural meme, legal acculturation, legal enculturation, technology.

Трансформация общественных отношений, вызванная внедрением «прорывных технологий», доступностью «удаленного» общения, ускорением темпа жизни затронула все сферы бытия. Право реагирует на изменения в социуме, подстраиваясь, а, порой, пытаясь опередить, предугадать следующие стремительные изменения. В новой глобализованной реальности воплощение в жизнь конкретных правовых предписаний происходит иначе, да и социум, меняясь, требует более креативных и действенных путей доведения правовой информации, ее актуализации. Правопорядок, как воплощение законности в правоотношениях, концептуально остается прежним, то есть, привычно предстает «как определенное состояние регулируемых правом общественных отношений», которое «характеризуется реальным уровнем соблюдения законности, обеспечения и реализации субъективных прав, исполнения юридических обязанностей всеми гражданами, органами и организациями»¹. Однако, специфика постиндустриального общества все больше проявляющего себя в интенсивно развивающихся государствах, предлагает новое видение правопорядка, оценки его ценности.

Обращаясь к проблеме социального прогнозирования, Д.Белл справедливо указывал, что постиндустриальное общество проходит процесс активного, эффективного построения и представляет собой «социум, где индустриальный сектор потеряет свою ведущую роль под воздействием возрастающей технологизации, где основной производственной силой станет наука, потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает»². Такие социумы постепенно выстраивают и осуществляют поэтапный переход от производства товаров к экономике услуг. При этом индустриальный сектор уходит на второй план, доминировать начинает образованный и владеющий специальными навыками и умениями технический класс, профессионалы высокого уровня выходят на первый план. Знания становятся высокоценным капиталом, позволяющим генерировать нововведения, влиять на формирование политики в государстве, избирать приоритетные пути развития. Распространение информации для осуществления сложных коммуникаций, в том числе «удаленных», требует разработки и быстрого внедрения технологий, а сама информация становится высокоценным ресурсом, замещающим сырьевой или индустриальный. Постиндустриальное общество базируется на научных изысканиях, придавая науке в целом новый смысл – основной производственной силы, обеспечивающей стабильное поступательное развитие социума.

---

¹ См.: Большой юридический словарь. // А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухова. М., 2003.

² Д. Белл Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. 2004. С. 20.

В этих условиях формируется общество программируемых коммуникаций, где потоки информации посредством компьютерных систем передаются с высокой скоростью на большие расстояния, обеспечивая взаимовлияние правовых культур. На смену средствам массовой информации приходят коммуникационные сети, требующие для поддержания качественного, устойчивого прямого и обратного контакта, постоянного совершенствования программного обеспечения. Скорость передачи информации многократно возрастает, упрощается ее получение, информационные единицы «архивируются» в мемы, обмен которыми позволяет распространять идеи, мнения, популяризовать инновации, осуществлять мониторинг восприятия в публичной сфере событийного ряда.

Юрген Хабермас определял публичную сферу как некое пространство, в котором взаимодействуют или противостоят «система» и «жизненный мир», приватное становится политическим¹. В этом пространстве протекают жизненные процессы общества, воспроизводятся культурные единицы, принимаются или отвергаются культурные универсалии, в том числе и в сфере права. Макс Вебер в этой связи говорил о возможности реформатирования культурных кодов через достижение конвенциальных договоренностей, что в равной степени справедливо для политической, социальной и собственно правовой реальности. Правокультурное наследие транслируется в форме неких единиц информации, мемов-идей.

Ричард Докинз ввел в научный оборот понятие «мем-идея», под которым предлагал понимать единицу передачи культурного наследия (единицу имитации), способную передаваться от одного мозга к другому². Мем-идеи присущи правовой культуре, долговечны, распространяемы, широко и довольно точно копируемы. Они способны детерминировать и формировать соблюдение законности, обеспечение и реализацию субъективных прав, исполнение юридических обязанностей всеми гражданами, органами и организациями, формировать правопорядок. Понятными и легко опознаваемыми мемами в различных интерпретациях стали изображение листа конопли, трех богатырей, элементов религиозной символики. Для восприятия предлагаемого образа, сопровождаемого текстом и несущего «сжатый» посыл необходима причастность к культуре общества или субкультуре общности, где генерируется и распространяется мем. Например, мем с рекламным слоганом Reebok в России «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо» вызвал зимой 2019 года непонимание и бурю негодования³. Активная позиция рекламного лица этой компании – известного блогера в отстаивании прав женщин отошла на второй план, поскольку форма и содержание предложенного креатива противоречили представлениям большинства о допустимом и этичном, а так же рекламному законодательству Российской Федерации. Вслед за

---

¹ Подробнее см.: Публичная сфера: теория / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой ЦСПГИ, 2013.

² Ричард Докинз Эгоистичный ген. М., 2018, С.295.

³ <https://news-24.ru/2019/02/14/neumestnyj-kreativ-set-tanuki-peregnula-s-provokatsionnostyu/>

этим ресторан «Тануки» разместил в социальных сетях рекламу к празднику 14 февраля: «Твоя девушка сегодня вечером», содержащую изображение двух девушек: одна пышных форм — «после похода в го-го пиццу», другая - стройная и более привлекательная внешне - «после похода в «Тануки». Рекламопотребители высказали возмущение тиражированием мема, содержащего уничижение, оскорбительное сравнение в отношении девушек крупного телосложения. Вместе с тем, рекламный посыл был воспринят как завуалированный намек на конкурента ресторана «Тануки» - пиццерию «Додо пицца», что недопустимо в соответствии рекламным законодательством¹. И в первом и во втором случаях распространение информации привело к негативным последствиям, в том числе правовым. Мемы часто связаны с правом, обусловлены им, детерминируют изменения в праве, влияют на правосознание и правовую культуру, являются частью этой правовой культуры. Интернет предоставляет условия для упрощения взаимодействия, делает его доступным для разных групп населения, но, как отмечал Юрген Хабермас, рассуждая о современной публичной сфере, «утилизует» активность аудитории, делает невнятными истинные основания дискуссии под настойчивым влиянием интересов государства, рыночных отношений.

В этой связи, значимым представляется, в первую очередь, наличие новых каналов воздействия, обеспечивающих в обществе программируемых коммуникаций поддержание должного уровня правопорядка, правовой культуры, правосознания. Технологизация жизни позволяет осуществлять обмен информационными единицами, мемами-идеями, культурными кодами, причем диалогизация носит открытый, публичный характер. Интернет справляется с задачей распространения и обмена информации, но, порой, приводит к одержимости репрезентацией, как самоцелью, примитивизации роли законности, предельного упрощения идеи утилитаризма права для массового усредненного восприятия. Не случайно Сейла Бенхабиб, ученица Юргена Хабермаса, называла интернет сферой «нарциссических репрезентаций», превращающих публичный диалог в «публичный разговор».

Проявления и уровень технологизации в настоящее время указывают на ключевые признаки постиндустриального общества. Реалии современного бытия изобилуют примерами не только обмена информацией посредством коммуникационных сетей, но и появления нового типа коммуникации «человек – высокая технология», что позволяет предположить перспективное существование «пост-постиндустриального общества». Весьма интересен пример обращение в суд слабовидящего американского гражданина с иском к сайтам издания Playboy. Взаимодействие с интернет-ресурсами не позволило ему в полном объеме воспользоваться предоставленными продуктами, услугами, возможностями, что послужило основанием воспринять это как нарушение законодательства США об инвалидах².

---

¹ <https://memepedia.ru/peresyad-s-igly-muzhskogo-odobreniya/>

² <https://ria.ru/20181129/1533958569.html>

Так же примечателен факт открытия в Японии отеля, персонал которого состоял преимущественно из высокотехнологичных роботов. Вскоре после громкой PR компании половина роботов была уволена в связи с недостаточной эффективностью (нерасторопностью, неумением понимать и предугадывать нужды постояльцев, быстро реагировать на проявления человеческих эмоций)¹. И в первом, и во втором случаях воплощение режима законности в реальных отношениях, то есть правопорядок, будет достигаться на основе действующего в государстве права, но новыми средствами и в новых обстоятельствах. Можно предположить, что с течением времени будут выработаны четкие и эффективные механизмы сложного взаимодействия человека и высоких технологий, но уже сейчас явно видна тенденция к формированию элементов «пост-пост-постиндустриального общества», где коммуникация будет строиться, в том числе, по типу «высокая технология – высокая технология». Исключит ли такая модель правового взаимодействия человека, как субъекта, неизвестно. Однозначной останется необходимость достижения взаимопонимания и согласия при воплощении в жизнь правовых предписаний, для чего, как справедливо отмечал Юрген Хабермас, в процессе коммуникации между субъектами отношений различного уровня и генеза необходим поиск взаимопонимания посредством создания «единой транспарентной рамки-конвенции». Новые люди, новые технологии, новый тип восприятия информации, новые формы и каналы воздействия не изменят базовой необходимости упорядочения отношений, востребованность в социуме правомерного поведения, продуманного выстраивания коммуникативного действия, «ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия»².

В работе Юргена Хабермаса «Структурные трансформации публичной сферы. Размышления к категории гражданского общества» справедливо отмечено, что в обществе постмодерна выстраивается индустрия культуры, формирующая интересы, предпочтения, политико-правовые воззрения граждан. В таких условиях рынок и властные структуры определяют ключевые условия существования и профессиональной деятельности средств массовой коммуникации. Политическое участие публики сводится к молчаливому потреблению медиапродукта. Граждане пользуются сервисами государственных структур и принимают на себя роль потребителя, ожидая очередного решения со стороны властных институтов³. Доступность высокотехнологичных сервисов, широкого спектра информации, возможность не осмысливать, не затрачивать усилия на анализ явлений, а быстро потреблять готовые, компактные, упрощенные, утилитарно-обусловленные единицы знания о мире, правовой реальности приводит к пассивному, фрагментарному восприятию, что типично для общества потребления.

---

¹ https://www.1tv.ru/news/2019-01-17/358865-yaponskiy_otel_uvolyaet_zaneeffektivnost_robotov_i_snova_nanimaet_lyudey?start=auto

² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. // <https://cyberleninka.ru/>

³ Подробнее об этом см.: Публичная сфера: теория / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой ЦСПГИ, 2013.

Общество программируемых коммуникаций диктует особые черты воплощения законности в правопорядок:

Во-первых, этот процесс опосредуется построением сложных системных коммуникаций между субъектами регулируемых правом общественных отношений (Коммуникационные сети);

Во-вторых, планомерная, целенаправленная, должная реализация нормативных установлений осуществляется с опорой на цифровые носители (Программное обеспечение, Компьютерные системы);

В-третьих, субъекты воздействия нормативных установлений осведомляются о трансформации государственных властных велений, обмениваются опытом возможных моделей правового поведения через средства массовой коммуникации (Потоки информации);

В-четвертых, адресаты нормативных предписаний могут выбирать не только возможную модель правомерного поведения, но и удобный и доступный источник получения правовой информации для последующей защиты или реализации субъективного права, выполнении юридической обязанности (Возможность выбора информационных каналов);

В-пятых, широта охвата потенциальной «аудитории» норм права, возможность общения в правовом поле удаленно детерминирует правокультурный обмен, влекущий элементы рецепции, конвергенции, процессы правовой аккультурации и правовой инкультурации протекают иначе (Взаимовлияние правовых культур);

В-шестых, «сжатие» правовой информации до легко воспринимаемых и усваиваемых сознанием индивидов образов, идей, «правокультурных кодов» типично для глобализованных общностей и позволяет внедрять желаемые юридически-значимые установки, подготавливать процесс изменения или рефрейминга значения социальных феноменов и стереотипов поведения при воплощении законности в реальные общественные отношения (Обмен мемами).

Новая технологизированная реальность детерминирует модернизацию всех сторон жизни общества. Отказ от достижений прогресса невозможен и нецелесообразен. При этом любые новации – плод креативной деятельности человека по преобразованию бытия и именно человек, его интересы, потребность в безопасности, защищенности, упорядоченности жизни должны обладать первостепенной значимостью. В обществе программируемых коммуникаций защита прав личности, регламентация отношений, право в целом обретают новые средства, способы, каналы доведения правовой информации, меняется представление граждан о правовой реальности, восприятие нормативных установлений, установки, стереотипы, модели поведения. Законность и ее воплощение в правопорядке обретают новые черты, отвечая на вызовы времени, приходя в соответствие с запросами глобализованного, быстрого, пронизанного многоуровневыми, сложными, высокотехнологичными коммуникациями мира. Неизменной остается глобальная потребность социума в праве и построении порядка на его основе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой юридический словарь // А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М., 2003.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. 2004.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2018.
4. Публичная сфера: теория / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой ЦСПГИ, 2013. 360 с.
5. Хабермас Ю. О прагматическом, этическом и моральном употреблении практического разума // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Лекции и интервью. М., 1989.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4.
8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне М.,2003.

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОПОРЯДКА В ЕГО ЭВОЛЮЦИОННОМ РАЗВИТИИ

Ирина Борисовна Ломакина
*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ*

Данная статья не ставит своей задачей решение научной проблемы. Скорее наоборот, она актуализирует постановку проблемы, ставя ряд вопросов, на которые практически не существует однозначных ответов.

Итак, утверждение, что правопорядок – это общественный порядок, основанный на норме права, не выдерживает критики, по крайней мере, сегодня. Новая методологическая ситуация в теоретико-правовом дискурсе показывает, что позитивистские, а вернее, нормативистские взгляды на право как совокупность норм, исходящих от государства и обеспеченных силой государственного принуждения, давно уступили позиции плюралистическим концепциям, признающим в праве плюральность (диалогичность, полилогичность) в силу его многообразности, сложности и многомерности.

Антропологический поворот в общественных науках (юридическая наука не стала исключением) сформировал доминанту, которая легла в основу всех теоретических конструкций и конструкторов. Речь идет о наделении социальных феноменов интерсубъективным (объективным и субъективным одновременно) свойством и непосредственно связанным с деятельностью человека во всем многообразии форм его существования. Интерсубъективность субъективных долженствований определяется тем, что все долженствования возникают только в результате деятельности социальных субъектов и не существуют независимо от субъекта. Они представляют собой субъективную корреляцию, выражающую должное и возможное поведение в обществе.

Таким образом, правопорядок не сводим к системе норм. Не сводим правопорядок и к системе права (нормам, институтам, подотраслям, отраслям и даже общностям). Общность права как системный элемент права выделяет проф. И.Л.Честнов. Тощей абстракцией выглядит и утверждение, что правопорядок – это порядок, основанный на праве, вернее на формах его внешнего выражения.

Если правопорядок не сводим к системе права и к формам выражения норм права, то правопорядок так же вряд ли стоит отождествлять или выводить из правоотношений. Правоотношения, будучи динамическим аспектом права, так или иначе предполагают правомерное поведение. Поэтому правопорядок должен быть связан не только с правомерным поведением, но и быть показателем тех отклонений, которые имеют место в данном обществе. Важно не упускать из виду непременную составляющую правопорядка, количество отклонений от законодательства (злоупотребление правом), нарушение закона. Это в свою очередь, т.е. обращение к правовым отклонениям, показывает реальное положение дел в правовой жизни и дает возможность оценить уровень правопорядка в стране.

Стоит отметить важность взаимосвязи понятий правопорядка и законности, которые теснейшим образом связаны между собой. Можно с известной долей уверенности говорить об их взаимном проникновении друг в друга. Поэтому в учебной литературе традиционно подчеркивается связь этих явлений. Нередко правопорядок выступает результатом законности. Это, конечно, отражает связь законности и правопорядка как явлений, демонстрирует их целостность. Однако такое объяснение удобоваримо лишь отчасти, так как правопорядок предполагает контекстуально обусловленный интересубъективный порядок, где законность выступает требовательным партнером и не более того.

Итак, если правопорядок не сводится только к совокупности правовых норм и не выводится только из правомерного поведения и правоотношений, то еще более неуверенной выглядит идея, что правопорядок – это порядок, проистекающий из природы человека (в юснатуралистическом понимании).

Изложенное выше порождает необходимость констатировать, что правопорядок – это не данность, а процесс конструирования нормативно-правовой системы и ее реализации в практиках людей – носителей статуса субъектов права. В правопорядке как разновидности общественного порядка особое место имеют нормы, институты, ценности, идеалы, принципы права, социальный контроль, правовая политика, законность и проч.

И.А. Покровский подчеркивал: пока гражданско-правовая жизнь течет вяло, движимая инерцией исстари заведенного порядка, пока индивидуальное творчество в этой области не играет заметной роли, до тех пор известная неясность или неопределенность юридических норм не дает себя больно чувствовать. Но дело решительно меняется с того момента, когда возникает потребность в большей личной энергии и в большей личной инициативе. Тогда определенность права становится непременным условием. Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством,

имеет право требовать, чтобы ему было указано, чего от него хотят, и какие рамки ему ставят.¹

Традиционная культура была олицетворением «вялой правовой жизни» даже при отсутствии четких формально-определенных норм, человек не был подвержен влиянию стресса, в той мере в какой был подвержен в иной, более динамичной (например, индустриальной) культуре.

Магистральная линия традиционного общества - сохранение и следование традиции, во что бы то ни стало. Трудные условия жизни требовали стереотипизации поведения. Только в рамках замурованной коллективности человек мог реализоваться как человек. Отсюда императивы, выраженные в символической форме, которые обязывали не посягать на жизнь сородича, на его личное имущество, оказывать взаимопомощь и поддержку членам коллектива и пр. Эти должностования были направлены не на увеличение чувственного счастья и удовольствия, а обязывали людей к правомерному поведению, включая и альтруистические поступки.

Основными институтами в традиционном обществе являются круговая порука, взаимная ответственность, помощь и поддержка, коллективная собственность, общее участие в общественных делах, гостеприимство, безвозмездная работа на земле соседа и т. п. Таким образом, вся жизнь коллектива строится по принципу «чего сегодня не хватает тебе, может завтра не хватить мне». Отсюда и запрет торговаться (при обмене), запрет поработать (например, вследствие неуплаты долга), что было вполне допустимо в отношениях с членами чужих родов. Поэтому все институты традиционного общества были направлены на поддержание функционирования «целого».

Н. М. Коркунов, определяя содержание целого через социальный интерес, констатировал, что интерес всегда зависит от нравственных воззрений, существующих в данном обществе в данное время. «Выше ценному интересу, конечно, оказывается при разграничении предпочтение, и степень предпочтения определяется относительной оценкой разграничиваемых интересов. Для ближайшего выяснения содержания юридических норм следует ещё указать на то, что кроме частных интересов, сталкивающихся в каждом данном случае при разграничении их, принимаются в соображение ещё и общие интересы, сопутствующие, так сказать, всем частным случаям столкновения интересов».²

П. А. Сорокин предложил свое видение проблемы целого, выводя его из эмоций, через которые коллектив не признавал несправедливые, незаконные, греховные, безнравственные, непозволительные действия, на почве чего у членов данного коллектива возникал ряд чувственно-эмоциональных переживаний всеобщего «оскорбления», вражды, ненависти, желаний коллективной мести и т. д.³

---

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 89.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 170.

³ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1999. С. 71.

Другую интерпретацию этот аспект получил в концепции «солидаризма» Леона Дюги. Он одним из первых вывел понимание целого из «сгустка» социальной солидарности.¹

Достаточно оригинально трактует «целое» Г. Гурвич. Ученый полагал, что «социальное целое по своей сути представляет подвижную и конкретную систему равновесия, основанную на слиянии «взаимодополняющих перспектив»; динамическую систему, где не сводимые друг к другу элементы единства и множества, индивидуального и универсального стремятся к синтезу разнообразнейшими способами».² «Невозможно понять смысл процесса интеграции, не учитывая, что для того, чтобы быть не сводимым к сумме своих членов, социальное бытие вовсе не должно занимать положение внешнего и вышестоящего по отношению к своим членам объекта, не должно быть неподвижной сущностью, трансцендентным и высшим единством. Необходимо также учитывать, – считал Г. Гурвич, – что наиболее полное проявление «социального» состоит в постоянном движении взаимодействия Многого в Едином и Единого во Многом – нераздельной корреляции Целого и его частей, взаимопорождающих друг друга. Невозможно понять разницу между интеграцией и процессами координации и субординации, не отдавая отчета в том, что каждая социальная группа в своем идеале является имманентной тотальностью, конкретной и динамичной, не допускающей ни сведения себя к простому единству, ни своего растворения в сумме разрозненных индивидов, между которыми не существует иной связи, кроме подчинения некоему единому абстрактному закону».³

Солидаризируясь с мнением Г. Гурвича, отметим, что в традиционных обществах род являл некую тотальность, объединяющую живых, умерших и ещё не рожденных. Сущность родового целого в солидарности поколений. Как справедливо считает Л. А. Тихомиров: «пока этого чувства солидарности целого с отдельными поколениями не существует в людях, они еще не народ, так как жить в одиночку ни одно поколение не может. Оторвавшись от солидарности с дедами и внуками, оно неизбежно погибнет».⁴

Институциональная система традиционного общества была призвана ограждать общество от энтропии, внося в общественную жизнь людей начала всеобщей «нормальности», единой упорядоченности, общепризнанности. Обеспечивая устойчивость общественным правовым отношениям, делая их предсказуемыми (обычными), институты устранили произвол и хаос в социальной системе.

Поэтому институционализированное поведение приобретало устойчивую ригидную форму – обычая или традиции и становилось уникаль-

---

¹ Концепция солидаризма Л. Дюги, весьма популярная во всем мире, была официально не признана за противоречие принципу классового единства советской политико-правовой доктрины на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников и правоведов. – См.: Вестник Коммунистической академии. 1931. Т. 3. С. 75–86.

² Гурвич Г. Д. Идея социального права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 56.

³ Там же.

⁴ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 586.

ным средством «обобществления» человеческого опыта в социально значимой сфере. Имея релевантную направленность, обычаи и традиции регламентировали определенные общественные отношения, выводя их на новый уровень – уровень правоотношений, скрепленных традицией.

Взаимоотношения с соседними народами также облачались в юридические формы, подвергаясь определенным регламентациям. Однако это происходило в том случае, если народы находились примерно на одном уровне развития. В том же случае, если уровень развития был ниже у одного из народов, вступающих добровольно или насильственно (в результате военного нападения) в процесс коммуникации, то тут же возникала асимметрия в отношениях, выражающаяся в экспансии одного и порабощении другого.

Стало быть, можно предположить, что внутренние общественные отношения регулировались изначально правом, а внешние – преимущественно силой, хотя и в них присутствовал договорный элемент, так как нельзя все внешние контакты сводить к вооруженным столкновениям. Всё же представляется, что фактор силы в международной коммуникации был преобладающим.

Таким образом, правопорядок в традиционном обществе базировался на обычаях и традициях и скреплялся этими же самыми традициями. В условиях же бесконечных социальных перемен, преобразований, и даже потрясений, сопровождающихся, как правило, изменением (материально-го или социального статуса) у человека были неизбежны фрустрации.

Фрустрируя по поводу реального и желаемого, боясь потерять «нажитое честным трудом», зажатый в рамки моральных устоев и узкой специализации «кесарю кесарево, слесарю слесарево» человек, вытеснял неудовлетворенность своего существования в сферу бессознательных комплексов.

Не будучи универсальным творцом своей жизни, раздираемый противоречиями, человек находил символический выход из того трудного положения, в котором оказался. Мифологемы традиционного общества довольно успешно выполняли функцию паллиатива. Поэтому традиция скрепляла общество, делала его социальным. Милые сердцу стереотипы поведения, базирующиеся на идее верховенства старших, следованию, исстари заведенному порядку, ответственности за судьбу рода (позже семьи), взаимопомощи и альтруизма были цементирующими скрепами традиционной культуры.

Индустриальная культура же в меньшей степени была способна примирить человека с самим собой, не справлялась с этой задачей уже и мифология (идеология). Отсюда уже не символический, а реальный уход и не в Царствие Божье, а «во все тяжкие». «Вошь я или право имею?» вопрошает Раскольников, собираясь убить старуху процентщицу.

Таким образом, можно констатировать, что современная цивилизация делает человека уродом. Уродство - неотъемлемый компонент современной жизни. Возникает вопрос, если современная цивилизация изобилует уродами и уродством, то какая цивилизация будет являть обратное? Где

место гармонично развитой личности, реализующей свой творческий потенциал?

Можно предположить, что обратное будет являть цивилизация, где человек «чтец, жнец и на дуде игрец!» где творческое начало подчинит себе все остальные потребности (и это не КОМУНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО в марксистском понимании и не АБСОЛЮТНЫЙ ДУХ в гегелевской интерпретации). А общество с универсальным порядком.

Возникает вопрос, существовал ли когда-нибудь универсальный порядок? Если да, то когда? Если нет, то возможен ли когда-нибудь, в перспективе такой порядок?

Отвечу на поставленный вопрос. Нет! Такого универсального порядка никогда не существовало, как никогда не существовало и универсального человека! Но стремление к универсализму было присуще человечеству на всех этапах его развития.

Смею предположить, что человек, лишь в потенции универсален. Отсюда мифы о первочеловеке, самодостаточном (гермафродите), имеющем мужские и женские признаки, и размножающемся по мере надобности, реальной потребности.

Эволюция половых отношений как сферы социально-значимых отношений как раз показывает движение к некоему универсализму, где человек от вынужденных связей (в том числе, семейных уз, а вернее уз нуклеарной семьи, и сопутствующих ей брачных обязанностей) может отказаться также легко, как и вступив в них. Институт моногамного брака, как и институт отцовства (в социальном плане) «трещит по швам». (Все больше неполных семей, где отец либо отсутствует вообще, либо его функции выполняет дед, дядя, любовник мамы, муж мамы и даже подруга мамы).

Американские психиатры Келлам, Энсмиджер и Тернер попытались составить карту «разнообразных типов семьи». Результат был ошеломляющим, так как насчитывал 86 различных сочетаний взрослых.¹ Гомосексуальный ураган, бракоразводный смерч, отказ иметь детей, а также желание вообще не вступать в брак создают особый порядок, плохо вписывающийся в традиционную картину мира и в традиционный правопорядок в целом.

Разгон гей парадов, запрет, наложенный церковью в Великобритании на клонирование людей, запрет эвтаназии в ряде государств - яркие тому подтверждения. Хотя, экстракорпоральное оплодотворение уже ни для кого не является аморальным за исключением некоторых ортодоксов (типа хасидов).

Само понимание «правопорядка» именно в традиционном смысле как порядка, основанного на правовой традиции, следования общепризнанным (навязанным культурой норм) тоже не выдерживает критики.

Традиция как фундаментальная скрепа массивификации, задающая цивилизационный вектор развития, уходит в небытие, разбиваясь на мелкие фрагменты, из которых порой в причудливой форме рождаются новые образы и метафоры будущего.

---

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 352

Сегодня, формируется иной тип правовой коммуникации, предполагающий другой этос и другой набор ожиданий, а также и других ценностей, в том числе институционализованных в правопорядке.

Тотальная плюральность, выходящая за рамки традиции, конечно, при соответствующем уровне накопленного общественного богатства и (благополучия каждого) возможно (гипотетически) явит миру универсального творца и универсальный порядок.

Поэтому несовершенство правопорядка определяется априорно несовершенством самого человека. Универсальный правопорядок — это мифология или идеология, которая может быть реализована в случае превращения мифа в реальность.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Кирилл Константинович Панько

Воронежский государственный университет

Самым важным творением юридической техники является правовая норма, по вопросу о понятии которой в теории права и теории уголовного права высказано множество суждений. По мнению одной группы авторов, расцениваемому в литературе как классический подход, под нормами права понимаются общие правила, определяющие поведение людей. Иные положения, не содержащие приказов и запретов или содержащие их в скрытом смысле, не могут считаться самостоятельными юридическими нормами¹. По мнению Н.Д. Дурманова, уголовно-правовые нормы, устанавливающие принципы и общие положения, не всегда содержат правила поведения².

С точки зрения представителей другого подхода к правовым нормам следует относить не только правила поведения, но и связанные с ними иные веления, «правовые предписания» (по определению А.В. Мицкевича), охватывающие принципы права, определения правовых понятий и иные установления, исходящие от государства и регулирующие общественные отношения³.

Концепцию логической нормы права предложил С.С. Алексеев, по мнению которого норма права выражает способ (закон) связи правовой системы на уровне ее первичных элементов – правовых предписаний. В большинстве случаев логическая норма обнаруживается в нескольких

---

¹ См.: Кокошкин Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С.128; Дюрягин И.Я. Нормы советского права // Теория государства и права / Под ред. С.С.Алексеева. М., 1982. С.333 и др.

² См.: Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С.111.

³ См.: Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства // Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР.- М., 1967. С.34; Фаткуллин Ф.Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Казань, 1980. С.175; и др.

статьях нормативного акта или даже в разных нормативных актах¹. Развивая далее идею С.С. Алексеева, В.М. Сырых определяет правовую норму как «клеточку» права, относительно самостоятельное целостное явление, в отличие от которого правовое предписание есть элементная частица нормативного правового акта². Суммируя высказанные в теории права суждения о понятии и природе правовых норм, В.П. Коныхин выделил две группы признаков: родовые, характеризующие правовые нормы как разновидности социальных (социальность, регулятивность, общность, субъективность, опосредованная объективность) и качествообразующие или специальные признаки, позволяющие отграничивать правовые нормы от иных видов социальных норм (обязательность, публичность субъекта принятия, обеспеченность принудительной силой государства)³.

Дискуссия о природе правовой нормы в теории права оказала существенное влияние на исследование проблемы сущности, содержания и формы уголовно-правовой нормы, к которым в разное время обращались В.М. Коган, Я.М. Брайнин, Н.Д. Дурманов, В.П. Малков, В.Н. Кудрявцев, М.Д. Шаргородский, А.В. Наумов, В.Г. Смирнов⁴ и многие другие авторы. Несмотря на значительное число исследований данной проблемы нельзя признать понятие нормы уголовного права раскрытым.

О незавершенности формирования понятия свидетельствует определение, предложенное Л.В. Иногамовой-Хегай: «Нормы уголовного права – это государственно-властные обязательные веления, выраженные в нормах – предписаниях и правилах поведения. Нормой о преступлении является логическая уголовно-правовая норма, состоящая из нескольких норм-предписаний Общей и одной нормы – предписания Особенной частей УК, имеющая трехэлементную структуру»⁵. Методологическое заблуждение нам видится в том, что автор допускает обособленное существование Общей и Особенной частей уголовного права, при котором уголовное право рассматривается как две совокупности, различающиеся между собой по содержанию норм, которые выполняют параллельные функции. Второе заблуждение нам видится в том, что авторы понятия

---

¹ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С.32; Алексеев С.С. Общая теория права: В 2т. М., 1982. Т.2. С.12-39.

² См.: Сырых В.М. Теория государства и права: Учебник для вузов. М., 1998. С.98-111.

³ См.: Коныхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. С.179-180.

⁴ Коган В.М. Логико-юридическая структура советского уголовного права. Алма-Ата, 1966. С.35-47; Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С.40-41; Дурманов Н.Д. Норма уголовного права // Курс советского уголовного права /Под ред. А.Н. Пионтковского. М., 1970. Т.1. С.179-186; Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982. С.122-126; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С.62; Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948; Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (По материалам следственной и прокурорско-судебной практики): Учебное пособие. Волгоград, 1973. С.5-34; Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С.35-38

⁵ Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. М., 1999. С.62.

«уголовно-правовая норма» не учитывают специфику уголовного права и его функциональное назначение в системе права, при котором всякое преступление не просто нарушает уголовный закон, а совершается в строгом соответствии с тем, что закон запрещает, в силу чего норма уголовного права должна конструироваться не в соответствии с Общей и Особенной частями УК, а исходить из обратного: уголовно-правовая норма должна кардинальным образом отличаться от уголовного закона, быть ему противоположностью. Норма права – это чистое веление, предписание, обремененное различными условиями. Она рассчитана на позитивное восприятие, повиновение, так как определяет границы дозволенного и недозволенного. Уголовный закон, как структурный элемент системного нормативного акта (Уголовного кодекса) основывается на наказании в случае совершения недозволенного, то есть выхода из позитивного повиновения, очерченного нормой права.

К сожалению, во всех работах, посвященных рассматриваемой проблеме, не раскрываются сущность и содержание норм, содержащихся в уголовных законах, а соотношение уголовно-правовой нормы с уголовным законом остается почти не разработанным в науке уголовного права.

Следующее заблуждение состоит в неправильной оценке Общей части УК РФ. Так, В.П. Коняхин по этому поводу пишет: «Если при исследовании норм Общей части уголовного права основываться на посылке, вытекающей из концепции логической нормы, предложенной С.С. Алексеевым, то следует признать, что норм Общей части уголовного права как совокупности самостоятельных правовых установлений не существует»¹. Совершенно правильно, не существует. Не существует в силу того, что присущие уголовному законодательству функции реализуются в единстве образующих его предписаний Общей и Особенной частей УК, которые не могут выполнить эти функции в отрыве друг от друга. Ни одна из статей Общей части не содержит описания признаков деяния, запрещенного уголовным законом. Даже попытка вычлнить трехэлементную структуру в нормах об условном освобождении от уголовной ответственности или от наказания, сделанная Л.В. Иногамовой-Хегай², приводит к выводу, что они не могут быть применены вне связи с закрепленными в статьях Особенной части УК предписаниями, выполняющими функцию санкций.

Представляется бесперспективным широко распространенное в науке уголовного права мнение о двойственной регулятивности поведения адресатов уголовно-правовой нормы. В упрощенном виде эта двойственность адресатов выглядит следующим образом: «если общественно опасное поведение определенного вида запрещено (предусмотрено) уголовным законом в качестве преступления (гипотеза), то лицо обязано воздерживаться от его совершения (диспозиция), иначе оно наказывается в указанных нормой пределах (санкция). Если же адресатом нормы рассматривать систему уголовной юстиции, то логическая норма может быть представлена так: в

---

¹ Коляхин В.П. Указ.раб. С.181.

² Иногамова-Хегай Л.В. Указ.раб. С.56-57.

случае нарушения лицом уголовно- правового запрета и совершения им преступления определенного вида (гипотеза) компетентные государственные органы обязаны выявить преступника и покарать его (диспозиция), иначе для них могут наступить неблагоприятные правовые последствия, не обязательно относящиеся к уголовному праву (санкция)»¹. В указанной структуре речь идет не об элементах уголовно-правовой нормы, а о двух самостоятельных нормах, одна из которых обращена к лицу, совершившему преступление, а вторая – к органам уголовной юстиции, для которых описанный вид поведения не является преступным. Указанная точка зрения суживает понятие уголовно-правовой нормы, а внутреннее логическое содержание ее отождествляется с внешней формой выражения: с законом смежной отрасли права. Использование суда в качестве адресата уголовно-правовой нормы (за исключением санкций, адресованных судьям, совершающим преступления в процессе применения уголовно-правовых норм) неизбежно приведет к тому, что уголовно-правовые отношения сведутся к отношениям уголовно-процессуальным, правилам, по которым осуществляется правосудие по уголовным делам.

На основании изложенного представляется нецелесообразным формулировать понятие нормы уголовного права без учета ее структурных элементов, их свойств и признаков, а также без учета классификационных критериев деления их на виды.

По вопросу о классификации нормативных предписаний также существует многообразие суждений, как в теории права, так и в науке уголовного права. Обратимся к анализу некоторых из них. Так, В.Г.Смирнов, исходя из предмета непосредственного правового регулирования, дифференцировал уголовно-правовые нормы на три основные группы: 1) нормы, определяющие общие свойства и конкретные признаки преступления как юридического факта; 2) нормы, определяющие общие свойства и конкретные признаки наказания, обязанностей и прав сторон общественного отношения, возникшего вследствие совершения преступления; 3) нормы, регулирующие отношения, связанные с совершением объективно общественно опасных деяний². Т.В. Кленова, указывая в качестве критерия классификации характер отношений, составляющих предмет уголовно- правового регулирования, делит их на: 1) устанавливающие уголовную ответственность; 2) допускающие освобождение от уголовной ответственности; 3) предписывающие иное уголовно-правовое принуждение; 4) регламентирующие условия правомерности причинения вреда; 5) дифференцирующие уголовную ответственность лица в связи с его полезным поведением после совершения преступления. В зависимости от адресата она называет следующие классификационные группы: 1) уголовно-правовые нормы, обращенные к неравным субъектам правоотношений; 2) нормы, обращенные к равноправным субъектам уголовно-

---

¹ Уголовный закон и преступление. Иваново, 1997. С.16; Коняхин В.П. Указ.раб. С.183; Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.- Л., 1948. С.178 и др.

² См.: Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права: Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования. Л., 1965. С.38-41.

правовых отношений. С учетом метода уголовно-правового регулирования автор выделяет: 1) уголовно-правовые нормы, определяющие правила уголовного наказания; 2) уголовно-правовые нормы, предусматривающие иные меры уголовно-правового принуждения; 3) уголовно-правовые нормы, допускающие соглашение с лицом, совершившим преступление¹. Свои критерии классификации уголовно-правовых норм в науке уголовного права были предложены А.А. Герцензоном², А.В. Наумовым³, В.Д. Филимоновым⁴, В.М. Галкиным⁵ и другими учеными.

Учитывая, что классификация уголовно-правовых норм и содержащихся в них предписаний должна служить не только более глубокому познанию их природы, но и средством совершенствования законотворческой практики, считаем полезным обратить внимание на следующие, предложенные в науке критерии классификации:

- по предмету непосредственного регулирования;
- по способу регулирования уголовно-правовых отношений;
- по целям законодательного закрепления⁶.

Предмет регулирования является одним из традиционных и апробированных в общей теории права основанием деления юридических норм на виды⁷. Он имеет значение для правильного (непротиворечивого) построения Общей и Особенной частей и УК в целом; для правильного определения места каждого структурного элемента в общей системе права. Способ правового регулирования имеет значение для законодательной техники, так как способствует правильному определению формы предписаний (обязывающие, запрещающие, управомочивающие нормы). При этом следует согласиться, что способ правового регулирования скорее применим к созданию закона, законотворчеству, чем к правотворчеству⁸. Цель уголовно-правового регулирования: охрана общественных отношений от преступных посягательств в общих чертах определена задачами уголовного законодательства (ст.2 УК). Это доминирующая цель законодательного закрепления, которая не исключает иерархическую систему взаимосвязанных между собой целей каждой отдельно взятой нормы уголовного права. Их в науке уголовного права принято делить на декла-

---

¹ См.: Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. С.178-180.

² Герцензон А.А. Уголовное право: Часть Общая. М., 1948. С.182.

³ См.: Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. С.91-97.

⁴ См.: Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С.10-14.

⁵ См.: Галкин В.М. Классификация уголовно-правовых норм // Проблемы совершенствования советского законодательства. Тр. ВНИИСЗ. М., 1975. Т.5. С.143-155.

⁶ См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. С.190-205.

⁷ См.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960; Самощенко И.С., Лейст О.Э., Пиголкин А.С. Нормы советского социалистического права // Общая теория права. М., 1966; Общая теория государства и права. Академический курс / Под ред. М.П. Марченко. М., 2000. Т.2; и др.

⁸ См. Шебанов А.Ф. Нормы советского социалистического права. М., 1956. С.42.

ративные¹, дефинитивные², деколлизирующие³, регулятивные, охранительные и поощрительные⁴. Более простыми, четкими, точными и понятными, по мнению П.Н. Панченко были бы такие наименования «уголовно-правовых норм: нормы-запреты (диспозиции: нормы преграды, нормы-наставления), нормы-угрозы-санкции, нормы-декларации (например, ст.1 УК РФ), нормы-принципы (ст.3-7), нормы установки (ст.8), нормы-указания (ст.69, 70), нормы-предписания (ст.78, 83), нормы классификации (ст.15), нормы-регламентации (ст.73), нормы-дозволения (ст.37), ...»⁵

Определение целей нормативных предписаний в аспекте нашего исследования имеет значение в том плане, что позволяет контролировать степень адекватности правовой формы ее содержанию, правильный выбор средств законодательской техники в реализации замысла законодателя; обеспечивает правильное совместное применение предписаний Общей части и корреспондирующих им нормативных предписаний Особенной части уголовного законодательства. От того, насколько ясно в нормативном предписании выражена цель уголовно-правовой нормы в целом, зависит качество законодательской деятельности и эффективность уголовного закона.

НАЛОГОВЫЙ ПАТРИОТИЗМ И ПРАВОПОРЯДОК

Николай Юрьевич Андреев

Воронежский государственный университет

Аннотация: Автор анализирует связь налогового патриотизма и легитимации, а также их формирование. Налоговый патриотизм определяется как готовность платить налоги для обеспечения деятельности государства. Обосновывается вывод о том, что налоговый патриотизм есть результат легитимации налогового права. Предлагается система мер по формированию налогового патриотизма.

Ключевые слова: государство, налог, налоговый патриотизм, легитимация, налоговое право.

---

¹ См. подробнее об этом: Фефелов П.А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск, 1970; Васильев Н.В. Принципы советского уголовного права. М., 1983; Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988.

² См. подробнее: Лопашенко Н.А. Принципы кодификации уголовно-правовых норм. Саратов, 1989. С.87-88; Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань 1988. С.111.

³ См.: Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском уголовном праве: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. С.3.

⁴ См.: Галкин В.М. Система поощрений в советском уголовном праве // Проблемы совершенствования советского законодательства. Тр. ВНИИСЗ. Вып.45. М., 1989. С.92; Аликперов Х.Д. Виды норм уголовного законодательства, допускающих компромисс в борьбе с преступностью. Баку, 1992. С.4.

⁵ Баранов В.М., Панченко П.Н. Научные основы техники уголовного законодательства (заметки на полях текста докторской диссертации К.К.Панько) // Юридическая техника. 2007. №1. С.285.

TAX PATRIOTISM AND ORDER OF LAW

Nikolay Yu. Andreev
Voronezh State University

Abstract: Author analyzes connection between tax patriotism and legitimacy, and also their formation. Tax patriotism is defined as a preparedness to pay taxes for provision the State. Author makes an argument that tax patriotism is a result of the tax law legitimacy. There is suggested a system of measures of tax patriotism formation.

Keywords: state, tax, tax patriotism, legitimacy, tax law.

Кажется, только самые строгие позитивисты готовы признавать зависимость эффективного применения права исключительно от качества нормативного текста¹. Мы не отрицаем важности юридической техники для реализации нормы права, но и не поддерживаем ее абсолютизации. Более того, для ряда отраслей качество нормативного материала может несколько отойти на задний план по сравнению с иными обстоятельствами.

Использование самого широкого спектра средств является, как нам кажется, необходимым для эффективного действия налогового права, а точнее, для обеспечения исполнения налогового обязательства. Налоговое право как подотрасль сформировалось вокруг единственного института – налогов и сборов. Этот институт следует считать искусственным в том смысле, что он целиком и полностью установлен государством и не существует в «естественной среде». Кажется, ни один человек не посчитает возможным уплатить денежную сумму в качестве налога, который еще не был даже придуман государством². Следовательно, эффективность налогового права в конечном итоге имеет вполне объективный показатель: сумму собираемых налогов. Доктрина, а вслед за ней текст ч. 1 ст. 8 Налогового кодекса отразили важную функцию налога – финансовое обеспечение деятельности государства и (или) муниципальных образований. Тем самым взимание налогов прямым образом отражается на возможности для публично-правового образования реализовывать свои полномочия, то есть просто существовать.

Более того, мы полагаем, что в определенный момент государство начинает обеспечиваться по большей части только благодаря налогам. Подобная связь проявляется на определенной стадии развития государства. Последнюю мы определяем как «налоговое государство». Для публично-правового образования имеется три основных способа обеспечить себя финансовыми

---

¹ Подробнее о новых подходах к эффективности правового регулирования: Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1. С. 212 – 232.

² Имеется, правда, иная точка зрения на соотношение государства и налогов. Так, А.В. Демин отстаивает идею о существовании налогов задолго до формирования государства. В соответствующем месте мы уже попытались опровергнуть эту идею: Демин А.В. Poleмические заметки о предыстории налогов и налогообложения // Финансовое право. 2010. № 5. С. 24; Андреев Н.Ю. О некоторых вопросах соотношения государства и налогов // Право и государство: теория и практика. 2012. № 3. С. 92 – 98.

ресурсами: 1) экспроприация (у противников или собственного населения); 2) налоги; 3) денежная эмиссия. Займы, на наш взгляд, хотя и обладают определенной ценностью, но могут служить только вспомогательным средством: долгое время посредством них существовать нельзя. А кроме того, уплата займов необходимо чем-то обеспечивать, выискивать ресурсы, что снова указывает на три приведенных способа пополнения казны.

Тому или иному пути аккумуляции финансовых ресурсов соответствует определенная стадия развития государства. Так, например, становление Древнерусского государства, как минимум, до Ярослава Мудрого – это период государства экспроприаторского. Значительную часть средств для обеспечения верхушки удавалось добыть во время походов на соседние государства, в первую очередь – Византию. Налоги существовали в основном в виде дани, которой облагались покоренные племена. Например, о князе Олеге сказано: «И многи ины страны притяжа к Руской земле и дани възложи на них»¹. Дань здесь выступала и как символ подчинения, и как средство обеспечения ресурсами.

Уменьшение возможности для экспроприации и расширение перечня постоянных затрат для государства повлекло за собой необходимость поиска ресурсов внутри Руси. Это естественным образом привело к распространению налогообложения практически на все население, а не только недавно покоренные племена. В редких случаях наше государство пыталось обеспечить свои потребности в основном за счет эмиссии. Так было, например, в годы медной реформы Алексея Михайловича, использовавшего дешевую медную монету как эмиссионное средство пополнения казны, или в годы Первой мировой войны. Результаты были плачевны: Медный бунт, инфляция, угроза для существования страны – или вовсе ее распад (что и произошло во время Первой мировой).

Кажется, сейчас только одному государству в мире удалось шагнуть на третью стадию – эмиссионную: речь идет о Соединенных Штатах. Долги американского правительства зависят в основном от ФРС, то есть американцы, по сути, продают долги сами себе. А это просто один из способов денежной эмиссии. Исторические процессы, связанные с постоянно включенным американским печатным станком, еще далеки от завершения, поэтому сложно судить, насколько долго США удастся оставаться на третьей стадии развития.

Но кроме того, большое значение имеет налоговый суверенитет, который обеспечивает основу налогового правопорядка и тесно связан с налоговым патриотизмом.

Все это скорее статика налогового суверенитета. Необходимо также понять динамику налогового суверенитета, то есть его появление, изменение, прекращение.

Некоторые авторы утверждают, что для появления суверенитета необходимо внутреннее (со стороны народа) и внешнее (международное)

---

¹ Летописный свод, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Предисл. Б.М. Клосса. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 15.

признание. Однако история показывает, что отсутствие международного признания не влияет на возможность государства осуществлять власть на соответствующей территории, примером чему может служить существование СССР в 1920 – 1930-х гг. С другой стороны, без «внутреннего» признания вряд ли можно говорить о наличии верховной власти: ей просто не будут подчиняться. Примером тому может служить история «непризнанных государств»: так, жители Приднестровской Молдавской республики на протяжении более чем двух десятилетий не признают суверенитет Молдавии, а жители Южной Осетии и Абхазии – претензий Грузии. Ни военные действия, ни политическое и экономическое давление изменить такого положения не смогли.

Но в какой момент появляется возможность говорить о признании народом государства? Кого именно признают? Ведь требуется некий субъект, на который это признание должно распространяться. Бессубъектное признание (то есть ни на кого не направленное) нам представляется невозможным. И только когда это признание на кого-то направлено, распространено, тогда и появляется государство.

В нашей конституции сказано, что многонациональный народ Российской Федерации выступает носителем суверенитета и единственным источником власти (то есть, опять же, суверенитета) в стране (ст. 3 Конституции). Народ может осуществлять свою власть как непосредственно, так и через государственные органы, однако из указания на референдум и выборы становится ясно, что непосредственное осуществление является не постоянным, а скорее эпизодическим (собственно в моменты голосования), тогда как в остальное время власть осуществляют государственные органы.

Очень верно необходимость такого разделения К.С. Аксаков выразил в афористической манере: «Если народ – государь, народ – правительство, тогда нет народа». Субъекты, осуществляющие власть, и субъекты, ей подчиняющиеся, должны быть разделены. В ином случае каждый будет считать себя имеющим право управлять, а так как все будут иметь одинаковые права (любой человек и все люди вместе должны обладать равными полномочиями, в ином случае он представлял бы собой «государя»), то и подчиняться никто никому не должен. Формулой «если народ – государь, народ – правительство» можно было бы обозначить состояние анархического общества: нельзя сказать, что там нет власти, просто ею обладают все и каждый.

Следовательно, необходимо определить круг лиц, на который возлагаются полномочия по управлению. Процедура такого надления полномочиями разнится от перехода по наследству до избрания путем подачи голоса или даже, как часто имело место в «демократические» периоды в Афинах, – посредством жребия. Даже в абсолютистском государстве власть осуществляется не одним-единственным лицом, но группой лиц, которая составляет правящий слой (в терминологии И.Л. Солоневича, И.А. Ильина и евразийцев) или правящую элиту (в терминологии Г. Моска и ряда других авторов). Но помимо добровольного признания имеются также примеры принудительного обеспечения народного подчинения.

Так, в эпоху Великого переселения народов значительные массы населения романизированных областей оказались под властью германцев. И если на некоторых территориях варваров расселяли римские императоры, то другие были приобретены захватным способом. Интересно, что во многом силовым путем тот же Рим подчинил себе утерянные потом земли. Их население требовалось привести к покорности различными средствами. Позже уже потомки варваров-захватчиков вынуждены были уступить силу оружия: вестготы (как и романизированное население) подчинились арабскому завоеванию, лангобарды – франкам, а жители Балкан – болгарской, турецкой или венгерской власти. Единственное, что общего имеется у всех указанных случаев – готовность подчиняться правящему слою. Последний играет роль организатора, формирует состав управленцев и т.д., без чего государство невозможно. Следовательно, можно говорить о том, что были прав Н.Н. Алексеев, видя в государстве сложное отношение «между личностями и между социальными группами». Действительно, государство есть скорее результат признания народом правящего слоя, подчинения (добровольного или принудительного) его власти, то есть отношение, содержанием которого является признание, легитимация правящего слоя. Структуру этого отношения можно определить следующим образом: 1) субъекты – народ и правящий слой; 2) объект – признание (легитимация) правящего слоя; 3) содержание – действия по осуществлению власти.

Таким образом, налоговый суверенитет возникает путем признания населением соответствующего правящего слоя. Это признание, с одной стороны, выражается в создании государственных органов (кто-то управляет – кто-то подчиняется), а с другой – в виде уплаты налога как материального подтверждения признания населением.

Изменение налогового суверенитета также возможно в случае проблем с признанием народом правящего слоя или подчинения правящего слоя другому государству. Иллюстрацией второму примеру могут служить участники Афинского морского союза: избираемые в своих полисах, правители отправляли денежные средства в столицу Аттики, подчинялись шедшим оттуда указаниям, предоставляли воинские контингенты и флот для обеспечения «союзной» силовой политики. Иллюстрацией первому примеру могут служить события на Донбассе. Неподчинение правящему слою привело к объявлению независимости народных республик. Вместе с тем, особенности экономических связей и слабость налоговых органов не позволили республиканской власти обеспечить уплату налогов всеми субъектами хозяйствования. К сожалению, официальная статистика пока что отсутствует, но по результатам социологических опросов удалось установить, что в 2014 г. только 20 процентов крупных предприятий платили налоги в бюджеты народных республик. Остальные субъекты хозяйствования уплачивали на счета в отделениях кредитных организаций, расположенных вне пределов народных республик. Вызвано это было в первую очередь тем, что крупные предприятия входили в производственные цепочки, часть которых располагалась за пределами народных республик. Напротив, подав-

ляющее большинство мелких и средних предприятий, не участвующих в таких цепочках, платили налоги в республиканские бюджеты.

Это свидетельствует о том, что важным является не только политический аспект налогового суверенитета, выражающийся в признании населения, но также и экономический: ресурсы на обеспечение соблюдения налогового законодательства может просто не хватить. Кроме того, зачастую налоговые отношения не были урегулированы должным образом.

Данный экскурс позволяет понять важность налогов. Будучи основой, на которой держится государство, они требуют, как минимум, стабильности, а в лучшем случае – постоянного роста отчислений. В ином случае государство просто не будет способно обеспечивать постоянно множущиеся потребности. Так, даже в XIX в. налоговики подчеркивали, что затраты страны по сравнению с XVII – XVIII веками невообразимо расширились. Что говорить о разнице между XIX и XXI столетиями.

Конечно, можно говорить о необходимости применять различные экономические средства, которые позволили бы поднять доходы населения, а значит, и сумму уплачиваемых ими налогов. Наконец, можно изменять ставку налогообложения. Однако, во-первых, экономика не сводится только к набору налоговых или «рыночных» реформ. Во-вторых, изменения ставок и прочие механизмы хороши, но длительного и существенного эффекта дать они не могут. В какой-то момент снова потребуются поднимать ставки либо перекладывать их на широкие слои населения. Так, например, понижение подоходного налога в Соединенных Провинциях сопровождалось расширением перечня косвенных налогов и повышением их размера¹. Что касается современной России, то есть признаки того, что даже понижение ставки подоходного налога до тринадцати процентов с последовавшим небольшим увеличением поступлений себя исчерпало. Введение прогрессивной ставки, активно обсуждаемое, также может не дать эффекта наполненной казны: физические лица просто будут стремиться снизить налоговое бремя различными способами.

Кроме того, увеличение ставки может повлиять на настроения владельцев и руководства корпоративного сектора, что также повлечет и изменение поступлений от корпоративных налогов. Почувствовав, что «наступают тяжелые времена», владельцы бизнеса могут изменить место положения, в ряде случаев даже перебазировав производственные мощности или структуры по предоставлению услуг. Напротив, на владельцев и руководство компаний можно также влиять различными средствами, не связанными с уменьшением ставок, для роста размера налоговых отчислений.

Подобное воздействие должно быть направлено, в первую очередь, на формирование налогового патриотизма. До настоящего времени единого понимания того, что включать в это понятие, не сложилось. Так, Я.Ю. Глуховски связывает налоговый патриотизм с тем, что налогоплательщик ставит благо своей страны «выше собственных интересов», с бескорыстным

---

¹ См., например: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т.3. Время мира. М., 2007. С. 196 – 197.

поведением «ради общего благополучия»¹. По нашему мнению, налоговый патриотизм можно считать готовностью нести соответствующее налоговое бремя для поддержки своего государства. Отсутствие такого желания или индифферентное отношение к наполнению бюджета страны следовало бы назвать налоговым космополитизмом. Человек, налогового патриотизма лишенный, сочтет возможным поменять место жительства и гражданство для того, чтобы уменьшить свое налоговое бремя. Другие же лица, не имеющие возможности смены гражданства, предпочтут, условно говоря, «внутреннюю эмиграцию», - то есть будут всеми возможными способами уклоняться от уплаты налогов или минимизировать размер отчислений.

При этом фактический размер налогового бремени может не браться во внимание плательщиками (потенциальными плательщиками). Так, например, сейчас в России установлена одна из самых низких налоговых ставок на доходы физических лиц, что не мешает значительному числу резидентов стремиться к минимизации даже сравнительно небольшой суммы. Многие просто не считают возможным заявлять все получаемые доходы, например, от сдачи внаем жилого помещения или от услуг и работ, оказанных и выполненных через сеть Интернет (копирайтинг, ре-райтинг, сайтостроение). Одни, возможно, не понимают или не признают важность налогов и налогового права для существования и развития государства. Другие скорее не желают давать средства государству, и готовы к налоговой оптимизации вплоть до смены места жительства, лишь бы уменьшить размер уплачиваемых налогов.

Подобные действия могут свидетельствовать, в том числе, о недостатке налогового патриотизма. Но имеется ли возможность сформировать налоговый патриотизм и противодействовать налоговому космополитизму? Я.Ю. Глуховски полагает, что единственный способ² сформировать налоговый патриотизм – «создать более благоприятную и стабильную налоговую систему»³.

Мы уверены, что построение такой системы (исключительно позитивистский подход) – не единственное средство, даже не самое главное. Чтобы найти иные, потребуется привлечь достижения современной теории права, в частности, коммуникативного правопонимания. Одной из важных его идей является большая роль легитимации, то есть признания права. А она, в свою очередь, имеет связь с налоговым патриотизмом (какого характера эта связь, мы попытаемся показать в конце данной работы).

Норма права есть правило поведения, которое признается со стороны субъекта, а значит, «фактическим» источником права является такой акт, который признан «всем сообществом в качестве легитимного (правомерного) источника права»⁴.

---

¹ Глуховски Я.Ю. Налоговый патриотизм // Вестник ВГУ. Серия Право. 2016. № 1. С. 187 – 188.

² По крайней мере, это следует из выводов в статье самого исследователя.

³ Глуховски Я.Ю. Указ. соч. С. 195.

⁴ Поляков А.В. Что есть право? // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 160 – 161.

Для государственного права практически применимыми являются идеи коммуникативной теории права о необходимости легитимации нормативного акта как условия его реализации. Легитимность позитивного права можно определить как «признание позитивного субъекта права в качестве законных, принятие личностью, социальными группами и обществом в качестве правил поведения»¹. Г.В. Мальцев оставил ценное замечание по поводу легитимации: он полагал, что государство для легитимации нового закона находит «более убедительное ценностное оправдание»² нормативного акта. При этом исследователь полагал, что добиться легитимации очень сложно, хотя куда проще обеспечить просто общее согласие граждан по поводу одобрения действующих норм³. Нам представляется, что вносить подобные различия неправильно. Нельзя одно явление, то есть признание текста закона обязательным, принимать за два разных, так как легитимность (результат признания) и есть указанное Мальцевым «общее согласие», одобрение народом соответствующего нормативного текста.

Практически важной идеей является как раз необходимость легитимации, признания права. Далеко не всегда граждане могут следовать даже хорошо составленному нормативному акту: его просто не будут считать источником права. К сожалению, указанное обстоятельство забывается исследователями действующего законодательства, использующими только позитивистский подход. Коммуникативный подход дает возможность оценить нормативный акт с точки зрения возможности его признания⁴. Правда, необходимо учитывать множество аспектов, особенно культурный и психологический⁵. Но, как и в случае с культурологией налогового права⁶, вполне возможно обеспечить систему государственного воздействия для легитимации: работа через средства массовой информации (телеканалы, интернет-площадки), изложение акта понятным языком и т.д.

Как нам представляется, необходимо избрать следующую стратегию легитимации налогового права.

Важнейшим показателем ее успешности следует считать собираемость налогов⁷. Продолжающийся экономический кризис, по-видимому, не позволит серьезным образом повысить доходы населения, а значит, сумма налогов, которые могут быть собраны в течение следующих пяти или десяти лет, сохранится на одном уровне. Повышение этого уровня и

---

¹ Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. М., 2014. С. 15.

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 766.

³ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 767.

⁴ См., например: Денисенко В.В. Теория правового регулирования в отечественной науке: поиск новой методологии // Вопросы правоведения. 2014. № 4. С. 70 – 85.

⁵ См., например: Беляев М.А. Правовая коммуникация: соотношение автономно-го и гетерономного начал // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2018. № 2(28). С. 3 – 12.

⁶ См., например: Андреев Н.Ю. Влияние налогового права на культуру // Человечество в глобальном мире: Материалы Международной научной конференции / Под ред. Н.В. Бутусовой, Й. Ананиева. Воронеж, 2015. С. 291 – 294.

⁷ См.: Якушев А.О. Эффективность действия норм общей части налогового права: дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 186 с.

будет свидетельствовать, в том числе, об успешности стратегии налоговой легитимации.

Признание налогового права должно быть связано с признанием необходимости уплаты налогов. А значит, реализация стратегии должна фокусироваться на формировании знаний населения о роли налогов и понимании их значения. Не требуется работать над повышением налогового патриотизма всех и каждого: достаточно выработать его у лиц, чье мнение играет важную роль, или обеспечить появление таких лиц, одновременно признающих важность налогового права и влияющих на умы.

Набор точек влияния на появление таких лиц достаточно узок. Это:

1) официальные средства массовой информации: телеканалы, а более всего новостные блоки, но также различные ток-шоу, радио и т.д.;

2) неофициальные (в действительности или просто воспринимаемые таковыми) средства массовой информации: блоги, заметки на различных сайтах;

3) киноиндустрия;

4) игровая индустрия;

5) система образования;

6) литература.

Под литературой мы понимаем не только художественную, но также и научную: здесь важнее не жанр или направление, но сам факт выраженности в форме текстового произведения (в широком смысле, будь то статья, рассказ, монография, эпос). Надо сказать, что шестой сегмент вполне связан со всеми вышеперечисленными: писатель может быть и сценаристом (пишущим сценарии для кино- и игровой индустрии), и публицистом, и телеведущим, и работником высших учебных заведений, и маститым исследователем (тому есть множество примеров, особенно ярких в последние годы).

Приведенный перечень вполне дает понять, что ключевую роль в этих точках играют отдельные люди, способные формировать общественное мнение. Следовательно, эти люди, заинтересованные в легитимации налогового права, будут транслировать, то есть распространять, знания о важности налогов, вслед за знанием придет понимание, а потом - убеждение. Помимо уплаты налогов, это позволит также снизить число налоговых правонарушений и т.д.

Другой вопрос, как стимулировать подобных лиц, распространяющих информацию. Как представляется, может быть избран набор как материальных (гранты), так и нематериальных (конкурсы, почетные награды, возможность общения с популярными политиками и т.д., что повышает мнение о важности самого лица) стимулов. Так как подобные средства будут частью государственной программы как нормативного акта и оказываются направлены на правовой эффект, то можно полагать, что эти средства являются правовыми. Их следовало бы включить в перечень средств правового воздействия, так как прямого эффекта они не дают, но зато косвенное их значение сложно переоценить.

Надо также обратить внимание на то, что налоговый патриотизм, а значит, и налоговая легитимация, связаны не только с уплатой налогов, но также и с рядом других юридически значимых действий. К таковым можно отнести народное представительство, то есть деятельность в качестве депутата представительного органа власти.

Так, например, Государственная Дума Российской империи долгое время не принимала закон о подоходном налоге. Потребность в последнем все более возрастала по той причине, что почти 20 % доходной части имперского бюджета исчезла с введением «сухого закона» в 1914 году: доходы от винной монополии были ликвидированы. Требовалось удовлетворить потребность воюющей страны в финансовых средствах. В соответствии с Положением о государственном подоходном налоге, под обложение попадали лица с доходом свыше восьмисот пятидесяти рублей¹. Тем самым большинство депутатов Государственной думы становились потенциальными плательщиками. Нежелание принять такое финансовое бремя привело к тому, что закон о подоходном налоге был принят под давлением правительство только в 1916 году. Введение налога назначили на весну 1917 года. Февральская революция фактически отменила данный налог: он так и не вступил в силу. Самое активное участие в революционных событиях приняли депутаты Государственной Думы и те круги, что становились плательщиками данного налога. И хотя именно они критиковали государство за неудачи (возникшие в том числе из-за нехватки финансовых ресурсов), нести налоговое бремя эти лица отказывались. На примере данных событий мы видим, что непонятая налоговая обязанность может привести к ослаблению и даже крушению государства.

В этой связи совершенно прав Д.Н. Шипов, полагавший, что «лица и классы общества, в руках которых, при существующем социальном строе сосредотачиваются более или менее крупные средства, не могут не признавать нравственной своей обязанности уделять часть своих избытков на удовлетворение потребностей значительной массы населения»².

Однако в случае с историей принятия закона о подоходном налоге народные представители оказались отнюдь не на высоте своего положения. Избегая возложения налогового бремени (сравнительно небольшого, кстати), постоянно отодвигая принятие закона, они навредили как государству, населению, так и самим себе: большинство депутатов Государственной Думы потеряли не только свои кресла, но были вынуждены покинуть Родину в годы Гражданской войны, либо вовсе лишились жизни (некоторые – в первые же дни Октябрьской революции).

Мы видим, что отсутствие достаточного уровня налогового патриотизма имело негативные последствия: лица, его лишенные, повредили и стране, и себе. Пример с подоходным налогом, закон о котором так и не заработал в годы Первой мировой, может служить хорошим примером

---

¹ См.: Тропская С.С. Правовой статус налогоплательщика – физического лица. М., 2009. С. 18.

² Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 60 – 61.

вреда от недостаточного уровня налогового патриотизма и недостаточной легитимации налогового права. Кроме того, он также может служить одним из сюжетов, которые следовало бы включить в государственную программу по развитию налогового патриотизма.

Наконец, требуется определить связь налогового патриотизма и легитимации налогового права. Ведя речь о формировании знания о налогах и их роли, мы, в сущности, определяли источник легитимации. Убеждения человека в необходимости соответствующего закона обычно из небытия не появляются. Это результат полученного знания и возникшего на его основании мнения. Результатом же признания (легитимации) налогового права следует считать появление налогового патриотизма. Таково, следовательно, соотношение легитимации и налогового патриотизма: последний есть результат легитимации налогового права потенциальными плательщиками налогов.

Проведенное в работе исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- источником налогового патриотизма следует считать легитимацию налогового права;

- налоговый патриотизм есть готовностью нести соответствующее налоговое бремя для поддержки своего государства. Явлением, обратным налоговому патриотизму, является налоговый космополитизм, то есть желание избежать налогообложения в том числе путем смены места жительства, ценою отказа от поддержки государства денежными ресурсами;

- в основу налоговой легитимации следует положить не только и не столько простое и понятное налоговое законодательство, сколько государственную стратегию формирования знаний, а значит, и убеждений в необходимости платить налоги, в ценности каждого налога для осуществления государством своих функций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев Н.Ю. Влияние налогового права на культуру // Человек в глобальном мире: Материалы Международной научной конференции / Под ред. Н.В. Бутусовой, И. Ананиева. Воронеж, 2015. С. 291 – 294.
2. Андреев Н.Ю. О некоторых вопросах соотношения государства и налогов // Право и государство: теория и практика. 2012. № 3. С. 92 – 98
3. Беляев М.А. Правовая коммуникация: соотношение автономного и гетерономного начал // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2018. № 2(28). С. 3 – 12.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т.3. Время мира. М., 2007. 752 с.
5. Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1. С. 212 – 232.
6. Глуховски Я.Ю. Налоговый патриотизм // Вестник ВГУ. Серия Право. 2016. № 1. С. 187 – 195.
7. Демин А.В. Полемиические заметки о предыстории налогов и налогообложения // Финансовое право. 2010. № 5. С. 19 – 27.

8. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. М., 2014. 184 с.
9. Денисенко В.В. Теория правового регулирования в отечественной науке: поиск новой методологии // Вопросы правоведения. 2014. № 4. С. 70 – 85.
10. Летописный свод, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Предисл. Б.М. Клосса. М.: Языки русской культуры, 2000. 277 с.
11. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. 800 с.
12. Поляков А.В. Что есть право? // Поляков А.В. Коммуникативное правовопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 156 – 168.
13. Тропская С.С. Правовой статус налогоплательщика – физического лица. М., 2009. 224 с.
14. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. 680 с.
15. Якушев А.О. Эффективность действия норм общей части налогового права: дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 186 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ПРАВА В УСЛОВИЯХ МЕДИАЛЬНОГО ПОВОРОТА: ОТ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ К ТЕОРИИ ПРАВА

Владислав Владимирович Архипов
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье предлагается концептуализация новой проблемы, связанной с поиском пределов толкования и применения права к общественным отношениям, связанным с виртуальным, воображаемым, несерьезным и иными подобными феноменами. Данная проблема рассматривается как универсальная и относящаяся к вопросам толкования и применения права, соотношению между абсурдом и здравым смыслом в юриспруденции. Решение проблемы усматривается в применении концепции обобщенных символических посредников из теоретической социологии к предмету спорных правоотношений.

Ключевые слова: право, теория права, компьютерные игры, виртуальная реальность, медиальный поворот, толкование права

SEMANTIC LIMITS OF LAW IN THE CONTEXT OF MEDIAL TURN: FROM VIRTUAL REALITY TO THEORY OF LAW

Vladislav Arkhipov
Saint Petersburg State University

Abstract: it is suggested in the article to conceptualize a new problem connected to the search for the limits of legal interpretation and application to social relationships connected with virtual, imaginary, non-serious or other similar phenomena. This problem is considered as a universal one and the one related to the issues of legal interpretation and application, correlation between absurdity and common sense in jurisprudence. The solution of the problem is seen in application of the concept of generalized symbolic media from theoretic sociology to the object of the disputable social relationships.

Keywords: law, theory of law, computer games, virtual reality, medial turn, legal interpretation.

Немногим более десяти лет назад¹ в юридической литературе сформировалось устойчивое направление исследований, связанное с анализом правовых проблем многопользовательских компьютерных игр и виртуальных миров. Это направление сложно однозначно отнести лишь к какой-либо одной и только отраслевой проблематике, поскольку оно неизбежно затрагивает как специальные отраслевые вопросы (например, о правовой природе виртуальной собственности²), так и более фундаментальные проблемы междисциплинарного характера. Именно поэтому вопросы «виртуального права» имеет смысл рассматривать не только с точки зрения частных задач цивилистики или информационного права, но и в свете общей проблематики теории и философии права. Любопытно, но последовательное рассуждение о роли компьютерных игр в современном обществе и о пределах возможного правового воздействия на отношения, складывающиеся между игроками, как представляется, может (возможно, неожиданно) пролить свет на серьезные вопросы толкования и применения права. Попробуем кратко обозначить основные аргументы и выводы, касающиеся данного аспекта.

Не углубляясь в описание частноправовых нюансов «виртуального права» и того, чем в связи с ними интересны многопользовательские компьютерные игры,³ перейдем непосредственно к обобщению, позволяющему обосновать значимость и актуальность самой проблемы. Игры такого рода – феномен «медиального поворота». В медиафилософии этим термином обозначаются совокупные изменения, которые характеризуют современное состояние информационного общества (которое также можно назвать «постинформационным», «информационным обществом постмодерна»,

---

¹ Указанный период времени, соответствующий первой декаде XXI столетия, обозначает период формирования именно устойчивого исследовательского интереса к теме. Первые же статьи по общей социогумантарной проблематике игр появились уже достаточно давно и в качестве примера можно привести следующую: Morningstar C., Randall Farmer F. The Lessons of Lucasfilm's Habitat // *Cyberspace: First Steps*, Michael Benedikt (ed.). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990. URL: http://web.stanford.edu/class/history34q/readings/Virtual_Worlds/LucasfilmHabitat.html (дата обращения: 11.07.2019). В данной статье авторы исследуют социогуманитарные аспекты разработанной ими одной из первых многопользовательских онлайн-игр – «Habitat», которая была создана для платформы Commodore 64 в 1985 году (см.: [https://en.wikipedia.org/wiki/Habitat_\(video_game\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Habitat_(video_game))), дата обращения: 11.07.2019). Любопытно, что, помимо классиков научной фантастики и литературного киберпанка (В. Виндж, У. Гибсон, Б. Стерлинг), авторы цитируют Ф. фон Хайека и К. Поппера.

² См. напр.: Савельев А.И. Правовая природа объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // *Вестник гражданского права*. 2014. № 1. С. 127 – 150.

³ Данные аспекты были уже подробно рассмотрены, в том числе, в предшествующих публикациях автора. См. напр.: Архипов В.В. Виртуальное право. Основные проблемы нового направления юридических исследований // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2013. № 2. С. 93–114; Архипов В.В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // *Закон*. 2014. № 9. С. 69–90).

немного в другом смысле – «тревожным обществом» и т.п.). Как отмечает В.В. Савчук, «после череды важнейших для XX и начала XXI в. поворотов все настоятельное слышны голоса признать суммирующим и, одновременно, фундаментальным медиальный поворот (medial turn)»;¹ «...медиа – и способ коммуникации, и орудие производства, и **изоощренный способ симуляции** (выделено мною – **В.А.**), и орудие политической борьбы».² Важно и следующее наблюдение: «...после лингвистического приходит медиальный поворот – онтологическое свидетельство изменения реальности, – что бытие и медиареальность отождествляются и взаимозаменяются, растворяясь друг в друге. Этапы его становления таковы: действительность опосредована мышлением, мышление – языком, язык – знаком, знак – медиа. Надстраиваясь друг над другом, “бытие” в современных условиях дается только через медиа».³ Игровой поворот – важная часть медиального поворота.

Ошибочно полагать, что сегодняшние компьютерные игры – лишь частный случай игр в истории мировой культуры (не только разного рода древних игрищ, но даже и тех, которые были самыми новыми во времена написания “*Homo Ludens*” Й. Хёйзинги – история компьютерных игр начинается в 1950-х годах⁴), который принципиально ничем не отличается от игр, известных нашим далеким предкам. Отличия можно определить по трем основным критериям: техническому, экономическому и социологическому. С технической точки зрения, современные компьютерные игры создают объективно *постоянную (persistent) игровую среду*, моделируемую компьютерными средствами, – «виртуальная реальность» тех же настольных ролевых игр дискретна, и существует лишь в индивидуальных представлениях участников). С экономической точки зрения, об игровой индустрии как об *индустрии* можно говорить только сейчас – раньше речь шла о процессах непринципиальных, либо в силу малозначимости, либо, напротив, в силу эксклюзивности. Наконец, и это особенно важно, с точки зрения социологии, игры прошлого были главным образом *событием* (на макроуровне – например, олимпийские соревнования или гладиаторские бои; на микроуровне – настольные игры в кругу приближенных или же в кругу семьи по праздникам или в особенное время). Сейчас же игры стали частью *повседневной социальной реальности* и буквально не представляют собой ничего особенного. Во многих случаях они составляют часть незаметной ежедневной рутины.

Именно представление о том, что игры составляют часть повседневной социальной реальности, и заставляет нас вернуться к приведенной выше цитате В.В. Савчука, в которой он соотносит медиа с «изоощренным способом симуляции». Медиа в целом, не только игры. В том числе и отсюда следует методологическая гипотеза о том, что для юриспруденции

---

¹ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА. – 2014. – С. 19.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 24.

⁴ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Early_history_of_video_games (дата обращения: 11.07.2019).

правовая проблематика игр, в действительности, представляет собой лишь частный случай общей проблематики, связанной с виртуальным и (или) своего рода симуляцией. При внимательном рассмотрении современных общественных отношений мы можем найти несколько областей, в которых ставится вопрос о разумных пределах воздействия права на отношения, предмет которых «виртуален», «несерьезен» или попросту «неактуален» в историческом смысле. Получается, что помимо компьютерных игр с точки зрения этой проблемы можно примерно в том же смысле рассматривать следующие проблемные области: критерии информации, запрещенной к распространению в Интернете (включающие оговорки о «художественном»);¹ правовые основы ограничения насилия и иных социально-осуждаемых феноменов в информационной продукции для детей;² уголовно- и административно-правовая защита исторической памяти;³ правовая оценка объективной стороны преступлений, совер-

---

¹ Приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 251, ФНС России ММВ-7-2/461@ от 18.05.2017, конкретизирующий критерии «информации, распространение которой [в Интернете] запрещено» в соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона об информации, в трех случаях из двадцати семи содержится оговорка о «художественных произведениях», а в двух случаях – о «художественной ценности». Например, к детской порнографии относится, в том числе, информация, направленная на возбуждение сексуальных чувств по отношению к несовершеннолетним либо оправдывающая сексуальное поведение в отношении несовершеннолетних, со следующей оговоркой: «за исключением художественных произведений, в которых описываются оправданные их жанром и (или) сюжетом отношения между несовершеннолетними, а также несовершеннолетними и взрослыми, не подпадающие под критерии, указанные в пунктах 1.1 – 1.3 настоящей главы». Получается, что художественные произведения иногда исключаются из сферы права, даже если формально подпадают под определенные критерии.

² Речь идет об ограничениях и принципах, выражающихся преимущественно в возрастных рейтингах. В России действует Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». За рубежом известны системы оценки возрастных рейтингов, такие как, например, PEGI (Pan European Game Information) или ESRB (Entertainment Software Rating Board). См. соответственно: PEGI Age Ratings [Electronic resource] // PEGI. – [Site]. – URL: <https://pegi.info/page/pegi-age-ratings> (accessed: 05.05.2019) и ESRB Ratings Guide [Electronic resource] // ESRB. – [Site]. – URL: http://www.esrb.org/ratings/ratings_guide.aspx (accessed: 05.05.2019). В целом вопрос о насилии в компьютерных играх может быть изложен не только в разрезе психологии, но и чисто в юридическом разрезе. В последнем случае вопрос, вероятно, должен ставиться так: когда термин «насилие», используемый в правовом тексте, может соотноситься с каким-либо феноменом, отраженным в контенте игры. Иными словами, в какой момент столкновение пикселей на экране (или – при какой степени детализации) может стать «насилием» в смысле законодательного термина? Ведь если доводить ситуацию до абсурда, шахматы могут рассматриваться как игра с рейтингом 18+, поскольку в ней, случается, слоны едят королей.

³ Хорошо известная практика по ст. 20.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, устанавливающей ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с ними до степени смешения. Один из

шенных с использованием имитации оружия (или иных объектов);¹ правовые конфликты относительно пределов допустимого художественного творчества;² возможность установления юридических запретов и применения юридической ответственности за шутки, анекдоты и пародии.³ В случае с каждой из указанных областей мы сталкиваемся с тем или иным проявлением **симуляции (имитации, подражания)** в широком смысле слова, и возникает вопрос о разумных пределах толкования и применения права к общественным отношениям, которые характеризует такая симуляция (имитация, подражание).

Таким образом, взяв за отправную точку частные проблемы многопользовательских компьютерных игр, мы пришли к достаточно универсальной проблеме, характерной для любого случая симуляции, имитации

наиболее понятных правовых конфликтов в применении данной нормы возникает в случае, когда реконструктор использует нацистскую форму в постановке какого-либо исторического сражения.

¹ Возникает понятная правовая дилемма: как следует поступить с человеком, который угрожал потерпевшему игрушечным (и здесь прослеживается параллель с имитацией, характерной для виртуального мира) пистолетом, и добился этим получения от потерпевшего денег. П. 4 действующего на момент написания настоящей работы Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержит следующую формулировку: «Если лицо угрожало заведомо для него негодным или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие (здесь и далее выделено мною – В.А.), например, макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой и т.п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения вреда, опасного для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств, предусмотренных в качестве признаков преступления) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена частью первой статьи 162 УК РФ, а в том случае, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо предметам, имитирующими оружие, деяние квалифицируется как грабеж».

² Один из возможных вопросов здесь, например, следующий: можно ли привлечь автора к ответственности за экстремизм (или, в ЕС или США, за “hate speech”), который содержится в высказываниях отрицательных (или любых других) героев, которые говорят от своего лица, а не от лица автора. При кажущейся абсурдности самой постановки вопроса для обычного здравомыслящего человека, такая проблема нередко обсуждается на практике. Один из ярких недавних примеров – обсуждение, случившееся вокруг одного из выпусков комикса про Дэдпула, см.: Черных А., Карпенко М., Миронова К. Роспотребнадзор победил супергероя. Часть комикса о Дэдпуле не допущена к печати в России // Коммерсант. 15.01.2019, стр. 5. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3854153> (дата обращения: 05.05.2019); В России отказались допускать к печати часть комикса о Дэдпуле // Lenta.Ru. 15 января 2019 г. – [Электронный ресурс]. – [Сайт]. – URL: <https://lenta.ru/news/2019/01/15/deadpool/> (дата обращения: 05.05.2019).

³ Здесь российский читатель, знакомый с историей и современностью страны, вряд ли нуждается в дополнительных пояснениях – речь идет о принципиальной возможности и допустимости «сесть за анекдот», а равно – о более «мягком» проявлении данной проблемы в виде возможности признания анекдота экстремистским материалом.

или подражания – что условно в целом можно характеризовать термином «виртуальный» и производными от него. Возможность такой универсализации определяет рассматриваемую проблему как проблему теории и философии права. Одно из конкретных теоретико-правовых проявлений данной проблемы – **поиск разумных пределов толкования и, как следствие, применения права к отношениям, предполагающим рассматриваемые симуляцию, имитацию или подражание.** Примечательно, что при таком ракурсе рассмотрения проблемы предвестником данного дискурса неожиданно становится не кто иной как Л.Л. Фуллер, который в «Анатомии права» пояснял: «В рамках любого общества есть позиции, которые *настолько противны общеразделяемым положениям, что их с легкостью отметит любой здравомыслящий* (выделено мною – **В.А.**) судья. Человек убивает своего отца; отвечая на предъявленное ему обвинение в убийстве, он утверждает, что его отец был добродетельным человеком, который был убежден в существовании рая; таким образом, лишая его жизни, он отправил его в край бесконечного счастья, которое его отец никогда не познал бы на земле; а значит, тот, кто дарует такое благо, должен быть вознагражден, а не наказан. Чиновник присваивает огромную сумму государственных денег; в ответ на выдвинутое против него обвинение он цитирует преамбулу к конституции, декларирующую, что государство существует для того, чтобы способствовать наибольшему счастью наибольшего количества граждан; деньги, которые подсудимый присвоил, сделали его очень счастливым; при этом следующее из этого факта уменьшение богатства каждого из остальных граждан бесконечно мало и не было способно произвести осязаемое уменьшение *их* счастья... Позиции, подобные только что предложенным, отвергаются не на основании статута, судебного решения или обычая. Их отрицание зависит не от права. Напротив, можно сказать, что право зависит от их отрицания, когда они представлены на суд обыденного непрофессионального суждения. Определенный внеправовой консенсус относительно того, что с очевидностью преступает границы, необходим для того, чтобы сузить периферию эксплицитного права до работоспособных измерений».¹ Конкретно в нашем случае те самые «общеразделяемые положения» предопределяют имплицитные правила здравого смысла, благодаря которым мы можем избежать абсурдных толкований правовых норм, связанных – конкретно в случае рассматриваемой проблемы – с виртуальным контекстом. Если бы мы излагали примеры Л. Фуллера на современный манер, то среди них мог бы оказаться пример, в котором игроку в компьютерную игру, «убившему» другого персонажа, было бы предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ («Убийство»). Но как, интересно, выявить данные имплицитные правила – иными словами, границы или пределы?

---

¹ Фуллер Л.Л. *Анатомия права* / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 313–314. Здесь и далее цитаты из англоязычных источников приводятся в переводе автора исследования.

Объем данной публикации не позволяет остановиться детально на процессе поиска необходимых и достаточных теоретических оснований, но отметим, что в итоге следует признать неудовлетворительными попытки обосновать данные границы исходя из таких совершенно разных направлений мысли как философии морали, «доктрина абсурдности» и прочие схожие попытки осмыслить абсурд в юридическом толковании, теория семантической нормативности, а также междисциплинарные концепции «магического круга» как грани, отделяющей реальное пространство, где действует право, от пространства виртуального, где право действовать не может.¹ Критическое осмысление указанных концепций объединяет то наблюдение, что мы не получим ясных и практически применимых результатов в случае, если будем пытаться использовать в качестве ключевого решения квалификацию отношений как таковых,² субъектов и (или) субъективной стороны.³

Методологические основания для выстраивания имплицитных пределов права, которые в метафорическом, но точном смысле можно назвать «**семантическими**»⁴ (т.е. определяющими границы правового по критерию смысла или, если использовать пространственную аналогию – границы права в смысловом пространстве, похоже на *sui generis* территориальные пределы применения правовых норм), усматриваются в концепции *обобщенных символических посредников* (“*generalized symbolic media*”) Т. Парсонса и последующих авторов, развивавших и интерпретировавших его идеи, прежде всего С. Абрютина.⁵ Кроме того, представляется,

---

¹ Подробный анализ представлен в Главе 2 проекта текста докторской диссертации автора, размещенном в онлайн-репозитории СПбГУ. См.: Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация (текст диссертации, предназначенный для обсуждения на кафедре теории и истории государства и права СПбГУ) // Апрель 2019 г. Репозиторий СПбГУ, URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/15466?locale=ru> (дата обращения: 10.07.2019).

² Например, для целей определения семантических пределов права не имеет смысла разделять отношения на «игровые» и «неигровые». И в «игровых» отношениях есть аспекты, на которые распространять право абсурдным не будет. Хотя бы в том случае, в котором та же компьютерная игра как программное обеспечение будет объектом авторского права.

³ «Настрой» социального актора на то, что он делает что-либо «в шутку» сам по себе для права вторичен. Человек может в шутку ударить другого и причинить смерть по неосторожности.

⁴ Такие границы или пределы в полном смысле слова можно было бы назвать и «смысловыми», но выбор термина «семантический» обусловлен еще двумя обстоятельствами: во-первых, при переводе на английский данный термин, в любом случае, будет переводиться как “semantic”; во-вторых, концепция семантических пределов права имеет достаточно четкие перспективы для применения при построении технических решений в области создания основанных на искусственном интеллекте (термин условный) систем анализа правовых текстов.

⁵ Наиболее полно такой методологический подход на данный момент представлен в следующей статье: Abrutyn S. Money, Love, and Sacredness: Generalised Symbolic Media and the Production of Instrumental, Affectual, and Moral Reality // *Czech Sociological Review*. 2015. Vol. 51. No. 3. – PP. 445 – 471.

что концепция символического капитала и экономическая антропология П. Бурдьё¹ также составляет вполне применимую основу для теоретического объяснения и оформления концепции семантических пределов права. Однако, если можно так сказать, П. Бурдьё занимался «символической макроэкономикой», тогда как исследователи обобщенных символических посредников как таковых занимаются ничем иным как «символической микроэкономикой». И нас интересует именно та часть концепции, где деньги, власть и прочие «медиа» рассматриваются, во-первых, как своего рода капитал или валюта, а во-вторых, как способные к взаимной конвертации.² Когда предмет общественных отношений обладает конвертируемой «социально-валютной ценностью» – подразумеваются такие обобщенные символические посредники, как деньги, политическая власть, влияние и другие ценности, которые составляют ткань социальной реальности, – то применение права к отношениям с таким предметом находится в рамках здравого смысла. Но если нет, то применение права к таким отношениям будет абсурдным и, как следствие, недопустимым. Отсюда следует и разграничение «виртуального» и «реального» по критерию наличия у предмета общественных отношений конвертируемой социально-валютной ценности, определяющей семантические границы права.

Но как определить, имеет ли предмет общественных отношений социально-валютную ценность? Поскольку все обобщенные символические посредники могут быть теоретически конвертированы один в другой, а деньги – это один из обобщенных символических посредников, значит, каждый из них теоретически может быть конвертирован в деньги. Эта мысль может показаться, на первый взгляд и говоря обыденным языком, пошлой и банальной. Однако это не так. Идея здесь не в том, что правом регулируется только то, что «стоит денег». Речь идет о другом, а именно о том, что правом может регулироваться только то, что *может, возможно, очень опосредованно и условно (и, скорее всего, с риском нарушения социальных норм), быть оценено в денежном эквиваленте*. Данная методология «теоретической коммодификации» может быть уподоблена критерию фальсификации научного знания К. Поппера в методологии науки: нет необходимости использовать в науке «сфальсифицированные» теории, и сама принципиальная возможность опровержения теории не делает эти теории ненаучными. Напротив, именно потенциальная фальсифицируемость и является собственно критерием научности. Точно так же и в случае с обобщенными символическими посредниками и их внешними рефе-

---

¹ См. напр.: Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992 – 1993). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

² С такой точки зрения, например, вложение денег в собственную успешную избирательную кампанию следует интерпретировать как конвертацию такого обобщенного символического посредника (или, в зависимости от концепции, внешнего референта ценности обобщенного символического посредника) в другой подобный – а именно, во власть. На более скромном уровне, поход в платную поликлинику может рассматриваться как конвертация денег в здоровье (с точки зрения С. Абурутина, это еще один обобщенный символический посредник) и т.п.

рентами ценности: любовь, например, не ополчится от того, что в рамках условной модели можно принципиально и теоретически допустить ее конвертацию в деньги. Главное этого не делать в тех формах, которые противоречат социальным нормам (скажем, манипулировать возлюбленной, мягко вымогая деньги). Также представляется сомнительным утверждать, что такая интерпретация концепции обобщенных символических посредников предполагает реконструкцию процесса формирования ценности в терминах экономики вместо коммуникативной теории. Напротив, экономический обмен в таком случае также рассматривается как разновидность коммуникации. Не экономика «поглощает» коммуникацию, а коммуникация – экономику.¹ Тем не менее, теоретическая конвертируемость иных обобщенных символических посредников в деньги, пусть она и будет «порочна» или «ошибочна» как социальная практика, возможна в качестве теории.

В заключение можем обобщить основные выводы. Итак, в условиях медиального поворота актуализируются правовые конфликты, связанные с вопросом о пределах возможного «вмешательства» права в область виртуального в широком смысле слова. Интерпретация данной проблемы для юриспруденции, с технической (юридико-догматической) точки зрения, предполагает анализ вопросов толкования права и, конкретно, соотношения между абсурдом и здравым смыслом в толковании и применении права. При этом нас интересует, в первую очередь, именно та разновидность абсурда, которая определяется выходом за «конечную область значений» правовых текстов как явления, нацеленного на социальную реальность повседневности. Пределы права, задающие границы между здравым смыслом и абсурдом такого рода, нельзя найти в классических концепциях догматической юриспруденции или в привычных на данный момент междисциплинарных исследованиях. Их следует реконструировать, используя концепцию обобщенных символических посредников, при том, что в качестве внешних референтов ценности используются предметы общественных отношений, в связи с которыми и возникает вопрос о принципиальной возможности применения права.² Таким образом, необходимый праву для реализации его функций как конвенциональной и формально-определенной модели социальной реальности «магический

---

¹ С. Абрутин справедливо относит Н. Лумана и Ю. Хабермаса к дискурсу об обобщенных символических посредниках и продолжателям направления мысли, наиболее явно выраженного Т. Парсонсом (хотя предпосылки концепции обобщенных символических посредников, как он отмечает, можно усмотреть и у ряда предшествующих мыслителей, включая К. Маркса).

² Отметим, что наряду с социально-валютной ценностью предмета общественных отношений также необходимым критерием видится функциональная адекватность такого предмета по отношению к тому, который входит в центральное значение (в терминологии Г. Харта) соответствующей правовой нормы. Т.е. если игровое оружие не стреляет так как настоящее, это тоже выступает естественным и очевидным критерием семантических пределов права, однако этот критерий был бы недостаточным – как, например, в ситуации «успешного» (для преступника) разбоя с использованием макета оружия.

круг» определяется конституирующими элементами такой социальной реальности – внешними референтами ценностей обобщенных символических посредников. С прагматической стороны теории права предлагаемая концепция семантических пределов права представляет собой, в том числе, развитие методологии толкования правовых текстов.

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Надежда Васильевна Белова
Воронежский государственный университет
Александр Васильевич Белов
Прокуратура Воронежской области

Аннотация: В статье авторы рассматривают вопросы влияния изменений уголовного закона на обеспечение правопорядка в стране. Приводится анализ некоторых изменений уголовного кодекса РФ 1996 года. Предлагается изменить подход к порядку внесения изменений в уголовный закон.

Ключевые слова: уголовный закон, правопорядок, взяточничество, экономические преступления.

THE NEED TO CHANGE THE CRIMINAL LAW AS A MEANS OF ENSURING LAW AND ORDER

Nadezhda V. Belova
Voronezh State University
Alexander V. Belov
Voronezh region Prosecutor's office

Abstract: In the article the authors consider the impact of changes in the criminal law on law enforcement in the country. The analysis of some changes of the criminal code of the Russian Federation of 1996 is given. It is proposed to change the approach to the procedure for amending the criminal law.

Keywords: criminal law, law and order, bribery, economic crimes.

Ни у кого не вызывает сомнений прописная истина о том, что закрепление и изменение законов – не самоцель, а один из инструментов поддержания правопорядка и обеспечения законности в обществе. Качество и совершенство содержания законов определяется в первую очередь его реализацией на практике.

Правовые нормы обеспечивают законность в обществе и являются не только предпосылками правопорядка, но и главным средством его достижения. Таким образом, закрепление новых норм в законе может быть обусловлено только возникновением новых общественных правоотношений. В погоне за «совершенствованием» законодательства в разных отраслях права было забыто основное назначение права – регулирование

общественных отношений¹. За это время вносилось так много изменений в закон, что содержание некоторых из них вызывает озабоченность в среде ученых и практических работников.

На примере Уголовного кодекса Российской Федерации можно отметить, что принимаются в основном не новые нормы, а вносятся изменения в нормы, которые уже имеют длительную практику применения. Так Центр стратегических разработок законодательства (ЦСР) констатировал, что если до 2004 года российский законодатель принимал новые законы, то сейчас он занимается правкой уже существующих. Это объясняется тем, что формирование «законодательной системы РФ проходило в два этапа. На первом происходило формирование законодательных норм с параллельным установлением их взаимосвязи, а на втором началось развитие системы законодательства».² Но стремление к совершенствованию закона в результате привело к росту нестабильности законодательства. К тому, что люди не понимают, совершают ли уголовно-наказуемое деяние или нет, а на практике из-за противоречий в законе возникают затруднения в применении этих норм. К сожалению, количество изменений уголовного закона не переросло в качество.

Почему же ученые обеспокоены происходящими процессами в законодательстве? Благородные намерения законодателя реагировать на преступные проявления, по существу, оборачиваются «хаосом» в законодательстве. У многих вызывает тревогу противоречивость и непоследовательность действий законодателя, порой не согласующихся с основными положениями Общей части Уголовного кодекса.³

Появление новых общественных правоотношений вызывает необходимость появления новых составов преступлений в Особенной части Уголовного кодекса. Так, появление в экономике нашей страны рынка ценных бумаг привело к разработке данного института в гражданском праве. В дальнейшем это нашло отражение в нормах уголовного закона, что было логичным. Мы можем обсуждать точность и корректность формулировок статей 185-185.5 УК РФ, но ни у кого не возникнет сомнения в необходимости закрепления этих составов преступления.

Другая ситуация складывается, когда кодекс предусматривает ответственность за конкретные действия, имеющие длительную практику применения, охватывающие все правоотношения в конкретной сфере, но законодатель начинает вносить в текст закона изменения, а затем изменения в изменения. Так произошло с составами, предусматривающими ответственность за взяточничество.

---

¹ Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

² Мораторий или дискуссия: как остановить «бешеный принтер» законодательства// pravov.ru

³ См. Дуюнов В.К. Реформирование уголовного законодательства должно быть обоснованным // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. №1(11). С.13.

За время действия УК РФ 1996 года в эти статьи вносились изменения четыре раза (редакции от 04.05.2011, 07.12.2011, 08.03.2015, 03.07.2016)¹. При этом концепция наказания за данные преступления была поломана в 2016 году с введением в уголовный закон статьи о мелком взяточничестве.

Уголовный кодекс 1996 года изначально закреплял ответственность за дачу взятки, ее получение и пособничество во взяточничестве. При этом независимо от размера предмета взятки лицо подлежало ответственности по частям первым статей 290-291 УК РФ. Государство всегда расценивало взяточничество как недопустимое явление, несовместимое с государственной службой. В случае совершения дачи взятки в размере до 25 тысяч рублей могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. С появлением ответственности в 2016 году за мелкое взяточничество в статье 291.2 УК РФ, которая снизила размер наказания в виде лишения свободы до одного года, сложилась противоречивая ситуация. Получилось, что взятки в размере менее десяти тысяч рублей стали менее общественно опасными деяниями. Совершая одинаковые действия, получая взятки до десяти тысяч рублей, до 03.07.2016 года лицо могло быть приговорено к трем годам лишения свободы, а сейчас – до года. Такими действиями законодатель невольно поощряет данное явление. «Якобы» борясь с взяточничеством, мы с одной стороны «как бы» ужесточаем наказание, а фактически снижаем его.

Такие изменения ставят под сомнение одну из важнейших целей уголовного наказания – социальную справедливость, которая отражает соразмерность общественной опасности совершенного деяния и строгость назначенного наказания. За одни и те же действия раньше лицу могли бы назначить более строгое наказание, чем сейчас. Но если закон смягчает наказание, то в соответствии со статьей 10 УК РФ применяется обратная сила уголовного закона. Получается, если предмет взятки был до десяти тысяч рублей и виновный был привлечен к ответственности по ч.1 ст. 290 и судимость еще не погашена, то при вступлении в законную силу статьи 291.2, предусматривающей более мягкое наказание, нужно применять обратную силу закона, переqualифицировать действия на статью 291.2 и (или) смягчить наказание, либо снять судимость. При введении в уголовный кодекс статьи 291.2 возникает вопрос о возможности применения обратной силы. Законодатель, по существу, провел амнистию этих пре-

---

¹ Федеральный закон от 04.05.2011 N 97-ФЗ (ред. от 04.06.2014) "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции"; Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"; Федеральный закон от 08.03.2015 N 40-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"; Федеральный закон от 03.07.2016 N 324-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации".

ступлений. Так каким же образом данные действия согласуются с направлением уголовно-правовой политики - борьбой с коррупцией?

Более курьезная ситуация появляется, когда законодатель то исключает составы из Уголовного кодекса, то обратно возвращает их, например статья 129 УК РФ, предусматривающая ответственность за клевету,¹ будучи исключенной 07.12.2011 года, была возвращена обратно 28.07.2012 года в виде статьи 128.1 УК РФ². То же произошло со статьей 173 УК РФ (лжепредпринимательство), исключенной³ 07.04.2010 года, и вернувшейся вновь⁴ 07.12.2011 года как статьи 173.1 и 173.2 УК РФ.

Такая практика расшатывает положения Общей части Уголовного кодекса. Так мы можем прийти к ситуации, при которой не будет необходимости в Общей части как таковой, останется действующей только Особенная часть. Но такой подход противоречит исторически сложившейся структуре уголовного закона, являющегося базовым в системе права. Главная особенность кодифицированных актов – тесная взаимосвязь и взаимосогласованность положений общей и особенной частей.

Поэтому возникает вопрос: «А нужны ли нам подобные изменения законодательства?». Уголовный закон стал «полем» для научных изысканий. В настоящее время возникла насущная необходимость в разрешении возникшей проблемы.

В теории права предлагаются различные пути разрешения сложившейся проблемы. Одна группа авторов предлагает установить «мораторий» на количество внесенных изменений, другие – принять новый уголовный кодекс, третьи – предусмотреть процедуру обсуждения «предлагаемых изменений».

На наш взгляд, законодательное закрепление «моратория» на количество внесенных изменений не потребует при взвешенном и продуманном подходе к их внесению. Принятие нового уголовного закона не исправит положение, это было бы следование принципу «разрушить до основания, а затем ...». Следует учитывать, что в общую часть уголовного кодекса вносятся лишь единичные изменения, позволяющие достичь реализации основных принципов.

Что же касается пересмотра отдельных положений уголовного закона, то заслуживает поддержки мнение Максимова С.В., что «необходимо не только сохранять, но и развивать теоретические основы будущего уголовного законодательства страны в надежде на то, что спуска непродол-

---

¹ Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"

² Федеральный закон от 28.07.2012 N 141-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"

³ Федеральный закон от 07.04.2010 N 60-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"

⁴ Федеральный закон от 07.12.2011 N 419-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

жительное время к мнению ученых-юристов вновь начнут прислушиваться по-настоящему, а не для оправдания заранее принятых решений».¹

Это также согласуется с необходимостью формирования позиции правоприменителей по возникающим вопросам, в том числе путем принятия руководящих разъяснений высшими органами судебной власти, обязательных для всех судов, других органов и должностных лиц, применяющих разъясняемые нормы права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

2. Дуонов В.К. Реформирование уголовного законодательства должно быть обоснованным // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2012. №1(11). С.13.

3. Максимов С.В. Уголовное законодательство России: настоящее и будущее // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. №1. С. 128–158.

О ПРАВОПОРЯДКЕ И ЛЕГИТИМАЦИИ ПРАВОВЫХ СУЖДЕНИЙ*

Максим Александрович Беляев
Институт государства и права РАН

Аннотация: Статья посвящена логико-эпистемическим основаниям правового дискурса, понимаемого как непрерывная цепь коммуникативных актов, эффектом осуществления которых являются определенные модификации нормативного поля. Автор показывает, что правовые суждения легитимируются *de facto* по модели ограниченной рациональности, и именно эту модель следует перенести и в парадигму нормотворчества.

Ключевые слова: правопорядок, законность, моделирование, суждения, правовой дискурс, коммуникация, Ю. Хабермас, П. Бурдьё, логическая модальность, нормативное, фактическое.

В настоящей статье я сформулирую несколько важных, хотя и достаточно абстрактных (формальных, требующих дальнейшего содержательного наполнения) утверждений, связанных с пониманием сущности коммуникативных действий (Ю. Хабермас) и правового порядка как поля, на котором действуют различные социальные силы (П. Бурдьё). Когда мы ведем речь о правопорядке или законности, естественным всегда выступает различие нормативного и фактического, при котором в первом случае мы говорим о том, как *должно быть*, а во втором – о том, как *есть* в действительности. Законность выступает либо моделью чего-то, либо «картой

---

¹ Максимов С.В. Уголовное законодательство России: настоящее и будущее // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. №1. С.128

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00177).

местности», моментальным снимком определенного положения дел. Степень детализации и модели, и карты задается нами относительно поставленных целей и задач. Какой-либо «натуральной» модели (карты) не существует, равно как нет и не может быть единственного масштаба измерения. Всё определяют исследовательские задачи, впрочем, последние должны быть правильно поставлены. То же самое можно сказать о правопорядке – еще одном инструменте познания и переделки социальной реальности.

С моей точки зрения, разговор о должном всегда оказывается намного более простым и легким, нежели разговор о фактах, поскольку граница должного естественно задается внутренними обстоятельствами, т.е. модальной логикой. Нормативная система, если она организована именно как система, вынуждена подчиняться определенным правилам, содержание которых максимально отвлечено от предмета регулирования, подразумеваемого указанной системой. Формализация морали, права, религии, эстетики, эпистемологии всегда и начинается, и заканчивается одинаково: от выделения базовых взаимосвязанных характеристик к развитию системы до некоторых весьма обширных пределов, когда содержание дискурса перестает уже быть понятным непрофессионалам. Но в каком-то смысле это всё еще весьма простое моделирование реальности жизни, которое можно перепоручить даже машине. Социум (точнее, какой-либо агент его) может отвечать лишь за эти базовые свойства, генерацию же теорем при заданной системе аксиом можно передать вычислительной машине, которая в таких случаях допустит гораздо меньше ошибок, ибо ее логические способности выше человеческих (в среднем, конечно же).

Совсем другое дело – разговор о том, что есть на самом деле. Он оказывается максимально трудным в силу того, что между различными научными школами и направлениями нет единства в понимании того, что считать сущим (действительным), а что таковым не считать. Если отвлечься от многообразия научных дисциплин и субдисциплин, то разница парадигмальная может быть отождествлена с разницей онтологической. Поэтому социальные конструктивисты утверждают, что мы видим мир сквозь те фильтры, которые сами предварительно создаем, тогда как смена оптики меняет и результаты наших исследований. Таким образом, если в нормативном может не быть ни единого процента от фактического, то в суждениях о факте присутствие нормативной модели всегда ощущается и может быть реконструировано (постмодернизм идет дальше, он пытается это присутствие деконструировать, что ему удается лишь с переменным успехом, и мы такие попытки вправе сейчас в расчет не принимать, их неопределенность не позволяет возвращать их результаты в лоно практической деятельности, как того хотели бы правоведа, к примеру).

Рассмотрим, как складывается взаимодействие нормы и факта на примере правовой системы. Известно, что оптимизация социального регулирования может приводить к результатам, противоположным по сравнению с задуманными. Например, правовая система становится все более рациональной (формально определенной, логичной, детализированной), а в ней вдруг возникают парадоксальные явления – регулирующее воздействие, направ-

ленное на уменьшение определенных рисков, способствует в действительности их увеличению. Или ужесточение юридической ответственности оказывает дестабилизирующий эффект и провоцирует движение вспять (обвинители не обращаются в суды с требованиями максимального наказания, предусмотренного законом, т.е. правоохранительная система действует вразрез с интенцией законодателя). На первый взгляд, таким явлениям просто неоткуда взяться, если только не считать это чьей-либо провокацией, но такое объяснение было бы чересчур примитивным. С моей точки зрения, здесь необходимо вести речь о дефектах нормативной коммуникации или о дефектной легитимации правовых суждений. Поясню, о чем идет речь.

Нормативная коммуникация – это взаимодействие акторов, которое обладает следующими признаками:

1) поводом для взаимодействия может служить любой элемент нормативного поля;

2) в ходе взаимного обмена информацией правило поведения из возможного становится действительным, поскольку осуществляется одна из нескольких моделей значимого (для лица, издавшего норму) поведения;

3) как минимум один результат социального взаимодействия из множества возможных является объектом, включенным в аксиологическую область участника коммуникации. Это означает, что по поводу некоторого положения дел А субъект нормативной коммуникации может вынести суждение вида:

- А есть благо,

- А есть зло,

- А нейтрально.

Из этого перечня свойств также следует, что коммуникативный акт, состоявшийся в нормативном поле, может иметь своим итогом модификацию самого нормативного поля, либо быть поводом к осуществлению нового коммуникативного акта, а в наиболее распространенном варианте способствовать модификации нормативного статуса того или иного субъекта (например, если рассматривать право, речь может идти о переходе гражданина из положения подозреваемого в положение обвиняемого, из статуса собственника – в статус арендодателя и т.п. Данный вариант является наиболее вероятным и усредненным, поскольку не приводит к возникновению новых юридических предписаний, в то же время, если интересы сторон удовлетворены, смысла продолжать коммуникацию уже нет – это характерно для гражданского права. В уголовном праве ситуация прямо противоположная, там, как правило, коммуникация продолжается – причем в достаточно формальном и ритуализированном виде, что присуще главным образом судебному процессу).

Коммуникативность в данном случае – отнюдь не метафора, вводимая в теорию ради красоты и понятийного разнообразия. Уместно полагать, что речь идет о руководящем принципе социального взаимодействия. Коммуникативность предполагает, во-первых, открытость индивидуального сознания к принятию определенного порядка (принцип гибкости), во-вторых, взаимное признание участниками общения друг друга именно в том статусе, кото-

рый позволяет данное общение конструктивно развивать (принцип взаимного признания). Отсутствие первого условия означает в лучшем случае поведенческий конформизм, в худшем – состояние анонии. Отсутствие второго условия ведет к возникновению ситуаций потестарного типа, где актуальные проблемы управления решаются простым принуждением со стороны носителя властных полномочий, а те группы населения, которые не включаются в процесс принятия решений, либо устраивают свою жизнь самостоятельно, образуя вокруг себя новое нормативное поле (на сей раз полуформальное), либо примыкают к иному носителю власти в поисках защиты.

Таким образом, нормативная коммуникация представляет собой эффективный способ сохранения (а также расширения и изменения) того или иного социального порядка. Указание на критерий эффективности здесь подразумевает, что затраты участников общения на достижение значимых целей могут быть оптимизированы. Простейший принцип оптимизации вытекает из самой природы социального взаимодействия. Чем интенсивнее осуществляется общение, тем проще и рациональнее должно быть соответствующее нормативное поле, в противном случае оно будет затормаживать социальный обмен, как горизонтальный, так и вертикальный (и делать его менее прозрачным). Понятие рациональности, как видно, входит в теорию социального порядка тем же путем, каким оно в свое время было введено в экономику. Известно, что в неоклассической экономике рациональной является максимизация полезности индивидов в пределах ресурсов, которыми они обладают, знаний, которыми они располагают, и ожиданий в отношении действий иных партнеров. Молчаливо предполагается, что рациональные индивиды настолько компетентны в когнитивном смысле, что умеют не только соотносить выгоды и издержки, но и понимают последствия своих действий. Это очень сильное допущение, в дальнейшем будем называть его моделью неограниченной рациональности.

Данная модель даже приблизительно не описывает реальность политического или правового общения. Причины достаточно очевидны. Во-первых, к политике и праву зачастую нельзя применить понятие индивидуальной полезности, иногда ради достижения общей цели нужно жертвовать личными интересами, а в определенные исторические периоды (к таковым, без сомнения, относятся войны) продолжать соизмерять выгоды и издержки ради повышения собственного благополучия есть нечто аморальное. Во-вторых, неограниченная рациональность предполагает, что коммуникация идет только между индивидами, в то время как в политической реальности действующими лицами могут быть коллективы людей – группы влияния, политические партии и т.д. В конечном итоге, коммуникантом может быть столь же неустрашимый, сколь и неопределенный участник, каковым является народ, который не очень-то рационален. Народ, масса, толпа – это пример импульсивно действующих агентов, чьи способности к абстрактному мышлению сильно ограничены, и этим подобного рода субъекты отличаются от индивидов, при том, что устранить их из процесса принятия решений нельзя даже в рыночной экономике, не говоря уже о политике. В-третьих, неоклассическая модель рациональности

применима лишь там, где обеспечена информационная прозрачность. Так, к примеру, правила игры на рынке ценных бумаг должны быть не только доступны, но и понятны всем желающим, в т.ч. потенциальным игрокам, а не только регулирующим и надзирающим инстанциям. В-четвертых, модель неограниченной рациональности работает только в отношении простых и стереотипных действий, чьи последствия можно предвидеть. Рыночное поведение среднестатистического индивида, безусловно, относится к таким действиям, а принятие политических и правовых решений – нет.

В таком случае необходимо вести речь об ином подходе, менее универсальном и допускающем элементы неопределенности. Логично было бы назвать такой подход теорией ограниченной рациональности, имея в виду все те случаи социального взаимодействия, когда максимизация полезности может стать бессмысленной (или недостижимой в силу невозможности за приемлемое время вычислить значение соответствующей сложной функции). В этой модели отсутствует заведомо невыполнимое стремление всесторонне описать реальность, сохраняется лишь общий принцип, согласно которому люди всегда желают обеспечить определенный уровень удовлетворения потребностей, хотя и вынуждены при этом действовать в условиях неполноты информации. Видимо, имеет смысл причислить к ограниченной рациональности такие специфические черты как неспособность участников взаимодействия просчитывать все возможные действия контрагентов в будущем, а также учесть несоизмеримость аксиологических областей для разных субъектов (одно и то же положение дел может оцениваться субъектом А как хорошее, субъектом В – как плохое, но они оба могут быть правы – именно в силу различия оснований оценки).

Для нормативной коммуникации чрезвычайно важным является понимание принципа ограниченной рациональности и следование ему. Это имеет силу как для вертикальных, так и для горизонтальных связей. Почему возникают парадоксы правового регулирования? Потому что законодатель, издавая новые нормы, исходит из неограниченной рациональности людей и их коллективов. Негласно предполагается, что любая дифференциация правового режима будет воспринята как легитимная в силу своей формальной определенности, связи с политическим сувереном и общей логикой развития правовой системы (т.е. ее экспансии во все области жизни). Но тогда общество находится под угрозой юридикации, т.е. сверхрегулирования, когда объем предписаний возрастает настолько, что в нем уже невозможно ориентироваться в разумные сроки. Результат, таким образом, становится прямо противоположным замысленному. Законодатель, вводя новые порядки, имеет в виду повышение эффективности, но сами его действия данную эффективность резко снижают, последствием чего становятся спровоцированные публичной властью нарушения закона (если закон невозможно исполнить, его приходится нарушать).

Представления автора правовых норм о неограниченной рациональности участников правовой коммуникации столь же необоснованны, сколь вредны. В чем-то они коррелируют с идеалом нормотворческой непогрешимости суверена, на который опираются представители школы

юридического позитивизма, выводящие текст закона из-под любой возможной критики. На мой взгляд, эффективность сама по себе не является единственной целью политического и правового общения. Предписания не могут автоматически усваиваться населением, поскольку люди – не роботы. В каждом социуме есть определенные ценности, традиции, обычаи и коллективный менталитет, которые всегда будут сопротивляться внедрению экономической модели в отношения, далекие по своей природе от рыночных. Если бы право совпадало с экономикой, оно было бы излишним, поскольку можно было бы надеяться на саморегулирование. Однако идеал самостоятельно действующей личности, осознающей свои потребности и выбирающей наиболее оптимальный способ их удовлетворения, так и остается недостижимым – именно в силу того, что социум представляет собой не просто арифметическую сумму таких индивидов, а нечто большее – самостоятельную реальность (что бы ни говорила по этому поводу экономическая теория).

Хочется отметить, что разработка теории ограниченной рациональности представляет собой общую задачу для всего корпуса социально-гуманитарного знания. Философия здесь играет лишь самую общую роль, она не подменяет собой конкретику политологии, юриспруденции, экономики. Тут важно даже не методологическое руководство, а мировоззренческий поворот. Если верно, что философским идеалом всегда был критицизм, то сейчас настал тот момент, когда следует критически посмотреть на сам разум, на тот идеал разумности, который, хотим мы того или нет, исторически несостоятелен. При этом философ отлично понимает, что за границами разумного лежит не область чистого хаотического абсурда, а жизненный мир Другого, область, подпадающая под иную систему координат. Именно этот факт требует учета и в теории нормативной коммуникации, которая не может быть выстроена по модели трансцендентального субъекта. Поиск более реалистических представлений о субъекте является интересным и перспективным направлением развития для современной критической теории общества.

В свою очередь, правоведам нелишне помнить о том, что взаимное признание является необходимым условием легитимности. Применительно к сфере права такое признание, как правило, не может быть достигнуто просто и безболезненно, поскольку входящие в круг обсуждающих то или иное правило агенты любой итоговый рациональный выбор совершают посредством самоограничения, что не соответствует человеческой природе. С другой стороны, самоограничение представляется более ценным, если альтернативой ему остается потеря личной свободы, а при нарастающей юридикации общества данная угроза вполне реалистична.

Дискурсивная легитимация правовых суждений (социальный факт, находимый нами в обществах, эволюционирующих в сторону большей личной свободы) предполагает следующие моменты:

- (1) несовпадение легитимности власти и легитимности нормы;
- (2) антипозитивистскую методологию анализа субстанциальных свойств правовой системы;

(3) пристальное внимание к правосознанию как среде возникновения, циркуляции, модификации правовых смыслов;

(4) аналитическое выделение в составе данных смыслов идеологом – знаково-символических единиц особой природы.

Указанные выше моменты должны быть зафиксированы теорией в статусе, с одной стороны, проблематизаций, с другой – герменевтических принципов юридической философии и социологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Курочкин А.В. «Коммуникативная эффективность»: концептуализация понятия и перспективы использования в теории и практике управления // Человек. Сообщество. Управление, 2013. № 4. С. 87.

Швери Р. Теория рационального выбора: универсальные средства или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 37 – 46.

Fischel William A. Exploring the Kozinski Paradox: Why Is More Efficient Regulation a Taking of Property // Chicago-Kent Law Review, 1991. Vol. 67, p. 865.

van Gunsteren Herman R. A Theory of Citizenship: Organizing Plurality in Contemporary Democracies / Boulder, Col.: Westview Press, 1998, pp. 36-38.

van Gunsteren Herman R. The Quest for Control: A Critique of the Rational-Central-Rule Approach in Public Affairs / London: John Wiley, 1976.

Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats / Suhrkamp Verlag, Frankfurt a/M., 1992.

Sunstein Cass R. Paradoxes of the Regulatory State // The University of Chicago Law Review, 1990. Vol. 57, № 2, pp. 407-421.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОПОРЯДКА

Юрий Юрьевич Ветютнев

*Волгоградский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Аннотация: статья посвящена роли герменевтики в изучении правопорядка. Делается вывод, что в герменевтическом отношении правопорядок действует как структура взаимонаправленных, содействующих и противодействующих друг другу актов понимания-объяснения, в ходе которых актуализируются и легитимируются элементы, подвергаемые толкованию, благодаря чему путем генерирования новых текстов этот порядок и осуществляет самовоспроизводство.

Ключевые слова: правопорядок, текст, герменевтика, интерпретация, смысл.

HERMENEUTIC APPROACH TO THE STUDY OF LAW AND ORDER

Abstract: the article is devoted to the role of hermeneutics in the study of law and order. It is concluded that, in hermeneutical terms, the rule of law acts as a structure of mutually directed, facilitating and opposing acts of understanding-explanation, in the course of which the elements subjected to interpretation are actualized and legitimized, so that by generating new texts this order carries out self-reproduction.

Key words: law and order, text, hermeneutics, interpretation, sense.

Герменевтика – это не столько доктрина, картина мира или научный метод (хотя и то, и другое, и третье...), сколько сама практика интенсивного мышления, в которой выявить значение знака – значит сделать его явным в том числе для других.

Герменевтический подход ориентирован на общение с многообразием предметов, включая устное звучащее слово, письменные тексты и визуальные символы. Герменевтика требует как систематичности, т.е. постоянства работы с текстами для поддержания непрерывности смыслового континуума, так и свободы, т.е. мыслительной раскрепощенности.

Герменевтический подход опирается на бесспорную смысловую открытость текста одновременно как на факт и ценность. Так, с точки зрения П. Рикера, герменевтика – это расшифровка символа, который показывает смысл через его сокрытие, предзадавая разнообразие возможных интерпретаций: «Не лишено смысла, если мы попытаемся очертить то, что можно было бы назвать семантическим ядром всякой герменевтики, будь она общей или частной, фундаментальной или специальной. Представляется, что общий элемент, присутствующий всюду - от экзегезы до психоанализа, - это определенная конструкция смысла, которую можно было бы назвать двузначной или многозначной; ее роль всякий раз (хотя и несходным образом) состоит в том, чтобы показывать, скрывая. И я полагаю, что этот анализ языка сосредоточивается на семантике показанного-скрытого, на семантике многозначных выражений»¹.

При этом даже самая сложная интерпретация неизбежно обедняет многозначность символа; исходный текст всегда богаче полученного толкования; любая интерпретация дает лишь отдельный сегмент общего смысла.

Разумеется, речь вовсе не идет о дурной индифферентности бесконечных значений, при которой любое из них считается одинаково пригодным, а значит, их ценность девальвируется. Герменевтика не лишена собственной идеи истинности, которая рассматривается, впрочем, не как единственно возможная правильность идеи, а как последовательность (когерентность), согласованность идеи и текста, допускающая плюралистичность и даже противоположность получаемых интерпретаций, но не в ущерб их сообразности предмету толкования. Так, основатель современной философской герменевтики Ф. Шлейермахер считает основным правилом интерпретации соотношение между собой различных смысловых уровней текста: «Если они не согласуются, необходимо вернуться, пока не обнаружится ошибка в расчете»².

Правопорядок в таком ракурсе предстает, конечно, не как состояние правомерности и уж тем более не как результат всеобщего соблюдения юридических требований, поскольку в первом варианте он был бы слишком неопределенным понятием, а во втором – и вовсе невероятным, несуществующим явлением, в силу этого не подлежащим исследованию³.

---

¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2002. С.43.

² Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. С.68.

³ Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

Реализм герменевтики состоит именно в том, что она имеет дело лишь с подлинно существующими знаково-символическими комплексами, и поэтому с точки зрения этого подхода правопорядок может восприниматься лишь как текст, или как набор текстов – в зависимости от того, приписывать ли ему качество целостности или, напротив, описывать как совокупность относительно разрозненных объектов, лишенных единства.

Так или иначе, герменевтически правопорядок можно видеть как гипертекст, части которого могут иметь различную природу, но в любом случае связываются между собой сложной сетью отсылок.

С герменевтической точки зрения основополагающей функцией правопорядка выступает не столько управление, разрешение конфликтов или защита чьих-либо интересов, сколько смыслопорождение. Тексты, составляющие правопорядок, ценны прежде всего как объекты интеллектуального усилия.

Разумеется, такого рода приоритеты не могут не входить в противоречие с внутренними установками самого правопорядка, следствием чего становятся своего рода «антигерменевтические» настроения и установления в недрах официального права.

Радикально разные эффекты и интенции подходов, направленных на решение двух самостоятельных задач: с одной стороны, на постижение смысла правовой реальности, с другой, на достижение какого-либо практического результата правовыми средствами.

На эту двойственность обратил внимание, например, А.Н. Уайтхед применительно к социальному символу: «Практически он означает направление индивидов на определенные действия; а теоретически он означает неопределенные первичные основания с их эмоциональным аккомпанементом, посредством чего символы обретают энергию для организации смешанной толпы в равномерно действующее сообщество»¹

Одним из проявлений этой тенденции является принцип «окончателности толкования», присущий отечественной модели конституционного правосудия (ст.79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994 №1-ФКЗ)².

Отметим, что в целом сама конституционная юстиция в том виде, как она сложилась в России к настоящему моменту, с герменевтических позиций выглядит довольно противоречиво: признание одних постулатов герменевтического метода в рамках этой теоретической модели соседствуют с отрицанием других, не менее фундаментальных идей. Так, законодательное указание на «обнаружившуюся неопределенность» как основание для начала конституционно-судебного разбирательства (ст.36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») в полной мере отвечает духу герменевтического исследования. Однако в последующем создатели концепции конституци-

---

¹ Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999. С.54.

² Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации.1994. №13. Ст. 1447.

онного судопроизводства расходятся с представителями философской герменевтики, когда полагают, что устранение этой неопределенности возможно (1) путем выработки единственно верного решения и (2) его легализации через авторитет государства.

Разумеется, само закрепление «окончательной» силы интерпретаций, осуществляемых Конституционным Судом РФ, не исключает и даже требует герменевтического осмысления, в частности, по следующему вопросу: как совместить окончательность толкования с конституционным принципом свободы мысли (ч.1 ст.29 Конституции РФ)?

Как представляется, здесь возможен ответ, примиряющий ригористический формализм конституционной юстиции и плюралистическую устремленность герменевтики: под окончательным толкованием имеется в виду не объективная истинность полученного результата, останавливающая все дальнейшие поиски смысла, а лишь оперативное указание руководствоваться именно этим, а не другим пониманием текста при принятии решений, затрагивающих чьи-либо интересы.

Аналогичные выводы касаются и института толкования договора в гражданском праве, где действующее законодательство, вмешавшись в существо интерпретационного процесса, объявило о приоритете буквального понимания (ст.431 ГК РФ): «с теоретической точки зрения прежде всего необходимо строго различать, с одной стороны, толкование гражданско-правового договора как совершенно свободный интеллектуальный процесс, не подчиняющийся законодательному регулированию, а устроенный по принципам герменевтического круга и конфликта интерпретаций; с другой стороны, применение судом условий гражданско-правового договора, основанное на его толковании, но вынужденно требующее свести все богатство смыслов текста к одному из его вариантов в соответствии с выявленными обстоятельствами дела – и именно этот процесс может при необходимости регламентироваться законодательно»¹.

В классической герменевтике Ф. Шлейермахера существует два вида толкования – грамматическое, обращенное к тому, что сказано, и психологическое, направленное на внутренний мир автора, причем полнота понимания достигается только при их соединении.

Герменевтический круг следует начинать с изучения отдельных частей, поскольку целым интерпретатор всегда уже владеет: в качестве целого выступает язык. Из любой части может развернуться смысл целого.

Универсальный способ открывания смыслового пространства текста – это вопрошание, т.е. формулирование таких высказываний, которые выявляют смысловые лакуны и призывают к их восполнению. Благодаря вопросу кажущаяся ясность преобразуется в загадочность, создавая пустое поле для самореализации интерпретатора в неперенном содружестве с самим текстом и его автором: «не извлечение существующих правовых смыслов из авторитетных источников с целью их последующего применения к той или иной ситуации, но и не произвольное конструирование

---

¹ Рыженков А.Я. Введение в философию гражданского права. М., 2019. С.159.

этих смыслов, а их воспроизводство в диалоге с традицией, частью которой мы являемся»¹.

Например, понятие «справедливость», как известно, в Конституции Российской Федерации использовано лишь один раз – в Преамбуле, в контексте «памяти предков, передавших нам веру в добро и справедливость». С точки зрения герменевтики, корректен и плодотворен вопрос: что в данном случае понимается под справедливостью? На этот вопрос существуют относительно разнообразные ответы, одному или нескольким из которых, в свою очередь, можно придать официальное привилегированное значение. Однако с точки зрения юридической практики излишним окажется вопрос, который исходя из герменевтического подхода, напротив, является не менее приемлемым, чем предшествующий: почему в преамбуле Конституции справедливость связывается именно верой? Он позволяет выявить заложенную в тексте скрытую установку на иррациональность, в силу которой ценности предстают предметом веры, а не знания. Идея иррационализма не только «подсвечивает» всю конструкцию, но и объясняет странную неопределенность столь, казалось бы, потенциально работоспособного принципа, как справедливость: он потому и не раскрывается, что изначально представляет для самих авторов нечто таинственное по природе.

В герменевтическом отношении правопорядок действует как структура взаимонаправленных, содействующих и противодействующих друг другу актов понимания-объяснения, в ходе которых актуализируются и легитимируются элементы, подвергаемые толкованию, благодаря чему путем генерирования новых текстов этот порядок и осуществляет самовоспроизводство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. - М: Канон, 2002. – 624 с.
3. Рыженков А.А. Введение в философию гражданского права. - М.: Юрлитинформ, 2019. – 176 с.
4. Сатохина Н.И. Значимая фактичность: ценностные основания права в опыте//Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования/Под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. - Минск: Академия МВД, 2019. - С.197-202.
5. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. - Томск: Водолей, 1999. – 64 с.
6. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации.- 1994. - №13 -. Ст. 1447.
7. Шлейермахер Ф. Герменевтика. - СПб.: «Европейский дом», 2004. – 242 с.

---

¹ Сатохина Н.И. Значимая фактичность: ценностные основания права в опыте//Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования/Под ред. В.И. Павлова, А.Л. Савенка. Минск, 2019. С.200.

ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЫ И ПОПЫТКИ ЕЕ ГУМАНИЗАЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Михаил Валентинович Вольский
Воронежский институт ФСИН России

Аннотация: в статье обсуждаются вопросы, связанные с проблемами реформирования отечественной пенитенциарной системы в первой половине XIX в. и попытками государственной власти ее гуманизации. Автор обращает внимание на то, что указанный опыт может быть востребован и в наши дни в рамках проходящей в Российской Федерации реформы уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: тюрьма, каторга, ссылка, тюремная служба, государство, гуманизация, уголовно-исполнительная система.

Места заключения в российской истории всегда играли важную роль среди государственных органов и учреждений.

Попытки исследования национальной пенитенциарной системы были как в период Российской Империи, так и в советский период. Они являли собой подчас стремление к поиску особенностей развития тюремной системы в целом и службы в ней сотрудника в частности. В современной исторической науке эти тенденции сохранились.

Важно отметить, что вопросы реформирования тюремной системы и попытки ее гуманизации в Российской Империи неоднократно рассматривались правительством в течение XIX в. Подобные изменения для уголовно-исполнительной системы были обусловлены необходимостью реорганизации основ тюремной службы, мест заключения и относились ко времени правления как Александра I, так и Николая I.

В 1804 г. принимается «Инструкция для смотрителя московского тюремного замка и караульного офицера»¹ – одна из первых попыток внести изменения в основы тюремной службы. Весьма интересным представляется гуманизм смотрителя и караульного офицера, которых обязывали предотвращать нарушения дисциплины наиболее человечными способами, связанными с «урезанием норм питания для заключенного и помещении его ненадолго в одиночное место содержания»². Существовало даже прямое указание для тюремного смотрителя «не отступать от норм человеколюбия»³.

Надо сказать, что данные идеи в значительной мере опережали свое время в плане гуманного отношения к людям, лишенным свободы.

Словное деление заключенных предусматривало освобождение дворянства от принудительных работ. Остальные должны были выполнять несложную, но монотонную работу, что считалось полезным для их содержания в местах исправления. Для всех заключенных также запрещали переписку и налагали запрет на выдачу письменных принадлежностей. Одновременно для чтения разрешалась исключительно религиоз-

---

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – Т.1. М., 1961. С. 105.

² Гернет М.Н. Указ. соч. С. 112.

³ Там же. С. 115.

ная литература. Присутствовало среди арестантов и самоуправление, выражавшееся в выборной должности старосты для каждой камеры. Обязанности старосты включали сотрудничество с персоналом мест заключения и санитарные функции, т.е. следить за чистотой и гигиеной во введенном ему помещении.

Следующим этапом в указанном процессе становится подобная инструкция 1819 г., автором которой был губернский прокурор Санкт-Петербурга. В данном документе присутствовала попытка исправить несовершенства предыдущих служебных положений. В ней добавили обязанностей старосте тюремной камеры. Теперь он отвечал за присутствие заключенных на утренней и вечерней молитвах. Одновременно старосте поручалась раздача суточных денег на питание. К тому же ввели правила курения, запретив его в определенных местах¹.

Собственно, все упомянутые инструкции можно признать непроработанными с законодательной точки зрения. Скорее они стали основой для подготовки в дальнейшем общей тюремной инструкции в 1831 г., предназначенной для всех мест заключения в Российской Империи.

В 1819 г. император Александр I делает серьезный шаг на пути гуманизации режима в российской тюремной системе. Речь идет о создании Российского попечительского о тюрьмах общества. Наконец, идеи европейских просветителей, приветствуемые в царствование Екатерины II, получили свое законодательное воплощение. Кстати, не последнюю роль в появлении попечения о тюрьмах сыграл визит в Российскую Империю известного английского мецената и филантропа Вальтера Веннинга². Надо сказать, что этот английский общественный деятель ратовал за преобразование мест заключения на основе норм христианской морали, и его пребывании в России подтолкнуло официальную власть к созданию общества попечения о тюрьмах аналогичного уже действующему в Лондоне.

В учредительных документах Российского попечительского о тюрьмах общества были прописаны основы нравственного и духовного исправления заключенных во время их пребывания в заведениях исправительной системы³.

Что же предлагалось для нравственного исправления заключенного в первой половине XIX в.?

Среди подобных мер предлагались: постоянный надзор, размещение заключенных по степени тяжести преступлений, религиозные занятия и молитвы, помещение нарушителей дисциплины в одиночную комнату⁴. Главное место в данной концепции занимали религиозные методы перевоспитания. Заключенные должны были читать христианские книги, вести со священником христианские беседы и значительное свободное

---

¹ Гернет М.Н. Указ. соч. С. 117 – 118.

² Тальберг Д. Общество попечительское о тюрьмах. // Журнал гражданского и уголовного права. 1878. № 5. С. 87.

³ Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российского государства в XVIII - начале XX в. - М.: Изд-во Акад. МВД РФ, 1996. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

время уделять молитве. Помимо этого, на видных местах для заключенных предлагалось разместить правила поведения и запреты на курение и употребление напитков, содержащих алкоголь¹.

Нельзя не отметить, что само попечительское общество оставалось негосударственной организацией и не имело непосредственного влияния на российские исправительные учреждения. Кстати, такие же правила были для аналогичных попечительских обществ тюрем за рубежом.

Не рассматривались в правилах попечительского общества и вопросы прохождения тюремной службы. Несмотря на это, данное общество, приобрело в России важное значение, особенно в условиях отсутствия законодательной базы для деятельности тюремного ведомства.

По мнению исследователя М.Н. Гернета, возникновение попечительского общества «придало новый импульс развитию всей системы исправительных российских учреждений»². Сама деятельность упомянутой организации поставила перед официальной властью ряд насущных вопросов, необходимых к разрешению.

Постепенно в первой половине XIX в. происходит отмена институтов тюремного замка. Одновременно создаются каторжные тюрьмы и остроги для исполнения наказаний. К тому же продолжают свою деятельность монастырские тюрьмы, арестантские роты и военные крепости как места лишения свободы. Не хватало только единой системы, объединяющей все вышеназванные российские исправительные учреждения.

В годы правления императора Николая I появляется новый системный документ «Инструкция смотрителям тюремных замков» 1831 г.³ Он постарался обобщить опыт всех предыдущих правил содержания заключенных в тюремных учреждениях.

Интересно, что указанный документ не получил законодательной поддержки, однако был во многом проникнут идеями гуманизации системы исполнения наказаний. Данная тюремная инструкция длительное время определяла внутренний режим деятельности мест заключения.

Документ содержал 12 глав с 245 статьями. В главах предусматривалось: прием людей в места заключения, хранение имущества арестантов во время заключения, внутренний распорядок исправительных учреждений, санитарные правила поведения арестантов, препровождение арестантов в присутственные места, отопление и освещение места заключения, организация больницы, правила приема посетителей арестантов, отправление религиозных нужд арестантов и создание тюремной больницы.

Сказалось на данном документе и влияние попечительского тюремного общества. Религиозному и нравственному воспитанию с изучением Закона Божья уделялось значительное место. Более того, есть профессиональные рекомендации тюремным священникам по индивидуальной нравственной работе с каждым заключенным. Вообще, священник дол-

---

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – Т.1. М., 1961. С. 100.

² Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – Т.1. М., 1961. С. 102.

³ Инструкция смотрителям тюремных замков. СПб., 1857. – 87 с. С. 12

жен был представлять духовный пример для подражания как для персонала тюремного замка, так и для арестантов.

Отдельно в документе выделялись обязанности смотрителя тюремного замка, в них делался упор на исправлении не закоренелых преступников. Наставлять на путь истинный оступившегося арестанта смотритель тюремного замка должен был исходя из нравственных и религиозных воспитательных мероприятий. Кстати, указывалось, что при наказании заключенного смотритель «должен сохранять душевное спокойствие и отринуть собственные обиды и амбиции», предписывалось соблюдать человеческое достоинство заключенных¹.

Одновременно смотритель тюремного замка не имел права привлекать к труду заключенных для собственных нужд. Вообще, труд арестантов в инструкции подлежал жесткой регламентации. Подневольные работы заключенных признавались полезными для них, т.к. повседневный труд приводил к нравственному перевоспитанию. Помимо этого, труд заключенных способствовал постоянному повиновению². В документе содержалась мысль о том, что арестант должен понимать общественную полезность собственного труда. Подобный подход должен был способствовать его интеграции в общество. Надо сказать, что российские законодатели еще в первой половине XIX в. сформулировали одну из важнейших правовых и моральных норм для будущих российских исправительных учреждений.

Назначать на работы смотритель тюремного замка мог с учетом тяжести преступления, состояния здоровья заключенного, его физическими возможностями и половой принадлежности. Здесь, кстати, тоже содержались нормы, вошедшие в более поздние служебные инструкции для мест заключения.

Для женщин работа включала уборку помещений, стирку белья и мытье полов. В назначении принудительных работ строго соблюдался сословный принцип. Чиновники и лица, принадлежащие к дворянскому сословию, выполняли канцелярские и физически необременительные виды труда. Иногда принудительные работы для дворян сводились к чтению духовной и нравственной литературы³. Тяжелые работы предлагались для арестантов недворянского происхождения. Смотритель тюремного замка и надзиратели могли использовать арестантов недворянского происхождения и как прислугу во время приема пищи. Поощрялась для арестантов и организация кустарного производства⁴.

Смотритель тюремного замка должен был периодически производить досмотр самих арестантов и их вещей на предмет наличия запрещенных предметов. При этом предписывалось соблюдать строгие меры безопасности, т.е. производить досмотр в присутствии надзирателей и караульного офицера.

---

¹ Инструкция смотрителям тюремных замков. СПб., 1857. С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Инструкция смотрителям тюремных замков. СПб., 1857. С. 15

⁴ Там же. С. 16

Подробно отмечалось раздельное содержание арестантов по роду их преступлений, по половым и возрастным критериям, сословной принадлежности¹.

Важная роль в организации тюремной жизни была отведена врачу. Он следил за здоровьем арестантов и чистотой помещений, предназначенных для заключенных. Более того, тюремный врач контролировал качество питания арестантов. В рамках своей профессиональной компетенции врач имел право отдавать приказы тюремному персоналу².

Питание арестантов в тюремном замке осуществлялось согласно установленным строгим нормам³.

Надо отметить, что при распределении норм питания тоже действовал сословный принцип, у заключенных дворянского происхождения продукты были более качественны и калорийны. В праздничные дни для арестантов выделялись дополнительные продукты. Самым распределением норм питания ведал эконо́м тюремного замка⁴.

Содержал нормативный документ и меры запретительного характера: курение в неположенных местах, изъятие любых письменных принадлежностей, пресечение азартных игр, наказание за матерную брань, воспрещение игры на музыкальных инструментах, чтение книг, любые проявления веселого поведения, алкогольные напитки, песни и передача незаконных записок. Кстати, к азартным играм относили даже шашки, а не только кости и карты.

Среди наказаний арестантов наиболее популярной мерой являлся карцер с урезанной нормой питания. Обычно, в карцере заключенный употреблял в пищу лишь хлеб и воду. Максимальный срок помещения арестанта в карцер составлял шесть дней.

В принципе многие положения указанной Инструкции 1831 г. можно назвать вполне гуманными и в наши дни. В ней нашли отражение мысли общественных деятелей попечительного тюремного общества. Весьма важным были правила, стимулирующие арестантов к общественно полезному труду и прививающие им духовно-нравственное воспитание.

Главное в инструкции – подробная регламентация правил приема и содержания арестантов. Некоторые запретительные меры, например, лишение права переписки, использовались впоследствии и советской властью. Текст самого языка, которым написан документ, надо признать доступным и понятным, что тоже имело немаловажное значение⁵. В результате документ затронул фундаментальные основы деятельности российских исправительных учреждений.

---

¹Свод Законов Российской Империи. Т. XIV. Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных. Свод Учреждений и Уставов о содержащихся под стражею. СПб., Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1857. 909 с. – С. 847.

² Инструкция смотрителям тюремных замков. Указ. соч. С. 16.

³Свод Законов Российской Империи. Указ. соч. С. 852.

⁴ Свод Законов Российской Империи. Указ. соч. С. 857.

⁵ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – Т.1. М., 1961. С. 110.

Сама Инструкция 1831 г. была обязательна для всех мест заключения и получила широкое распространение. Важным моментом стало наличие в ней полного отражения российского общественного уклада, который существенно отличался от западноевропейских стран. Естественно данное обстоятельство внесло поправки в правила взаимоотношений тюремного персонала и заключенных. Прежде всего, речь идет о правилах запретительного характера.

Правительство Российской Империи понимало необходимость дальнейших реформ в тюремной сфере. Важное значение в вопросе реформирования тюремной службы сыграло принятие в 1845 г. «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных»¹.

В документе рассматривались, в частности, вопросы, связанные с развитием инфраструктуры мест лишения свободы, к которым относились остроги, тюремные замки и каторжные тюрьмы. Основная идея «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. состояла в создании единой структурированной государственной системы мест лишения свободы.

Все законодательные инициативы государственной власти в рамках реорганизации мест лишения свободы, так или иначе, касались кадровой политики российского тюремного ведомства. Необходимо отметить, что должного регулирования деятельности тюремных учреждений, условий содержания осужденных, а также службы тюремного персонала долгое время не было.

По указанию Николая I был разработан специальный проект по данному вопросу, правда, не имевший практического продолжения.

Проект предложил сам император после осмотра в Лондоне Пентонвильской тюрьмы. Государь из зарубежного визита привез правила организации данного исправительного учреждения, и высказал пожелание обустроить подобное место заключения в России. Причем министру внутренних дел было приказано построить такие тюрьмы в Санкт-Петербурге и других крупных городах Российской Империи. Однако цена проекта – более 23 млн. руб., несколько охладила реформаторский порыв императора. Более того, тюрьмы, построенные по упомянутому образцу, не могли обеспечить всех российских арестантов необходимым количеством мест².

Тем не менее было решено создать особый комитет под началом товарища председателя министра внутренних дел И.Г. Сенявина с целью выяснения перспектив создания подобных одиночных тюрем. Новый комитет должен был подобрать вариант тюрьмы из просвещенной Европы, который мог соответствовать российским реалиям.

Император Николай I, не дожидаясь окончания работы учрежденного им комитета, в 1847 г. повелел построить подобную одиночную тюрьму в окрестностях Санкт-Петербурга³.

---

¹Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Российское законодательство X – XX веков. Т. 6. М., 1988. С. 174-309.

² Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 1286. Оп. 9. Д. 1285. Л. 134.

³ РГИА. Там же. Л. 286.

В основе нового проекта лежала идея европейского паноптикума. Это проект идеальной тюрьмы, когда один стражник может наблюдать за всеми заключёнными одновременно. В проекте тюрьма представляет собой цилиндрическое строение со стеклянными внутренними перегородками. Стражник находится в центре, но невидим для заключённых. Узники не знают, в какой точно момент за ними наблюдают, и у них создается впечатление постоянного контроля. Таким образом, они становятся идеальными заключёнными.

Повинуясь воле императора, члены комитета разработали проект по строительству одиночной тюрьмы. В результате она должна была включить пять отдельных строений, сходящихся к центральному административному зданию. Для обеспечения нужд необычной тюрьмы сформировали специальный попечительский совет из Санкт-Петербургского губернатора, председателя Городской Думы, известных представителей духовенства, и видных столичных чиновников. Правила внутреннего устройства позаимствовали из уставов зарубежных мест лишения свободы¹.

Нельзя не отметить, что деятельность комитета была организована по личному желанию императора, но во многом носила теоретический характер в силу финансовых проблем, существовавших в российской казне².

Таким образом, в первой половине XIX в. российским правительством предпринимались активные попытки реформирования и гуманизации тюремной системы. Указанный опыт может быть востребован и в наши дни в рамках проходящего в Российской Федерации процесса реформирования уголовно-исполнительной системы.

Вопросы, связанные с дальнейшим развитием мест лишения свободы, подробно систематизировались в принятом на государственном уровне документе – «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. и состояли в создании единой структурированной системы мест лишения свободы.

---

¹ РГИА. Там же. Л. 298

² РГИА. Там же. Л. 299.

НОРМИРОВАНИЕ ОЛЬФАКТОРНОЙ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ПРАВОПОРЯДКА

Александра Дмитриевна Воробьева
научно-образовательное объединение «Интеллектуальные среды»

Аннотация: в статье анализируется проблема разработки и применения норм, связанных с запахами. На примере федерального закона «Об охране здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» демонстрируется противоречивость ограничений распространения конкретных пахучих веществ. Правовые нормы предполагают стандартизацию ольфакторной среды, основанную на представлении об идеальном ольфакторном пространстве. Как показывает проведённое исследование, таким идеалом является пространство свободное от запахов, что делает невозможным его буквальное воплощение. В свою очередь, создание стандартизированной ольфакторной среды затрудняет реализацию индивидуальных прав и потребностей граждан, препятствуя гуманизации общества. Однако, использование стандартов и идеалов в качестве ориентиров развития, а не самоцелей, позволяет включить их в современную практику.

Ключевые слова: ольфакторность, ольфакторная среда, стандартизация, гуманизация, философия права, восприятие, запах.

В известном советском фильме «Доживём до понедельника» перед зрителями разворачиваются события, которые непредставимы в современном мире. А именно: герои фильма, учителя, курят после уроков в школьном актовом зале, и это явно не вызывает никаких нареканий ни со стороны других персонажей, ни со стороны самого режиссёра, который придаёт этому действию декоративный характер. В современно же обществе, напротив, курение и распространение табачного дыма становится одной из важнейших и болезненных проблем.

Внимание к этой проблеме существенно возросло за последние несколько лет, после того как вступил в силу федеральный закон от 23.02.2013 №15 «Об охране здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака». Настольно, что сегодня табачный дым в государственном учреждении, заведении общепита, помещении, предназначенном для общественного досуга, представляется чем-то из ряда вон выходящим. Почему же раньше вопрос о табачном дыме не вызывал такого ажиотажа?

Одна из причин – заложенная в советской идеологии идея о том, что главным объектом управления со стороны социума являлся не каждый отдельный человек, но коллективы. Риторика той эпохи описывала общество как набор объединений, внутри которых только и может существовать человек. Это было отражено, например, в лозунгах: «Октябрята – дружные ребята!», «Партия сказала: «Надо!» Комсомол ответил: «Есть!»». Следовательно, коллективные практики требовали первоочередного внимания со стороны властей. Курение же само по себе такой практикой не являлось: оно не создавало общностей, не разрушало социальных связей, не препятствовало установлению порядка в общественных местах. В связи с чем, оно как бы выпадало из поля зрения субъектов управления, становясь в один ряд с явлениями, не требующими какого-либо вмешательства.

Современная идеология не подтверждает такую картину мира. Демократический идеал, который позиционируется как основной ориентир для российского общества, устанавливает представление об индивиде как о наиболее значимом элементе социума. Современные политики и общественные деятели очень редко обращаются к конкретным коллективам (работников, комсомольцев, октябрят), как это было в Советском Союзе. Напротив, часто они подчёркивают, как это делает в своей инаугурационной речи В. В. Путин¹, разнородность российского общества, существование в нём многих отдельных личностей. Следование индивидуалистическому принципу делает логичным и понятным стремление к контролю над здоровьем и самочувствием каждого отдельного гражданина, отражённое в антитабачном законе. Однако было бы неверным говорить о том, что взращенный в советское время принцип коллективизма потерпел окончательное поражение. Для ряда социальных групп и агентов он не теряет своей актуальности, одним из симптомов чего является интерес к проблеме возрождения или выработки новых коллективистских ценностей, находящий отражение в научных и публицистических работах².

Возникает пограничная ситуация, при которой общество уже сделало шаг навстречу новому принципу индивидуализма, но ещё не готово полностью отказаться от старого – коллективизма. Внутри неё существующие и применяющиеся нормы, ограничивающие курение, сталкиваются с представлением о бессмысленности этой регламентации в связи с мало-значительностью контроля над индивидуальными практиками для поддержания общественного порядка. Подобная несовместимость принципов ведёт к непониманию и неприятию антитабачного закона, что провоцирует развитие конфликтных ситуаций. В том числе потому, что ольфакторная среда утрачивает свою однородность.

Следует пояснить, что под ольфакторной средой понимается совокупность культурных кодов, в том числе образов, символов, знаков, связанных с запахами. При этом существует достаточно большое количество вариаций закрепления тех или иных образов и знаков за конкретными ольфакторными впечатлениями. Один и тот же запах может иметь разное значение и вызывать разные ассоциации, в зависимости от того, в какую социокультурную

---

¹ В частности, прозвучали такие слова: «чем больше людей, представителей любой профессии, любого социального статуса и уровня полномочий осознает значимость своей роли в улучшении жизни, тем эффективнее, быстрее будет наше движение вперед» (см. Владимир Путин вступил в должность президента России / Президент России // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57416>).

² См., напр.: Гулянская Е. А. Индивидуализм и коллективизм в системе ценностей организационной культуры современной России / Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 56 (3). 2008. С. 191-197; Давыдова М.А. Ценности коллективизма и индивидуализма в молодёжной среде / Электронная библиотека Гражданское общество в России // Режим доступа: <https://www.civisbook.ru/files/File/Davidova.pdf>; Лаптева Л. Е. Коллективизм и индивидуализм в системе ценностей российского общества / Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 2–3 июня 2017 г.). 2017. С.8-16.

традицию он погружён. Так, например, придворные Версальского двора XVIII века были погружены в ольфакторную среду, внутри которой запахи амбры и мускуса являлись знаками благосостояния, тогда как посетители французских салонов XIX «считывали» те же ароматы как неблагоприятные¹. Таким образом, становится ясно, что ольфакторная среда определяется не столько наличием или отсутствием тех или иных ароматических веществ, сколько значением, которые приписываются обонятельным впечатлениям.

Поэтому даже фактическое нахождение в одном пространстве, наполненном конкретными запахами, не гарантирует погружённости в единую ольфакторную среду. Один и тот же запах табака для людей, сохранивших советскую коллективистскую ментальность, расшифровывается как нормальный и приемлемый, а для людей индивидуалистического мышления, принявших ограничивающие его нормы, – как вредный, запрещённый. Неоднородность ольфакторной среды затрудняет внедрение норм, ограничивающих распространение конкретного запаха.

Для расшифровки культурных кодов необходимо иметь правильные ключи, которые генерируются внутри той или иной идеологической системы. Однако в пограничной ситуации, в которой находится современное российское общество, сосуществуют противоречивые вариации расшифровки этих кодов, опирающиеся на разные традиции. Существующие правовые нормы маркируют запах табака как опасный, связанный с совершением проступков. В то же время, большая часть населения считывает этот запах как нейтральный.

Ещё одной важной установкой, на которую опирается федеральный закон «Об охране здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», является ориентация на унификацию через создание и внедрение общезначимых стандартов. Действительно, в данном законе представлен перечень из 13 пунктов, в котором указываются места, где запрещено курение табака, и лишь два пункта отведены для описания исключений. Очевидно, что таким образом сформулированная норма не учитывает разнообразия подконтрольных ей ситуаций, что и указывает на стандартизацию ольфакторной среды.

Исторические истоки тенденции к стандартизации восходят к эпохе Нового времени. Именно тогда были предприняты первые попытки взять под контроль ольфакторную среду, которые исходили от медицинского сообщества, где в то время формировалась идея разграничения нормы и патологии. Учёные искали, описывали и анализировали ситуации, которые, по их мнению, провоцировали возникновение и распространение патологических запахов. Так, во второй половине XVIII века специальная комиссия Королевского общества серьёзно занималась проблемой дурного запаха на судах, который она считала опасным для жизни моряков, а потенциально, и всего общества². И, хотя нет ничего удивительного в том,

---

¹ Корбен А. Миазм и нарцисс / Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 368-369.

² Там же. С. 352.

что на кораблях той эпохи стоял резкий запах, отметим, что он удостоился внимания, которое ему не оказывалось в предыдущие столетия.

Интерес исследователей к проблеме губительных свойств дурных запахов имел несколько причин. Во-первых, мыслители отказались от символической трактовки запаха, характерной для традиционных культур, предпочтя ей естественнонаучное объяснение, согласно которому запах представлял исключительно как продукт взаимодействия органов чувств с «испарениями» конкретных веществ¹. Существовавшие в культуре ольфакторные знаки, стоящие за, а иногда и выше обонятельных впечатлений, игнорировались исследователями Нового времени. Если в традиционных культурах было возможно высказывание: «тело благоухает да душа злосмрадную воню издает»², показывающее, что обонятельное впечатление (благоухание физического тела) может сосуществовать с противоположным ему ольфакторным символом (смрад как символ греховности), то, с точки зрения мыслителей Нового времени, эта фраза не могла отражать истинного положения вещей, поскольку для них запах являлся прямым продолжением своего материального носителя.

Эти представления сподвигли медиков Нового времени рекомендовать воздержание от физического присутствия в зловонных местах³. Ольфакторная среда наполнилась идеями о физических свойствах запахов, зависящих от источающих их субстратов. Контроль над физическими условиями возникновения испарений отождествлялся с контролем над запахами, что объясняет интерес к исследованию зловонных мест, как объектов, требующих анализа, критики и искоренения, на основании которых в дальнейшем разрабатывались ольфакторные нормы.

Во-вторых, одной из важнейших задач для учёных Нового времени было создание образцов, ориентируясь на которые, могла бы развиваться наука и общество. В это время активно разрабатывались модели физических процессов, критерии научности, методы познания, претендующие на универсальность. Ольфакторная среда стала исключением. Но что мог представлять собой образец ольфакторной среды?

Любой образец может быть либо каноном, либо идеалом. Первый позволяет ориентироваться на фиксированную модель должного, второй – на его умозрительную конструкцию. Так как ни в эпоху Нового времени, ни в наши дни не существовало ольфакторных канонов, то следует пред-

---

¹ Иммануил Кант пишет о том, что запах происходит «от втягивания посторонних испарений, смешанных с воздухом» (Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. С. 184); Дж. Локк схожим образом описывает механизм появления запаха: «то, что непосредственно воздействует на орган и производит в нас ощущение запаха, - это испарение, или невидимые частицы, которые, исходя от тел на расстоянии, непосредственно воздействуют на обонятельные нервы (Локк Д. Элементы натуральной философии. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2. С. 515).

² Кабакова Г. Запахи в русской культуре / Ароматы и запахи в культуре. Книга 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 54.

³ Корбен А. Миазм и нарцисс / Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 347.

положить, что нормирование запахов опиралось и опирается на идеалы. Отсюда становится ясным, почему корабельный, а затем и тюремный, и больничный запахи, долгое время принимавшиеся как данность, стали подвергаться критике. Дело в том, что они не соответствовали тому идеалу, который брался за образец при исследованиях ольфакторной среды.

Таким образом, стандартизация, нашедшая отражение в законе «Об охране здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», опирается на новоевропейскую традицию соотношения действительности и идеала. Несмотря на то, что закон, ограничивающий курение табака, был разработан с опорой на зарубежный опыт, во-первых, он лишь частично следует иностранным примерам,¹ во-вторых, зарубежные антитабачные нормы также используют в качестве образца идеал, поскольку на практике ситуации, которая послужила бы каноном для их составления, не существует. Однако идеалы и принципы Просвещения сегодня уже не носят общепризнанного характера. Более того, они активно подвергаются критике со стороны учёных и общественных деятелей. Поэтому и сама тенденция к стандартизации сдаёт свои позиции.

А её место занимает тенденция к гуманизации, заключающаяся в постепенной реализации во всех сферах жизни принципа, согласно которому человек является высшей ценностью. Говоря о перспективах развития современного общества, В. Л. Иноземцев выделяет в качестве главного мотива деятельности человека «совершенствование своего личностного потенциала»², расширяя представление о гуманизации через включение в неё идеи о том, что развитие человека является основным смыслом всех общественных и культурных практик. То, что современное российское право опирается на гуманистические принципы, следует из второй статьи первой главы Конституции, в которой устанавливается, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Таким образом, закон ставит интересы личности в приоритетную позицию.

В этом свете нормы, препятствующие реализации потребности в курении, могут показаться антигуманными. Конечно, с одной стороны, они призваны внедрять такой стандарт, который делал бы ольфакторную среду формально приемлемой для всех граждан. Однако, с другой стороны, подобные нормы ставят под вопрос ценность индивидуальных прав, к которым можно отнести и право на курение. В ряде ситуаций можно говорить даже об ущемлении прав курящего населения. Так, передвигаясь на поезде, человек, по сути, не имеет права удовлетворять свою законную потребность в табаке, поскольку ни в самом поезде, ни на перроне мест для курения законом не предусмотрено. В результате люди оказываются

---

¹ Зиборов О. В., Цветков А. В. Зарубежный опыт по реализации государственных мер, направленных на снижение уровня потребления табака / Государственная служба и кадры. 2019. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-po-realizatsii-gosudarstvennyh-mer-napravlennyh-na-snizhenie-urovnya-potrebleniya-tabaka>.

² Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество - природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. С. 23.

в таком положении, когда, не будучи способными справиться со своей пагубной привычкой, они вынуждены нарушить закон.

Поэтому указанные нормы далеко не всегда исполняются на практике (часто с молчаливого согласия органов правопорядка), что делает закон лишь частично легитимным. Осознание противоречивости правовой нормы всеми участниками правоотношений приводит к пониманию недостижимости того идеала, который стоит за этой нормой. И наоборот, гуманизация общества, ведущая к дестандартизации, позволяет принимать неизбежность расхождения образца и действительности, и частично оправдывает отход от установленных правил. Этим объясняется и то, что такая, казалось бы, вопиющая ситуация, в которой ущемляются права большой группы населения, встречается не слишком оживлённый отклик общественности.

Какую же роль для разработки и применения норм в таком случае играет идеал? Он выступает в качестве модели, которая используется как манекен для «примерки» той или иной теоретической конструкции. Переставая быть главной целью общества, он приобретает функциональное значение – становится ориентиром, помогающим поддерживать приемлемый уровень порядка в обществе. Эта позиция противоположна той, которую отводили идеалу мыслители Нового времени. Так, по мысли И. Канта, не может существовать недостижимого должествования¹. Он не видит смысла в идеале, который в самой своей сущности не гарантирует или даже отрицает возможность собственной реализации. С точки зрения современной теории права такие рассуждения выглядят наивно и утопично. Ведь сохранение, поддержка и развитие каждого индивида не требует, а часто и противоречит, воплощению идеалов. Как пишет Н. А. Алексеев: «учение о правовом идеале должно откинуть свойственный ему старый утопизм и перейти к истинному, здоровому реализму. Основной темой этого учения должно быть не отыскание конечной формулы общественного совершенства, но указание тех действительных путей и средств, при помощи которых может быть улучшен всякий возможный правопорядок»². То есть, по сути, идеал играет роль помощника, подчинённого запросам общества, и в любой момент может быть изменён, подвергнут критике, заменён на другой.

Понимание того, какой идеал заложен в основу тех или иных норм, позволяет прояснить их суть. В случае ольфакторных норм таким идеалом не может быть конкретный запах или обонятельное впечатление. Он может исходить только из отвлечённых значений получаемых субъектом впечатлений, их соотносённости с культурными кодами, тогда как сам по себе запах не идеализируем. Дело в том, что запах имеет сугубо субъективный характер, и обладает большой суггестивностью. Будучи всегда ограниченным индивидуальным впечатлением, которое не имеет адекватного выражения (по сравнению с тем, как его имеют визуальные и аудиальные образы), за-

---

¹ Кант. И. *Идея истории во всемирно-гражданском плане* / Соч.: В 6 т. Т.1: Трактаты и статьи (1784–1796). М.: Мысль, 1964. С. 99.

² Алексеев Н.Н. *Основы философии права*. СПб.: Из-во С.-Петербург. юрид. инст., 1998. С. 203.

пах оказывает непосредственное влияние на вдыхающего, что затрудняет критическую оценку произведённого им эффекта. Запах невозможно активировать. Зная об этом, мыслители Нового времени предполагали, что запах не имеет познавательного потенциала. Более того, И. Кант, а вслед за ним Г. Зиммель предупреждали об опасности обонятельных впечатлений, возникающей вследствие их неподконтрольности разуму¹. Запах не фиксируется умозрительно, а потому он не вписывается в идеал.

Идеал предполагает объективацию ментальных процессов через конструирование завершённых форм – образов и схем. Он не может быть спонтанным, неконтролируемым, стихийным. Идеал позволяет отделить существенное от случайного, выявить устойчивые и универсальные характеристики явлений. Обонятельные впечатления, напротив, дают человеку уникальные, почти интимные переживания от взаимодействия с объектами внешнего мира. Вдыхание аромата есть в некотором смысле присваивание вещи себе. Не случайно запах ассоциируется с внутренним миром человека (дух – это и запах, и внутренняя сущность), тем, что скрыто от всех, кроме самого вдыхающего. Таким образом, сама сущность запаха противоречит его идеализации.

Однако это не значит, что не существует ольфакторного идеала. Им является пространство без запахов. Контроль над ольфакторной средой возможен только через устранение обонятельных впечатлений и, напротив, их отсутствие маркирует свободу от воздействия иррациональных реакций. Такое состояние – единственная возможность гарантировать предотвращение неожиданностей и нарушения норм. Поэтому ольфакторные нормы включают в себя только запрещения, а не предписания. Действительно, те немногие правовые нормы, которые связаны с запахами, направлены на устранение или предотвращение распространения запахов. Например, согласно СанПиН 2.1.6.1032-01 «Гигиенические требования к обеспечению качества атмосферного воздуха населенных мест» необходимо: «предотвращение появления запахов, раздражающего действия и рефлекторных реакций у населения», а Правила пользования московским метрополитеном, утверждённые Постановлением Правительства Москвы №844-ПП от 16.09.2008 г., содержат запрет на нахождение в вагонах поездов в «зловонной одежде». При этом никаких предписаний, обязывающих распространять тот или иной запах, в правовом поле не существует. Из этого можно сделать вывод, что отсутствие запаха не создаёт проблем для общественного порядка, тогда как его присутствие несёт в себе потенциальную угрозу. Идеализирование ольфакторной среды ведёт к конструированию модели пространства, свободного от запахов.

Конечно, полное избавление от запахов не может рассматриваться в качестве задачи. Но, как уже было сказано, современный человек не ориентирован на буквальное следование идеалу, поэтому идеальная ольфак-

---

¹ См.: Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 177; Зиммель Г. «Экскурс о социологии чувств» / цит. по: Ароматы и запахи в культуре Книга 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 32.

торная среда является лишь ориентиром для разработчиков норм. Тем не менее, даже в таком случае специфика ольфакторного идеала затрудняет определение объекта регулирования, так как само по себе отсутствие ничего не говорит об объекте, который должен отсутствовать. В результате объект регулирования ольфакторных норм конструируется ситуативно: им становится не запах как таковой, но конкретное вещество, действие, переживание. В законодательстве разных стран используется множество разнообразных терминов, отсылающих к запахам. Как пишут В. В. Цибульский, Н. Г. Хитрина, Л. И. Короленко о встречающихся в нормативных актах обозначениях запаха: «это может быть вещество, выброс, вид загрязнения, пахучий загрязнитель. Запах может быть охарактеризован по его ощущению человеком (раздражение, негативный эффект, зловоние)»¹. То есть, единого объекта регулирования не прослеживается.

Единственным способом его формирования является принятие необходимости полного уничтожения запахов, поскольку в таком случае становится ясно, что именно необходимо запретить. Показательно, что единственная литературная утопия, главную роль в которой играет запах, повествует о мире, в котором нет ни ароматов, ни зловоний. Такую утопию рисует в рассказе «О том, какое блаженство переходить через мосты» Саломон Фридендер, где он пишет о том, как очищенный от запахов воздух становится причиной смерти многих, но делает человечество лучше². Этот рассказ, опубликованный в 1911 году, является апофеозом торжества идеала над непостоянством ольфакторных впечатлений. Он же считается провозвестником нацистской идеологии.

В этом свете отсутствие единого объекта регулирования перестаёт быть проблемой, а выступает как особенность гуманистического прочтения ольфакторных норм. И хотя стандартизация ольфакторной среды ограничена идеалом свободного от запахов пространства, разрабатывая нормы, связанные с регуляцией запахов, следует понимать условность предлагаемых стандартов, их прикладной характер. Ольфакторные запреты обоснованы лишь тогда, когда они действительно способствуют сохранению и развитию человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. инст., 1998. 216 с.

2. Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. / Сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 616 с.; Книга 2. / Сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 672 с.

---

¹ Цибульский В. В., Хитрина Н. Г., Короленко Л. И. Подходы к нормированию запаха в атмосферном воздухе для конкретных территорий / Режим доступа: <https://www.nii-atmosphere.ru/wp-content/uploads/2017/07/podhodyi-k-normirovaniyu-zapaha-statya-.pdf>

² Classen, Howes D., Synnott A. Aroma. The cultural history of smell. L.; N.Y.: Routledge, 1994. P. 176.

3. Зиборов О. В., Цветков А. В. Зарубежный опыт по реализации государственных мер, направленных на снижение уровня потребления табака / Государственная служба и кадры. 2019. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-po-realizatsii-gosudarstvennyh-mer-napravlennyh-na-snizhenie-urovnya-potrebleniya-tabaka>.
4. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество - природа, противоречия, перспективы М.: Логос, 2000. 304 с.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. 471 с.
6. Кант И. Соч.: В 6 т. Т.1: Трактаты и статьи (1784–1796). М.: Мысль, 611 с.
7. Локк Д. Сочинения: 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2. 560 с.
8. Цибульский В. В., Хитрина Н. Г., Короленко Л. И. Подходы к нормированию запаха в атмосферном воздухе для конкретных территорий / Режим доступа: <https://www.nii-atmosphere.ru/wp-content/uploads/2017/07/podhodyi-k-normirovaniyu-zapaha-statya-pdf>
9. Classen, Howes D., Synnott A. Aroma. The cultural history of smell. L.; N.Y.: Routledge, 1994. 248 pp.

СЕМЕЙНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРАВОПОРЯДКА В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Олеся Ивановна Дерюшева
Воронежский институт ФСИН России

Аннотация: Статья представляет собой теоретическое обоснование семейных правоотношений как составной части правопорядка в гражданском обществе. Автор на основе законодательства и доктрины проводит анализ категорий правопорядка, исследует их социально-правовую сущность, взаимосвязь. Особое внимание обращается на изменения, произошедшие в понимании брака за последнее столетие и их влияние на правопорядок в целом и его значимость.

Ключевые слова: семейное право; субъект права; брак; семья; публичный правопорядок.

FAMILY LEGAL RELATIONSHIP AS A COMPOSITION PART OF LAW IN CIVIL SOCIETY

Olesya Deryusheva
Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Abstract: The article is a theoretical substantiation of family relations as an integral part of the rule of law in civil society. The author, on the basis of legislation and doctrine, analyzes the categories of law and order, explores their socio-legal nature, interrelation. Special attention is paid to the changes that have occurred in the understanding of marriage over the last century and their influence on the rule of law in general and its significance.

Keywords: family law; subject of law; marriage; family; public law and order.

Говоря о правопорядке в гражданском обществе, следует отметить, что он представляет собой результат соблюдения, исполнения, использования и применения законов и подзаконных актов, итог воплощения законности в реальные общественные отношения. Также его характеризуют как совокупность правовых отношений, складывающихся на основе

законности, как порядок в отношениях людей, базирующийся на законах и их строгом выполнении.

Следовательно, если мы говорим о семейных правоотношениях, то обращаем внимание на строго специфических субъектов семейных правоотношений, которыми являются: супруги, дети, родители, бабушки и дедушки, дяди и тети, а также иные члены семьи. Получается, что данные субъекты для нормального функционирования гражданского общества обязаны соблюдать правовой порядок и точно соответствовать требованиям правовых норм.

Мир и спокойствие в отдельно взятой семье будет во многом свидетельствовать и о порядке всего общественного устройства. Семья как основная ячейка общества представляет собой систему экономических, социальных, политических, профессиональных, дружеских отношений, которые взаимосвязаны и, постоянно меняясь, взаимодействуют между собой. Под воздействием социальных норм в обществе и отдельной семье складывается определенный общественный порядок.

Правопорядок в отдельно взятой семье достигается тогда, когда деятельность всех субъектов права является правомерной, когда надлежащим образом осуществляются субъективные права и исполняются юридические обязанности, т.е. когда субъекты семейного права совершают обязательные или дозволенные действия либо воздерживаются от совершения запрещенных действий.

Если мы говорим о соблюдении правопорядка в семейных отношениях, то прежде всего, необходимо разобрать действующее законодательство в данной области и попробовать проанализировать, на какие моменты субъекты семейных отношений вправе обратить свое внимание.

Основным нормативно-правовым актом, подлежащим применению в отношении семейных отношений, неизменно является Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ)¹ являющийся современным кодифицированным нормативным актом, принятым после Конституции РФ² 1993 г., закрепившей основы новых социально-экономических отношений, принципы новой социальной политики. Таким образом, СК РФ должен был выполнить задачу на будущее с учетом перехода к новой социальной и экономической реальности, повлиявшей существенным образом на семейные отношения, семейные ценности. За прошедшее время было выявлено множество недостатков семейно-правового регулирования, обнаружено значительное число пробелов в семейном законодательстве и коллизий его норм с нормами законодательства гражданского.

Изменился к настоящему моменту и общественный уклад жизни. Семья двадцать лет назад и современная семья коренным образом отличаются

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. №223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

друг от друга. Признанной, в том числе на государственном уровне, является проблема кризиса семейных ценностей, проявляющаяся в большом количестве одиноких родителей, детей, живущих вне семьи, неустойчивости брака, низкой исполнимости судебных решений по семейным спорам и т.д.

Семья – это достаточно сложное социокультурное явление. Его специфика состоит в том, что в данном понятии сфокусированы практически все явления человеческой жизнедеятельности. Государство все силы направляет на укрепление, развитие и защиту института семьи как фундамента всего общества, но, как показывает практика, этих действий недостаточно. В последнее время все больше молодых людей предпочитают просто сожительство друг с другом и не создавать полноценные семьи. При этом даже среди решивших узаконить свои отношения очень велик процент расторжения брака¹. Несмотря на все предпринимаемые усилия, остается высоким количество детей, утративших родительское попечение. Причем «важной особенностью российской ситуации является высокая и постоянно растущая доля социальных сирот в общей численности детского населения»².

Анализ положения семей на современном этапе позволяет сделать вывод о том, что семья в процессе жизнедеятельности может сталкиваться, с одной стороны, с проблемами, связанными с развитием систем здравоохранения, занятости, образования, культуры, положением на рынке жилья и функционированием государственных структур, с другой стороны, с проблемами специфического характера, свойственными конкретной семье.

Решение проблем, возникающих в процессе жизнедеятельности российских семей, остается в центре внимания государства и побуждает к поиску новых способов их решения.

Главными приоритетами успешного развития страны должны стать укрепление семьи как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, ощущала бы себя защищенной от рисков, связанных с появлением ребенка или нескольких детей в семье.

При разработке основных направлений государственной семейной политики учтено, что реализовать какие-либо цели семейной политики без их координации с другими направлениями невозможно, все функции реализуются семьей под воздействием демографической, экономической и социальной политики. Однако большинство из семейно-правовых отношений регулируются с помощью Семейного кодекса, а потому ряд его положений нуждается в обновлении.

Деятельности по усовершенствованию Семейного кодекса предшествовала разработка общественного проекта «Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Необходимость разработки и реализации Концепции государственной

---

¹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. №1618-р // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №35. – Ст. 4811.

² Анализ положения детей в российской федерации: на пути к обществу равных возможностей. – М.: ЮНИСЕФ-НИСП, 2011. – С. 6.

семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (далее - Концепция) обусловлена стоящими перед обществом задачами социально-экономического и демографического развития.

Процессу работы над усовершенствованием действующего Семейного кодекса сопутствовала деятельность рабочей группы, сбор предложений, замечаний. В результате поступило около трехсот предложений, в которых одобрялась сама идея усовершенствования Семейного кодекса.

Итог проделанной работы нашел свое отражение в Концепции усовершенствования семейного законодательства Российской Федерации.

Отдельные направления усовершенствования семейного законодательства прямо обозначены в Национальной стратегии, в частности:

- пропаганда семейных ценностей, приоритет прав и интересов ребенка в семье и создание для этого необходимых условий;
- своевременное выявление нарушений прав и интересов ребенка;
- проведение мероприятий по оказанию помощи семье, в том числе и профилактической;
- запрет на изъятие детей без проведения реабилитационной работы с семьей.

Те правовые механизмы, которые обеспечивают возможность участия обоих родителей при раздельном проживании в воспитании ребенка, а также уменьшение количества детей, не получающих алименты в полном объеме, нуждаются в усовершенствовании.

Для этого необходима выработка механизмов, которые позволят обеспечить поддержку семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий; развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов; повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании; содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи; обеспечение социальной защиты семей и детей, нуждающихся в особой заботе государства; профилактика семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности; повышение эффективности системы социальной защиты семей с несовершеннолетними детьми, вовлеченными в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Концепция, по замыслу ее авторов, должна содержать обоснование необходимости изменений действующих норм семейного законодательства Российской Федерации, а также описание самих изменений, носящих концептуальный характер. Вместе с тем, как представляется, замысел авторов не был реализован. Если говорить о документе в целом, то можно отметить, что он оставляет впечатление не до конца проработанного документа, так как в нем очень много внутренних противоречий, авторы используют неточную терминологию, не соответствующую нормам российского законодательства (например, «однополоый брак»).

Безусловно, в «Концепции» имеются позитивные предложения относительно реформирования норм семейного законодательства. Одним из таких предложений является введение в структуру СК РФ норм, регули-

рующих отношения суррогатного материнства и искусственного оплодотворения. Также к положительным моментам относятся некоторые предложения, направленные на уточнение имеющихся в СК РФ формулировок. Вместе с тем анализ всех изменений, предлагаемых авторами «Концепции» показывает, что принципиально нового эти предложения не содержат, то есть «Концепция» не предусматривает концептуальных (сущностных) изменений норм семейного законодательства. Более того, положения «Концепции» в некоторых случаях содержат неприемлемые (с точки зрения норм международного права и основных принципов российской правовой системы) предложения. В связи со всем вышесказанным, будем надеяться на новый виток развития семейных правоотношений, которые в свою очередь повлекут укрепление правосознания и правопорядка у граждан, а также укрепления института семьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. №223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16.
3. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. №1618-р // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №35. – Ст. 4811.
4. Анализ положения детей в российской федерации: на пути к обществу равных возможностей. – М.: ЮНИСЕФ-НИСП, 2011.

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ: РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМЫ

Надежда Леонидовна Зуева
Воронежский государственный университет

Аннотация: Не так давно обновился целый пакет законодательства регулирующего общественные отношения в сфере социального обслуживания населения. Уже сейчас можно сделать определенные выводы о практической стороне их применения. Статья посвящена анализу действия нормативных актов, касающихся института социального обслуживания на текущий момент, а также рассмотрению актуальных проблем законодательства о социальном обслуживании и перспективных направлениях законоотворчества.

Ключевые слова: законодательство о социальном обслуживании, стратегия законоотворчества, система долговременно ухода за пожилыми и инвалидами, социальные услуги, система межведомственного взаимодействия, социальные стандарты, некоммерческие социально-ориентированные организации, административные регламенты.

Одним из неоспоримых достижений человечества является увеличение продолжительности жизни человека. Как показывает многочисленная ста-

тистика, даже в рамках одного столетия, средняя продолжительность жизни человека в России увеличилась более чем в два раза с 32 лет в 1900 году¹ до 72,7 лет в настоящее время². Эта положительная тенденция имеет и обратную сторону, заключающуюся в естественном старении населения планеты и увеличении доли граждан нетрудоспособного возраста по отношению к трудоспособному населению. По информации Росстата, в Российской Федерации из 146,9 млн. человек каждый четвертый (37,3 млн. человек) находился в возрасте старше трудоспособного, что составляет 25,4 % ко всему населению страны³. Увеличивающееся количество лиц нетрудоспособного возраста, нуждающихся в уходе, вызывает необходимость повышения финансовых затрат на обеспечение достойного уровня жизни пожилых граждан в рамках реализации международных и конституционных норм, регулирующих общественные отношения в этой сфере. Одним из главных направлений поддержки этой категории граждан является институт социального обслуживания, регулирующий вопросы бытового, медицинского, психологического и ряда других социальных услуг, оказываемых нуждающимся. В отличие от пенсий и пособий, которые прямо указаны в Конституции Российской Федерации, социальное обслуживание как вид социальной защиты населения в ней не упоминается. Только в ст. 7 Конституции РФ⁴ есть упоминание о развитии системы социальных служб, через которые подразумевается осуществление социального обслуживания. Несмотря на это, ученые признают, что институт социального обслуживания является составной частью установленного Конституцией РФ права граждан на социальное обеспечение⁵. Обязанность государства по социальному обслуживанию прямо предусмотрена ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.⁶, в соответствии с которой каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам.

---

¹ С. А. Новосельский. Смертность и продолжительность жизни в России. / С. А. Новосельский /. Петроград. Тифография Министерства Внутренних Дѣлъ. 1916. С. 5-6.

² Ресурсы Интернет - <https://www.rosminzdrav.ru/news/2019/02/27/10919-veronika-skvortsova-rasskazala-ob-ukreplenii-zdorovya-i-uvelichenii-prodolzhitelnosti-zhizni-rossiiyan>.

³ Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей за 2017 год// Ресурсы интернет - <https://rosmintrud.ru/docs/1294>.

⁴ Конституции Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // М.: Юрид. лит., 1997. - 64 с.

⁵ Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев.- М.: НОРМА.- 2017.- С. 96.

⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948)// Российская газета. 1995. - №67.

Институт социального обслуживания является не новым для отечественного законодательства, которое в процессе долгого становления претерпело значительные изменения от малоэффективной и не контролируемой государством милостыни¹ к организованной государственной системе, которая в советское время в соответствии с мировыми тенденциями носила патерналистский характер. Не осталось в стороне от нашей страны и текущее изменение общемировой направленности социальной политики государства² от пассивного предоставления благ индивидуумам к активному развитию человеческого потенциала - государственному социальному инвестированию в рамках либертарного правопонимания³. К необходимости коренного изменения подходов к организации системы социального обслуживания подтолкнули стремительные преобразования в нашей стране в экономической, социальной и иных сферах нашей страны, так называемые 90-ые, которые показали нежизнеспособность действовавшей ранее системы. Очевидно, что главная роль в определении новой системы социального обслуживания принадлежит праву. Именно через систему норм права государство реализует свою политику в различных сферах общественной жизни. За последние десятилетия законодательство Российской Федерации существенно обновилось. Некоторые его отрасли создаются заново. В условиях неравномерного развития отраслей права на социальную сферу пришелся период интенсивного правотворчества, что полностью соответствовало прогнозу Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации⁴.

В период политических и экономических реформ в целях адаптации социального законодательства к новым экономическим условиям, подверглась коренной перестройке и система социального обслуживания. В период социальных реформ в 1995 году были приняты соответствующие законы⁵.

---

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 18 кн. /С.М. Соловьев. – М.-1988.-Кн.1.- С.91-97.; Осьмакова О.Н. К вопросу о правовом регулировании миссионерской деятельности Русской православной церкви/ О.Н. Осьмакова// Актуальные проблемы российского права.- 2015.- N 6.- С.32-35; Крупчина Е. В. История социальной службы в России/ Е. В. Крупчина // Молодой ученый. - 2014. - №15. - С. 362-364 и др.

² Аубакирова И.У. Трансформация парадигмы социального государства: теоретико-правовой аспект / И.У. Аубакирова // Государственная власть и местное самоуправление. -2014.- N 6.- С.3 – 9; Александрова А.В. Реформирование пенсионного законодательства США в условиях глобализации/А.В. Александрова // Социальное и пенсионное право. 2009. N 4. С. 42 – 46 и т.д.

³ Варламова Н.В. Формальное равенство как основополагающий принцип правового регулирования./ Признание права и принцип формального равенства: сб. научн. тр. / Воронеж. гос. ун-т.- М.:Современная экономика и право.- 2015. – С.35.

⁴ Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004.

⁵ О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов: федеральный закон от 02.08.1995 N 122-ФЗ (в ред. от 25.11.2013)// Ведомости Федер.Собр.РФ.- 1995.- N 32.- ст.3198; Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: федеральный закон от 10.12.1995 N 195-ФЗ (в ред. от 21.07.2014)// Ведомости Федер.Собр.РФ.- 1995, N 50, ст. 4872.

Однако, наличие большой очерёдности в учреждениях социального обслуживания, а также несоответствие предыдущих нормативных актов новым вызовам¹ послужили предпосылками для принятия нового закона², который с одной стороны, учитывая чувствительность граждан к этой проблеме, не должен был сломать существующую систему социального обслуживания, а с другой стороны, устранить существовавшие проблемы и заложить в него новые ключевые элементы для преобразованию этой системы в соответствии с требованиями времени. Новый закон о социальном обслуживании населения явился кодифицирующим нормативным актом, который приблизил законодательство, регулирующее вопросы социального обслуживания к реалиям сегодняшнего дня. Вместе с тем ожидания кардинального улучшения ситуации по социальному обслуживанию в связи с принятием нового закона не оправдались. О проблемах в сфере социального обслуживания постоянно напоминают и первые лица государства³. По недавнему заявлению премьер-министра: "В настоящее время необходимо восстанавливать сеть домов-интернатов, домов для престарелых людей заново, так как эта система за последние годы сильно деградировала"⁴.

Новый закон, привнес некоторые новые понятия и уточнения в распределение полномочий, ликвидировал некоторые имеющие большое юридическое значение термины, касающиеся институциональных основ социального обслуживания. Так, например, в новом законе нет понятия "социальной службы", которое являлось связующим юридическим звеном института социального обслуживания с Конституцией России. Теперь рассмотреть обязанность государства по предоставлению социального обслуживания в рамках Конституции стало затруднительно. Однако ученые видят в Конституции России обеспечиваемую государством гарантию права на социальное обслуживание⁵.

Несмотря на общую направленность адаптации нового законодательства о социальном обслуживании к существующим рыночным отношениям, из законодательства о социальном обслуживании исключили понятие платных услуг. Неслучайно учеными ставится неутешительный прогноз о перспективах развития негосударственного сектора в этой сфере. Как отмечает А.В. Барков⁶: "Легализованная модель социального обслуживания

---

¹ Сенатор Карелова: важно вывести систему соцобслуживания на новый уровень / Г.Н. Карелова// Ресурсы интернет - http://www.aif.ru/politics/russia/senator_karelova_vazhno_vyvesti_sistemu_socobsluzhivaniya_na_novyy_uroven.

² Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (в ред. от 01.05.2019)// Ведомости Федерации.Собр.РФ.- 2013.- N 52 (часть I).- ст. 7007.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019// Российская газета. N 38. 21.02.2019.

⁴ Владимир Кузьмин Активные годы/В Кузьмин// Российская газета. 2019. №106(7864).

⁵ Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности./ Б.С. Эбзеев.- М.: НОРМА.- 2017.- С. 96.

⁶ Барков А.В. Публичная гарантия как способ обеспечения обязательства поставщика социальных услуг/ Барков А.В. // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 6. С. 99 - 104.

пока только декларирует потенциальную возможность негосударственных организаций социального обслуживания наряду с государственными учреждениями претендовать на статус "поставщик социальных услуг", но не обеспечивает их реальную конкурентоспособность". Зарубежный опыт показывает, что платные социальные услуги занимают немаловажное место в системе социального обслуживания населения¹. В связи с этим имеет смысл и закладка потенциала для развития этого вопроса в нынешних условиях. И для этого необходимо либо внести необходимые изменения в имеющееся законодательство о социальном обслуживании, либо принять отдельный закон о платных услугах в сфере социального обслуживания, как это рекомендуют некоторые юристы². Применение законодательства о НКО в сфере социального обслуживания выявило ряд проблем, в основе которых лежит право регионов регулировать правила вхождения в реестр, а также размеры тарифов. И получается типичная для страны ситуация, когда в силу бюрократических причин тормозится работа по расширению негосударственного сектора в сфере социального обслуживания.

Немало вопросов возникает в связи с заменой или изменением отдельных принципов социального обслуживания, которые являются юридическим отражением основных устоев экономических отношений в обществе и служат ориентиром правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов. Принципам права всегда придавалась первостепенная роль, однако, учитывая особенности современного законодательства, отличающегося выведением принципов права из тени³ и закреплением их прямо в законодательстве, особое и огромное значение приобретает непосредственно формулировка самих принципов⁴. В центре внимания лежит переформулированный принцип доступности оказания социальных услуг (прежние законы о социальном обслуживании⁵) на принцип приближенности поставщиков социальных услуг к месту жительства получателей социальных услуг. Минтруд открыто признает проблему недостаточности уровня доступности социального об-

---

¹ Положительный опыт предоставления социальных услуг в странах Юго-Восточной Европы. М.: МОТ, 2008. 124 с.

² Хамитова Г.М., Гимадиева Р.Р. Анализ разработанности нормативно-правовой базы Российской Федерации о платных услугах социального обслуживания / Г.М. Хамитова, Р.Р. Гимадиева // Социальное и пенсионное право. 2019. N 1. С. 19 - 21.

³ Сенных Л.Н. Формальное равенство в социальной сфере в системе принципов правового регулирования. / Л.Н. Сенных // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сб. научн. тр. / Воронеж. гос. ун-т. М.: Современная экономика и право. - 2016. - С.469.

⁴ Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

⁵ О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов: федеральный закон от 02.08.1995 N 122-ФЗ (в ред. от 25.11.2013) // Ведомости Федер.Собр.РФ.- 1995.- N 32.- ст.3198; Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: федеральный закон от 10.12.1995 N 195-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // Ведомости Федер.Собр.РФ.- 1995, N 50, ст. 4872.

служивания граждан пожилого возраста¹. Кроме того, учеными отмечается усложнение процедуры получения социальных услуг лицами, которые в силу возраста или инвалидности не могут на дому обслужить себя сами². Что в свою очередь вносит в противоречие с новым задекларированным принципом сохранения пребывания гражданина в привычной благоприятной среде ввиду необходимости переезда в стационар.

Коснувшись темы принципов социального обслуживания не вижу логических объяснений исключения из принципов социального обслуживания принципа гуманности. Само уважительное и гуманное отношение к получателю социальных услуг указано как одно из прав получателя этих услуг (ст. 9 Закона 442-ФЗ). Надо отметить, что в современном законодательстве о социальном обслуживании отсутствуют четкие нормативные показатели содержания и объема, качества и безопасности социальных услуг, их гарантий и способов предоставлений, ответственность за их несоблюдение. В соответствии с действующим законодательством, оценку и контроль качества оказания государственных услуг осуществляет вышестоящий орган, стоящий над исполнителем услуги, и свою оценку он дает через контроль исполнения разработанных им же инструкций и оценочных показателей³. Однако эти показатели не могут дать полный ответ о качестве предоставленной социальной услуги. Ученые видят выход из этой ситуации в заключении договора об оказании социальной услуги, который будет служить дополнительным средством правовой защиты услугополучателя (гражданина). Именно в связи с этим в юридической литературе отмечается недооценка потенциала договора в сфере социального обслуживания в результате игнорирования объективных процессов, влияющих на изменение общественных отношений в России⁴. Неприменение норм гражданского права к отношениям, возникающим при осуществлении социального обслуживания, имеет негативные последствия, так как получатели услуг не имеют средств правовой защиты, предусмотренных Гражданским кодексом. В настоящее время существует лишь возможность обжаловать неправомерные действия (бездействие) соответствующих органов, организаций и их должностных лиц в вышестоящую инстанцию или в суд. Зачастую действия лиц, оказывающих

---

¹ Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей за 2017 год // Ресурсы интернет - <https://rosmintrud.ru/docs/1294>.

² Корсаненкова Ю.Б. Проблемы правового регулирования современного института социального обслуживания граждан Российской Федерации / Ю.Б. Корсаненкова // Социальное и пенсионное право. 2017. N 2. С. 10 - 14.

³ Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг организациями социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы: Приказ Минтруда России от 23.05.2018 N 317н // СПС Консультант Плюс.

⁴ Меркулов В.В. Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денежных отношений. Автореф. дис... док. юрид. наук. Саратов, 1994. С. 7; Ситдикова Л.Б. Проблемы защиты прав потребителей в сфере оказания публичных услуг / Л.Б. Ситдикова // Российская юстиция. 2015. N 2. С. 14 - 17.

услуги, носят вполне правомерный характер, но уровень качества предоставляемых услуг не соответствует ожиданиям, поэтому трудно предположить, что достигается тот полезный эффект, ради которого оказывается услуга. В то же время другими учеными признается необоснованным и неэффективным применение гражданско-правовых конструкций к договорным социально-обеспечительным отношениям¹.

Надежды улучшить положение в сфере социального обслуживания связывают с системой долговременного ухода², которая призвана обеспечить людям, нуждающимся в уходе, одновременно социальное обслуживание и медицинскую помощь как в стационаре, так и на дому. В настоящее время эта система представлена в качестве программы в рамках национального проекта "Демография". Начавшись в 2018 году в 8 регионах как пилотный проект, ареал программы в 2019 году увеличился до 12 регионов. А в 2024 году эту систему введут во всех регионах России. Главный плюс новой системы представлен "выявительным принципом", при котором предоставление услуг по социальному обслуживанию определяется самими сотрудниками социальных служб без обращения нуждающегося в уходе. Основным недостатком этой системы является слабая проработанность на законодательном уровне. Министерством труда и социального развития РФ только предстоит законодательно закрепить детальную схему системы долговременного ухода со всеми сопутствующими нормативными актами. Опыт внедрения в пилотном варианте этой системе показал такие основные недостатки как отсутствие единоначалия в вопросах управления, и, что немаловажно, в вопросах финансирования этой системы. А также сложность в подборе кадров, которые должны совмещать не только медицинские, но и социальные функции. Все это существенно сказывается на эффективности указанной системы ухода.

До сих пор нерешенной оказалась проблема исключения из сферы социального обслуживания населения муниципальных образований. По мнению ученых, эту проблему надо решать, наделяя муниципальные органы «собственной» компетенцией в этой сфере³. Напомню, что до начала рыночных преобразований в России много объектов социальной сферы числились на балансе предприятий. В ходе приватизации государство сняло с российских предприятий их социальные функции, что выразилось в передаче части таких объектов в собственность и ведение муниципалитетов, начался процесс реформирования всей системы социального обеспечения. На практике они оказались ответственными практически за всю сферу со-

---

¹ Васильева Ю.В. О функциональном подходе к предмету права социального обеспечения // Гарантии реализации прав граждан в сфере труда и социального обеспечения. М., 2006. С. 598; Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М.: Юстицинформ, 2009. С.54.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019// Российская газета. N 38. 21.02.2019.

³ Баженова О.И. К проблеме наделяния муниципальных образований полномочиями в сфере социальной поддержки и социального обслуживания граждан // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 7. С. 62 - 68.

циальной поддержки и социального обслуживания отдельных категорий граждан. В 2004 г. из закона о социальном обслуживании 1995 г. было исключено понятие муниципальной системы социальных служб¹. Закон о социальном обслуживании 2013 г. не упоминает напрямую ни о муниципальных образованиях, ни о муниципальных учреждениях. Вместе с тем они были и остаются ключевыми участниками системы социального обслуживания. Закон² предусматривает два вида вовлечения муниципальных органов в систему социального обслуживания: делегирование государственных полномочий и добровольное. Причем зачастую их добровольная инициатива носит вынужденный характер: необходимость оперативного реагирования на сложную жизненную ситуацию, в которой оказался гражданин³. Причем помощь оказывается из собственного бюджета, который в результате бесконечных реформ (в том числе и в результате хаотичного процесса перераспределения публичной собственности) оказался в плачевном состоянии. Такая ситуация приводит к утрате доверия граждан к муниципалитетам. В то же время, очевидно, что эффективная система социального обслуживания отдельных категорий граждан не может функционировать без муниципальных образований, которые обеспечивают индивидуализацию мер социальной защиты. Наделение муниципальных органов «собственной» компетенцией в сфере социальной защиты населения потребует изменения финансового обеспечения всей системы социальной защиты.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что сфера социального обслуживания находится в зоне пристального внимания высших должностных лиц государства, мотивируя правительство к поиску форм адаптации социального законодательства к новым реалиям, например, системе одновременного ухода за нуждающимся. Практика применения закона № 442-ФЗ выявила существенные проблемы, сложившиеся в сфере социального обслуживания без решения которых нельзя говорить о качественном и полном оказании услуг по социальному обслуживанию. Это и создание конкурентной среды наравне с государственными учреждениями в сфере социального обслуживания, включение в эту сферу органов местного самоуправления, усиление закрепления социальных гарантий на федеральном уровне и т.д. Эти обстоятельства говорят о наступлении в ближайшее время периода интенсивного законотворчества в этой сфере.

---

¹ Ст. 65 Фед. закона от 22.08.2004 N 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»// СЗ РФ, 30.08.2004, N 35, ст. 3607.

² Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»//СЗ РФ, 30.12.2013, N 52 (часть I), ст. 7007.

³ Например: Распоряжение Администрации городского округа город Воронеж от 22.01.2014 N 32-р «Об организации деятельности пункта обогрева лиц без определенного места жительства»// Берез, N 8, 28.01.2014.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова А.В. Реформирование пенсионного законодательства США в условиях глобализации/А.В. Александрова // Социальное и пенсионное право. 2009. N 4. С. 42 - 46.
2. Аубакирова И.У. Трансформация парадигмы социального государства: теоретико-правовой аспект / И.У. Аубакирова // Государственная власть и местное самоуправление. -2014.- N 6.- С.3 - 9.
3. Баженова О.И. К проблеме наделения муниципальных образований полномочиями в сфере социальной поддержки и социального обслуживания граждан // Конституционное и муниципальное право. 2014. N 7. С. 62 - 68.
4. Барков А.В. Публичная гарантия как способ обеспечения обязательства поставщика социальных услуг/ Барков А.В. // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 6. С. 99 - 104.
5. Варламова Н.В. Формальное равенство как основополагающий принцип правового регулирования // Признание права и принцип формального равенства: сб. научн. тр. / Воронеж. гос. ун-т.- М.: Современная экономика и право. - 2015. - С.35.
6. Васильева Ю.В. О функциональном подходе к предмету права социального обеспечения // Гарантии реализации прав граждан в сфере труда и социального обеспечения. М., 2006. 835с.
7. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
8. Сенатор Карелова: важно вывести систему соцобслуживания на новый уровень / Г.Н. Карелова // Ресурсы интернет - http://www.aif.ru/politics/russia/senator_karelova_vazhno_vyvesti_sistemu_socobsluzhivaniya_na_novyy_uroven.
9. Корсаненкова Ю.Б. Проблемы правового регулирования современного института социального обслуживания граждан Российской Федерации/ Ю.Б. Корсаненкова // Социальное и пенсионное право. 2017. N 2. С. 10 - 14.
10. Крупчина Е. В. История социальной службы в России/ Е. В. Крупчина // Молодой ученый. - 2014. - №15. - С. 362-364.
11. Владимир Кузьмин Активные годы/В Кузьмин// Российская газета. 2019. №106(7864).
12. С. А. Новосельский. Смертность и продолжительность жизни в России. / С. А. Новосельский /. Петроградъ. Типография Министерства Внутренних Дѣлъ. 1916. 207 с.
13. Осьмакова О.Н. К вопросу о правовом регулировании миссионерской деятельности Русской православной церкви/ О.Н.Осьмакова// Актуальные проблемы российского права.- 2015.- N 6.- С.32-35.
14. Сенных Л.Н. Формальное равенство в социальной сфере в системе принципов правового регулирования /Л.Н. Сенных// Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сб. научн. тр. / Воронеж. гос. ун-т.- М.: Современная экономика и право. - 2016. -616с.
15. Ситдикова Л.Б. Проблемы защиты прав потребителей в сфере оказания публичных услуг/ Л.Б. Ситдикова // Российская юстиция. 2015. N 2. С. 14 - 17.
16. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 18 кн. /С.М.Соловьев. - М.-1988.-Кн.1.- 797с.
17. Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004. 319с.
18. Хамитова Г.М., Гимадиева Р.Р. Анализ разработанности нормативно-правовой базы Российской Федерации о платных услугах социального обслуживания/ Г.М. Хамитова, Р.Р. Гимадиева // Социальное и пенсионное право. 2019. N 1. С. 19 - 21.
19. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев.- М.: НОРМА.- 2017.- 384с.

ПРАВОПОРЯДОК В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Екатерина Сергеевна Карпова
Воронежский государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию правопорядка в сфере земельных отношений. Обращается внимание на отсутствие полной регламентации понятия правопорядка и его структуры в земельном законодательстве. Автором исследуются теоретические дефиниции земельного правопорядка. На основе анализа делаются собственные выводы по рассматриваемой тематике.

Ключевые слова: правопорядок, правопорядок в сфере земельных отношений, элементы правопорядка в сфере земельных отношений, земельно-правовые нормы, субъекты земельного правопорядка, объекты земельного правопорядка, государственное управление в сфере земельных отношений.

LEGAL ORDER IN THE SPHERE OF LAND RELATIONS

Ekaterina Karpova
Voronezh State University

Abstract: the article is devoted to the research of the legal order in the sphere of land relations. The author draws attention to the lack of full regulation of the definition of the legal order and structure of the legal order in land legislation. The author analyzes theoretical definitions of the legal order in the sphere of land relations. On the basis of the analysis the author makes conclusions on the subject.

Key words: legal order, legal order in the sphere of land relations, elements of the legal order in the sphere of land relations, land law regulations, subjects of the legal order in the sphere of land relations, objects of the legal order in the sphere of land relations, public administration in the sphere of land relations.

Российская Федерация является правовым государством, которое развивается на основе действующей Конституции и принятых в соответствии с ней законов и иных нормативных правовых актов. Конституция РФ, законодательные и иные нормативные акты предопределяют правовой порядок, который складывается в российском гражданском обществе.

Категория «правовой порядок» уже много лет находится в центре внимания представителей юридической науки, поскольку относится к числу базовых правовых категорий, таких как право, правовая система или правоотношение. Данное понятие используется, главным образом, в теории государства и права, хотя все же следует выделить ряд научных работ, посвященных правопорядку в рамках различных отраслей права¹.

Следует заметить, что в законодательстве мы не встретим четкой дефиниции правопорядка либо исчерпывающего перечня санкций за нару-

---

¹ См., напр.: Анисимов А.П. Обеспечение земельного правопорядка градостроительно-правовыми средствами // Аграрное и земельное право. 2009. № 4. С. 10 - 14; Духно Н.А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2000. 51 с.; Репкин М.Л. Правовые и организационные вопросы деятельности муниципальных образований по обеспечению местного правопорядка (на примере Волгоградской области): Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 221 с. и т.д.

шение правопорядка. На законодательном уровне данная правовая категория получила небольшое и бессистемное распространение. Например, Конституция России упоминает «правопорядок» лишь однажды (п. «б» ч. 1 ст. 72), определяя, что «обеспечение законности, правопорядка» находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Гражданский кодекс РФ предусматривает ничтожность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности. В преамбуле Федерального закона «Об охране окружающей среды» в качестве одной из целей данного закона упоминается укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды и т.д. В Земельном кодексе РФ вообще не содержится упоминание «правопорядка».

В рамках юридической доктрины до сих пор нет единства мнений по поводу понимания сущности данной правовой категории, остаются малоисследованными вопросы понятия и структуры правопорядка, механизмов его обеспечения, критериев его состояния и оценки, способов укрепления и т.д.

М.И. Байтин отмечал, что под «правопорядком» следует понимать такой порядок в общественных отношениях, регулируемых правом, при котором гарантируется реализация субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений, обеспечиваются их правомерное поведение, осуществление законности¹.

В.Н. Казаков полагал, что исходя из современного (широкого) понимания права, необходимо различать правопорядок как результат деятельности государства (государственный правопорядок) и правопорядок как результат массовой, стихийной социальной деятельности людей по установлению правовых взаимоотношений (гражданский правопорядок). Каждый из них устанавливается и поддерживается разными способами².

В работе М.Л. Репкина обращалось внимание на то, что «правопорядок представляет собой не только общецелевое понятие, но и состоит из частных специальных признаков, что позволяет выделить из государственного правопорядка его особый компонент – местный правопорядок. Местный правопорядок – это государственный правопорядок, сочетающий в себе элементы публичного и частного права, делегированного государством органам местного самоуправления в порядке перераспределения полномочий, и общественные отношения, урегулированные муниципальным правом с учетом местных условий и особенностей конкретного муниципального образования». Главным же условием «и наиболее устойчивым и эффективным фактором успешного решения задач в сфере обеспечения правопорядка во все исторические периоды развития местного самоуправления является участие населения в обеспечении местного правопорядка»³.

---

¹ Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Монография. - Саратов, 2001. – С. 323.

² Казаков В.Н. Правовой порядок в юридической теории и практике: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – С.12.

³ Репкин М.Л. Правовые и организационные вопросы деятельности муниципальных образований по обеспечению местного правопорядка (на примере Волгоградской области): Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 8- 10.

По мнению Е.А. Суховой, под правопорядком принято понимать порядок, обеспечивающий стабильность общественной жизни, регулируемый правом¹.

А.Я. Рыженков отмечает², что под «правопорядком» как рамочной юридической категорией обычно понимается определенное состояние регулируемых правом общественных отношений, которое характеризуется необходимым уровнем соблюдения законности, обеспечения субъективных прав, соблюдения юридических обязанностей всеми гражданами, юридическими лицами и органами публичной власти, с применением к правонарушителю мер государственного принуждения и восстановлению нарушенных субъективных прав³.

Учитывая вышеизложенное и отмечая наличие большого количества общетеоретических работ по данной проблематике, следует обратить внимание, что отраслевых исследований категории «земельный правопорядок» в земельном праве очень мало. Однако, как обоснованно утверждал Г.В. Чубуков, «право имеет сложную структуру... Отрасль права как наиболее крупный структурный элемент правовой системы регламентирует и упорядочивает широкую область общественных отношений, связанных между собой известным родством по предмету регулирования. Она придает им устойчивость, упорядоченность, свойственную чертам правового порядка, отражающего особенности регулируемых правом родственных общественных отношений»⁴. В связи с этим ученый совершенно справедливо считал правомерным говорить о существовании в российском обществе отраслевых видов правопорядка, в том числе земельного.

В отношении земельного правопорядка в научной литературе также имеются некоторые авторские дефиниции. Так, например, Г.В. Чубуков под «земельным правопорядком» понимал «совокупность правовых отношений, сложившихся на принципах Конституции РФ и земельного законодательства между субъектами земельных отношений, которые реализуют принадлежащие им земельные права и законные интересы и надлежаще исполняют возложенные на них обязанности в области рационального использования земли как природного объекта и принадлежащих им земельных участков»⁵. Автор также отмечал, что надлежащее функционирование и стабильность земельного правопорядка обеспечивается высоким правосознанием субъектов земельных правоотношений, надзором и контролем государственных и общественных органов, уполномоченных охранять земельный правопорядок, привлекать к юридической ответственности нарушителей земельного законодательства.

---

¹ Сухова Е.А. Значение земельно-правовой ответственности для обеспечения земельного правопорядка // Юрист. 2014. №2. С. 16.

² Рыженков А.Я. О понятии и содержании новой правовой категории «цивилизационный правопорядок» // Власть Закона. 2017. № 3. С. 32.

³ Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 1984. С. 278.

⁴ Чубуков Г.В. Земельное право России: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2002. С. 32.

⁵ Чубуков Г.В. Земельное право России: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2002. С. 32 - 33.

Кроме того, Г.В. Чубуков и Н.А. Духно в своих работах пришли к очень важным, по нашему мнению, заключениям:

- В результате воздействия правовых норм отраслевого законодательства на общественные отношения складывается и присущий им правопорядок. Поэтому можно говорить о существовании земельного, экологического, гражданского, трудового, административного и иного правопорядка.

- Земельный правопорядок можно определить как совокупность сложившихся на идеях и принципах Конституции РФ и земельном законодательстве правомерных поступков субъектов, наделенных земельными правами и обязанностями. Его содержание близко по смыслу, но неоднородно с понятием «правовой режим земель».

- Элементами земельного правопорядка, помимо правового режима земель, являются такие земельно-правовые институты, как государственное регулирование земельных отношений, землеустройство, разрешение земельных споров, ответственность за нарушение земельного законодательства¹.

Е.А. Сухова считает, что «земельный правопорядок существует тогда, когда все участники земельных правоотношений соблюдают нормы земельного права: беспрепятственно реализуют права и надлежаще исполняют обязанности. Нарушение субъективных прав и невыполнение возложенных законом обязанностей посягают на установленный в обществе и охраняемый законом земельный правопорядок и, в конечном счете, влекут юридическую ответственность»².

Проанализировав изложенные точки зрения, полагаем возможным предложить собственное определение «земельного правопорядка»: это система правоотношений, которая возникает в результате точного и неуклонного осуществления предписаний земельно-правовых норм всеми субъектами земельного права, а также состояние надлежащей урегулированности земельных отношений на основе норм земельного права.

Анализируя понятие «земельный правопорядок», нельзя не коснуться вопроса о структуре и элементах правопорядка. М.А. Григорьева, проанализировав существующие взгляды российских ученых на категорию «правопорядок», предлагает следующую интересную классификацию. По ее мнению, в состав правопорядка ученые включают разный набор элементов:

1) систему правоотношений, правовой статус граждан и юридических лиц, процессуальное право (Л.С. Явич);

2) государство, его органы, предприятия, организации, учреждения, негосударственные образования, общественные объединения граждан, правовые отношения и связи, «атрибутивные элементы» (В.В. Борисов);

3) участников (субъектов) правопорядка, отношения и связи между ними и их свойствами (а также взаимодействие данных элементов), правовую систему общества, последовательность возникновения, развития,

---

¹ Духно Н.А., Чубуков Г.В. Земельный правопорядок и ответственность. М., 1998. С.32-33.

² Сухова Е.А. Значение земельно-правовой ответственности для обеспечения земельного правопорядка // Юрист. 2014. №2. С. 16.

изменения и прекращения правоотношений, «атрибутивные элементы» (А.С. Тагиев);

4) правовые предписания, субъекты правопорядка, объекты правопорядка, правосознание (Н.А. Духно);

5) юридические факты, правосубъектность, правоотношения, правомерное поведение (В.Н. Казаков).

При этом если объединить указанные позиции, то обнаружится, что в состав элементов правопорядка попали почти все правовые явления: позитивное право, субъекты права, объекты права, правовые свойства субъектов, правоотношения, юридические факты, правосознание, правомерное поведение. В результате вырисовывается некий конгломерат, в котором соединены и реальные объекты действительности, и правовые абстракции¹.

Г.В. Чубуков отмечал, что «правовой порядок имеет присущую ему структуру. Он включает в себя конституционные и иные нормативно-юридические предписывающие правила поведения, адресованные участникам регулируемых общественных отношений; субъектов правового порядка, уполномоченных и обязанных следовать правовым предписаниям; уровень их правового сознания, как условие правомерного поведения; права, законные интересы и юридические обязанности, реализация которых формирует содержание правопорядка, и государственное управление правовым порядком как условие его стабильности»².

Мы разделяем точку зрения Г.В. Чубукова и полагаем, что данный авторский подход к доктринальному пониманию теории правопорядка, безусловно, заслуживает поддержки. Между тем, как и в любой хорошей концепции, здесь есть повод для дискуссии. Так, не вполне понятно, почему автор исключил из структуры правопорядка такой элемент, как объекты правопорядка, учитывая тот факт, что объекты – это то, на что всегда направлены права и обязанности субъектов.

В связи с этим мы полагаем, что в структуру земельного правопорядка входят следующие элементы:

1 – земельно-правовые нормы, закрепляющие соответствующие предписания для участников земельных правоотношений;

2 – субъекты земельного правопорядка, уполномоченные и обязанные следовать правовым предписаниям (физические и юридические лица, публичные образования),

3 – уровень правового сознания субъектов земельного правопорядка, как условие их правомерного поведения;

4 – объекты земельного правопорядка (земля как природный объект и природный ресурс, земельные участки, части земельных участков, земельные доли);

5 – права и обязанности субъектов, реализация которых формирует содержание земельного правопорядка;

---

¹ Григорьева М.А. К вопросу о составе системы гражданского правопорядка // Вестник КрасГАУ. 2010. № 1. С. 172.

² Чубуков Г.В. Земельное право России: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2002. С. 31.

6 – государственное управление в сфере земельных отношений как условие стабильности земельного правопорядка.

При этом государственное управление в сфере земельных отношений является собирательным понятием, включающим множество разнообразных функций, таких как землеустройство, государственный мониторинг земель, государственный кадастровый учет земельных участков, государственный земельный надзор и муниципальный земельный контроль, привлечение к ответственности за правонарушения в сфере земельных отношений.

Безусловно, надлежащее функционирование и стабильность земельного правопорядка обеспечивается реализацией всех вышеуказанных функций в комплексе. Поэтому их нормативно-правовое регулирование должно находиться в постоянном развитии и совершенствовании, поскольку от сформировавшегося земельного правопорядка в конечном итоге напрямую зависит обеспечение рационального использования и охраны земель, а также реализация прав, свобод и законных интересов субъектов земельных правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимов А.П. Обеспечение земельного правопорядка градостроительно-правовыми средствами / А.П. Анисимов // Аграрное и земельное право. - 2009. - № 4. - С. 10 - 14.
2. Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Монография / М.И. Байтин. - Саратов, 2001. - 416 с.
3. Григорьева М.А. К вопросу о составе системы гражданского правопорядка / М.А. Григорьева // Вестник КрасГАУ. - 2010. - № 1. - С. 168 - 176.
4. Духно Н.А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.А. Духно. - Уфа, 2000. - 51 с.
5. Духно Н.А., Чубуков Г.В. Земельный правопорядок и ответственность / Н.А. Духно, Г.В. Чубуков. - М., 1998. - 350 с.
6. Казаков В.Н. Правовой порядок в юридической теории и практике: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Н. Казаков. - М., 2003. - 55 с.
7. Репкин М.Л. Правовые и организационные вопросы деятельности муниципальных образований по обеспечению местного правопорядка (на примере Волгоградской области): Дис. ... канд. юрид. наук / М.Л. Репкин. - Волгоград, 2007. - 221 с.
8. Рыженков А.Я. О понятии и содержании новой правовой категории «цивилистический правопорядок» / А.Я. Рыженков // Власть Закона. - 2017. - № 3. - С. 32 - 44.
9. Сухова Е.А. Значение земельно-правовой ответственности для обеспечения земельного правопорядка / Е.А. Сухова // Юрист. - 2014. - №2. С. 16 - 20.
10. Чубуков Г.В. Земельное право России: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.В. Чубуков. - М., 2002. - 328 с.
11. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Советская энциклопедия, 1984. - 415 с.

ПЛЮРАЛЬНОСТЬ И ДИНАМИЧНОСТЬ ПРАВОПОРЯДКА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К СЕМИОТИКЕ ПРАВА И ПЕРСПЕКТИВ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Наталья Францевна Ковкель
Белорусский государственный экономический университет

Аннотация: В статье анализируются проблемы множественности и динамичности правопорядка в контексте различных подходов к семиотике права. Особое внимание уделяется исследованию правопорядка в рамках пирсеанской, греймасианской и культурологической концепций семиотики права. Определяются особенности семиотического анализа правопорядка с учетом новых перспектив развития семиотики права. При этом акцентируется внимание на феномене мультимодальности.

Ключевые слова: правопорядок, семиотика права, основные концепции семиотики права, перспективы развития семиотики права, мультимодальность.

PLURALITY AND DYNAMISM OF THE LEGAL ORDER IN THE CONTEXT OF THE MAIN APPROACHES TO THE SEMIOTICS OF LAW AND THE PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT

Natallia Kovkel
Belarus State Economic University

Abstract: The article analyzes the problems of multiplicity and dynamism of the legal order in the context of different approaches to the semiotics of law. Special attention is paid to the study of the legal order within the framework of the Piersean, Greimasian and culturalological conceptions of the semiotics of law. The features of the semiotic analysis of the legal order are determined, taking into account new perspectives of the development of the semiotics of law. In this case, attention is focused on the phenomenon of multimodality.

Keywords: legal order, semiotics of law, basic conceptions of legal semiotics, perspectives of legal semiotics, multimodality.

При всем разнообразии современных подходов к семиотике права одной из объединяющих идей является оспаривание единства и стабильности правопорядка, характерное для позитивистской парадигмы. Однако анализ множественности и динамичности правопорядка существенно отличается в различных направлениях семиотики права. Так, уже в рамках ее основных концепций - пирсеанской и греймасианской, обнаруживаются различные подходы к решению данной проблемы. Основоположница пирсеанского направления семиотики права, профессор Пенсильванского университета Роберта Кевельзон, рассматривает правопорядок как сложный, разноразмерный и постоянно изменяющийся конгломерат знаков и знаковых систем, существующий наряду с иными социальными институтами (языком, экономикой, политикой и др.), также имеющими знаковое выражение, и выступающий «прототипом интерсубъективного социального обмена ценностями в целом»¹. Будучи глубоким знатоком творчества Ч.С. Пирса и применяя его семиотическую методологию к исследованию права, Р. Ке-

---

¹ Kevelson R. The law as a system of signs. New York, London: Plenum Press, 1988. P. 4.

вельзон не просто постулирует плюральную знаковую природу и динамичность правовой коммуникации. Она также утверждает, что правопорядок, состоящий из взаимосвязанных коммуникативных процессов между разнообразными и изменчивыми правовыми дискурсами и правовой практикой, функционирует почти универсально в качестве модели диалогического развития мысли¹. Р. Кевельзон неоднократно отмечала, что пирсеанская трактовка соотношения между логикой и опытом привела к разработке новой логики знаков – семиотике, которая включала его концепт прагматики и понятие логических следствий, имевшие колоссальное влияние на континентальную правовую теорию на рубеже XIX-XX вв. Именно они лежали в основе идей Ф. Жени, А. Хегерстрема и К. Оливекроны, а также О. Холмса, Дж. Фрэнка и иных представителей американского правового реализма о том, что нет абсолютного права с неизменным идеалом справедливости. Право должно соотноситься с фактами и интерпретацией, судебное решение и любое иное правовое рассуждение неизбежно отражают постоянно изменяющийся социальный контекст².

Множественность и динамичность правопорядка рассматриваются Р. Кевельзон через концепт интерпретации, который, согласно ее трактовке, является ключевым в семиотической теории Ч.С. Пирса. Каждый акт означивания в процессе правовой интерпретации анализируется Р. Кевельзон как открытый, практически ничем не ограниченный процесс. Согласно Ч.С. Пирсу, любая интерпретация знака воплощается в новом, более сложном знаке, который несет свою референцию далее кумулятивно. Понятие накопления информации в дискурсе является центральным фокусом методологии Ч.С. Пирса³. Именно это постоянное изменение и множественность как интерпретаторов, так и интерпретант, неизбежно порождают отсутствие единого правопорядка и его динамику. Более того, Р. Кевельзон использует концепт парадоксальной структуры мышления Ч.С. Пирса и утверждает неизбежность конфликта между правовыми акторами, рассматривает право и правопорядок в качестве открытой инновационной системы, в которой нет и не может быть одного, изначально заданного типа понимания⁴. В процессе семиотического анализа правовой интерпретации Р. Кевельзон фокусируется на плюральности моделей правового рассуждения. Ссылаясь на Л. Фридмана, она отмечает, что, «подобно тому, как существует не одна идеальная правовая система, а скорее правовая система как актуальная сеть конкурирующих и конфликтующих правовых подсистем», так существует и «не один тип правового дискурса, но про-

---

¹ Kevelson R. Ibid. P. 4.

² Kevelson R. Ibid. P. 6; Kevelson R. Introduction to the First Round Table on Law and Semiotics // Law and Semiotics / Ed. R. Kevelson. New York, NY and London: Plenum Press. 1987. Vol. 1. P. 15.

³ Kevelson R. The law as a system of signs. New York, London: Plenum Press, 1988. P. 7-8.

⁴ Kevelson R. The New Realism and Lawlessness in Kaleidoscope // Law and Semiotics / Ed. by R. Kevelson. Pennsylvania State University. Vol. 2. New York, London: Plenum Press, 1988. P. 204-206; Kevelson R. Icons of justice: Spirit of law // International Journal for the Semiotics of Law. 1994. Vol. 7. № 21. P. 229-231.

тиворечащие друг другу модели правового рассуждения», которые взаимодействуют и сосуществуют в одном и том же социуме. Например, «модель дедуктивного правового обоснования преследует отличную цель, нежели модель индуктивного правового обоснования», и обе модели отличны от гипотетического правового обоснования¹.

В отличие от пирсеанского, греймасианское направление семиотики права сформировалось на основе французского структурализма, в связи с чем его представители анализируют правопорядок не столько через применяемые в процессе интерпретации модели правового рассуждения, сколько через исследование речевых и психологических особенностей правового дискурса. Эрик Ландовский, которого наряду с Альгирдасом Греймасом принято относить к основоположникам данного направления, также опровергает идею единства и неизменности правопорядка. Плюральность и динамизм правопорядка он утверждает как посредством анализа разнообразных типов знаков и знаковых систем, функционирующих в праве, именуя эту область исследования «*sémiologie juridique*», так и через изучение означающих структур конкретных форм правового дискурса, относя ее к «*semiotique juridique*»².

Особое внимание проблеме множественности правопорядка уделяет известный представитель греймасианского направления - профессор права Ливерпульского университета Бернард Джексон. Рассуждая о том, чем является право – феноменом логики, дискурса или опыта, он отмечает разнообразие ответов на данный вопрос, представленных в современной семиотике права³. Однако при всех различиях, не позволяющих Б. Джексону признать семиотику права единой научной отраслью⁴, опровержение идеи единства правопорядка присуще всем направлениям семиотики права⁵. В его концепции семиотики права такое опровержение тесно связано с проблемами референции и множественности «семиотических групп». В частности, Б. Джексон утверждает, что референция в рамках правовой системы является внутридискурсивной и неспособной к проверке на основании корреспонденции. А поскольку референциальные претензии участников правового дискурса не могут быть верифицированы, «возникают серьезные проблемы для претензии на единство правовой системы, так как это единство постоянно конституируется внутренней отсылкой к «праву». ... С семиотической точки зрения, мы имеем здесь феномен совместной референции различных дискурсов, каждый из которых претендует на отсылку к одному внешнему референту»⁶.

---

¹ Kevelson R. The law as a system of signs. New York, London: Plenum Press, 1988. P. 10.

² Landowski E. «Sémiologie juridique», «Sémiotique juridique» // Dictionnaire de théorie et de sociologie du droit / Ed. A.J. Arnaud. Paris and Bruxelles: L.G.D.J. and E. Story-Scientia, 1988. P. 368–372.

³ Jackson B.S. Legal Semiotics and Semiotic Aspects of Jurisprudence// Prospects of Legal Semiotics / Ed. A. Wagner, J. M. Broekman. Springer Netherlands, 2011. P. 3-4.

⁴ Jackson B.S. Ibid. P. 28-29.

⁵ Jackson B.S. Ibid. P. 4.

⁶ Jackson B.S. Ibid. P. 19.

Наряду с проблемой референции единство правопорядка опровергается разнообразием «семиотических групп» и особенностями «правовой культуры» каждой из них. Принимая во внимание разнообразие семиотических процессов, используемых различными участниками юридической деятельности, Б. Джексон предлагает разработать понятие «семиотической группы» как группы людей, использующих определенную, отличную от иных, систему означивания¹. В качестве примеров таких групп он называет законодателей, судей судов различных уровней, правоведов, адвокатов, сотрудников полиции и др. «Системы значений, используемые каждой из этих семиотических групп, усиливают их самоидентификацию по отношению к другим семиотическим группам в рамках правовой системы. Например, юридическая форма часто имеет большее отношение к иерархическим структурам внутри правовой системы, чем с коннотациями для внешнего мира»². Одной из основных задач современной семиотики права Б. Джексону видится исследование специфических систем означивания этих разнообразных «семиотических групп», а также установление факторов, обеспечивающих их взаимодействие в рамках одного правопорядка.

Единство и стабильность правопорядка оспариваются и представителями иных подходов к семиотике права, которые мы объединяем в следующие: аналитический, риторико-прагматический, деконструктивно-критический, социологический и социолингвистический, культурологический. В рамках развиваемого нами культурологического подхода к семиотике права, основанного прежде всего на методологических разработках Ю.М. Лотмана и иных представителей Московско-Тартуской школы, множественность и динамичность правопорядка имманентно вытекают из его помещения в культурный контекст. Анализ права в качестве особого культурного феномена, как отмечают многие исследователи, изначально отличал семиотический подход от всех иных подходов к праву³. Особенностью нашей концепции является не просто исследование права в культурной перспективе, но, прежде всего, акцент на культурных особенностях интерпретаторов правовых знаков и осуществляемой ими интерпретации в границах правовой семиосферы. Концепт правовой семиосферы, следуя лотмановскому концепту, определяется нами как континуум, в котором функционируют правовые знаки и знаковые системы, реализуются правовые коммуникативные процессы и создается правовая информация⁴. Представляется, что именно данный концепт позволяет по-

---

¹ Jackson B.S. Ibid. P. 19.

² Jackson B.S. Ibid. P. 19.

³ Balkin J. M. The Promise of Legal Semiotics // University of Texas Law Review. 1991. Vol. 69. P. 1831; Wagner A., Broekman J. M. Promises and Prospects of Legal Semiotics – An Introduction // Prospects of Legal Semiotics. Ed. A. Wagner, J. M. Broekman. Springer Netherlands, 2011. P. X.

⁴ Ковкель Н.Ф. Правовая семиотика: особенности формирования и основные концепты // Право. бу. 2015. № 2 (34). С. 61; Ковкель Н.Ф. Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы // Правоведение. 2017. № 4. С. 51.

новому рассмотреть проблемы структурной организации, функционирования и динамики правопорядка. В частности, вслед за Ю.М. Лотманом, мы выделили и проанализировали следующие характерные черты правовой семиосферы как элемента глобальной семиосферы: 1) наличие границы, или отграниченность от внесемиотического или иносемиотического пространства; 2) неравномерность организации (наличие ядерных структур и периферии); 3) несинхронность развития различных участков; 4) дискретность в передаче информации; 5) механизм диалога как основной механизм ее функционирования; 6) пространственная симметрия – асимметрия в организации¹. Все указанные признаки правовой семиосферы позволяют анализировать любой правопорядок как сложно организованный, разноуровневый конгломерат правовых знаков и знаковых систем, используемый интерпретаторами в процессе семиозиса и характеризующийся особым (несинхронным, дискретным и диалогичным) механизмом функционирования.

Определяя новые перспективы развития семиотики права, Анна Вагнер и Ян Брукмен выделяют и анализируют три основные – изменение концепции права, развитие критичного и мультикультурного анализа, а также исследование специфики правовой коммуникации². Авторы отмечают, что изменение концепции права в семиотической перспективе связано с множественностью и динамичностью правовых порядков глобального и мультикультурного мира, взаимосвязанных и социально распределенных по-разному. Современная семиотика права «ставит под сомнение традиционные определения или краткие описания права»³. «Слияние, смешение и провоцирование динамики права ... как социальный компонент жизни в глобальных измерениях означает, что правополитические отношения больше не находятся на переднем плане рассмотрения права в свете семиотики»⁴. Эта изменившаяся ситуация «усиливает критику, окрашенную мультикультурным измерением», и «влияет на видение коммуникативных эффектов правовых речевых актов и права в целом»⁵. Таким образом, от трактовки права в качестве особого, удивительно пластичного медиума дискурса о власти и ее осуществления, и прежде всего – легитимации, семиотика права в результате интенсификации процессов глобализации и мультикультурализма перешла к анализу множественности и динамики правопорядков, правовых дискурсов и их коммуникативных эффектов. Разнообразные подходы к семиотике права объединяет понимание права как множественности правопорядков

---

¹ Ковкель Н.Ф. Правовая семиосфера как концепт культурального измерения права // Культуральные исследования права: монография. Под ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. С. 153-170.

² Wagner A., Broekman J. M. Promises and Prospects of Legal Semiotics – An Introduction // Prospects of Legal Semiotics. Ed. A. Wagner, J. M. Broekman. Springer Netherlands, 2011. P. VII- XI.

³ Wagner A., Broekman J. M. Ibid. P. VIII.

⁴ Wagner A., Broekman J. M. Ibid. P. VIII.

⁵ Wagner A., Broekman J. M. Ibid. P. IX.

внутри одного социума, их динамичного, нестабильного функционирования в виде самых разнообразных правовых знаков и знаковых систем, встроенных в сложный культурный контекст.

Представляется, что особое значение для дальнейшего развития семиотического анализа правопорядка имеет феномен мультимодальности. Концепция мультимодальности является относительно новой, активно разрабатываемой профессором Лондонского университета Гюнтером Крессом¹. Проблему мультимодальности он обозначает следующим образом: ««Язык», со всей уверенностью считающийся (на «Западе») гарантом того, что определено является человеческим, рациональным, необходимым для рефлексии, способным выразить любой аспект человеческого существования, оспаривается в этой занимавшейся им до сих пор центральной позиции другими средствами конструирования смыслов, другими средствами формирования идентичности»². Мультимодальность предполагает использование самых разнообразных семиотических средств для выражения смысла – изображений, жестов, звуков и т.д., далеко выходящих за пределы речи и письма, и уже ставших реальностью новых коммуникативных практик. «Изменение в среде смысла и коммуникации, - отмечает Г. Кресс, - будет сопровождаться широкой реконфигурацией места, занимаемого «языком», в социальном / культурном / семиотическом / эпистемологическом мирах: он довольно быстро утратит свое нынешнее центральное место, которое будет замещено другими модусами (*modes*). Последствия этого для эпистемологии и онтологии в целом, а с ними и для каждого аспекта культуры, сейчас не могут быть понастоящему оценены»³. Концепция мультимодальности отрицает традиционную для семиотики модель коммуникации, состоящую из отправителя, сообщения и получателя, и признает нерелевантными такие термины как «кодирование», «декодирование», «общий код». «Модель теперь утверждает, что «коммуникация произошла, когда состоялась *интерпретация*». ... Это модель, которая не предполагает гомогенности принципов или кодов. Учитывая, что теоретически статусы интерпретатора и изначального производителя сообщения равны, коммуникацию теперь будет правильнее рассматривать как горизонтальное и реципрокное отношение между ними, в котором смысл производится дважды: один раз – производителем сообщения и еще один раз – партнером по диалогу при переработке в трансформирующем взаимодействии (*transformative engagement*)»⁴.

Феномен мультимодальности ставит перед семиотиками права новые задачи, в том числе усложняя анализ проблемы плюральности и динамизма правопорядка. Он предполагает повышенный исследовательский интерес к невербальным правовым знакам, в разработанной нами классификации пра-

---

¹ Kress G., Leeuwen T. van. *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. L.: Edward Arnold, 2001. 142 p.; Kress G. *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. L.: Routledge, 2010. xvi, 212 p.

² Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука (Political science). 2016. N 3. С. 78.

³ Кресс Г. Указ. соч. С. 78-79.

⁴ Кресс Г. Указ. соч. С. 95.

вовых знаков и знаковых систем – естественным, образным и знакам действия¹. Мы уже отмечали, что для продуктивного развития семиотики права, особенно анализа образных знаков и знаков действия, могут быть полезными результаты исследования иных, смежных с правовым, дискурсов: политического, религиозного и др.² Особый интерес вызывает исследование религиозных ритуалов с такими проблемами как изменение принципов семиотизации и интерпретации, перформативная проблема, проблема уровней значения, текста и контекста и др.³ Помимо многообразия семиотических средств выражения в правовом дискурсе проблема мультимодальности состоит в радикальном плюрализме выражения правовых ценностей, отсутствии их иерархии и согласованности. Мультимодальный, мультикультурный мир постмодерна обречен на постоянные аксиологические конфликты, и даже попытки универсализации правовых ценностей на уровне международного права не изолируют его от неизбежных столкновений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Kevelson R.* The law as a system of signs. New York, London: Plenum Press, 1988. 331 p.
2. *Kevelson R.* Introduction to the First Round Table on Law and Semiotics // *Law and Semiotics* / Ed. R. Kevelson. New York, NY and London: Plenum Press. 1987. Vol. 1. P. 1–24.
3. *Kevelson R.* The New Realism and Lawlessness in Kaleidoscope // *Law and Semiotics* / Ed. by R. Kevelson. Pennsylvania State University. Vol. 2. New York, London: Plenum Press, 1988. P. 189 – 208.
4. *Kevelson R.* Icons of justice: Spirit of law // *International Journal for the Semiotics of Law*. 1994. Vol. 7. № 21. P. 227 – 239.
5. *Landowski E.* «Sémiologie juridique», «Sémiotique juridique» // *Dictionnaire de théorie et de sociologie du droit* / Ed. A.J. Arnaud. Paris and Bruxelles: L.G.D.J. and E. Story-Scientia, 1988. P. 368–372.
6. *Jackson B.S.* Legal Semiotics and Semiotic Aspects of Jurisprudence// *Prospects of Legal Semiotics* / Ed. A. Wagner, J. M. Broekman. Springer Netherlands, 2011. P. 3 – 36.
7. *Balkin J. M.* The Promise of Legal Semiotics // *University of Texas Law Review*. 1991. Vol. 69. P. 1831–1852.
8. *Wagner A., Broekman J. M.* Promises and Prospects of Legal Semiotics – An Introduction // *Prospects of Legal Semiotics*. Ed. A. Wagner, J. M. Broekman. Springer Netherlands, 2011. P. V – XVII.
9. *Ковкель Н.Ф.* Правовая семиотика: особенности формирования и основные концепты // *Право*. by. 2015. № 2 (34). С. 57 – 63.
10. *Ковкель Н.Ф.* Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы // *Правоведение*. 2017. № 4. С. 38-59.
11. *Ковкель Н.Ф.* Правовая семиосфера как концепт культурального измерения права // *Культуральные исследования права: монография*. Под ред. И.Л. Честнова, Е.Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. С. 153-170.

---

¹ Ковкель Н. Ф. *Логика и язык закона: монография*. Минск: Право и экономика, 2009. С. 186-191; Ковкель Н.Ф. *Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы* // *Правоведение*. 2017. № 4. С. 48-50.

² Ковкель Н.Ф. *Семиотика права: проблемы определения основных концептов и выбора парадигмы* // *Правоведение*. 2017. № 4. С. 50.

³ Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. *Семиотика религиозных коммуникативных систем: дискурсы смыслов: монография*. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 9-181.

12. Kress G., Leeuwen T. van. Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication. L.: Edward Arnold, 2001. 142 p.
13. Kress G. Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. L.: Routledge, 2010. xvi, 212 p.
14. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука (Political science). 2016. № 3. С. 77–100.
15. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиотика религиозных коммуникативных систем: дискурсы смыслов: монография. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 380 с.
16. Ковкель Н. Ф. Логика и язык закона: монография. Минск: Право и экономика, 2009. 299 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ПРИ КОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РСФСР В 1920-Е ГОДЫ

Ольга Ильинична Куприянова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация Статья посвящена вопросам использования институтов Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года в первые годы после октябрьской революции, а также в начале 1920-х годов. Несмотря на ликвидацию прежней судебной системы, советский законодатель в новых условиях постепенно восстанавливает институты дореволюционного уголовного процесса. Судебные уставы 1864 года стали доктринальным источником права для советского уголовного процесса.

Ключевые слова Российская империя, уголовный процесс, Судебная реформа 1864 г., Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г.

Октябрьская революция 1917 года – событие, которое привело к изменениям во многих областях жизни общества. Новая советская власть намеревалась преобразовать сословную структуру общества, внедрить новые методы управления экономикой, создать совершенно новый государственный механизм. Такие грандиозные цели не могли не отразиться и на праве – фактически каждая отрасль права требовала новых принципов регулирования.

Дореволюционное законодательство было достаточно неоднородным с точки зрения соответствия правоотношениям начала XX века: законы о состояниях, регулировавшие сословную структуру общества, были явным наследием феодальной эпохи, их преобразование считали необходимым многие государственные деятели. В большей мере «отсталость» правового регулирования ощущалась в гражданском праве. Действовавшие нормы Свода законов гражданских регулировали отношения, сложившиеся в XVIII-XIX веках, и явно не соответствовали гражданским правоотношениям начала XX века. Гражданское уложение, разрабатывавшееся в конце XIX века, так и не стало законом¹. Уголовное уложение 1903 г. было вве-

---

¹ Томсинов В.А. Владение и его защита в проекте Гражданского уложения Российской империи конца XIX – начала XX века. Статья 1 // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 5. С. 8.

дено в действие лишь частично, в основном же действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г., источником которого являлись еще нормы Соборного Уложения 1649 года. Многие отрасли права требовали обновления, но правительство с этим не спешило. Пожалуй, «белой вороной» среди этих отраслей законодательства выглядело процессуальное право – уставы уголовного и гражданского судопроизводства, принятые 20 ноября 1864 года, были основаны на новых принципах и являлись совершенно новым явлением в истории дореволюционной кодификации. «Эти уставы были плодом возвышенного труда, проникнутого сознанием ответственности составителей их пред Россией, жаждавшей правосудия в его действительном значении и проявлении,» - писал А.Ф. Кони¹ Обновление судебной системы и процесса было одним из важнейших достижений реформ второй половины XIX века. Таким образом, к октябрю 1917 г. Россия пришла с обновленным законодательством в области суда и процесса. Каким же образом советский законодатель отнёсся к уголовно-процессуальному праву, доставшемуся в наследство от дореволюционных времён? Были ли достижения дореволюционных правоведов сметены революцией? Изучение принципов процессуального законодательства первых лет советской власти и сравнение их с дореволюционными и является предметом изучения настоящей статьи.

В первые месяцы после установления советской власти уголовно-процессуальное законодательство подвергалось изменениям в связи со сломом судебной системы. Признание судов всех уровней частью «угнетательского аппарата»² потребовало уничтожения дореволюционной системы судов. Идея коренного преобразования советского суда отразилась в первом же декрете о суде. Декрет о суде от 24 ноября 1917 года № 1³ не только уничтожал все старые судебные институты, но и институт судебных следователей, адвокатуру, прокуратуру. При этом революционное правительство не ставило перед собой задачи уничтожить процессуальное законодательство. Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г. в статье 8 устанавливал, что «судопроизводство по гражданским и уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 г. постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов⁴. Однако столь кардинальные преобразования судебной системы не могли не отразиться и на процессуальном законодательстве.

Революционные преобразования в первую очередь затронули принципы уголовного процесса. Серьезные видоизменения претерпел принцип законности судопроизводства. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября

---

¹ Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы. Спб, 1914. С. 1.

² См.: «Суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации». // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 22. С. 424.

³ "СУ РСФСР", 1917, N 4, ст. 50.

⁴ Декрет о суде № 2 от 07.03.1918 // СПС Консультант Плюс.

1864 г. устанавливал, что «никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не будь привлечен к ответственности в порядке, определённом правилами сего устава»¹. Это было необходимо для соблюдения, прежде всего, гарантий обвиняемого и подсудимого. Однако революционное законодательство установило иную систему норм для применения в судах. Так, согласно декрету «О суде» № 1 основным источником права являлись декреты советской власти. Пункт 5 этого декрета позволял руководствоваться «старыми законами», поскольку они «не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Декрет о суде от 20 июля 1918 г. № 3 среди источников права, на которые может ссылаться суд при вынесении приговора, уже не упоминает дореволюционные законы (ст. 3)². Аналогичную формулировку, не предполагающую применения судебных уставов, закрепило Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. в статье 22: «При решении дел Народный Суд применяет декреты Рабоче-Крестьянского Правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового, руководствуется социалистическим правосознанием»³. В производстве революционных трибуналов также допускалось применение декретов советской власти и революционное правосознание трудящихся⁴. Перечисленные выше декреты, давая судьям возможность использования революционного правосознания, предполагали огромную степень судебного усмотрения, которое могло касаться как вынесения приговора, так и применения процессуальных норм. В начале 1920-х годов революционное правосознание как источник права сохраняется. В частности, о нём будет упоминать Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (ст.9)⁵.

Любопытно, что применение социалистического правосознания как отдельного источника права, помимо закона, косвенно предусматривалось и процессуальным законодательством 1920-х годов. Так, декретом ВЦИК и СНК от 9 февраля 1925 г. в УПК РСФСР 1923 года была введена статья 4-а, устанавливающая дополнительные основания для прекращения уголовного дела прокурором или судом по причинам «незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно, когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным»⁶. Интерес представляет формулировка о нецелесообразности возбуждения уголовного дела или дальнейшего производства. Прокурор или судья, прекращающий такое дело или отказывающийся в его возбуждении по мотивам нецелесообразности, руководствуется исключительно своим социалистическим правосознанием. На практике суд нередко расширительно толковал эту норму, применял её не только к делам,

---

¹ Ст. 1 Устава уголовного судопроизводства от 20.11.1864 // Свод законов. Изд. 1892 г., по продолжению 1906 года). СПб., 1908. Т. XVI. Ч. 1.

² Декрет о суде № 3 от 20.07.1918 // СПС Консультант Плюс.

³ Положение о народном суде РСФСР от 21.10.1920 // СПС Консультант Плюс.

⁴ См.: Португалов Г.М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, государственное издательство, 1922. С. 22.

⁵ УК РСФСР от 01.06.1922. // СПС Консультант Плюс.

⁶ УПК РСФСР от 15.02.1923 // СПС Консультант Плюс.

подлежащим рассмотрению в народных судах, но и к более тяжким преступлениям, рассматриваемым в судах губернских, что было признано недопустимым¹. Поэтому вскоре статья 4-а была отменена. Отныне судопроизводство должно было происходить исключительно с соблюдением уголовно-процессуального законодательства РСФСР. Таким образом, принцип законности судопроизводства, «пошатнувшийся» в первые годы советской власти, был вновь восстановлен в середине 1920-х годов.

Ключевым нововведением судебной реформы 1864 года в уголовном процессе была состязательность. Она выражалась в двух формах: праве обвиняемого и подсудимого на самостоятельную защиту на всех стадиях процесса, а также праве подсудимого на защитника в суде. Право на защиту предполагало обжалование всех действий и решений следователя, прокурора, суда, а также закрепляло за обвиняемым и подсудимым ряд прав. В условиях послереволюционного времени на принцип состязательности повлияли различные факторы: во-первых, ликвидация адвокатуры и прокуратуры, во-вторых, необходимость классового подхода. Декрет о суде № 2 сохранил институт обвинения и защиты, однако теперь эти функции должны были осуществляться специальными коллегиями правозаступников, образуемых при местных советах. Более подробно статус защитника был урегулирован УПК 1923 года. Следует отметить сужение возможностей защитника в процессе. Это касается, прежде всего, наиболее тяжких преступлений, подлежащих рассмотрению в губернском суде. Так, в губернском суде председательствующий вправе, в соответствии со ст. 382 УПК, не допустить к защите любое из формально правомочных на то лиц, если признает данное лицо несоответствующим для выступления по данному делу в зависимости от существа особого характера дела.

Это предполагало огромный простор для судейского усмотрения. Революционное (социалистическое) правосознание будет широко использоваться в уголовно-процессуальном праве вплоть до начала 1920-х годов.

Упразднение судебных следователей и прокуратуры привело к некоторому изменению стадий уголовного судопроизводства. В связи с упразднением судебных следователей изменилась стадия предварительного следствия. В соответствии со ст. 14 Инструкции от 23.07.1918 г., следствие по уголовным делам возлагалось на народных судей, а по наиболее сложным делам проводилось предварительное следствие следственными комиссиями. К членам следственных комиссий не предъявлялось квалификационных требований, основным требованием являлось наличие активного и пассивного избирательного права, что должно было характеризовать политическую благонадежность членов комиссии.

Опыт работы следственных комиссий обсуждался на Третьем Всероссийском съезде деятелей советской юстиции 25-28 июня 1920 г., и был поставлен вопрос о замене их народными следователями². В соответ-

---

¹ См., например, Крыленко Н.В. Пределы применения статьи 4-а УПК. (По поводу статьи тов. Кронберга) // Ежедельник советской юстиции, 1926, № 7. С. 227-230.

² См.: Становление советской судебной и пенитенциарной системы в Нижегородской губернии (1917-первая половина 20-х годов XX века). Демичев А.А., Кост-

ствии с предложениями съезда 21 октября 1920 г. было принято Положение о народном суде РСФСР, в котором говорилось о замене следственных комиссий народными следователями. В отличие от членов следственных комиссий, которые лишь должны были обладать активным и пассивным избирательным правом, ст. 31 Положения предъявляла к следователям также и квалификационные требования, сформулированные, правда, весьма расплывчато: они должны были «иметь право избирать и быть избираемыми в Советы Р., К. и К. Д.», а также «иметь теоретическую или практическую подготовку для должности советских Следователей».

Таким образом, советский законодатель фактически воссоздал институт судебных следователей по закону об учреждении народных следователей от 8 июня 1860 г.¹

Упразднение прокуратуры привело к видоизменению стадии предания суду. Отсутствие полноценной фигуры, осуществлявшей контроль и надзор над производством дознания и предварительного следствия, нередко приводило к существенным нарушениям полноты следствия. Это нередко усугублялось еще и отсутствием необходимого образования у членов следственных комиссий, а также и у народных судей. В связи с этим довольно острой была проблема проверки полноты и законности проведенного следствия. Исправление недостатков проведенного следствия также могло быть поручено одному из судей в соответствии со ст. 22 Декрета о суде № 2, что также сближает его с положениями реформы 1864 г., по которой судебные следователи являлись членами окружных судов, а также могли привлекаться в качестве судей и по другим делам. В соответствии с Инструкцией от 23.07.1918, после окончания следствия, произведенного следственной комиссией, все материалы дела переходили к суду, и народный судья должен был проверять протоколы дознания и предварительного следствия, а также составлять формулировку обвинения (ст. 16).

В связи с этим Положение о народном суде от 21.10.1920 стадию предания суду «разбило на два этапа»: статьи 36 и 37 Положения уполномочивают народного следователя осуществить предание суду, однако окончательное решение о предании суду принадлежит народному суду (ст. 37).

Нередко, а на практике в большинстве случаев, народные судьи не имели юридического образования. В связи с этим остро встал вопрос об основаниях и пределах пересмотра решений нижестоящих судов. В соответствии со ст. 90 Положения о народных судах РСФСР, Совет народных судей имел право отмены приговора в случаях установления существенных нарушений, неполноты следствия, неверного применения законодательства, а также тогда, когда обжалованные решения и приговоры суда оказывались явно несправедливыми. Следует отметить, что и УПК РСФСР 1923 г. в ст. 428 указывает именно наличие «существенных нарушений» как основание для отмены судебного решения. Это положение весьма сильно пере-

---

рова О.В., Мельникова О.С. Нижний Новгород, 2008. С.17.

¹ Полное Собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Спб., 1862. Т. XXXV. № 35890.

кликается с кассационным решением Сената № 25 за 1880 год, в соответствии с которым «надзор должен быть осуществляем палатами с крайней осмотрительностью без всякого колебания достоинства подведомственным их окружных судов и умаления доверия к их деятельности, протираться на порядок и способы исполнения судами лежащих на них обязанностей, но не вторгаться в сферу деятельности судейского убеждения»¹.

Отнесение судов к угнетательскому аппарату теоретически должно было привести к полной замене не только судебных органов и порядка их формирования, но и к полной замене судейского корпуса. Осенью 1917 года советское правительство не имело четкого плана преобразований в области судостроительства и судопроизводства. Изначально предполагалось до основания разрушить дореволюционную судебную систему, а потом на её месте создать принципиально новый, советский, суд. Однако на практике эти два процесса шли одновременно². Как пишет А.А. Демичев, и после декрета «О суде» продолжали работать окружные суды. До марта 1918 г. они функционировали в Ставропольской, Омской, Тобольской губерниях³. Также не удалось полностью отказаться от судей в прежних судебных учреждениях, работников следственных органов. Полная ротация кадров привела бы к тому, что среди работников органов юстиции практически не осталось бы лиц с юридическим образованием. По статистическим данным за 1923 год среди судей было лишь 10 % лиц с высшим образованием, 17,5 % имели среднее образование, а 72,5 % судей обладали лишь начальным образованием⁴. Советский суд стоял перед дилеммой: сформировать классово проверенный состав судей, не имеющих в массе своей юридического образования, или допустить на должности судей лиц с юридическим образованием, но не обладающих политической благонадежностью. На практике формирование судейского корпуса совместило эти две задачи. Полного отказа от лиц, работавших в дореволюционных судах, не произошло. Так, комиссар юстиции пензенской губернии Н. Смылкин-Докторов заявлял: «нет никаких оснований опасаться какого-либо вреда для народных интересов, если судебнo-следственный персонал будет укомплектован частью из лиц, служивших в старом суде или работавших в нем в качестве поверенных или следователей»⁵. С другой стороны, интересы новой советской власти в суде должны были отстаивать народные заседатели – им предоставлялись полномочия, аналогичные судейским.

Кодификация процессуального законодательства, происходившая в начале 1920-х годов, восприняла многие институты из устава уголовного судопроизводства. В связи с восстановлением прокуратуры в уголовном процессе вновь появилась стадия предания суду. Были подробно урегули-

---

¹ Цит. по: Полянский Н.Н. Надзор за судебными установлениями. Б.м., б.г. С. 80.

² См. Демичев А.А., Кострова О.В., Мельникова О.С. Становление советской судебной и пенитенциарной системы в Нижегородской губернии (1917-первая половина 1920-х годов XX века). Нижний Новгород, 2008. С. 37.

³ См. там же. С. 58.

⁴ Бранденбургский Я. Н. О социальном составе советского суда. // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 24. С. 3.

⁵ Цит. по: Демичев А.А. и др. Указ. соч. С. 12.

рованы права обвиняемого и подсудимого на всех стадиях процесса, при этом основным доктринальным источником выступал именно Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Те отступления от норм устава, которые были сделаны УПК РСФСР редакции 1923 года, были связаны именно с анализом норм Устава на предмет их применимости в условиях нового, социалистического правопорядка. Так, было несколько изменено правовое положение обвиняемого во время проведения дознания. Устав уголовного судопроизводства в ст. 254 предоставлял полиции, проводившей дознание, лишь право «словесных расспросов», откуда делалось заключение, что по Уставу не существовало обязанности граждан давать свидетельские показания по требованию полиции. Напротив, УПК РСФСР 1923 г. по статье 62 предоставляет право органам дознания в случае неявки свидетеля подвергать его принудительному приводу в случаях, когда дознание заменяет предварительное следствие. То же можно сказать и о других институтах: были несколько уменьшены гарантии обвиняемого и подсудимого на стадии предварительного следствия. Во-первых, во время дознания и предварительного следствия подозреваемый не мог пользоваться услугами защитника. Это следует из статьи 246 УПК, в соответствии с которой во время вручения копии обвинительного заключения подсудимому объявляют, что он имеет право на защитника. Во-вторых, УПК не содержит права обвиняемого (но, правда, и потерпевшего) присутствовать при осмотрах, допросах и других следственных действиях и задавать вопросы свидетелям и экспертам. Их присутствие допускалось только по требованию следователя (ст. 78). В-третьих, УПК не содержал также ещё одной важной гарантии прав подозреваемого – обязанности следователя предоставить подозреваемому по его требованию всё производство по делу до написания обвинительного заключения¹. УПК 1923 года предоставлял значительные возможности по продлению сроков расследования. Например, если следователь не успевал произвести предварительное следствие в двухмесячный срок, он мог сообщить об этом прокурору (ст. 116) и с его ведома продолжить следствие. Возможность продления предварительного следствия ограничивалась лишь в случае содержания обвиняемого под стражей – прокурор мог продлить следствие в особо сложных случаях ещё на один месяц (ст. 159). Статья 223 УПК установила двухнедельный срок для вынесения прокурором постановления о предании суду с возможностью его продления в случае необходимости по разрешению губернского прокурора. В сравнении с Уставом Уголовного судопроизводства 1864 года это существенно ухудшило положение обвиняемого, поскольку по ст. 517 прокурор был обязан вынести решение по делу в течение недели без возможности продления. Это, по сути, стало одной из причин затягивания дел, волокиты. Вскоре порядок продления сроков был ужесточён. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1929 г. предоставило право продления сроков расследования только краевым прокурорам и только на один месяц².

---

¹ Такое право предоставлялось подозреваемому в ст. 211 УПК РСФСР 1922 года.

² СПС «Консультант Плюс».

Сократив процессуальные гарантии подозреваемого и увеличив возможность продления дознания и предварительного следствия, УПК 1923 года возложил на прокурора обязанность надзора за проведением дознания и предварительного следствия. Так, органы дознания обязаны были сообщать прокурору о своих действиях в определённых случаях (ст. 99), прокурор имел право знакомиться с актами предварительного следствия и давать указания, обязательные для следователя (ст. 118). Также прокурор был обязан проверить все материалы дознания и предварительного следствия и осуществляет предание обвиняемого суду (глава XIX УПК).

Дальнейшее сокращение гарантий подсудимого произошло при производстве в губернских судах – это выразилось в праве суда не допустить защитника (ст. 382 УПК РСФСР 1923 г.), прерывать показания свидетелей (ст. 396), отменить судебные прения сторон (ст.397).

Советский уголовный процесс отказался от стадии апелляционного рассмотрения дела. Суд второй инстанции рассматривал дело в порядке кассации, при этом наделялся обязанностью ревизионного производства: пересмотра всех материалов дела, даже не относящихся к предмету кассационной жалобы или протеста.

В качестве итога можно заключить, что в первые годы советской власти уголовно-процессуальное право постепенно восстанавливало те институты, которые содержались в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Анализ же норм Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 года показал, что дореволюционное процессуальное законодательство стало доктринальным источником для советских правоведов, своеобразной точкой отсчёта для дальнейшего приспособления норм уголовного процесса, их встраиванию в советский правопорядок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бранденбургский Я. Н. О социальном составе советского суда. // Ежедельник советской юстиции. 1923. № 24. С. 3-5.
2. Крыленко Н.В. Пределы применения статьи 4-а УПК. (По поводу статьи тов. Кронберга) // Ежедельник советской юстиции, 1926, № 7. С. 227-230.
3. Крыленко Н.В. Ленин о суде. М., 1935.
4. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. Спб., 1914.
5. Португалов Г.М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, государственное издательство, 1922. С. 22.
6. Полянский Н.Н. Надзор за судебными установлениями. Б.м., б.г.
7. Полянский Н.Н. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (Сравнительный очерк старой и новой редакции кодекса). М., 1923.
8. Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919.
9. Становление советской судебной и пенитенциарной системы в Нижегородской губернии (1917-первая половина 20-х годов XX века). Демичев А.А., Кострова О.В., Мельникова О.С. Нижний Новгород, 2008.
10. Томсинов В.А. Владение и его защита в проекте Гражданского уложения Российской империи конца XIX – начала XX века. Статья 1 // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 5. С. 8–26.

ПРИНЦИП ДЕЛИБЕРАТИВНОСТИ И ЕГО РОЛЬ В ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОПОРЯДКА

Ольга Борисовна Купцова
Нижегородская академия МВД России

Не вызывает сомнений тот факт, что в настоящее время актуальными и недостаточно изученными в русле изменений государственно-правовой действительности являются проблемы определения понятия и эффективных путей и способов обеспечения правопорядка. Вместе с тем, как справедливо отмечает О.П. Сауляк, будучи явлением многоплановым, правопорядок имеет множество аспектов познания, его сущность, как и любого сложноорганизованного феномена, хотя и отличается определенной степенью устойчивости, в тоже время достаточно подвижна, имеет множество проявлений, относящихся к различным уровням правовой материи¹.

Предлагаемая к обсуждению и доктринальному осмыслению сфера исследования данного правового явления не может быть отчуждена от системы демократического конструктивизма.

В свою очередь, демократическое участие в современном обществе в последнее время в преимущественной степени характеризуется принципом делиберативности. Как справедливо отмечает В.В. Денисенко, в данном русле делиберативность означает непосредственное участие граждан в правотворчестве и правоприменении, что позволяет учитывать ценностный аспект. Правовое регулирование должно пониматься не только как инструмент упорядочения отношений, достижения цели, но и как процесс поддержки коммуникативных связей в обществе, где граждане юридически равны и могут участвовать в нормотворчестве².

Данный принцип исходит из концепции делиберативной демократии, которая основывается на институционализированном диалоге власти и институтов гражданского общества, рационального дискурса, обсуждения, убеждения, аргументации. Эта модель демократии базируется на убежденности в том, что человек способен перейти от роли клиента к роли гражданина государства, что он готов к компромиссу и даже к отказу от своих предпочтений, если они мешают достижению согласия³.

Делиберативный принцип предполагает, что все индивиды, кого может затронуть предполагаемое решение, должны иметь равные шансы

---

¹ Сауляк О.П. Сущность правопорядка: теоретико-методологическое исследование: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М. 2010. С. 4.

² Денисенко, В. В. Принцип делиберативности и правовое регулирование: ценностное обоснование [Текст : Электронный ресурс] / В. В. Денисенко // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов : [материалы V международной научной конференции, состоявшейся в Академии МВД, г. Минск, 3-4 мая 2019 г.] / УО "Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь". - Минск, 2019. - С. 104.

³ Зайцев А.В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // *ВВ: Проблемы общества и политики*. 2013. № 5. С. 31.

участвовать в обсуждении общественно значимых проблем¹. Причем, как полагает Ю. Хабермас - один из исследователей, который внес существенный вклад в разработку данного правового феномена, субъектами обсуждения выступают автономные объединения обществественности, которые не производятся политической системой в целях легитимации, и не являются частями этой системы. Эти объединения должны возникать спонтанно из повседневных практик и иметь проницаемые границы².

Согласно теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в ходе делиберативных процедур происходит обмен различными дискурсами. Предполагается, что участники процесса под влиянием аргументации друг друга могут корректировать и изменять свое мнение, что приводит к достижению консенсуса. Будучи продуктом нормативной теории демократии, классическая концепция делиберативных процедур предполагает, что участники обсуждений исходят не из частных интересов, а из необходимости достижения «общего блага», и обмениваются дискурсами в рамках определенных формальных правил³.

Рассматривая развитие правопорядка, следует отметить, что, начиная с периода дореволюционной России, это понятие, как и любое другое явление с течением времени претерпевало трансформацию в соответствии со спецификой государственно-правовой реальности определенного этапа развития общества. Так, например, княжеская власть, описывая в законодательстве предлагаемые правила поведения, формирует в общественном сознании собственный официальный образ общественного взаимодействия, который активно пропагандируется и поддерживается, данное направление деятельности получает впоследствии название правопорядка, то есть порядок, предполагаемый официальным писаным правом⁴. В этот период времени делиберативные процедуры не играли значительной роли в обеспечении правопорядка.

Применительно к советскому периоду по сравнению с временем Российской Империи отмечается, что в научных исследованиях был явно выражен интерес к анализу самого правового явления и поиску эффективных путей его обеспечения. Н. Г. Александров определял правовой порядок как такой порядок в волевых отношениях, регулируемых правовыми нормами, кото-

---

¹ Тушков А.А. Делиберативный принцип в теории и практике политической модернизации // 2012/3 Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2012. № 3. С. 166.

² Цит по: Ляхович-Петракова Н.В. Идеи делиберативной демократии как концептуальная база общественной экспертизы в оценке публичной политики // Вучонья записки Брэсцакага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна. 2011. Вып. 7. Ч. 1. С. 35.

³ Мочалов А.Н. Делиберативная демократия в местных сообществах: российский и зарубежный опыт // Электронный ресурс: <http://regconf.hse.ru/uploads/ac88455a32d7a95195088e3009bf3efc9925e8f5.pdf> (дата обращения 01.06.2019).

⁴ Шефрукова С.Т. Категории общественный порядок и правопорядок в истории отечественной политико-правовой мысли и их обеспечение в Российском государстве: автореф. дис... канд. юрид.наук. Краснодар, 2010. С. 14

рый устанавливался посредством точного исполнения законов¹. В этом случае также прослеживался преимущественно односторонний путь установления упорядоченности общественных отношений на основе законодательных предписаний – со стороны органов государственной власти.

Современное понимание правопорядка в постсоветской России характеризуется относительным единством, он практически единодушно понимается как категория, входящая в состав общественного порядка, представляющая собой результат правового регулирования². Вместе с тем нельзя не заметить, что указанный подход акцентирует внимание главным образом на упорядоченности общественных отношений, в поведении людей на основе правовых норм. Следует поддержать А.В. Виссарова и отметить, основной недостаток такого подхода в том, что нельзя сужать содержание правопорядка и сводить его лишь к упорядоченности³. П.С. Назаров справедливо отмечает, что правопорядок — это область отношений, однако его нельзя рассматривать как совокупность единичных, разрозненных актов поведения, различных правоотношений, он представляет собой именно систему отношений. Кроме того, для существования правопорядка необходимо наличие гарантированной обязанности осуществления субъективных прав, исполнения юридических обязанностей субъектов правоотношения, что является, на взгляд автора, одним из наиболее важных признаков правового порядка. Правопорядок в конечном счете устанавливается в результате правомерного поведения различных субъектов права по правоустановлению и правореализации осуществляемой в рамках их правомочий⁴. В этом плане следует подчеркнуть развитие понимания правопорядка, которое все в большей степени представляет собой сложное системное эклектичное явление, которое имеет достаточно большое количество факторов, предопределяющих его существование и обеспечение. В русле применения принципа делиберативности правопорядок должен устанавливаться и обеспечиваться кроме государственно-властного императивного воздействия еще и с помощью делиберативных процессов и процедур.

Вместе с тем, рассматривая достижение делиберативного консенсуса, следует задуматься о том, насколько объективным и соответствующим требованиям разумности будет итог общественной и государственной коммуникации, учитывая, что уровень профессионализма субъектов обсуждения, не обладающих специальными познаниями и государственно-властными полномочиями, будет далек от профессионализма уполномоченных субъектов.

В рамках обеспечения правопорядка применение принципа делиберативности должно основываться на следующих положениях:

---

¹Там же. С. 17.

²Там же. С. 21.

³ Виссаров А.В. Правопорядок и субъекты его обеспечения (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук, Москва, 2003. С. 12.

⁴ Назаров П.С. Правопорядок в условиях формирования правового государства: автореф. дис... канд. юрид.наук. Саратов, 2005. С. 9.

- претворение в жизнь делиберативных процедур должно носить вспомогательный характер по отношению к деятельности органов государственной власти;

- должен быть разработан определенный и достаточно детальный механизм внедрения и реализации идей, процедур и принципов делиберативной демократии в процесс обеспечения правопорядка;

- важнейшие сферы использования процедур делиберативной демократии в России – это общественное обсуждение и общественная экспертиза;

- необходимо в нормативных установлениях государственно-властного характера закрепить юридически определенные пределы использования делиберативных процедур с учетом специфики воздействия ряда факторов, определяющих уровень развития государства и общества на определенном этапе их существования.

В заключении следует отметить следующее. О.П. Сауляк к моменту написания своего диссертационного исследования весьма справедливо отмечал, что облик правопорядка, который к данному моменту времени сложился в стране, вызывает серьезную критику со стороны специалистов, представителей власти и общественности. Ныне государство и общество ждут от представителей юриспруденции рационально-выверенных рекомендаций, реализация которых на практике позволит переломить неблагоприятную ситуацию и обеспечить положительную динамику развития юридических процессов¹. Данные призывы являются актуальными и в настоящее время, необходимо в дальнейшем осуществлять исследование данного правового явления, особую роль следует отвести при этом дальнейшему анализу правопорядка в аспекте реализации принципа делиберативности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сауляк О.П. Сущность правопорядка: теоретико-методологическое исследование: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М. 2010.

2. Денисенко, В. В. Принцип делиберативности и правовое регулирование: ценностное обоснование [Текст : Электронный ресурс] / В. В. Денисенко // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов : [материалы V международной научной конференции, состоявшейся в Академии МВД, г. Минск, 3-4 мая 2019 г.] / УО "Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь". - Минск, 2019.

3. Зайцев А.В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 5.

4. Тушков А.А. Делиберативный принцип в теории и практике политической модернизации // 2012/3 Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2012. № 3.

5. Ляхович-Петракова Н.В. Идеи делиберативной демократии ак концептуальная база общественной экспертизы в оценке публичной политики // Вучонья запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна. 2011. Вып. 7. Ч. 1.

---

¹ Сауляк О.П. Сущность правопорядка: теоретико-методологическое исследование: автореф. дис... д-ра юрид. наук. М. 2010. С. 6.

6. Мочалов А.Н. Делиберативная демократия в местных сообществах: российский и зарубежный опыт // Электронный ресурс: <http://regconf.hse.ru/uploads/ac88455a32d7a95195088e3009bf3efc9925e8f5.pdf> (дата обращения 01.06.2019).

7. Шефрукова С.Т. Категории общественный порядок и правопорядок в истории отечественной политико-правовой мысли и их обеспечение в Российском государстве: автореф. дис... канд. юрид.наук. Краснодар, 2010.

8. Виссаров А.В. Правопорядок и субъекты его обеспечения (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук, Москва, 2003. С. 12.

9. Назаров П.С. Правопорядок в условиях формирования правового государства: автореф. дис... канд. юрид.наук. Саратов, 2005.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ РАБОТЫ КАК ЭТАП ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В 20-Е ГГ. XX В.

*Дмитрий Вячеславович Ливенцев
Воронежский институт Федеральной службы
исполнения наказаний России*

Аннотация. Статья рассматривает создание видным педагогом К.Н. Вентцелем во время Февральской буржуазной революции проекта по ликвидации исправительных заведений. Кроме того, в ней уделяется внимание отечественной истории исправительных учреждений.

Ключевые слова: Февральская революция, тюрьма, преступник, свобода.

Любой коренной слом государственной системы несет ожидания лучшей и совершенной жизни. Февральская революция привела к отмене монархического правления. Одновременно под амнистию попало значительное количество политических и, что серьезно дестабилизировало криминальную ситуацию в стране, уголовных заключенных¹. Постоянно и широко обсуждались ужасы царского тюремного режима. Естественно, в подобной ситуации не могли не появиться желающие существенно реформировать исправительную систему или полностью отменить ее функциональные обязанности.

Давайте кратко обратимся к биографии общественного деятеля, предлагавшего самым серьезным образом ликвидировать исправительную систему. Итак, Константин Николаевич Вентцель (1857 – 1947 гг.) – русский педагог и теоретик свободного воспитания. В студенческие годы был одним из активных участников антиправительственных выступлений. В 1885 – 1887 гг. за свои политические взгляды отбывал тюремный срок, а в годы Первой мировой войны решительно выступал против милитаризма и шовинизма в Российской Империи. К.Н. Вентцель предпринимал и практические шаги к реализации новаторских педагогических

---

¹ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. / М.Г. Детков. М.: Вердикт-Ш, 1999. – С. 89.

разработок, которые он пытался осуществить в 1906 – 1909 гг. в «Московском доме свободного воспитания»¹.

Именно данный теоретик свободного воспитания в дни Февральской буржуазной революции выпускает прогрессивную брошюру, написанную 8 апреля 1917 г., с сенсационным названием «Уничтожение тюрем»².

Начинается произведение К.Н. Ветцеля с пламенного призыва: «... Пока есть в стране хоть одна тюрьма, куда сажают так называемых преступников, до тех пор в этой стране нет свободы, хотя бы страна считалась и самой свободной в мире и называлась демократической республикой... Свободные граждане, если вы хотите быть действительно свободными, разбейте тюрьмы, кто бы в них за какие преступления ни содержался и вместо тюрем воздвигнете дворцы просвещения, дворцы культуры, вступающая в которые все так называемые преступники перерождались духовно и становились бы новыми людьми!»³.

К.Н. Ветцель призывал в Конституции новой свободной России исключить понятие тюрем и запретить их. Он утверждал, что категории политических и религиозных преступлений носят весьма субъективный характер. Например, в дореволюционной России такие преступления можно назвать героическим поступком, совершаемым для народного блага. Сложнее было с уголовными преступлениями. Однако и здесь автор брошюры ссылался на революционную необходимость: «... Действительно ли здесь существует такая резкая грань, и не являются ли многие уголовные преступления как бы протестом против несправедливого общественного строя, и, во всяком случае, не являются ли они в значительном числе случаев естественным порождением и результатом этого несправедливого общественного строя»⁴.

Затем следовала мысль, что перед любым преступником виновно само общество, заключавшее правонарушителя в тюрьму. По мнению К.Н. Ветцеля, сама буржуазия с правом частной собственности и социальным неравенством виновна в уголовных преступлениях, совершаемых людьми, не имевшими от рождения никакой частной собственности. Если вдуматься глубже, то любое преступление представляет, по мнению автора брошюры, итог антисоциальной и антикультурной среды воспитания будущего преступника.

После чего К.Н. Ветцель говорит о несправедливости социального института суда над преступником: «... Суд над преступником должен быть заменен судом над обществом»⁵. Сама юридическая процедура суда нужна для выяснения ошибок в воспитании преступника, допущенных обществом.

Получается, что старая тюрьма подавляет и ломает преступника и абсолютно негодна для общественных целей перевоспитания в свободной

---

¹ Коджаспирова Г. М. История образования и педагогической мысли: таблицы, схемы, опорные конспекты. / Г.М. Коджаспирова. – М., 2003. – С. 140.

² Ветцель К.Н. Уничтожение тюрем. / К.Н. Ветцель. Кружок С.В.О.Д. – Москва: Тип. Рижского центрального сельскохозяйственного общества, 1917. – 15 с.

³ Там же. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Ветцель К.Н. Уничтожение тюрем. / К.Н. Ветцель. Кружок С.В.О.Д. – Москва: Тип. Рижского центрального сельскохозяйственного общества, 1917. – С. 5.

России. Отсюда, вместо тюрем надо ввести Дворцы Просвещения для образования и социальной коррекции оступившегося индивидуума.

В защиту своей оригинальной точки зрения К.Н. Вентцель приводит слова знаменитого теоретика анархизма П.А. Кропоткина: «... Сожжем гильотины, разрушим тюрьмы, прогоним судей, полицейских доносчиков – все это гнусное отродье! Будем обращаться, как с братьями, с теми, которых страсти довели до преступления. Лишим всех крупных преступников, – эти отвратительные продукты буржуазной праздности, – возможности выставить напоказ свои пороки под соблазнительными формами. И тогда в нашем обществе не будет преступлений!»¹.

К.Н. Вентцель выносит дореволюционной тюрьме однозначный приговор: «... Тюрьма есть пережиток старого несвободного и несправедливого строя... Тюрьма, для кого бы она ни предназначалась, должна быть уничтожена... И пока существует в государстве хотя бы одна тюрьма, это государство не может быть свободным, хотя бы оно и называлось демократической республикой...»².

Конечно, несмотря на упоение свободой февральской революции 1917 г., проект К.Н. Вентцеля считался у современников просто утопическим. Однако теоретик свободного воспитания решил не сдаваться на милость своих оппонентов и тщательно подготовился к последующей дискуссии.

В свою брошюру К.Н. Вентцель включил раздел, датированный 8 сентября 1917 г., под названием «Моим друзьям», посвященный ответу на критику его прогрессивных идей. Что же педагог новаторских воззрений ответил скептикам по поводу уничтожения тюрем: «... Во избежание, поэтому всяких недоразумений я должен заметить, что в статье своей я не призываю к немедленному уничтожению всех тюрем, я говорю об уничтожении тюрем, как о планомерном общественном акте, последовательно продуманном и осуществленном, я говорю об уничтожении тюрем, как о законе, имеющем быть санкционированным будущим Учредительным Собранием»³. Все-таки К.Н. Вентцель признавал необходимые юридические процедуры: Однако он все равно писал: «... И современный суд, и тюремное заключение – все это только мнимые способы, которыми будто бы охраняются и поддерживаются права человека и общества; все это только способы, при помощи которых отвлекается внимание от тех настоящих и действительных способов, которыми они должны были бы поддерживаться»⁴.

Интересно, как же отнеслось Временное правительство к идеям прогрессивного педагога. Помимо политической амнистии, приведшей к освобождению внушительного количества уголовников, Временное правитель-

---

¹ Кропоткин П. А. Речи бунтовщика: (Paroles d'un révolté). / П.А. Кропоткин; Перевод с французского Н. и С. Тамамшевых. – Санкт-Петербург: Ред.-изд. Валерий Бродский, 1906. – С. 125.

² Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем. / К.Н. Вентцель. Кружок С.В.О.Д. –Москва: Тип. Рижского центрального сельскохозяйственного общества, 1917. – С. 6.

³ Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем. / К.Н. Вентцель. Кружок С.В.О.Д. –Москва: Тип. Рижского центрального сельскохозяйственного общества, 1917. – С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

ство решило отправить в отставку тюремные кадры дореволюционной России и начать подготовку собственных¹. В то же время организацию и внутренний режим исправительных заведений оставили без революционных изменений, сославшись, как и во многих делах, на необходимость решения данного сложного вопроса будущим Учредительным Собранием.

И все же идея более прогрессивной тюрьмы, не похожей на исправительные учреждения царской России получила импульс для существования уже при большевиках.

Куда интересней сложилась судьба предложения К.Н. Вентцеля о постепенной реорганизации тюрем в Дворцы Просвещения с последующей грамотной социальной коррекцией оступившейся личности. Данная идея глубоко укоренилась в советской исправительной системе на протяжении 20-х гг. XX в. Надо сказать, что перед нами уже были реальные административные меры, а не утопические мечты теоретика свободного воспитания. Причем подобные концепции вызвали самый живой отклик и у тюремной администрации, и у заключенных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем. / К.Н. Вентцель. Кружок С.В.О.Д. – Москва: Тип. Рижского центрального сельскохозяйственного общества, 1917.
2. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. / М.Г. Детков. М.: Вердикт-Ш, 1999.
3. Коджаспирова Г. М. История образования и педагогической мысли: таблицы, схемы, опорные конспекты. / Г.М. Коджаспирова. – М., 2003.
4. Кропоткин П. А. Речи бунтовщика: (Paroles d'un révolté). / П.А. Кропоткин; Перевод с французского Н. и С. Тамамшевых. – Санкт-Петербург: Ред.-изд. Валерий Бродский, 1906.

РОЛЬ ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Наталья Александровна Лунина
Воронежский государственный университет

Аннотация: Автор проводит анализ изменений в механизме привлечения к земельно-правовой ответственности. Отмечаются изменения по составу земельных правонарушений и порядку изъятия у собственников земельных участков, используемых с нарушением законодательства РФ. Автор формулирует определение земельно-правовой ответственности и высказывает предложения по повышению эффективности применения данного вида ответственности.

Ключевые слова: земельно-правовая ответственность, правонарушение, земельный участок, принудительное прекращение прав на земельные участки, изъятие земельного участка, публичные торги.

---

¹ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. / М.Г. Детков. М.: Вердикт-Ш, 1999. – С. 90.

Для обеспечения земельного правопорядка в сфере земельных отношений важную роль призвана играть земельно-правовая ответственность. К сожалению, на практике до сих пор она применяется редко. Это объясняется разными причинами. В частности, по мнению Суховой Е.А., «причины низкой эффективности земельно-правовой ответственности заключаются в рассогласованности норм Земельного кодекса РФ и Гражданского кодекса РФ по вопросу ее регулирования; недостатках деятельности органов государственного земельного надзора по установлению оснований и соблюдению досудебного порядка привлечения к земельно-правовой ответственности, а также органов государственной власти и органов местного самоуправления в принятии мер по прекращению прав на земельные участки посредством обращения в суд с соответствующими исковыми заявлениями»¹. Если обратиться к отчету о государственном земельном контроле по состоянию на 01.01.2018 года, мы увидим, что выявлено 144616 разных правонарушений земельного законодательства, а предупреждений о возможном прекращении прав на землю не вынесено ни одного².

Данная ответственность призвана повысить эффективность использования земельных участков в тех случаях, когда правообладатели земли либо не используют ее, либо используют с нарушением законодательства. Она необходима для того, чтобы передать землю субъектам, которые нуждаются в ней и будут на ней работать. Применяться она может только в крайних случаях: когда не действуют предписания об устранении выявленных нарушений, административные наказания, по сути, исчерпаны все средства воздействия на правонарушителей. Необходимость применения земельно-правовой ответственности стоит очень остро. Например, по данным органов власти субъектов Российской Федерации, в целом по Российской Федерации не используется по целевому назначению более 56 млн. га земель сельскохозяйственного назначения (14,5%), из которых 19,4 млн. га - земли, принадлежащие гражданам и юридическим лицам³. Реальное воздействие здесь могут оказать именно меры земельно-правовой ответственности.

В последние три года активно изменялось и дополнялось законодательство, регулирующее вопросы земельно-правовой ответственности.

---

¹ Сухова Е.А. Значение земельно-правовой ответственности для обеспечения земельного правопорядка // Юрист. 2014. N 2. С. 16 - 20.

² <https://rosreestr.ru/site/activity/gosudarstvennyy-nadzor/gosudarstvennyy-zemelnyy-kontrol-nadzor/>

³ Представление Счетной палаты РФ от 25.12.2015 N ПР 09-275/09-02 «О результатах контрольного мероприятия "Проверка состояния и использования в 2014 году и истекшем периоде 2015 года земель сельскохозяйственного назначения и земель лесного фонда Московской области и исполнения решений Коллегии Счетной палаты Российской Федерации по результатам контрольного мероприятия "Проверка эффективности использования и законности распоряжения землями сельскохозяйственного назначения и землями лесного фонда на территории Московской области" (совместно с Контрольно-счетной палатой Московской области)" в Минсельхозе России, Правительстве Московской области, администрации Одинцовского муниципального района Московской области»//СПС Консультант плюс.

Это - федеральные законы от 03.07.2016 №354-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения при их неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства Российской Федерации"¹, от 03.08.2018 № 339"О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"² и от 03.08.2018 №340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. Многие вопросы, связанные с принудительным прекращением прав на земельные участки, изменены и усовершенствованы, в тоже время создать непротиворечивую и ясную систему правового регулирования данной ответственности не получилось.

Дискуссия о существовании земельно-правовой ответственности ведется давно. Существуют как сторонники, так и противники земельно-правовой ответственности. Одни ученые (С.А. Боголюбов, М.С. Ромадин, Д.В. Якунин и др.) отрицают такой вид ответственности, другие признают ее существование⁴. Третьи считают, что это разновидность административно-правовой ответственности⁵, четвертые - гражданско-правовой. Аргументами в пользу ее существования служит суждение о том, что принадлежность юридической ответственности к определенной отрасли права устанавливается той отраслью материального права, нормами которой установлены санкции за данное правонарушение⁶. Аналогичной точки зрения придерживается и Анисимов А. П., считающий главным аргументом «за» земельно-правовую ответственность – отсутствие в действующем Кодексе об административных правонарушениях особой санкции в виде прекращения прав на земельный участок⁷. Специфика земельно-правовой ответственности лежит в сфере наличия особых санкций и порядка (процедуры) их реализации, что отличает ее от гражданско-

---

¹ СЗ РФ.2016. N 27 (часть II).Ст. 4287.

² СЗ РФ.2018. N 32 (Часть II).Ст. 5132.

³ СЗ РФ.2018. N 32 (Часть II).Ст. 5133.

⁴ Анисимов А.П. Земельно-правовая ответственность за нарушение правового режима земель поселений // Журнал российского права. 2004. N 2; Ибрагимов К.Х. Вопросы земельно-правовой ответственности // Журнал российского права. 2006. N 10.

⁵ Аверьянова Н.Н. К вопросу о специальной земельно-правовой ответственности // Известия Саратовского университета. Т. 10. Сер. "Экономика. Управление. Право". Вып. 2. 2010. С. 73. Карпова Е.С. Административная ответственность за земельные правонарушения: монография/Е.С. Карпова; Воронежский государственный университет, - Воронеж: Издательский дом ВГУ,2018.-С. 174.

⁶ См.: Чуйков В. А. Право пользования землями городской застройки: дисс. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1973. С. 98

⁷ См.: Анисимов А. П. Земельно-правовая ответственность за нарушение правового режима земель поселений // Журнал рос. права.2004. №2.

правовой или административно-правовой ответственности.¹ Невозможно отнести эту санкцию и к гражданско-правовой ответственности, поскольку диспозиции норм гражданского законодательства, предусматривающие изъятие земель в качестве меры ответственности за соответствующие правонарушения, имеют бланкетный характер и содержат отсылку к нормам земельного законодательства.

Земельно-правовая ответственность, с одной стороны, приобрела гражданско-правовую природу: 1) закреплен в основном судебный порядок прекращения прав на земельный участок за использование его с нарушением требований законодательства (административный порядок – по решению органа власти предусмотрен только для государственных и муниципальных учреждений, казенных предприятий (за исключением государственных академий наук и государственных учреждений, входящих в структуру Российской академии наук); 2) изъятие земельного участка у собственника носит возмездный характер.

С другой стороны, имея административно-правовую природу, этот вид ответственности носит самостоятельный характер. Среди оснований отграничений земельно-правовой ответственности от административной можно назвать следующие: 1) такая мера ответственности, как принудительное изъятие земельного участка, не предусмотрена в КоАП РФ² в качестве меры административного наказания; 2) ст.54 ЗК РФ³ предусматривает изъятие земельных участков при условии неустранения административного правонарушения, связанного с неиспользованием земельного участка по целевому назначению или использованием с нарушением законодательства Российской Федерации, после назначения административного наказания. Здесь подчеркивается, что использованы все меры административно-правового воздействия.

Под земельно-правовой ответственностью в теории земельного права традиционно понималось принудительное прекращение прав на земельный участок путем его безвозмездного изъятия (без возмещения стоимости земли собственнику) в случае совершения субъектом, использующим землю, земельного правонарушения.⁴ Суть данного вида ответственности состояла в применении к нарушителям земельного законодательства такой меры ответственности как безвозмездное изъятие земельного участка. В действующем земельном законодательстве такой подход к земельно-правовой ответственности сохраняется в отношении лиц, не являющихся собственниками земли, и изменился в отношении собственников

---

¹ Анисимов А.П., Чаркин С.А. Теоретические вопросы земельно-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2012. №4.

² Кодекс РФ об административных правонарушениях: ФЗ от 20.12.2001 №195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №1 (ч.1). Ст.1.

³ Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 №136-ФЗ // СЗ РФ. №44. Ст.4147.

⁴ Самончик О.А. Юридическая ответственность за нарушения законодательства о землях сельскохозяйственного назначения // Аграрная реформа в РФ: правовые проблемы и решения. Отв. редактор Беляева З.С. и Самончик О.А. М. Институт государства и права РАН, 1998. -С.198.

земельных участков. Особый порядок изъятия земельного участка у собственника за земельное правонарушение, нам представляется, не дает оснований говорить о другом виде ответственности.

До принятия Конституции РФ 1993г¹. принудительное изъятие земельного участка за земельные правонарушения производилось в административном порядке. В настоящее время прекращение прав на земельный участок за использование его с нарушением требований законодательства РФ осуществляется только в судебном порядке (за исключением государственных или муниципальных учреждений, казенных предприятий).

Принудительное прекращение прав на земельный участок в отношении лиц, не являющихся его собственниками, ввиду использования земельного участка с нарушением требований законодательства регулируется земельным законодательством, а в отношении собственников земельных участков – гражданским и земельным законодательством. В этой связи просматриваются два подхода к данному виду ответственности.

Земельный кодекс РФ в ст.45 закрепил основания принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования, права пожизненно наследуемого владения земельным участком:

1) использование земельного участка не по целевому назначению или если его использование приводит к существенному снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения или причинению вреда окружающей среде;

2) неиспользование земельного участка, предназначенного для сельскохозяйственного производства либо жилищного или иного строительства, в указанных целях в течение трех лет, если более длительный срок не установлен федеральным законом. В этот период не включается время, необходимое для освоения участка, за исключением случаев, когда земельный участок относится к землям сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения"², а также время, в течение которого участок не мог быть использован по целевому назначению из-за стихийных бедствий или ввиду иных обстоятельств, исключающих такое использование;

3) создание или возведение на земельном участке самовольной постройки либо невыполнение обязанностей, предусмотренных ч.11ст. 55.32 Градостроительного кодекса Российской Федерации³, в сроки, установленные решением о сносе самовольной постройки либо решением о сносе самовольной постройки или ее приведении в соответствие с установленными требованиями;

4) порча земель;

---

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ и от 05.02.2014 N 2-ФКЗ)// СЗ РФ. – 2009. - №4. – Ст. 445; 2014.- N 9.-Ст. 851.

² СЗ РФ.2002.№30.Ст.3018

³ СЗ РФ.2005.№1.Ст.16

5) невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв;

6) невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению.

Условия и порядок принудительного прекращения прав на земельный участок лиц, не являющихся его собственниками, за использование земельного участка с нарушением требований законодательства РФ закреплены в ст.54 ЗК РФ (п.1 и б). К условию, необходимому для принудительного прекращения указанных прав, относится: неустранение административного правонарушения, связанного с неиспользованием земельного участка по целевому назначению или использованием с нарушением законодательства Российской Федерации, после назначения административного наказания. Но из п.9 ст.71 ЗК РФ следует, что органы государственного земельного надзора должны информировать органы власти о неисполнении предписания, предусмотренного п.7 ст.71 ЗК РФ и привлечения к административной ответственности за неисполнение такого предписания. В тоже время согласно п.7 ст.71 ЗК РФ в случае выявления в ходе проведения проверок нарушений требований законодательства РФ к актам проверки прилагаются предписания об устранении выявленных нарушений с указанием сроков их устранения, а лица, совершившие выявленные нарушения, привлекаются к ответственности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Из этого следует, что правонарушитель дважды привлекается к административной ответственности: первый раз за само земельное правонарушение, а второй - за неисполнение предписания.

Порядок принудительного прекращения прав на земельный участок лиц, не являющихся собственниками земли, заключается в том, что в случае неустранения указанных в предписании земельных правонарушений в установленный срок:

1) Орган государственного земельного надзора, вынесший предписание, информирует исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, предусмотренные ст.39.2 ЗК РФ в срок не позднее чем тридцать дней со дня привлечения виновного лица к административной ответственности за неисполнение такого предписания с приложением соответствующих документов.

2) Исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления после получения информации и документов направляет в суд требование об изъятии земельного участка.

3) Окончательное решение об изъятии земельного участка принимает только суд с учетом всех объективных обстоятельств.

4) Если права зарегистрированы, то орган власти обязан обратиться с заявлением о государственной регистрации прекращения такого права на земельный участок с приложением копии решения об изъятии земельного участка или копии вступившего в законную силу судебного акта об изъятии земельного участка в течение десяти дней со дня принятия решения об изъятии земельного участка либо со дня вступления в законную силу судебного акта об изъятии земельного участка. Если права не

зарегистрированы, орган власти обязан сообщить о прекращении прав в налоговый орган по месту нахождения указанного земельного участка и в орган регистрации прав в течение семи дней со дня принятия решения об изъятии земельного участка или со дня вступления в законную силу судебного акта об изъятии земельного участка.

Основания и порядок изъятия земельного участка за использование его с нарушением требований законодательства РФ у собственника регулируется ст.ст.284-286 ГК РФ. Основания изъятия земельного участка у собственника совпадают с первыми тремя основаниями принудительного прекращения прав на землю лиц, не являющихся собственниками земли, перечисленными выше. Условия и порядок изъятия земельного участка у собственника в гражданском законодательстве не определены. В соответствии со ст.286 ГК РФ орган государственной власти или местного самоуправления, уполномоченный принимать решения об изъятии земельных участков по основаниям, предусмотренным ст.ст.284, 285 ГК РФ, а также порядок обязательного заблаговременного предупреждения собственников участков о допущенных нарушениях, определяются земельным законодательством.

Земельное же законодательство не регулирует прямо условия изъятия земельных участков у собственников. Отсутствие прямого регулирования данного вопроса порождает разные точки зрения по этой проблеме. Одни авторы считают, что, если ЗК РФ не закрепил эти условия и порядок, значит, земельный участок у собственников по данным основаниям не может быть изъят. Другие авторы полагают, и это представляется правильным, что для собственников земельных участков по аналогии должны применяться условия принудительного прекращения прав на земельный участок лиц, не являющихся его собственниками. Поскольку согласно ст.19 Конституции РФ, все равны перед законом и судом, право собственности не может быть прекращено в упрощенной процедуре. Поэтому прекращение права собственности судом в случае использования земельного участка с нарушением законодательства РФ возможно, если собственник не устранил административное правонарушение, связанное с неиспользованием земельного участка по целевому назначению или использованием с нарушением законодательства Российской Федерации, после назначения административного наказания. Правомочность такого подхода подтверждается содержанием пп. 5 и 6 ст.6 ФЗ №101«Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». В случае неустранения правонарушений в срок, установленный вынесенным одновременно с назначением административного наказания предписанием, уполномоченный орган исполнительной власти по осуществлению государственного земельного надзора, вынесший предписание:

1) направляет материалы, подтверждающие неустранение правонарушений в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации;

2) подает в орган исполнительной власти, уполномоченный в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, заявление о невозможности государственной регистрации перехода, прекращения, ограничения права на земельный участок или обременения

земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения до завершения рассмотрения судом дела о его изъятии.

В ст.54.1 ЗК РФ определен порядок отчуждения земельного участка, находящегося в частной собственности, в случае его изъятия путем продажи такого участка с публичных торгов. В течение шести месяцев со дня вступления в законную силу решения суда об изъятии земельного участка и о его продаже с публичных торгов орган местного самоуправления городского округа, городского поселения по месту нахождения земельного участка или в случае нахождения земельного участка в границах сельского поселения или на межселенной территории орган местного самоуправления муниципального района в отношении земельного участка обеспечивает при необходимости образование нового земельного участка, проведение кадастровых работ, а также проводит публичные торги по его продаже. Начальной ценой изъятых земельных участков на публичных торгах является рыночная стоимость такого земельного участка, определенная в соответствии с ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации"¹. В случае, если публичные торги по продаже земельного участка признаны несостоявшимися, не позднее чем через два месяца после первых публичных торгов проводятся повторные публичные торги. Начальная цена земельного участка снижается на 20 процентов начальной цены земельного участка на публичных торгах, признанных несостоявшимися. Средства, вырученные от продажи земельного участка с публичных торгов, выплачиваются бывшему собственнику земельного участка за вычетом расходов на подготовку и проведение публичных торгов, в том числе расходов на проведение кадастровых работ, работ по оценке рыночной стоимости земельного участка.

В отношении земель сельскохозяйственного назначения ФЗ №101 в отличие от ст.54.13К РФ более подробно регулирует порядок отчуждения земельного участка: после повторных торгов участок может быть продан посредством публичного предложения, приобретен органом местного самоуправления, органом исполнительной власти субъекта РФ, определены лица, которые не могут участвовать в публичных торгах, посредством публичного предложения и др.

Итак, условия и порядок изъятия земельного участка у собственника за использование его с нарушением требований законодательства аналогичен условиям и порядку принудительного прекращения прав на земельный участок лиц, не являющихся собственниками земли. Основания принудительного изъятия земельного участка у собственника и прекращения прав на земельный участок у несобственников совпадают, но для несобственников перечень земельных правонарушений шире. Суть же самой меры специальной земельно-правовой ответственности меняется в отношении собственников земельных участков. Оно, т.е. изъятие, приобретает возмездный характер.

В п.2 и 3 ст.286 ГК РФ остается неясным вопрос, об уведомлении какого органа идет речь. Собственник должен уведомить орган, который принял

---

¹ СЗ РФ, -1998-№31.-Ст.3813

решение об изъятии земельного участка. Никакой орган, кроме суда, не может принять решение об изъятии земельного участка. Поэтому речь может идти о предполагаемом изъятии земельного участка и об уведомлении, либо исполнительного органа государственной власти, вынесшего предписание о допущенных земельных правонарушениях, либо исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, предусмотренные ст.39.2 ЗК РФ. И тогда п.2 и 3 ст.286 ГК РФ нуждаются в уточнении.

Если же предположить, что речь в п.2 и 3 ст.286 ГК РФ идет о суде, то при согласии собственника исполнить это решение нет смысла в принятии решения судом об изъятии земельного участка, поскольку он подлежит продаже с публичных торгов. А если собственник не согласен с решением об изъятии земельного участка, то получается, что орган, принявший решение об изъятии участка (а это только суд) может предъявить требование о продаже участка в суд. Абсурдность такого подхода очевидна. В этой связи речь может идти только об уведомлении исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления, предусмотренных ст.39.2 ЗК РФ.

Мы, как и ранее считаем, что в настоящее время под земельно-правовой ответственностью понимается принудительное прекращение в установленном порядке по решению суда прав на земельный участок лиц, не являющихся собственниками земли, путем его безвозмездного изъятия и принудительное изъятие в установленном порядке по решению суда у собственника земельного участка путем его возмездного изъятия через продажу с публичных торгов в случае совершения субъектами, использующими землю, земельного правонарушения.¹

Авторы, опираясь на разные подходы к определению юридической ответственности, предлагают и такое определение земельно-правовой ответственности как признание обязанности лица, виновного в нарушении земельного законодательства, либо претерпевать соразмерные его правонарушению адекватные лишения личного или имущественного характера, либо совершать общественно полезные поступки².

Кроме неоднозначности признания факта существования земельно-правовой ответственности, многообразия подходов к определению земельно-правовой ответственности существует множество проблем, связанных с применением норм ЗК РФ, ГК РФ³, ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», регулирующих вопросы прекращения прав на земельные участки за земельные правонарушения. Несмотря на то, что в эти законы вносились изменения федеральными законами от 03.07.2016 №354-ФЗ, от 03.08.2018 № 339 и №340-ФЗ, неясных вопросов осталось много.

---

¹ Лунина Н.А. Земельно-правовая ответственность за ненадлежащее использование земельного участка //Правовое регулирование общественных отношений в условиях рыночных отношений: Сб. науч. тр. / Под ред. С. А. Свиридова. – Воронеж: Изд-во Воронеж.гос.ун-та, 2003. С.80.

² Ибрагимов К.Х. Вопросы земельно-правовой ответственности // Журнал российского права. - 2006. - N 10.

³ СЗ РФ.1994. N 32. Ст. 3301.

Во-первых, нет четкого порядка проведения процедур прекращения права собственности на землю. Не определен орган государственной власти или местного самоуправления, уполномоченный принимать решения об изъятии земельных участков по основаниям, предусмотренным ст. 284 и 285 ГК РФ и порядок обязательного заблаговременного предупреждения собственников участков о допущенных нарушениях. Нет ясности и в порядке прекращения права собственности на земельный участок.

Если собственник земельного участка письменно уведомит орган, принявший решение об изъятии земельного участка, о своем согласии исполнить это решение, участок подлежит продаже с публичных торгов (п.2. ст. 286ГК РФ). Какой орган может принять решение об изъятии у собственника, если даже у несобственника земельный участок изымается по решению суда.

Невыполнение указанной в ст. 54 ЗК РФ процедуры привлечения к административной ответственности и вынесения предписания о допущенных земельных правонарушениях ведет к отказу в удовлетворении иска об изъятии земельного участка, хотя состав для принудительного прекращения прав на земельные участки за ненадлежащее использование имеет место¹.

Во-вторых, нет четкости по основаниям прекращения прав на земельные участки: а) составы земельных правонарушений, которые закреплены в ЗК РФ, ГК РФ и КоАП РФ не совпадают. Например, в ст. 45 ЗК РФ и ст.285 ГК РФ правонарушение сформулировано как использование земельного участка не по целевому назначению, а в ст.8.8 КоАП РФ- использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и разрешенным использованием. В этой связи представляется логичным предложение Анисимова А.П. и Чаркина С.А. о внесении дополнений в ст.45 ЗК РФ, ст.285 ГК РФ «использование земельного участка с нарушением правил разрешенного использования».²

Б) В ЗК РФ и ГК РФ есть составы правонарушений, а в КоАП РФ нет. Например, в административном законодательстве не предусмотрен состав земельного правонарушения, когда использование земельного участка приводит к существенному снижению плодородия земель сельхозназначения или причинению вреда окружающей среды. В такой ситуации правонарушитель не может быть привлечен к земельно-правовой ответственности.

В) Состав элементов некоторых правонарушений вызывает большие вопросы. В научной литературе правильно отмечалось, что много оценочных категорий – «существенное снижение плодородия почв», «причинение вреда окружающей среде». Возникают проблемы квалификации содеянного.³ В отношении земель сельскохозяйственного назначения в 2011-2012г. постановлениями Правительства РФ уточнены отдельные

---

¹ Определение ВАС РФ от 25 янв. 2012 г. № ВАС-17788/11.

² Анисимов А.П., Чаркин С.А. Теоретические вопросы земельно-правовой ответственности//Актуальные проблемы российского права.2012.№4.

³ Лобачев С.В. К вопросу о прекращении прав на землю как мере земельно-правовой ответственности лиц // Юрист. 2012. N 19. С. 33 - 34.

признаки, характеризующие составы правонарушений.¹

Для наиболее эффективного применения земельно-правовой ответственности необходимо внести изменения в действующее законодательство:

1. Установить единый для всех правообладателей земельных участков порядок предварительного воздействия на правонарушителей: за обнаруженное правонарушение виновное лицо должно быть привлечено к административной ответственности в виде штрафа, одновременно должно быть выдано предписание об устранении выявленного правонарушения в течение трех месяцев. По истечении срока в случае неустранения правонарушения виновное лицо должно быть привлечено к административному наказанию за неисполнение предписания и по истечению месяца органы государственного земельного надзора обязаны передать документы в органы исполнительной власти или органы местного самоуправления для обращения в суд с требованием об изъятии земельного участка.

2. Порядок принудительного изъятия всех земельных участков при использовании их с нарушением требований законодательства должен быть единым для собственников земельных участков всех категорий земель. Он должен быть аналогичен порядку изъятия, закрепленному в ст.6 ФЗ №101: через публичные торги, публичное предложение, возможное приобретение органом местного самоуправления и обязательное приобретение органом исполнительной власти субъекта РФ.

3. Четко закрепить основания принудительного прекращения прав на земельный участок за использование его с нарушением требований законодательства в отношении всех категорий земель.

4. Уточнить составы земельных правонарушений, предусмотренных в ЗК РФ, ГК РФ и КоАП РФ и привести их в полное соответствие. Ответственность установить не только за нецелевое использование, но и за несоблюдение разрешенного использования земельного участка.

5. В целях совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения сократить срок, по истечении которого земельный участок может быть изъят у собственника в случае его неиспользования для сельскохозяйственного производства, до двух лет².

---

¹ Об утверждении критериев существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения: Постановление Правительства РФ от 22 июля 2011 г. №612 //СЗ РФ. – 2011. - №30 (2). – Ст. 4655.

О признаках неиспользования земельных участков с учетом особенностей ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности в субъектах Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. №369 // СЗ РФ. – 2012. - №18. – Ст. 2230.

О критериях значительного ухудшения экологической обстановки в результате использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земли: Постановление Правительства РФ от 19 июля 2012 г. №736 //СЗ РФ. – 2012. - №30. – Ст. 4290.

² См.: Хусяйнова С.Г., Гагамлык М.Ю. Типичные нарушения законов в области оборота сельскохозяйственных земель // Законность. 2017. N 11.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сухова Е.А. Значение земельно-правовой ответственности для обеспечения земельного правопорядка // Юрист. 2014. N 2. С. 16 - 20.
2. <https://rosreestr.ru/site/activity/gosudarstvennyy-nadzor/gosudarstvennyy-zemelnyy-kontrol-nadzor/>
3. Представление Счетной палаты РФ от 25.12.2015 N ПР 09-275/09-02 «О результатах контрольного мероприятия "Проверка состояния и использования в 2014 году и истекшем периоде 2015 года земель сельскохозяйственного назначения и земель лесного фонда Московской области и исполнения решений Коллегии Счетной палаты Российской Федерации по результатам контрольного мероприятия "Проверка эффективности использования и законности распоряжения землями сельскохозяйственного назначения и землями лесного фонда на территории Московской области" (совместно с Контрольно-счетной палатой Московской области)" в Минсельхозе России, Правительстве Московской области, администрации Одинцовского муниципального района Московской области»//Консультант плюс
4. ФЗ от 03.07.2016 №354-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования порядка изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения при их неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства Российской Федерации"//СЗ РФ.2016.N 27 (часть II).Ст. 4287.
5. ФЗ 03.08.2018 № 339"О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 22 Федерального закона "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"// СЗ РФ.2018.N 32 (Часть II).Ст. 5132
6. ФЗ 03.08.2018 №340-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»// СЗ РФ.2018.N 32 (Часть II).Ст. 5133
7. Анисимов А.П. Земельно-правовая ответственность за нарушение правового режима земель поселений // Журнал российского права. 2004. N 2;
Ибрагимов К.Х. Вопросы земельно-правовой ответственности // Журнал российского права. 2006. N 10
8. Аверьянова Н.Н. К вопросу о специальной земельно-правовой ответственности // Известия Саратовского университета. Т. 10. Сер. "Экономика. Управление. Право". Вып. 2. 2010. С. 73.
Карпова Е.С.Административная ответственность за земельные правонарушения: монография/Е.С. Карпова; Воронежский государственный университет,- Воронеж: Издательский дом ВГУ,2018.-С174.
9. Чуйков В. А. Право пользования землями городской застройки: дисс. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1973. С. 98
10. Анисимов А.П., Чаркин С.А. Теоретические вопросы земельно-правовой ответственности//Актуальные проблемы российского права.2012.№4.
11. Кодекс РФ об административных правонарушениях: ФЗ от 20.12.2001 №195-ФЗ//СЗ РФ.2002.№1 (ч.1).Ст.1
12. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001№136-ФЗ//СЗ РФ.№44.СТ.4147.
13. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ и от 05.02.2014 N 2-ФКЗ)// СЗ РФ. – 2009. - №4. – Ст. 445; 2014.-N 9.-Ст. 851.
14. Самончик О.А. Юридическая ответственность за нарушения законодательства за земли сельскохозяйственного назначения // Аграрная реформа в РФ: правовые проблемы и решения. Отв. редактор Беяева З.С. и Самончик О.А. М., Институт государства и права РАН, 1998. -С.198.

15. ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" от 24 июля 2002 № 101-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3018
16. Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 16
17. ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" от 29 июля 1998 № 135-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. С. 3813
18. Лунина Н.А. Земельно-правовая ответственность за ненадлежащее использование земельного участка // Правовое регулирование общественных отношений в условиях рыночных отношений: Сб. науч. тр. / Под ред. С.А. Свиридова. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. - С. 80.
19. Гражданский кодекс РФ: часть первая: ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
20. Определение ВАС от 25 янв. 2012 г. № ВАС-17788/11. // СПС Консультант плюс
21. Лобачев С.В. К вопросу о прекращении прав на землю как мере земельно-правовой ответственности лиц // Юрист. 2012. № 19. С. 33 - 34.
22. Об утверждении критериев существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения: Постановление Правительства РФ от 22 июля 2011 г. № 612 // СЗ РФ. - 2011. - № 30 (2). - Ст. 4655.
23. О признаках неиспользования земельных участков с учетом особенностей ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности в субъектах Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 369 // СЗ РФ. - 2012. - № 18. - Ст. 2230.
24. О критериях значительного ухудшения экологической обстановки в результате использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земли: Постановление Правительства РФ от 19 июля 2012 г. № 736 // СЗ РФ. - 2012. - № 30. - Ст. 4290.
25. Хусайнова С.Г., Кагамлык М.Ю. Типичные нарушения законов в области оборота сельскохозяйственных земель // Законность. 2017. № 11.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК: ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ

Игорь Федорович Мачин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: В этой статье речь идет о проблеме легитимации экологического *правопорядка* и новом типе государства – экологическом. Осознание экологического кризиса делает актуальным переход к экологическому *правопорядку* и экологическому государству. Понятия «*правопорядок*» и «*государство*» тесно связаны друг с другом. Если рассуждать по аналогии, то следует признать, что экологический *правопорядок* предполагает и существование экологического государства.

Ключевые слова: экологический *правопорядок*; экологическое государство; экогражданин; договор между человеком и природой; инстинкт политического самосохранения.

I. *Правопорядок*: теория вопроса

В научных работах западных авторов XX века можно встретить различные определения *правопорядка*. Так, для Ганса Кельзена «*порядок*» – это система норм, а *правопорядок* – это система правовых норм: «“*Порядок*” – это система норм, единство которых зиждется на том, что они имеют общее

основание действительности (...), а основание действительности нормативного порядка, как мы увидим, составляет основная норма, из которой выводится действительность всех норм, относящихся к правопорядку, а она относится к определенному правопорядку, если ее действительность покоится на основной норме этого порядка».¹ С определенного времени, в понимании Кельзена, эти нормы регулируют именно **человеческое поведение**, а не поведение неодушевленных предметов или животных (что было характерно для древних обществ). Кроме того, эти же нормы позволяют реагировать на человеческое поведение, которое считается вредным для общества, актами **принуждения** (Кельзен признает, что современные правопорядки «иногда содержат нормы, предусматривающие за определенные заслуги награды», но они составляют лишь небольшую часть норм). Таким образом, правопорядок для Кельзена — это система норм, т.е. правил «должного». Кельзен обращает внимание на связность, иерархичность, непротиворечивость норм, от которых зависит правопорядок.

➤ **Правапорядок – это упорядоченность норм права.**

Однако в научной литературе были предложены и другие трактовки правопорядка. В частности, некоторые авторы стали понимать под правопорядком такой **порядок**, который является результатом действия норм права: запрещающих, обязывающих, управомочивающих. Рассуждая подобным образом, мы получаем одно из социологических пониманий правопорядка:

- правопорядок рассматривается как часть социального порядка, генетически и структурно связанного с ним;

- правопорядок связывается исключительно с действием правовых норм, а не с действием норм моральных или религиозных.

Таким образом возникает новая дефиниция:

➤ **правапорядок – это упорядоченность социальных отношений с помощью правовых норм.**

Следует признать, что юдизация социального порядка предшествует появлению государства, поскольку до его появления уже существовал синкретизм социальных норм, только их действительность обеспечивалась исключительно силой общественного мнения (анонимной властью). Лишь позднее выделится государственный правопорядок, который будет обеспечиваться индивидуализированной и институционализированной властью. И тогда правопорядок будет иметь уже собственную логику, связанную с признанием права как простого средства социального контроля. Однако оборотная сторона этого процесса приводит к кризису правопорядка: становясь все более сложным, право перестает быть связанной совокупностью норм; право перестает быть стабильным, так как быстро изменяется, что ведет к инфляции правовых норм и др.

Оригинальное социологическое понимание правопорядка было предложено **О. Эрлихом** и **М. Ориу**.

---

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII–XX вв. М.: Мысль, 1999. С.710.

Австрийский социолог права Ойген Эрлих (1862–1922) в своей работе «Основоположение социологии права» (1913) проанализировал связь права с обществом. Общество он предложил рассматривать как различного рода союзы, одни из которых возникают естественно, а другие созданы целенаправленно. К первым он относил семью, человеческий род, а ко вторым – различного рода организации (политические партии, религиозные союзы и др.) В представлении Эрлиха каждый союз создает свои организационные нормы, которые обеспечивают порядок внутри этих союзов. Австрийский ученый полагал, что эти организационные нормы представляют собой «общественное **право** (выделено – И.М.)». Для социолога Эрлиха не имеют значения названия этих норм, напротив, ему важно обратить внимание на то, что эти нормы являются социальными фактами: «Общественный союз – это множество людей, которые во взаимоотношениях друг с другом признают некоторые правила, определяющие их действия, и, по меньшей мере, в общем и целом, действуют согласно этим правилам. Эти правила различны и называются по-разному: правила права, морали, религии, (...), чести, приличия, такта, хорошего тона, моды».¹ Эрлих понимает правопорядок как сложившиеся правоотношения внутри различного рода общественных союзов. В силу того, что это право применяется всегда, даже «в каком-нибудь маленьком союзе, даже без всякой словесной формулировки», это право Эрлих назвал «живым правом». К целенаправленно созданным общественным союзам он относил и государство, которое имеет свой правопорядок: «Таким образом, основой правопорядка на ранней ступени развития является порядок внутри человеческих союзов, к которым, разумеется, относится и государство».²

Французский правовед и государствовед Морис Ориу (1856–1929) разработал теорию *институционализма*. В отличие от Эрлиха, который рассматривал общество как совокупность различного рода союзов, Ориу представлял общество как совокупность различного рода институтов. Под институтом он понимал предприятие на службе творческой идеи. В своей работе «Основы публичного права» (1910) Ориу писал о юридической автономии корпоративных институтов, к которым он относил профсоюзы, торговые общества, государство и др. Он полагал, что каждый институт уже содержит в себе право – своеобразное ядро (центр кристаллизации), вокруг которого и возникает тот или иной институт, позволяющий осуществить ту или иную направляющую идею. Это институциональное право состоит из: права дисциплинарного и права статуарного. Что касается дисциплинарного права, то Ориу представляется важным подчеркнуть не только его репрессивный характер, но, что более важно, – «органичный» характер этого права:

➤ «Сила института и его авторитет осуществляют принуждение не только в отношении тех членов, которые вследствие их поведения за-

---

¹ Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. С.96.

² Эрлих О. Указ.соч.С.90.

служивают быть изгнанными, они осуществляют таковое также в отношении всех членов, чтобы заставить их принять организации, созданные внутри института».¹

Что касается статутного права, то под ним Ориу понимает процедуры, с помощью которых сохраняется внутреннее равновесие института:

- «Так как необходимо, чтобы для сохранения внутренней уравновешенности тождества живущий институт двигался единообразными путями, то и процедуры эти в значительной степени необходимы».²

Итак, для Эрлиха и Ориу

- *правопорядок – это фактические взаимоотношения между людьми, сложившиеся в группах, на основе признанных этими индивидами норм (норм права).*

Социологическое понимание правопорядка, предложенное Эрлихом и Ориу, позволяет сделать вывод о плюрализме юридических порядков в обществе.

Таким образом, государственный правопорядок не является единственным правопорядком. Наряду с государственным есть правопорядки, которые находятся внутри государственного правопорядка, — это автономные правопорядки различных союзов (Эрлих) или правопорядки отдельных институтов (Ориу). Отношение между большим числом автономных правопорядков и одним государственным правопорядком представляет собой проблему. Она становится еще более сложной, если учесть и существование международного правопорядка. В настоящее время особую актуальность приобретает *экологический правопорядок*.

II. Экологический кризис, экологическое сознание и *экологический порядок*.

О современном экологическом кризисе первыми стали рассуждать философы. Именно они выступили носителями экологического сознания. Заметим, что формированию этого сознания, в частности, способствовало обращение к этимологии греческого слова «экология». В буквальном смысле «экология» понимается как «учение о доме», а применительно к нашей теме – это учение о планетарном доме. Именно такое понимание экологии становится присущим все большему числу жителей Земли.

Что же такое экологический кризис?

Современный немецкий философ **Витторио Хёсле**³ предлагает свое объяснение экологического кризиса. Для этого автора *парадоксом* является то, что экологический кризис обусловлен «глубинной тенденцией» развития самой природы. Хёсле полагает, что «природа создает все более сложные существа, с необходимостью восстающие против своей же основы». К этим существам он относит животных и людей, замечая при этом, что экосистема и – животные, экосистема и – люди, – по-разному связаны

---

¹ Ориу М. Основы публичного права. М., ИНФРА-М, 2013. С.94.

² Ориу М. Указ. соч. С.98.

³ Витторио Хёсле (нем. Vittorio Hösle, род. 25 июня 1960, Милан, Италия) — немецкий философ, ныне работающий в университете Нотр-Дам (США).

между собой. Хёсле делает убедительный вывод: «Львы, неспособные загрызть сразу всех газелей, тем самым обеспечивают себе собственное выживание. Тем не менее беспредельное возрастание человеческой мощи грозит расстроить такой баланс – если эта мощь не сохранит, и вполне сознательно, ту мудрость, которая понимает себя как хранительницу природы».¹

Современный французский философ Андре Горц (фр. André Gorz)² (1923–2007), основоположник политической экологии, связывал экологический кризис с **капитализмом**, который, по определению, исключает сокращение производства материальных товаров. Напротив, он с симпатией относился к тем, кто был убежден, что «в основании любого общества с любой экономикой лежит не-экономика». Критикуя капитализм, Горц полагал, что именно экология является антикапиталистической дисциплиной, требующей уменьшения как производства, так и потребления. Об этом французский философ заявлял еще в 1972 году на страницах журнала «*Le Nouvel Observateur*» в ходе большой дискуссии на тему «Экология и революция». Однако Горц скептически относился к тому, что нужно лишь обратиться к чувству ответственности каждого, чтобы радикально изменить современную модель производства и потребления. Он считал, что уже давно производство только необходимого и полезного перестало быть пружиной развития, напротив, оно стало ориентироваться на «желания и фантазии», которые не имеют границ. По мнению Горца современный маркетинг позволяет постоянно увеличивать рост индивидуального потребления, которое связано исключительно с «тайным» желанием каждого отличаться от других. Горц вспоминал изобретателя маркетинга Эдварда Бернейса (англ. *Edward Louis Bernays*; 1891–1995), племянника З. Фрейда, который еще в 20-е годы XX века установил, что «индивидуальный потребитель – это противоположность гражданину, осознающему свою ответственность за общее благо, и потому правящие слои могут быть спокойны в течение долгого времени, пока люди будут позволять себя убеждать, что блага индивидуального потребления – это решение всех их проблем».³

Некоторые современные авторы считают, что экологическое сознание предполагает появление нового вида солидарности в современном обществе – экологической. Так, важными видами солидарности, по мнению французского автора Алена Супьё (*Alain Supiot*)⁴, сегодня становятся: «**экологическая солидарность**», которая исключает противопоставление: «социальное» – «окружающая среда»; различные формы солидарно-

---

¹ Хёсле В. Философия и экология. М., Издательская Фирма АО «Ками», 1994. С.75.

² Андре Горц (фр. André Gorz, собственно Герхард Хирш (нем. Gerhart Hirsch), 9 февраля 1923, Вена — 22 сентября 2007, Вонон, Об) Французский леворадикальный философ, социолог, один из основателей известного еженедельника *Le Nouvel Observateur*.

³ Gorz A. Où va l'Écologie?//*Le Nouvel Observateur*. Décembre 2013– Janvier 2014. №3. P. 58.

⁴ В некоторых источниках имя Alain Supiot переводят как Ален Супиот.

сти граждан, в том числе связанные с содержанием больных и безработных самими семьями; а также институт солидарной ответственности, применительно к мультинациональным компаниям, «дочерние» подразделения которых могут использовать бесчеловечные методы работы.¹

Современное экологическое мышление на Западе не является однородным. Французский философ Люк Ферри в своей работе «Новый экологический порядок» (1992) выделяет три разных подхода к пониманию природы, а точнее к пониманию «прав природы». Согласно первому подходу, представленному энвайронменталистами² (в частности, в США) природа не обладает самоценностью и потому не может иметь юридического статуса (только человека можно рассматривать в качестве субъекта права). Представители второго подхода (в США – это философ Питер Стингер), –утилитаристы, расширяют круг субъектов права за счет всех тех живых существ, которые способны, также, как и люди, испытывать удовольствие и страдание. К этим субъектам права относятся животные. Третий подход – это подход «глубоких экологов» (в США его представляет философ Ханс Йонас, а во Франции – Мишель Серр). Эти экологи предлагают изменить, признанный в современных обществах порядок приоритетов: на первое место следует поставить биосферу, на второе – животных, и лишь на третье – человека, который сейчас угрожает всему живому. Ферри говорит, что если «принять третью позицию, согласно которой именно природа обладает приоритетным правом, а биосфера является истинным субъектом права, то современный мир движется не в том направлении».³ В то же самое время, Ферри видит в фундаменталистской экологии зерна антигуманизма, что может привести к диктатуре и террору во имя уважения природы, ставшей объектом настоящей идолатрии.⁴

Сам же Ферри ищет гармонию, о чем говорит подзаголовок выше названной его работы: «Дерево, животное, человек».

Итак, Ферри предлагает перейти к новому позитивному **экологическому порядку**, который в понимании юристов может мыслиться как **экологический правопорядок**, в основу которого могут быть положены новые «законодательные приоритеты». Экологический правопорядок, в основание которого уже заложена новая радикальная идея «защиты прав животных ради самих животных» (а не ради человека), стал формироваться только в XX в. Примером для Ферри является германский закон о защите животных 1933 года, занимающий 180 страниц. В настоящее время эта идея, используемая «глубокими экологами», получила фундаментальное закрепление в швейцарском законе о защите животных 2008 года (*Ordonance sur la protection des animaux*). Экологический правопорядок

---

¹ Soupiot A. Introduction / In.: La Solidarité. Sous la direction A.Soupiot. P., 2015. P. 26–32.

² Энвайронментализм, или инвайронментализм (англ. environmentalism от environment — окружающая среда, природа).

³ См.: Интервью (Люк Ферри беседует с Бахгатом эль-Нади и Аделем Рифатом) //Курьер Юнеско. 1993. Июнь. С.4–5.

⁴ См.: La philosophie de A a Z, Hatier,Paris 2011. – P.136.

предполагает и формирование нового гражданина, т.е. эко-гражданина. Можно согласиться с одним из современных авторов, который полагает: «В глобальном смысле, гражданство не может быть сведено к праву голосовать или к обладанию паспортом; гражданство означает признание своей собственной принадлежности к сообществу живых существ и взятие на себя ответственности по отношению к этому сообществу».¹

III. **Экологический правопорядок** и новый тип государства – экологический: проблемы легитимации.

Осознание экологического кризиса делает актуальным переход к экологическому правопорядку и экологическому государству. Понятия «правопорядок» и «государство» тесно связаны друг с другом. Квинтэссенцию этой мысли можно встретить:

➤ у Марка Тулия Цицерона (I в. до н.э.):

«Да и что такое государство, как не общий правопорядок?»

➤ у Ганса Кельзена (XX в.):

«Государство – это относительно централизованный правопорядок»

Если рассуждать по аналогии, то следует признать, что **экологический правопорядок** предполагает и существование **экологического государства**.

Как можно мыслить экологический правопорядок, отталкиваясь от общих представлений о правопорядке? Итак, уже были выделены 3 уровня правопорядка: локальный, государственный и международный. Представляется, что об экологическом правопорядке следует говорить применительно к этим же трем уровням. Следовательно, речь может идти о локальном экологическом правопорядке, о государственном экологическом правопорядке и о международном экологическом правопорядке. Каждый из этих видов правопорядка предполагает специфические формальные источники права. Такими источниками, **соответственно**, являются: локальные нормативные правовые акты, законы и нормативные договоры, имеющие отношение к экологии. Представляется, что создание в настоящее время различных видов **экологического правопорядка** является адекватным ответом на вызов времени, что позволит смягчить экологический кризис, с которым столкнулось все человечество, – на разных уровнях. И начинать работу необходимо с изменения, прежде всего, **законодательных** приоритетов.

В XX в. еще на одну экологическую угрозу стало больше. Речь идет о ядерной энергетике. Вписывается ли ядерная энергетика в современное экологическое государство? Политический эколог Горц отрицательно относился к ядерной энергетике, указывая не просто на такие факты, как ограниченность запасов расщепляющихся материалов и нерешенность проблемы хранения ядерных отходов. Он говорил о связанной с ядерной энергетикой необходимости строительства огромных установок и заводов по разделению изотопов. И, наконец, серьезным контраргументом

---

¹ Berger-Pelús M, –P. Le léman. Un écosystème à découvrir. Editions Le Carré, 1999. – P.19.

представляется следующая его мысль: «Ядерная энергетика требует, таким образом, сильного и стабильного государства, многочисленной и безотказной полиции, постоянной слежки за населением и секретности. Вы получите все зерна тоталитарного дрейфа».¹ Напротив, Горц был сторонником использования возобновляемой энергии, производством которой может иметь только локальный характер, что исключает подчинение ее пользователей. Отвечая на вопрос о том, что этой энергии недостаточно для функционирования больших производств, он заявлял, что «уже становится понятно, что сами эти комплексы несовместимы с «быстрыми и радикальными» изменениями, от которых зависит выживание человечества».²

Таким образом, можно сделать вывод, что в экологическом государстве приобретают все большее значение **локальные правовопорядки**.

Экологическое государство, которое осуществляет реальную экологическую политику, позволит, по мнению Хёсле, избежать появления экодиктатур. В его понимании, ответом на грозящие народам экологические опасности, может стать установление режимов чрезвычайного положения. Хёсле делает следующий прогноз: «Я полагаю, что экодиктатура и, более того, ожесточенная борьба за остатки природных ресурсов между различными экодиктатурами могут обнажить глубинную, национал-социалистическую структуру современной мировой политики, и это выльется в такие формы, какие я не решаюсь себе представить».³

Таким образом, подобные угрозы делают актуальным изменение законодательных приоритетов в пользу экологических, с учетом их значимости. Тот же Хёсле полагает, что в решении экологических проблем нужно руководствоваться принципом «меньшего зла»: решению проблем парникового эффекта и предотвращению сокращения площадей плодородных почв следует отдавать большее предпочтение, нежели проблеме сокращения определенного вида бабочек.

Как же можно легитимировать экологический правовопорядок и экологическое государство?

Во-первых, речь может идти об **инстинкте политического самосохранения**.

Габриэль Феликсович Шершеневич, блестящий российский правовед и государствовед, использовал именно это понятие, чтобы объяснить прогрессивную историческую смену типов государства западной цивилизации. Ему удалось убедительным образом объяснить последовательный переход от одной модели государства к другой. В представлении Шершеневича полицейское государство должно было быть заменено на правовое государство, правовое государство должно было получить свое дальнейшее развитие в культурном государстве. Культурное же государство

---

¹ Gorz A. Où va l'écologie?//Le Nouvel Observateur. Decembre 2013– Janvier 2014. №3. P. 58.

² Ibidem.

³ Хёсле В. Философия и экология. М.,Издательская Фирма АО «Ками», 1994. С.163.

должно было перерасти в социальное государство.¹ Если следовать логике Шершеневича, то следует признать, что инстинкт политического самосохранения в настоящее время требует перехода к экологическому типу государства.

Именно этим инстинктом политического самосохранения перед лицом экологического кризиса стали руководствоваться во многих странах Запада (Германия, Канада, Франция и др.)

Во-вторых, речь может идти об *эмоциональной* легитимации современного экологического государства и экологического правопорядка. Такого рода легитимацию можно встретить, как представляется, в работах современного английского социолога Энтони Гидденса². Ему принадлежит следующее определение современного государства: «Национальное государство имеет политический аппарат, обладает признанными суверенными правами в рамках обозначенных территориальных границ и способно поддерживать свои притязания на суверенитет с помощью военной силы; многие его граждане испытывают *положительные эмоции* (выделено – И.М.) от сознания принадлежности к данному национальному единству».³

Заметим, что в психологии, – науке, изучающей закономерности психической деятельности, речь идет о тесной связи между эмоциями и чувствами. Подчеркивается взаимосвязь эмоций и чувств: чувства могут выступать как результат обобщения эмоционального опыта, в то же время, чувства могут определять эмоциональные переживания.⁴

Рассматривая эмоциональную легитимацию экологического правопорядка и экологического государства, следует признать, что эта легитимация основана на положительном чувстве «любви к природе», т.е. на особом переживании людьми своего отношения к природе.

Представляется, что чувству «любви к природе» противостоит чувство «любви к смерти» (некрофилия), которое лежит в основе милитаризованных государств, которым, в лексике Герберта Спенсера, соответствуют общества «военного» типа. Следует заметить, что если для Спенсера военный тип общества предполагает периодическое ведение войн («армия есть мобилизованный народ, а народ – отдыхающая армия»), то, начиная с XX века отчетливо проявляется другая форма милитаризованного государства: государство – это «осажденная крепость».

В-третьих, речь может идти о *рациональной* легитимации.

Представляется, что такого рода попытка была предпринята современным французским философом, членом Французской Академии Мишелем Серром (1930–2019). Он – автор эссе «*Le contrat naturel*» («Договор с

---

¹ См.: Шершеневич.Г.Ф. Общая теория права. В 2-х томах Т.1.Вып.1. М.:Изд-во «Юридический колледж МГУ».1995. С.206–212.

² Барон Энтони Гидденс (англ. Anthony Giddens, Baron Giddens; род. 18 января 1938, Лондон, Англия)

³ Гидденс. Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С.291.

⁴ См.: Психология. Словарь/под общ.ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. С.445–446.

природой»). Первое издание этой работы появилось во Франции в 1990 году. В этой работе Серр обращается к теории **общественного** договора, который, по мнению ее авторов, лежит в основании общества (государства). Хорошо известно, что уже в XVII веке целая плеяда известных философов Запада придерживалась этой теории (Гроций, Спиноза, Гоббс, Локк). Эта теория общественного договора противостояла теории божественного происхождения государства и позволяла признать, что государство – это артефакт, – это дело рук человеческих. Например, в понимании Гроция, государство – это «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы». Однако все эти философы рассуждали о договоре, заключенном **между людьми**, являющимися **субъектами права**.

Серр же предлагал заключить договор *между людьми и Природой*, рассматривая природу в качестве именно *субъекта права*. Этот философ находил много общего между **общественным** договором и **договором между людьми и Природой**.

Он считал, что оба эти договора являются **молчаливыми** договорами, – договорами, которые не требуют никакой письменной формы: «На каком языке говорят вещи мира, чтобы мы могли их услышать, заключая договор? Но старый общественный договор оставался невысказанным и ненаписанным: никто никогда его не читал, – ни в оригинале, ни в копии».¹

Кроме того, любой договор предполагает **связанность** и **взаимозависимость** сторон договора. В чем же она проявляется в договоре людей с Природой? Природа, по мнению Серра, нас принимает, предоставляет возможность жить; природа нас обуславливает, а сейчас и мы обуславливаем ее. Другими словами: мы зависим от нее, а она зависит от нас. Эта взаимозависимость требует установления «договора с природой», т.е. основания нового права, жизненного симбиоза. Этот договор означает завершение войны, которую люди ведут против Природы, выступая хозяевами и обладателями, признавая за Природой исключительно статус объекта, а не субъекта права. Этот договор, заключенный между человеческими существами и Природой, когда-то исключенной из общественного договора, напротив, дарует юридическое достоинство Природе и определяет обязанности человечества по отношению к ней. Серр говорил о том, что это: «Договор о перемирии в объективной войне, договор симбиоза: симбиоз допускает права гостя, в то время как статус паразита – наш современный статус – приговаривает к смерти того, кого он грабит, и что он, как паразит, живет, не осознавая того, что в конечном счете он приговаривает и самого себя к исчезновению».²

Именно такого рода договор, как представляется, и следует рассматривать как предельное основание легитимности мирового экологического правопорядка.

---

¹ Serres M. Le contrat naturel, Champs – Flammarion, 2011. – P.69.

² Serres M. Le contrat naturel, Champs – Flammarion, 2011. – P.67.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Berger-Peléus M, –P. Le léman. Un écosystème à découvrir. Éditions Le Carré, 1999.
2. Gorz A. Où va l'Écologie?//Le Nouvel Observateur. Décembre 2013– Janvier 2014. №3.
3. La philosophie de A à Z, Hatier, Paris 2011.
4. La Solidarité. Sous la direction A. Soupiot, Odile Jacob, Paris, 2015.
5. Serres M. Le contrat naturel, Champs –Flammarion, 2011.
6. Гидденс. Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
7. Кельзен Г. Чистое учение о праве // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII–XX вв. М.: Мысль, 1999.
8. Ориу М. Основы публичного права. М.: ИНФРА-М, 2013.
9. Психология. Словарь/под общ.ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2–е изд. М.: Политиздат, 1990.
10. Хёсле В. Философия и экология. М., Издательская Фирма АО «Ками», 1994.
11. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 2-х томах Т.1. Вып.1. М.: Изд-во «Юридический колледж МГУ», 1995.
12. Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011.
13. Интервью (Люк Ферри беседует с Бахгатом эль-Нади и Аделем Рифатом) //Курьер Юнеско. 1993.

ПРАВОПОРЯДОК В СВЕТЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Владимир Владимирович Медведев
*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Правопорядок как система общественных отношений, урегулированных нормами права, в полицейском государстве приобретает причудливые формы и содержание. Объяснение кроется в особенностях политико-правовых ценностей полицейской государственности, которые лежали в основе результатов выбора содержания, приемов и методов осуществления внутренней и внешней политики.

Производные от идеала общего блага, политико-правовые ценности ориентации долгое время обеспечивали известную гибкость и подвижность в разрешении всевозможных проблем, встававших перед государством. Однако, эволюция общественных потребностей с изменением социально-экономических условий развития со временем требовала принципиально новых подходов к решению задач. Между тем, жесткие рамки идеологических начал полицейской государственности исключали использование ориентиров, которые ранее позволяли выверять устойчивое направление развития и своевременную реакцию на вызовы эпохи. Падение эффективности полицейского государства в итоге привело к стагнации социальных процессов, а неизбежность ценностей вступила в противоречие со здравым смыслом, поскольку свежие идеи воплощались

в жизнь, в формируемые, совершенно новые, общественные отношения предполагали разрушение фундаментальных основ «общего блага».

Препятствия на пути смены политико-правовых ценностей преодолевались революционными потрясениями разных масштабов. Однако, постреволюционными властями опыт предыдущего периода не только активно использовался, но, бывало, и прямо копировался в отдельных элементах на стадии становления правовых новшеств. Так, заявленный отказ от сословных градаций во Франции и Швеции нивелировался юридическими привилегиями отдельных слоев общества с заимствованными названиями предыдущих времен. Статус гражданина времен буржуазной революции во Франции в последующем оказался размытым реанимацией дворянства и восстановлением некоторых привилегий.

Взаимообусловленность политико-правовых ценностей полицейской государственности заключалась в системности составных частей, что позволяло комплексно подходить к разрешению любых проблем.

Существенная деформация одного элемента влекла корректировку содержания всей конструкции. Однако, потенциал для качественных изменений накапливался не одно десятилетие, путем осознания населением полицейского государства бросающегося в глаза несоответствия меняющихся отношений заявленным идеалам.

Эволюция правопорядка полицейского государства в границах политико-правовых ценностей происходила в течение полутора столетий, что свидетельствует о внушительном потенциале идеологического набора принципов организации управления обществом этой эпохи. Наблюдается широкий арсенал методологии регулирования, контроля, механизма выявления государственных, сословных, корпоративных и индивидуальных надобностей в зависимости от конкретных условий в области экономики, политики и т.д.

К политико-правовым ценностям, которые определяли архитектуру правопорядка полицейской государственности, следует отнести правильную организацию управления, самостоятельность духовной сферы от внешних воздействий с подчинением национальной церкви светской власти, законность, протекционизм в области экономики, сословную структуру общества.

Общественные отношения в области создания и деятельности администрации имели в основе абсолютную власть монарха. Идеал всезнающего и понимающего защитника и судьи в лице государя создавался в период формирования независимых государств, которые по своей юридической природе, целям и назначению стремительно удалялись от феодальных владений. Монарх перестает быть сеньором, приобретая статус лидера народа. Связь между верховным правителем и населением утрачивает характер личных прав и обязанностей из частных договоров и приобретает новое качество глава государства - подданный. Трансформация взаимных прав и обязанностей из плоскости гражданско-правовой в административную сопровождалась сужением и конкретизацией прав подданных, в то же

время расширением и неопределенностью по масштабам и содержанию прерогатив монарха: дело короля – привести пустыню в цветение¹.

Поднятый на щит идеал предполагал в отношении подданных отеческую заботу главы государства, формы, методы и своевременность которой, безответственно определялись носителем верховной власти. Четко и однозначно эта идея отражена Петром Великим в толковании арт. 20 Артикула Воинского - «...Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»². Отождествление полицейского государства с обладателем верховной власти в политико-правовой догматике, поддерживаемой церковью (что только стоило заявление короля-солнца Людовика XIV – «государство это я»), способствовало восприятию единства нации, в которой каждый подданный только частное лицо в отношениях с монархом. Нераздельность славы государства, правителя и народа порождало особое понимание всеобщности интересов.

На практике усмотрения абсолютного монарха становились единственным источником определения внешней и внутренней политики и критерием успешности полицейской государственности. Бесполезные победы в войнах приносили внутренний и международный авторитет руководству полицейского государства и убытки казне с подданными.

В период становления полицейского государства залогом приоритетности интересов в деле общего блага выступает сочетание коллегиальности и единоначалия в принятии управленческих решений. Процесс «обюрокративания дворянства и одворянивания бюрократии»³ сопровождался вытеснением из государственного управления частноправовых элементов. С ликвидацией синекур во Франции или местничества в России создавался новый подход к пониманию службы на благо государства и формированию модернизированного типа чиновника. Коллегиальность принятия решения в различной степени ограничивала аппетиты бюрократов. Участие же монарха в деятельности органов государственной власти не связывало его величество мнениями подчиненных. Благовоспитанный император Александр I резко высказал председателю Государственного совета И.В. Васильчикову о недопустимости обсуждения «вещи», которую венценосная особа уже находит полезной и благодетельной⁴.

Особенность правильной организации механизма полицейского государства заключалась в создании жесткой системы всеобъемлющего контроля над населением. В результате проб и ошибок создается универсальный орган, «душа государства» - полиция, на плечи которой возлагается широкий спектр деятельности – от реализации мер общей превенции до организации хозяйственной жизни. В поле зрения полиции попа-

---

¹ Кони Ф.А. История Фридриха Великого. М., 1863. С. 97.

² Артикул Воинский./Законодательство Петра I. Сб. документов под ред. Преображенского А.А, Новицкой Т.Е. М., «Юридическая литература», 1997. С. 756

³ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 441.

⁴ Корф М.А. Из записок. /Русская старина. Т. 99. 1889. С. 280.

дали ранее нейтральные для государства вопросы: медицинское обслуживание, образование, застройка населенных пунктов, противопожарные меры, торговля и многие другие. Полицейскими функциями обременялись помещики в отношении своих крестьян, территориальные сословные структуры и т.д. Каждый подданный должен был почувствовать причастность к общему благу в форме полицейской деятельности – закреплялись обязанности сообщения о правонарушениях, замещения должностей, соблюдения правил благочиния.

Кроме публичной полиции обязательно формировалась тайная для борьбы с государственными преступлениями, которая негласно находилась на содержании отдельных высокопоставленных должностных лиц (А.-Ж. Ришелье, А. Бестужева) или получала организационно-правовое оформление (Канцелярия тайных дел). Важностью функционала обуславливались неограниченные полномочия служб безопасности и подчиненность главе государства или другому, пользующемуся безусловным доверием, органу (тайная экспедиция находилась в ведении Сената в Российской империи).

Другое важное завоевание полицейской государственности – регулярная армия создавалась на сочетании рекрутской повинности для податных сословий и найма (как правило, офицеров и иностранцев). Особенность таких вооруженных сил проявлялась в территориальном расположении и многофункциональности. Ключевой структурной единицей становился полк, который размещался на строго определенной территории с обязанностью населения содержать военных, предоставляя квартиры для постоя, продовольствие и деньги. В стремлении рационального использования возможностей военной организации полковому командованию вменялись многочисленные обязанности, преимущественно правоохранительного характера. Петр Великий даже своим указом от 26 июня 1724 г. утвердил своеобразную инструкцию «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уезде определенном для квартирования и продовольствия его полка»¹. К таковым относились поддержание паспортно-пропускного режима, патрулирование, борьбы с разбоями, поимка празднующихся, участие в тушениях пожаров, силовая поддержка при сборе налогов и т.д.

В системе местного управления интенсивность интервенции в муниципальные свободы зависела от укрепления монархической власти. Коллегиальность проявлялась в сохранении или учреждении сословных советов при агентах центральных властей – губернаторах. Однако, такого рода органы довольно быстро бюрократизировались, превращаясь в дополнительные рычаги централизованной системы. Собрания дворянства в Пруссии, России или Швеции обладали правом замещать ряд должностей в местном аппарате, ходатайствовать о нуждах населения админи-

---

¹ Именной указ от 24 июня 1724 г. «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уезде определенном для квартирования и продовольствия его полка»././ПСЗ, Т. 7. № 4535.

стративно-территориальных единиц. Даже старосты общин обязывались обеспечивать правопорядок, подчиняясь полиции.

Обособленность духовной сферы жизни общества складывалась через предварительный конфликт государства и церкви. Причины и результат четко сформулированы в Духовном регламенте следующим образом: «...от Соборного правления не опосатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, како разстует власть духовная от самодержной...»¹. Приспособление церкви к решениям задач полицейского государства оказалось весьма болезненно. В Швеции и Пруссии конфликт духовных и светских властей закончился сменой религии, во Франции «национализацией» церковной организации, в России расколом, а в итоге включением священнослужителей в систему администрации. Так при Петре Великом устанавливалось даже штатное расписание для белого духовенства.²

Церковь, как прекрасно зарекомендовавшая себя на практике, пропагандистская машина внедряла идеалы полицейской государственности в умы прихожан. В свою очередь государство заботилось о защите духовенства и официальной религии.

Формально исчерпывающее не закрепленный, следовательно, без четких границ в содержании идеал общего блага способствовал возникновению и эволюции своеобразного правопорядка. Строго говоря, лишь фрагменты общего блага в законодательстве отражались установлением норм, регулирующих более или менее конкретные отношения. Поскольку, под общим (государственным) благом понимались две широкие и взаимопорождающие друг друга сферы жизнедеятельности - безопасность и благосостояние, то положения буквально всех нормативных правовых актов лежали в данной плоскости.

Стремление к регулированию всего спектра отношений, как недостижимой цели в теории, уютно соседствовало с пониманием законодателем практической невозможности поместить в рамки нормы акта четкого предписания на все случаи жизни. Препятствия на этом пути старались преодолевать использованием формулировок, обозначающих, в сущности, одно и то же, - общего блага, государственной, казенной пользы. При затруднении юридически определить масштабы содержания или последствия действий отдельных лиц прибегали к испытанной законодательной конструкции «общее благо», которая вполне все объясняла публике. Не в силах описать ущерб для отечества, который нанес бы царевич Алексей при занятии трона, Петр I указывает и результат такого возможного правления - потерю государственной пользы³. В качестве критерия пра-

---

¹ «Духовный регламент» от 14 февраля 1721 г./Законодательство Петра I. Сб. документов. М., 1997. С.545.

² Синодский указ от 10 августа 1722 г. «О штате церковнослужителей при соборах и приходских церквях и о положении излишних и безместных в подушный оклад»//ПСЗ, Т. 6. № 4072.

³ Манифест от 5 февраля 1718 г. «Об отрешении от наследия Его Царского Величества перворожденного сына Царевича Алексея Петровича»//ПСЗ, Т.5. № 3151.

воприменительной деятельности общая польза оказывалась незаменимым инструментом. В толковании арт. 53 Артикула Воинского полномочия офицеров прямо производны от наличия в приказах нижестоящим чинам общей пользы, и в таком качестве обязательных для исполнения подчиненными под страхом жесточайшего наказания. Даже сочувствие к «повредителю интересов государственных», выраженное в пощаде к преступнику должно было караться смертной казнью¹.

Режим законности в полицейском государстве должен был гарантировать всеобщее уважительное отношение к нормативному правовому акту, обеспеченному авторитетом власти. В тоже время встречаются ситуации невозможности осуществления правового предписания на практике, по причине нереальности реализации содержания юридической сентенции. В таком ключе анекдотично звучит совет Марии Антуанетты беднякам Парижа употреблять пирожные при недостатке хлеба, или требования Петра Великого о сбривании бород в православном государстве, где богобоязненное и малограмотное население опасалось кары небесной больше, чем земной. Таким образом, ценность закона не оспаривалась обществом, однако, обязательность исполнения трактовалась в зависимости от условий окружающей действительности, в том числе, и от эффективности контроля.

В эпоху полицейской государственности складывается традиция неременного ознакомления с основными законодательными новшествами населения в условиях малограмотности даже дворянского сословия посредством вывешивания нормативных правовых актов на всеобщее обозрение, чтение текстов священниками прихожанам, помещиками своим крестьянам.

Обязанность в поддержании режима законности каждого подданного накладывала особый отпечаток на правопорядок полицейской государственности. Приобщение к общему благу практически реализовывалось участием всех без исключения членов территориального сообщества в охране общественного порядка, выборах должностных лиц с правоохранительными функциями, взаимным поручительством², ответственностью за недоносительство по делам с государственным интересом и т.д. Собственникам крепостных крестьян вменялась обязанность надзора за поведением своих людей и пресечения правонарушений, как это предписывалось Сенатом в правление Елизаветы Петровны³. Таким образом, очевидна личная заинтересованность каждого подданного в спокойном течении жизни.

---

¹ Именной указ от 24 апреля 1713 г. «О жалованье разным лицам; об учреждении при Губернаторах и Вице-Губернаторах Ландратского совета и о наказании вредителей государственного интереса»./ПСЗ, Т.5. № 2673.

² Именной указ от 24 июня 1693 г. «О учении ежегодной переписи посадским и пришлым людям, с показанием в переписных книгах: по какому выду кто у кого живет»./ПСЗ, Т.3. № 1471.

³ Сенатский указ от 2 мая 1758 г. «О надзоре помещикам за поведением своих людей»./ПСЗ, Т. 15. № 10.832.

Политико-правовые ценности полицейской государственности в области экономики формировались под воздействием нескольких тенденций. Во-первых, переход от натуральной экономики к денежной. Во-вторых, расширение и укрепление экономических связей между частями страны, появлению региональной специализации. В-третьих, практика управления доменом монарха с распространением верховной власти входит в обыкновение в масштабах всего государства. И если сословно-представительным органам предыдущей эпохи еще удавалось санкционировать налоговую политику и расходы, то с окончательным переходом к абсолютизму воля государя становится единственным источником финансовой политики.

Причинами оформления политико-правовых ценностей в экономической жизни стали отставание от ведущих европейских государств (Англии, Голландии), потребности в снабжении государственного аппарата (прежде всего армии), необходимость рационального, для своего времени, вовлечения населения в преумножение материальных благ, амбиции правящей элиты. Старомодные способы ведения сельского хозяйства с использованием, преимущественно, внеэкономических методов эксплуатации, высокая доля ремесленного производства на товарном рынке ограничивали возможности политической конкуренции, прежде всего, военного потенциала.

По обыкновениям того времени богатство страны определялось объемом оборота металлических денег на внутреннем рынке, следовательно, основополагающая политико-правовая ценность заключалась в превалировании экспорта над импортом путем создания более комфортных условий для национальной торговли – политика протекционизма. Традиционно к мерам протекционизма относились высокие пошлины на ввозимые аналоги производимой в стране продукции, и наоборот, предоставление режима благоприятствования для вывоза за границу сырья и готовых изделий, а также требующихся для нужд государства товаров.

В организации экономической жизни страны конкурировали два подхода – меркантилистский и физиократический. Меркантилисты видели залог богатства в развитии отраслей промышленности. Сельское хозяйство играло вспомогательную роль обеспечения продовольствием населения. На этом пути использовались меры установления твердых, невысоких цен на продовольствие, запреты на перемещение хлеба, мяса, вина, солода и других продуктов для поддержания минимальной заработной платы на промышленных предприятиях.

В свою очередь физиократы настаивали на приоритете доходности земледелия, животноводства, пчеловодства, виноделия и связанных с ними промыслов, перед промышленностью. Они требовали рыночных механизмов в ценообразовании на сельскохозяйственную продукцию с целью повышения платежеспособности деревенских жителей, которые составляли большинство налогоплательщиков.

Проблема выбора стратегии экономической модели заключалась в опасности социальных последствий для полицейского государства. Оба подхода в конечном итоге предполагали существенное ослабление, а в бу-

душем и ликвидацию административной опеки с переходом к свободной конкуренции и гарантиях минимального объема прав подданных – свободе личности и предпринимательства, равенство правовых статусов и разрушение сословных градаций. Поэтому политика полицейской государственности в регулировании экономических процессов заключалась в комбинировании мер меркантилистского и физиократического характера без предпочтения каждому из подходов на длительный срок. Отсюда многочисленные кратковременные установления твердых цен на номенклатуры товаров, запреты или обязанности на перемещение отдельных видов продукции, предписание организации международной торговли в строго установленных портах (в желании развивать Санкт-Петербургский порт Петр Великий запретил свозить что-либо в Архангельск).

Кроме того, вставал щекотливый для главы полицейского государства вопрос возникновения общественного контроля над бюджетом. Строго говоря, в современном понимании бюджет в полицейском государстве отсутствовал. Доходы, согласно домениальной традиции, находились в неограниченном распоряжении монарха. При отсутствии всяких ограничений государю не стеснялись в расходах на содержание двора, армии, аппарата управления – атрибутов, определявших блеск и славу монарха, то есть государства. Информация о расходах казны лежала в плоскости усмотрения монарха не могла стать достоянием общественности. Публикация Ж. Неккером сведений о тратах на содержание двора Людовика XVI вызвала взрыв негодования: у населения - размером расходов, у царедворцев - самоуправством чиновника, граничащим с государственной изменой.

Восприятие монархом денежных средств полицейского государства, как своей собственности, частично и временно оказавшейся во владении подданных, закладывалось в основу налоговой политики. Известно указание Петра Великого Сенату – «...Денег как возможно собирать...»¹. Ведение новых налогов и сборов дело для полицейского государства вполне обычное. Однако, в целевой установке рационального ведения хозяйства страны виды и размеры налогов играли роль инструмента, который использовался в достижении благосостояния и безопасности. На стадии накопления экономического потенциала превалировала идея с помощью налогов оставлять у податного населения количества средств, достаточных для пропитания. Постоянно занятые подданные не смогут помышлять о проявлении легкомыслия, будут дисциплинированы и покорны. И сразу вставал вопрос о соотношении богатства казны и населения. Дискуссия сводилась к поиску концептуального ответа - может ли быть богатым государство при скромных доходах поданных? Практическим путем пришли к пониманию необходимости создания условий для обогащения податных сословий, которые и обеспечат всеобщее благосостояние. Обязанность полицейского государства снабдить средствами ускорения движения по пути процветания насе-

---

¹ Именной указ от 2 марта 1711 г. «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства»./ПСЗ, Т. 4. № 2330.

ления. Нужда в отеческой заботе малограмотных и по определению ленивых тружеников со стороны государства способствовала становлению воззрений на способы управления, в основном, запреты и обывания, которыми обязательно обременялись дозволения. Ошибки власти оказывались, порой, судьбоносными. Так Петр Великий едва не уничтожил гостиную сотню в Москве, обязав купцов заниматься экспортной торговлей при изначально невыгодных условиях¹.

Сословная структура общества полицейской государственности институционально сложилась в предыдущий период сословно-представительной монархии, но приобрела иную юридическую природу. Сословие приобретало функциональное назначение и самоценность. Осознание населением себя национальной общностью под единой властью породило новый статус – подданный, который связан с монархом обязанностями в деле общего блага. Конкретизация объема обязанностей происходила отнесением лица к сословию. Отсюда совершенно нетерпимое отношение полицейской государственности к элементам, утратившим принадлежность к сословию и, следовательно, бесполезным в достижении благосостояния и опасным для правопорядка.

Контроль за благочинием - юридически установленном, дополняемом обычаями, кодексе сословного поведения осуществлялся государственными должностными лицами, и особенно щепетильно членами сословий, поскольку речь шла о широких привилегиях. По внешнему виду, средству передвижения и прочей атрибутике в полицейском государстве безошибочно устанавливалась сословная причастность подданного и соответствие возможных законных притязаний фактическому поведению.

Только государство закрепляло систему социальных лифтов – возможностей перехода из одного сословия в другое: приобретение дворянства достижением чина, выход из крепостного состояния поступлением на военную службу и т.д. Приветствовалась практика наследственных занятий, фактически возведенная в ранг закона. Например, И.Т. Посошков прямо советовал монарху для пополнения рядов духовенства грамотными людьми отправлять учиться детей священников, даже против желания родителей².

Распоряжение государством жизнями, свободой и имуществом подданных абсолютизировалось становлением полицейских политико-правовых ценностей. Миграция населения по территории страны допускалась согласно административным надобностям. В зависимости от сословия оформлялись проездные документы, в которых могло быть отказано по усмотрению чиновника. Таким образом, членство в сословии дополнялось принадлежностью к территориальной общности. Местные сословные корпорации оказывались надежным средством поддержания надлежащего правопорядка в полицейской государственности.

---

¹ Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. М., 1988. С. 34-35.

² Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 2010. С. 54.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Именной указ от 24 июня 1693 г. «О учении ежегодной переписи посадским и пришлым людям, с показанием в переписных книгах: по какому выду кто у кого живет»./ПСЗ, Т.3. № 1471.
2. Именной указ от 2 марта 1711 г. «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства»./ПСЗ, Т. 4. № 2330.
3. Именной указ от 24 апреля 1713 г. «О жалованье разным лицам; об учреждении при Губернаторах и Вице-Губернаторах Ландратского совета и о наказании вредителей государственного интереса»./ПСЗ, Т.5. № 2673.
4. Артикул Воинский./Законодательство Петра I. Сб. документов под ред. Преображеского А.А., Новицкой Т.Е. М., «Юридическая литература», 1997.
5. Манифест от 5 февраля 1718 г. «Об отрешении от наследия Его Царского Величества перворожденного сына Царевича Алексея Петровича»//ПСЗ, Т.5. № 3151.
6. «Духовный регламент» от 14 февраля 1721 г./Законодательство Петра I. Сб. документов. М., 1997.
7. Именной указ от 24 июня 1724 г. «О должности полковника по наблюдению земской полиции в уезде определенном для квартирования и продовольствия его полка»./ПСЗ, Т. 7. № 4535.
8. Сенатский указ от 2 мая 1758 г. «О надзоре помещикам за поведением своих людей»./ПСЗ, Т. 15. № 10.832.
9. Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. М., 1988.
10. Кони Ф.А. История Фридриха Великого. М., 1863.
11. Корф М.А. Из записок./Русская старина. Т. 99. 1889.
12. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990.
13. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 2010.

ЮРИДИЗАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ГОСУДАРСТВА

Никита Юрьевич Молчаков

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Одной из наиболее актуальных проблем современной российской науки конституционного права является вопрос о разработке методологии осуществления конституционно-правовых исследований различных институтов рассматриваемой отрасли, в том числе и территориального устройства государства. В этом аспекте развития самой науки конституционного права мы можем констатировать определенный вакуум, который, к сожалению, весьма медленно заполняется серьезными исследованиями¹. Данная про-

---

¹ Серьезное внимание методологическим проблемам науки конституционного права уделено, главным образом, в монографии Н.А. Богдановой и отдельных статьях А.А. Троицкой. См.: Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М.: Юрист, 2001; Троицкая А. А. Объекты сравнения в конституционном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 3. С. 41–58; Троицкая А. А.

блема проявляется и в работах, посвященных территориальному устройству современного государства, авторы которых зачастую игнорируют вопрос о методологии изучения рассматриваемого элемента формы государства, хотя и из этого правила существует ряд исключений¹.

Описываемое выше положение вещей, очевидно, не способствует дальнейшему развитию научных изысканий в области территориальной организации публичной власти, несмотря на значительное количество работ, издаваемых по данной теме. «Обилие публикаций, – справедливо отмечают М.В. Глигич-Золотарева и Н.М. Добрынин, – во многом спровоцировало наблюдающийся в указанной сфере научного знания методологический застой, вызванный в первую очередь отсутствием системности во взглядах на федерализм и федеративное устройство»². Схожую ситуацию мы наблюдаем в работах, посвященных осмыслению территориального устройства современных унитарных и регионалистских государств.

Представляется, что «методологический застой» в конституционно-правовых исследованиях территориального устройства современного государства объясняется двумя причинами. Во-первых, в силу того, что разработка вопросов методологии выносится за рамки науки конституционного права и не рассматривается ее представителями в качестве отдельной исследовательской проблемы. Иными словами, юристы-конституционалисты используют устоявшуюся систему способов и приемов познания, предлагаемую теорией государства и права, применяют ее к изучению конкретных конституционных феноменов, что зачастую не ведет к углублению знаний о них. В результате с каждым днем растет количество описательных публикаций, посвященных конституционному измерению территориального устройства современных государств.

В то же время, как указывает А.М. Михайлов, «собственно методологическая работа в науке получает свою актуализацию лишь в ситуации необходимости решения научной проблемы, что означает необходимость вхождения в рефлективную позицию, проблематизацию устоявшегося образца

Сравнение и сравнительный метод в науке конституционного права: особенности использования // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2.С. 7–13; Троицкая А. А. Междисциплинарность в сравнительном конституционно-правовом исследовании // Сравнительное конституционное обозрение.2017. № 5. С. 57–77.

¹ Глубокое осмысление особенностей методологии изучения территориального устройства государства нам удалось обнаружить лишь в исследованиях И.В. Лексина и А.В. Прохорова. См.: Лексин И.В. Территориальное устройство государства: проблемы предмета и методологии конституционно-правового исследования // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2012. №2. С. 42-57; Лексин И.В. О некоторых методологических проблемах конституционно-правовых исследований территориального устройства государства // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2013. №5. С. 69-86; Прохоров А.В. Федерализм как форма территориальной организации публичной власти в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2008. С.20-80.

² См.: Глигич-Золотарева, М.В. Добрынин Н.М. Федеративное право: pro et contra // Государство и право. 2008. №11. С. 23-24.

исследовательской деятельности»¹. Именно последнего аспекта и не хватает современным конституционно-правовым исследованиям территориального устройства современного государства. В этом, на наш взгляд, и заключается вторая из причин «методологического застоя», преодолеть который, на наш взгляд, можно лишь путем юридизации достижений иных гуманитарных дисциплин, в частности политической науки.

В отечественную юриспруденцию термин «юридизация» привнес академик В.С. Нерсесянц, который под данным термином понимал «юридико-понятийную трансформацию неюридических методов и дисциплин, их преобразование с определяющих позиций понятия права и их включение в новый познавательный-смысловой контекст предмета и метода юридической науки»². Юридизация, таким образом, подразумевает отрефлексированное использование, а не «слепое» заимствование определенных достижений или «привлекательной» терминологии из иных гуманитарных наук. Последнее, как известно, подвергается серьезной критике применительно к изучению территориального устройства как элемента формы государства.

На наш взгляд, привнесение в юридический анализ достижений политической науки в случае их грамотной интерпретации с точки зрения науки конституционного права позволит сделать шаг вперед в развитии конституционно-правовых исследований территориального устройства государства. Согласимся в этом контексте с мнением А.А. Троицкой, которая справедливо отмечает, что «с методологических позиций важно не уйти в крайности субъективизма, а это означает, что в каждом конкретном случае идея обращения к «смежным» дисциплинам должна быть отрефлексирована, а польза такого обращения ясна, по крайней мере в категориях цели и задач исследования»³. Иными словами, использование достижений политологии должно обогащать науку конституционного права, способствовать преодолению свойственного ее консерватизма при изучении ряда конституционно-правовых феноменов, в том числе и территориального устройства современного государства.

В то же время отметим, что наш призыв к углублению междисциплинарных связей конституционно-правовых исследований в области территориальной организации публичной власти не должен рассматриваться как стремление отказаться от формально-догматического метода при изучении рассматриваемого элемента формы государства. Безусловно, как

---

¹ Михайлов А.М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 313-314. Схожую позицию высказывает и И.Л. Честнов, считающий, что «методология исследования права – это не набор готовых методов, позволяющих аподиктично описывать и объяснять право, но постоянно меняющаяся творческая деятельность по осмыслению многогранности, перманентной изменчивости и релятивности (как исторической, так и социокультурной) правовой реальности». См.: Честнов И.Л. История и методология юридической науки. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 4.

² Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2010. С. 23.

³ Троицкая А.А. Предмет, объект и методология науки конституционного права // Теория и методология юридической науки: в 2 ч. Ч. 2: История социология и отраслевые юридические дисциплины / отв. ред. Н.М. Марченко. М.: Норма, 2019. С.128-129.

правильно замечает И.А. Кузьмин, «формально-юридический метод является одним из центральных элементов методологии сравнительных правовых исследований и обладает значительным потенциалом для системно-аналитического познания любых правовых категорий при условии его правильного понимания, а также предметного и профессионального использования»¹. Однако монополия этого метода в научных работах по конституционному праву, посвященных территориальному устройству государства во многом не способствует формированию новых исследовательских проблем, совершенствованию терминологического аппарата, а также развитию теоретических основ учения об элементах формы государства. Как нам представляется, выход из этой ситуации возможен, с одной стороны, путем более активного использования иных специально-юридических методов познания, а с другой – путем развития междисциплинарного подхода к изучению территориальной организации публичной власти.

С методологической точки зрения использование достижений политической науки в конституционно-правовом исследовании территориального устройства государства не должно подменять юридический анализ политологическим, несмотря на то что обе дисциплины имеют один общий предмет – публичную политическую власть. Иными словами, мы стремимся не к политико-правовому изучению территориального устройства, а к созданию такой методологии его исследования, которая будет сочетать достижения рассматриваемых гуманитарных наук. Наше предложение, таким образом, восходит к тезису, высказанному в отечественной науке еще в 1912 г. А.А. Жилиным, который считал, что «надо стремиться к методологическому разделению различных сфер государственного ведения, но с установлением между ними научной связи»².

При этом выбор в пользу юридикации достижений политической науки с целью развития конституционно-правовых исследований территориального устройства государства представляется нам неслучайным. Дело в том, что на стыке XIX и XX вв. в западных странах всеобщее учение о государстве распалось на две самостоятельные дисциплины, имеющие, однако, один общий предмет, о чем было сказано выше. С одной стороны, речь и идет о политологии, с другой – о науке государственного (конституционного) права³. В результате в ряде национальных традиций вопросы теоретического осмысления форм территориального устройства отошли к «ведению» политической науки, в то время как юристы-конституционалисты стали заниматься исключительно изучением конституционных норм, определя-

---

¹ Кузьмин И.А. Формально-юридический метод в составе методологии компаративистского исследования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 27.

² Жилин А.А. Теория союзного государства. Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыт построения его юридической конструкции. Киев, 1912. С. 264.

³ Подр. см.: Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Т. 1. Буржуазная наука государственного права / Отв. ред. В.А. Туманов. М.: Наука, 1987. С. 5-125.

ющих территориальную организацию публичной власти. В этом отношении весьма показательным видится британское государственное устройство, в рамках которого учение о форме территориального устройства Содейного Королевства и деволюции как способе реформы последнего является предметом изучения исключительно в рамках политологических исследований. Схожую ситуацию мы наблюдаем и в США, где обстоятельные исследования по федерализму подготовлены исключительно представителями политической науки – К. Уэйром, У. Райкером или П. Кингом, а также в других странах. Во многом именно это обстоятельство обуславливает необходимость юристов-конституционалистов обращаться к политологическим исследованиям территориальной организации публичной власти.

Использование достижений политической науки в рамках изучения территориального устройства современного государства в первую очередь позволяет преодолеть свойственный для юридической науки консерватизм. Как известно, отечественные авторы, как правило, выделяют только две формы территориального устройства – унитарные государства и федерации. Данное обстоятельство затрудняет изучение территориальной организации публичной власти в ряде современных государств, в частности, в Италии, Испании, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии или Бельгии, а также в рамках историко-правовых исследований территориального устройства ранее существовавших политических образований (СССР, РСФСР, Австро-Венгрии). В таких ситуациях российские исследователи либо максимально расширяют объем каждого из указанных выше понятий, например, рассматривая регионалистские государства в качестве сильно децентрализованных унитарных государств, либо определяют форму территориального устройства в качестве особого случая (*sui generis*). Недостаток первого из приводимых подходов отлично иллюстрируют слова К. Маркса о том, что «форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания»¹. Рассматривая регионалистские государства в качестве особого вида унитарного государства, исследователи игнорируют то обстоятельство, что они полностью состоят из политических автономий, в силу чего приобретают ряд отличительных признаков, несвойственных тем унитарным государствам, в которых лишь отдельные территориальные единицы обладают правом такой автономии. Налицо несоответствие между формой (унитарное государство) и ее конституционным содержанием, во многом более схожим с территориальным устройством федеративного государства. Что же касается второго из подходов, то его основателем следует считать О.И. Чистякова, который использовал его при характеристике формы государственного единства РСФСР согласно Конституции 1918 г.² Такой методологический прием привлекателен и при исследовании территориального устройства ряда современных государств, в частности Испании, территориальную организацию

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.1. М.: ГИПЛ, 1959. С. 159.

² Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. 2-е изд. М.: Зерцало, 2017. С. 29.

публичной власти в которой именуют Государством автономий (*«Estado de Autonomies»*).

Представляем, что выход из сложившейся ситуации возможен путем признания федерализма и унитаризма в качестве формализуемых принципов территориальной организации публичной власти. В результате предметом исследования могут стать конституционные формы реализации принципа федерализма в унитарном государстве, а также принципа унитаризма в федеративном государстве. Такой подход уже давно утвердился в зарубежных политологических исследованиях при изучении территориального устройства государства. Еще в 1955 г. М. Дюверже утверждал, что «между федерализмом и децентрализацией существует лишь различие в степени. Децентрализация – это ослабленный федерализм; федерализм – развернутая децентрализация»¹. Схожую позицию встречаем и у современных исследователей. Так, канадский исследователь Р. Уоттс предлагает выделять, с одной стороны, конституционно оформленные федерации, а с другой – федеративные политические системы, которые по конституции не являются федерациями, но демонстрируют ряд отличительных черт расматриваемой формы территориального устройства².

К сожалению, в современной отечественной юридической науке, несмотря на всю привлекательность указанного выше подхода, он находит весьма скромную поддержку. Так, например, С.Н. Бабурин, указывает на невозможность «получения в практике государственного строительства идеально “чистого” классического устройства, поскольку существование возможности комбинаций и взаимодействий системообразующих принципов создает объективные предпосылки для множественности проявления одной и той же формы государственного устройства в различных опытах государственного строительства»³. Схожую позицию занимает и Д. Тэпс, считая, что «унитаризм не является абсолютной противоположностью федерализму», поэтому «эти два начала обеспечивают гармоническую целостность федеративного государства»⁴. Соответственно, предметом конституционно-правового исследования может стать вопрос либо о конкуренции указанных принципов территориальной организации публичной власти, либо об их «гармоничном» сожительстве, например, в рамках конкретной федерации. Первую из указанных ситуаций мы, как правило, наблюдаем в новых федеративных государствах, в том числе и в Российской Федерации, вторую – в классических федерациях, например, в США или ФРГ.

---

¹ Duverger M. Droit constitutionnel et institution politiques. Paris: Presses universitaires de France, 1955. P.74.

² Watts R. Comparing Federal System. 3rd ed. Ithaca: Institute of Intergovernmental Relations, 2008. P. 8.

³ Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М.: Издательство Московского университета, 1997. С. 64

⁴ Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 24.

На наш взгляд, рассматриваемый подход, свойственный политологическим исследованиям, имеет серьезную перспективу и в рамках науки конституционного права. Во-первых, он позволяет признать, что федерализм как принцип территориальной организации публичной власти может быть реализован и вне рамок федерации как формы территориального устройства. Ярким примером этому служит территориальная организация публичной власти в регионалистских государствах¹. Во-вторых, предлагаемый подход делает предметом юридического анализа феномены «спящего федерализма» или «унитарной федерации», которые активно рассматриваются представителями политической науки². При этом возникновение таких феноменов обуславливается, на наш взгляд, не только политическими или экономическими, но юридическими причинами, истоки которых следует искать в соответствующих положениях конституций или текущего законодательства. В этом отношении весьма интересным представляется сравнительный анализ конституционных гарантий реализации принципа федерализма в Конституции РФ 1993 г. и Основном законе ФРГ 1949 г. Безусловно, что данная тема заслуживает отдельного обстоятельного исследования, однако, отметим, что в Конституции 1993 г. нам не удалось обнаружить таких гарантий, за исключением п. 6 ст. 76, в котором говорится о приоритете закона субъекта над федеральным законом, принятым по предмету ведения субъекта РФ. В то же время в ФРГ текущая редакция ст. 72 Основного закона 1949 г. закрепляет, с одной стороны, презумпцию компетенции земель в сфере конкурирующей компетенции, а с другой – право на отклоняющуюся компетенцию³. Представляется, что указанные конституционные положения допустимо рассматривать в качестве надежной гарантии реализации принципа федерализма в территориальном устройстве ФРГ.

Выше мы отмечали, что привнесение в юридический анализ достижений политической науки возможно лишь в случае их осмысления с точки зрения предмета и метода юридической науки. В то же время в современных отечественных конституционно-правовых исследованиях зачастую встречаются и примеры неотрефлексированных заимствований. В этом отношении весьма показательны те работы, авторы которых вслед за представителями политологии рассматривают конфедерации или реаль-

---

¹ См.: Молчаков Н. Ю. Концепция регионалистского государства и ее реализация в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии: дис... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2018. С.82-102.

² См.: Захаров А.А. «Спящий институт». Федерализм в современной России и в мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Захаров А.А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

³ См.: Лейбо Ю.И. Конституционно-правовые основы территориального устройства Германии // Конституционно-правовые основы территориального устройства в зарубежных странах: монография / под. ред. К.В. Карпенко. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 53-56; Геймбух Н.Г. Основные черты конституционной модели современного германского федерализма // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. №1 (15). С.59-60.

ные унии в качестве форм территориального устройства. Такие утверждения представляют собой ни что иное, как юридические ошибки. В свое время известный русский юрист Ф.Ф. Кокошкин отмечал, что существует два вида соединений государств – международно-правовые и государственно-правовые. «Первые, - писал он, характеризуются тем, что юридическое отношение, соединяющее государство, относится к области международного права», а «в соединениях второй категории создается единое целое государственно-правового характера»¹. Иными словами, в первом случае возникает правоотношение по международному праву и не происходит создание нового политического образования, во втором – создается единое государство. В силу этого обстоятельства конфедерации и реальные унии представляют собой только международно-правовые соединения государств и не могут рассматриваться в качестве отдельных форм территориального устройства².

В то же время некоторые положения политологических исследований, посвященных особенностям реализации принципа федерализма в государствах, не являющихся федерациями, весьма важны для дальнейшего развития науки конституционного права. В частности, мы можем отметить концепцию федератизма (русский перевод английского термина «*federacy*»), встречающуюся в работах Д. Элазара. Согласно позиции данного автора федератизм представляет собой такую форму реализации принципа федерализма в территориальном устройстве государства, при которой существуют «асимметричные взаимоотношения между федерированным государством и более крупной державой, выражающиеся в сохранении первым из них достаточно широкой внутренней автономии при минимальном участии в управлении и указанной державой, и созданной ими федеративной системы»³. С методологической точки зрения использование данной концепции в рамках науки конституционного права позволило бы более глубоко понять природу регионалистского государства как особой формы территориального устройства, отличной как от федерации, так и унитарного государства⁴. Так, например, в Италии Конституция 1947 г. закрепляет весьма скромный перечень возможностей для областей влиять

---

¹ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Зерцало, 2004. С. 252.

² О юридической природе конфедераций и реальных уний подр. см.: Forsyth M. Unions of states: the theory and practice of confederation. Leicester: Leicester University Press; New York: Holmes & Meier Pub., 1981. P. 10-16; Пепрамент М.Я. Юридическая природа реальной унии. Одесса, 1893. С.121-135.

³ Elazar D. Exploring federalism. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1987. P. 7.

⁴ В этом контексте весьма правильной видится позиция А.А. Троицкой, считающей, что «критерием, с помощью которого можно отграничить федеративное государство от регионального и конкретизировать статус их составных частей, является возможность последних участвовать в организации и функционировании общегосударственной власти, и, в том числе, их влияние на решение вопроса об изменении конституции». См.: Троицкая А.А. Федерация и региональное государство: где проходит граница? // Сравнительное конституционное обозрение.2009. №6. С.35.

на принятие решений, имеющих общенациональное значение¹. Кроме того, в этом государстве верхняя палата парламента (Сенат) не является органом представительства образующих его территориальных единиц, хотя и формируется на базе областей (ст. 57). Попытка же придать данному органу такой статус в рамках конституционной реформы потерпела неудачу в 2016 г. на референдуме². В то же время в Испании, несмотря на то, что в ст. 69 Конституции 1978 г. Сенат именуется «палатой территориального представительства», объем его полномочий весьма ограничен по сравнению с верхними палатами федеративных государств. Все это, на наш взгляд, говорит в пользу того, что концепция федератизма может быть привнесена в науку конституционного права, а ее применение видится весьма продуктивным при анализе реализации принципа федерализма в территориальном устройстве регионалистских государств.

Подводя итог, отметим, что в рамках настоящего небольшого исследования мы, с одной стороны, подчеркнули необходимость юридизации достижений политической науки при изучении территориального устройства современного государства, а с другой – отметили те проблемы, которые могут возникнуть в случае неотрефлексированных заимствований из других гуманитарных наук. Такой вектор развития конституционно-правовых исследований территориальной организации публичной власти представляется нам весьма перспективным.

На сегодняшний день отечественная наука конституционного права пока еще не до конца осознала потенциал междисциплинарного подхода к изучению рассматриваемого элемента формы государства. В силу этого не разработана и методология его применения. Однако, несмотря на такое положение вещей, мы все чаще слышим призывы к отказу от монопольного положения формально-юридического метода применительно к изучению государства и права. «Сама правовая реальность, – отмечает И.А. Исаев, – слишком многообразна для того, чтобы воспринимать и описывать ее при помощи только какого-либо одного исключительного, а тем более императивно-нормативного, т.е., по существу, волюнтаристского метода»³. В то же время российские теоретики права, в частности А.В. Поляков, настаивают на том, что сегодня теория права «развивается как междисциплинарное знание, т.е. знание, формирующееся “на стыке” разных наук»⁴. Мнения этих уважаемых специалистов подтверждают перспективность междисциплинарных исследований, в том числе и территориального устройства как элемента формы современного государства. Этому, несомненно, будет способствовать юридизация достижений поли-

---

¹ Например, согласно ст. 75 Конституции Италии 1947 г. по требованию 5 областных советов может быть назначен народный референдум для отмены, полностью или частично, закона или акта имеющего силу закона (т.н. отклоняющий референдум).

² См.: Маслова Е.А. Конституционная реформа Маттео Ренци: сущность и возможные последствия // Право и управление. XXI век. 2017. №2. С.63.

³ Исаев И.А. Топос и номос. Пространства правопорядков. М.: Норма, 2007. С. 9.

⁴ Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. 3-е изд. СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 2017. С. 32.

тологии при рассмотрении территориальной организации публичной власти в современных государствах. Такой междисциплинарный подход будет способствовать, с одной стороны, развитию учения о форме территориального устройства как элементе формы государства, а с другой – более глубокому осмыслению моделей территориальной организации публичной власти конкретных государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы / С.Н. Бабурин. М.: Издательство Московского университета, 1997.480 с.
2. Богданова Н.А. Система науки конституционного права / Н.А. Богданова. М.: Юрист, 2001. 256 с.
3. Геймбух Н.Г. Основные черты конституционной модели современного германского федерализма / Н.Г. Геймбух // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. №1 (15). С.56-62.
4. Глигич-Золотарева М.В. Федеративное право: pro et contra / М.В. Глигич-Золотарева, Н.М. Добрынин // Государство и право. 2008. №11. С.23-33.
5. Жилин А.А. Теория союзного государства. Разбор главнейших направлений в учении о союзном государстве и опыт построения его юридической конструкции / А.А. Жилин. Киев, 1912.
6. Захаров А.А. "Спящий институт". Федерализм в современной России и в мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 144 с.
7. Захаров А.А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 144 с.
8. Исаев И.А. Топос и номос. Пространства правопорядков / И.А. Исаев. М.: Норма, 2007. 416 с.
9. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф.Ф. Кокошкин. М.: Зерцало, 2004. 312 с.
10. Кузьмин И.А. Формально-юридический метод в составе методологии компаративистского исследования / И.А. Кузьмин // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2. С. 18-29.
11. Лейбо Ю.И. Конституционно-правовые основы территориального устройства Германии / Ю.И. Лейбо // Конституционно-правовые основы территориального устройства в зарубежных странах: монография / под ред. К.В. Карпенко. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 44-67.
12. Лексин И.В. О некоторых методологических проблемах конституционно-правовых исследований территориального устройства государства // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2013. №5. С. 69-86
13. Лексин И.В. Территориальное устройство государства: проблемы предмета и методологии конституционно-правового исследования // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2012. №2. С. 42-57.
14. Марк К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т.1. М.: ГИПЛ, 1959. 723 с.
15. Маслова Е.А. Конституционная реформа Маттео Ренци: сущность и возможные последствия / Е. А. Маслова // Право и управление. XXI век. 2017. №2. С.61-66.
16. Михайлов А.М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции / А.М. Михайлов. М.: Юрлитинформ, 2016. 464 с.
17. Молчаков Н. Ю. Концепция регионалистского государства и ее реализация в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии: дис....канд. юрид. наук: 12.00.02 / Молчаков Никита Юрьевич. М., 2018. 195 с.
18. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 2010.560 с.

19. Пергамент М.Я. Юридическая природа реальной унии / М.Я. Пергамент. Одесса, 1893. 136 с.
20. Поляков А.В. Общая теория права / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. 3-е изд. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2017. 468 с.
21. Прохоров А.В. Федерализм как форма территориальной организации публичной власти в правовом государстве: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Прохоров Андрей Валерьевич. М., 2008. 190 с.
22. Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Т.1. Буржуазная наука государственного права / Отв. ред. В.А. Туманов. М.: Наука, 1987. 366 с.
23. Троицкая А.А. Предмет, объект и методология науки конституционного права / А.А. Троицкая // Теория и методология юридической науки: в 2 ч. Ч. 2: История социология и отраслевые юридические дисциплины / отв. ред. Н.М. Марченко. М.: Норма, 2019. С. 93-129.
24. Троицкая А.А. Федерация и региональное государство: где проходит граница? // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. №6. С. 27-37.
25. Троицкая А. А. Междисциплинарность в сравнительном конституционно-правовом исследовании / А.А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5. С. 57-77.
26. Троицкая А. А. Объекты сравнения в конституционном праве / А.А. Троицкая // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 3. С. 41-58.
27. Троицкая А. А. Сравнение и сравнительный метод в науке конституционного права: особенности использования / А.А. Троицкая // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 7-13.
28. Тэпс Д. Концептуальные основы федерализма / Д. Тэпс. СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 204 с.
29. Честнов И.Л. История и методология юридической науки / И.Л. Честнов. М.: ИНФРА-М, 2018. 283 с.
30. Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года / О.И. Чистяков. 2-е изд. М.: Зерцало, 2017. 224 с.
31. Duverger M. Droit constitutionnel et institution politiques / M. Duverger. Paris: Presses universitaires de France, 1955. 651 p.
32. Elazar D. Exploring federalism / D. Elazar. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1987. 352 p.
33. Forsyth M. Unions of states: the theory and practice of confederation / M. Forsyth. Leicester: Leicester University Press; New York : Holmes & Meier Pub., 1981. 236 p.
34. Watts R. Comparing Federal System / R. Watts. 3rd ed. Ithaca: Institute of Intergovernmental Relations, 2008. 232 p.

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОПОРЯДОК: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ

Роман Робертович Палеха
*Российский государственный университет правосудия
(Центральный филиал)*

Под правопониманием необходимо понимать базовую научную категорию общей теории права, которая широко применяется в теоретической юриспруденции и указывает как на сознательно-волевой мыслительный процесс, так и на творческий результат целенаправленной аб-

страктно-логической деятельности субъекта познания, зависящая от объектно-субъектных характеристик, представленных правом и человеческим сознанием, преследующая цель – получение достоверного знания о праве и раскрытие его сущности¹.

Правопорядок – это истомое состояние общественных отношений, основанных на праве и возможных исключительно в рамках правового поля, которое должно быть не номинально существующим, а реально действующим.

Е.В. Свинин, критически осмысливающий все еще доминирующее догматическое понимание правового порядка, основанное на тесной связи с понятием «законность», приходит к выводу, что «юридическая наука пошла к рубежу, когда в исследовании правового порядка необходимы не только новые подходы – требуется изменение «идеологии» восприятия этого понятия и явления»². Ученый предлагает следующее понимание правового порядка – это «качественное состояние общественных и правовых отношений, возникающее в результате принятия и реализации норм права, характеризующееся единством и противоречием социальных и юридических результатов действия права»³.

Предложенное Е.В. Свининым понимание правового порядка, указывает на сложную интегративную природу этого правового явления, поскольку в созидании правового порядка участвует самый широкий круг субъектов правового общения, начиная с государства, преимущественно создающего правовой контур из принимаемых правовых норм и многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов правового общения, ответственных за их непосредственную реализацию в разнообразных общественных отношениях.

Правопонимание и правовой порядок – это правовые категории, находящиеся в диалектической взаимосвязи, поскольку не представляется возможным достижение целей правового порядка без развитой правотворческой деятельности, без эффективного уровня правореализации и, ее составной части, юрисдикционной защиты прав и свобод физических и юридических лиц.

Наиболее эффективный инструментальный правовой регуляции создается в рамках интегративного правового понимания. Так, Н.В. Евдеева пишет, что «Интегративная концепция правового понимания предполагает создание нового типа восприятия права на основе уже существующих классических концепций (нормативной, естественно-правовой, социологической, исторической и др. – в трактовках разных авторов присутствует их неодинаковый перечень) путем их синтеза. Такая концепция должна описывать любую правовую реальность, вне зависимости от времени и ме-

---

¹ См. более подробно: Палеха Р.Р. Категория «правопонимание» и ее теоретико-методологический потенциал // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. № 1. С. 24-31.

² Свинин Е.В. Теоретико-методологические вопросы разработки понятийного ряда абстракции «правовой порядок» // Государство и право. 2019. № 2. С. 5.

³ Там же. С. 6.

ста»¹. Представляется, что данная позиция заслуживает внимания и только в случае ее успешного воплощения, можно будет испытывать обоснованные надежды на преодоление методологического кризиса современной юридической науки и совершенствование механизма правового регулирования, через совершенствование ее составляющих – правотворческой и правоприменительной деятельности.

Поскольку уже очевидным является тот факт, что право нельзя понимать исключительно как норму права, к чему призывает формально-догматический позитивизм, т.к. процесс правообразования не начинается и не ограничивается правотворческой деятельностью официальных управомоченных субъектов, он гораздо шире и сложнее и право создается системой развивающихся общественных отношений, в которых государство должно его обнаружить, выделить и не исказив его сущности, перевести в нормативный язык правовой материи. Таким образом, право, в целях объективности его оценки, должно восприниматься более разнообразно. Также нельзя сводить право к правосознанию, правовым идеям (психологическая школа), отождествлять с правами человека (естественно-правовой подход), утверждать, что оно представляет собой исключительно срез конкретной социальной действительности (социологическая юриспруденция), поскольку такой подход является малопродуктивным, неоправданно сужает границы понимания права, недопустимо обедняя его содержание.

Обнаруженные изъяны вызывают проблемы не только теоретического уровня, вынуждая устанавливать сущность права в ограниченном диапазоне, исследуя лишь отдельные его грани, но, что особенно пагубно, порождают проблемы практического свойства конкретных сфер правотворческой и правоприменительной деятельности. Наиболее отчетливо проблемная зона проявляется в ограниченном понимании форм права, которые с позиции господствующего позитивизма необоснованно сводятся к системе нормативных правовых актов, что зачастую порождает негативные социальные последствия. Так, В.В. Ершов указывает, что: «1) позитивистское правопонимание, ограничение права только законодательством в большинстве случаев на практике приводит к нарушению прав и законных интересов физических и (или) юридических лиц; 2) интегративное правопонимание способствует регулированию разнообразных динамически развивающихся правоотношений, защите прав и правовых интересов физических и (или) юридических лиц»².

С позиции интегративного правопонимания результатом правотворческой деятельности является весьма разнообразная система форм права. Как указывают В.В. Ершов и В.В. Ершов: «К формам международного и российского права – однородным элементам системы форм права (международного и российского права) в Российской Федерации можно отнести основополагающие принципы международного права, международ-

---

¹ Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 11.

² Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. – 2008. – № 7. С. 14.

ные договоры, содержащие нормы права; международные обычаи, содержащие нормы права; основополагающие принципы российского права; нормативные правовые акты, содержащие нормы права; нормативные правовые договоры, содержащие нормы права, и обычаи российского права, содержащие нормы права»¹.

Сторонник интегративного правопонимания Р.А. Ромашов предлагает иную классификацию форм права, но, что принципиально, основывает свой взгляд не на узком нормативном, а широком понимании права. Р.А. Ромашов отмечает, что: «Право в формально-юридическом смысле представляет совокупность формальных источников, включающих в себя первичные и основные (законодательные акты); производные (нормативные интерпретационные акты); вторичные (международные акты, нормативные договоры, юридические обычаи)»².

Заслуживает внимания позиция В.В. Трофимова, который пишет: «... в рамках правовой системы должен существовать баланс между различными формами (источниками) права, так как ни одна из известных форм не может считаться универсальной. Достигнуть этого баланса можно при помощи разумной правовой политики, создав соответствующие условия для их комплексного взаимодействия. Это позволит обеспечить оптимум правового регулирования и на этой основе – стабильность в правовой системе»³.

Таким образом, интегративное правопонимание широко понимает правотворчество с позиции его результатов (форм права) и уже, тем самым, превентивно устраняет саму возможность появления пробелов в праве и создает для правоприменителей механизм эффективной правовой защиты прав, свобод, законных интересов различных субъектов правоотношений. Правотворчество с позиции интегративной концепции правопонимания не ограничивается рамками создаваемого им нормативного правового акта, как своего значительного, но далеко не единственного результата, а совершенно обоснованно в системе форм права отводит место и иным его формам, которые в совокупности и образуют необходимый нормативный массив, предназначенный для обеспечения максимально полной правовой регламентации наиболее значимых сфер общественной жизни.

Наибольший интерес в оценке различных форм права, вызывает позиция В.В. Ершова в отношении принципов российского права, основанная на широком правопонимании. Так, В.В. Ершов пишет: «С позиции интегратив-

---

¹ Ершов В.В., Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. 2009. № 1. С. 15.

² Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм как тип интегративного правопонимания // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. Юрид. наук М.А. Заниной. (2-е издание) – М.: РАП, 2010. С. 98.

³ Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.А. Придворова; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. С. 307.

ного правопонимания теоретически спорно ограничивать принципы российского права только принципами, закрепленными в одной его форме – в российских нормативных правовых актах, поскольку фактически существуют различные принципы российского права. Во-первых, принципы «закреплены» и в иных формах российского права – нормативных правовых договорах и обычаях российского права. Во-вторых, принципы, существующие самостоятельно, по каким-либо объективным или субъективным причинам не «закрепленные» в иных формах российского права»¹. Далее, В.В. Ершов делает вывод практического свойства: «... во-первых, в случае применения судами принципов российского права нет пробела в праве, во-вторых, принципами российского права необходимо руководствоваться непосредственно, а не по «аналогии права»². Данные выводы стали доступны в условиях интегративного правопонимания, которое продемонстрировало способность преодолевать узкие рамки юридического позитивизма.

Для правовой системы важным является не декларирование форм права, а их законодательное закрепление, которое создаст реальную возможность обращения к ним различных субъектов права для защиты своих прав, свобод и законных интересов, для чего необходимо официальное признание органами государственной власти и законодательного корректирования в соответствии с ним системы форм права в современной России.

В этой связи высокий научный интерес и особое практическое значение имеет проект Федерального закона «О формах российского права», предложенный В.В. Ершовым, В.В. Ершовым, Е.А. Ершовой в котором «определяются единые требования к формам российского права, их подготовке к внесению, рассмотрению, принятию (заключению, выработке), опубликованию, толкованию и систематизации; устанавливается иерархия форм российского права и видов российских нормативных правовых актов, определяются способы установления и устранения коллизий; регулируется планирование правотворческой деятельности, толкование основополагающих принципов и норм права, содержащихся в формах российского права; вырабатываются правила законодательной техники, вступления настоящего Федерального закона в силу и приведения в соответствие с ним иных нормативных правовых актов, содержащих нормы права»³. Статья 18 данного проекта Федерального закона устанавливает следующую систему форм права, через определение иерархии форм российского права: *основополагающие принципы российского права; нормативные правовые акты, содержащие нормы права; нормативные правовые договоры, содержащие нормы права; обычаи, содержащие нормы права* (курсив мой. – Р. П.)⁴.

---

¹ Ершов В.В. Юридическая природа принципов российского права с позиции легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. – 2010. № 1. С. 19.

² Там же. С. 21.

³ Ершов В.В., Ершов В.В., Ершова Е.А. Федеральный закон «О формах российского права» (проект) // Российское правосудие. Теория права и государства. – М.: РАП, 2009. С. 292.

⁴ Там же. С. 300.

Указанный проект Федерального закона «О формах российского права» в прикладном аспекте является более чем необходимым и в значительной степени снимает острые вопросы, обозначенные еще в проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», принятого в первом чтении 11 ноября 1996 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, но так и не рассмотренного в последующих чтениях. Полагаю, что предложенный учеными Российской академии правосудия проект Федерального закона «О формах российского права» заслуживает внимания федерального законодательного органа государства и в случае его принятия будет преодолена застарелая проблема отсутствия нормативного закрепления существующей системы форм российского права, что внесет ясность в их иерархию, выработает четкие контуры правовых форм деятельности управомоченных субъектов, а значит создаст добротную законодательную основу для правотворческой и правоприменительной деятельности.

Сторонником широкого понимания права выступает В.Н. Карташов, который, разделяя позиции интегративного правопонимания, указывает, что: «... под правом нужно понимать систему общих, обязательных нормативно-правовых предписаний, обеспеченную мерами государственного и иного воздействия, внешне выраженную в нормативных правовых актах, договорах и других формально-юридических источниках, отражающую идеи и состояния свободы и ответственности, справедливости и равенства, гуманизма и общественного порядка (безопасности), служащую особым (юстициабельным и т.п.) регулятором поведения людей, их коллективов и организаций»¹. Такое интегративное понимание права в значительной степени устраняет конфликтность между естественно-правовой, позитивистской и социологической концепциями правопонимания в теоретико-методологическом аспекте и расширяет возможности для эффективной правовой регламентации и защиты наиболее важных сфер общественной жизни в прикладном значении за счет широкого понимания формально-юридических источников права.

Анализируя содержание данной интегративной дефиниции, трудно согласиться с критикой в адрес интегративного подхода в его непродуктивности, поскольку как верно, указал В.Н. Карташов: «Данное определение позволяет, во-первых, достаточно четко выделить существенные признаки права, элементы его содержания и формы; во-вторых, показать научную, учебную и практически-прикладную его ценность; в-третьих, соединить юридический позитивизм с естественно-правовой теорией, логическим и лингвистическим, философским и социологическим, исто-

---

¹ Карташов В.Н. От интегративной к синтетической теории права или все-таки наоборот? // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. Юрид. наук М.А. Заниной. (2-е издание) – М.: РАП, 2010. С. 173.

рическим и психологическим, юридическим и этическим, аксиологическим и иными обоснованиями права»¹.

Следует особо подчеркнуть, что интегративное правопонимание не ставит своей целью соединить воедино все теории права, поскольку это было бы научно бесплодно, а заботится о разностороннем, целостном восприятии права, основанном на рациональных идеях различных правовых учений.

В подтверждение данной позиции можно привести слова Е.А. Лукашевой: «Я думаю, что богатство права раскрывается в результате применения многоаспектного подхода к нему. Важно анализировать право, как специфическое явление, выделяющее его из системы иных социальных регуляторов. Наряду с этим необходим и социологический его анализ, психологические характеристики, раскрывающие механизмы взаимодействия права с сознанием и поведением людей, выделение ценностных качеств права, оснований разведения и сближения права и закона. Каждый из этих аспектов будет оказывать помощь в законотворческом процессе, правоприменении, совершенствовании механизмов защиты прав и свобод человека, а в конечном счете – в создании правовой основы общества, основанной на свободе, автономии человека, на нормальном взаимодействии с другими людьми, государством, международным сообществом»².

Вместе с этим следует учитывать, что в мире нет ничего вечного, в том числе и неизменно существующих научных концепций, поэтому следует солидаризироваться с позицией А. В. Полякова, согласно которой: «...решение задачи, направленной на осмысление права как единства, существующего в разных ипостасях, формах и видах, не предполагает создания единственной теории права, пригодной на все времена и находящейся вне определенных социокультурных рамок. Речь идет лишь о векторе развития правовой мысли на исходе тысячелетия, и история XX в. подтверждает, что это направление остается главным»³.

В завершение приведенных рассуждений, как вывод о причинах актуализации интегративного правопонимания, убедительной видится позиция Н.В. Евдеевой, которая пишет: «Предпосылками развития интегративного типа правопонимания являются: 1) кризис науки вообще и юриспруденции в частности; 2) размытость критериев научности, что позволяет ввести в научный оборот положения, ранее отвергавшиеся наукой как несостоятельные, т.е. не отвечающие критериям научности; 3) утрата классическими концепциями главенствующих позиций в связи с

---

¹ Карташов В.Н. Указ. соч. С. 173.

² Лукашева Е.А. К вопросу о правопонимании. Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 10.

³ Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания // История государства и права. – 2003. – № 6. С. 8.

изменением требованием правовой действительности; 4) стремление к единству знания, свойственное периоду XIX века»¹.

Основываясь на интегративном понимании права В.А. Сапун обоснованно приходит к выводу, что: «... в праве должны присутствовать три его элемента в следующей последовательности: социальные притязания, права и свободы человека, идеи о нормативной форме свободы и ответственности в обществе; позитивное действующее право, выраженное в законе и иных юридических источниках; субъективное право, снабженное правовыми средствами его реализации. Таким представляется развитое право современной цивилизации. Отсутствие хотя бы одного элемента в структуре права, снижает уровень развитости права, снижает его эффективность и регулятивный потенциал как всеобщей, общеобязательной правовой формы свободы и ответственности»².

Обращение современной правовой науки к идеям интегративного правопонимания – это естественный результат многочисленных попыток поиска выхода из методологического кризиса общей теории права и создания эффективного механизма правового регулирования общественных отношений в целях обеспечения реализации прав и свобод и защиты правовых интересов различных субъектов правового общения. Именно в этом и состоит диалектика взаимосвязи правопонимания и правопорядка. Правопонимание создает теоретическую матрицу правообразования и реализации права, а правопорядок являет собой реальное воплощение правовой модели организации жизни социума в различных видах общественной практики. И это реальное воплощение правовой модели, тем будет развитее и устойчивее, чем совершеннее теоретические конструкции, создаваемые интегративным правопониманием, которое имеет существенное значение для правотворческой и правоприменительной деятельности, максимально расширяя возможности для правового и индивидуального регулирования общественных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.
2. Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. – 2008. – № 7. С. 14.
3. Ершов В.В., Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. 2009. № 1. С. 15.

---

¹ Евдеева Н.В. Указ. соч. С. 11.

² Сапун В.А. Современное правопонимание: от плюрализма к интегративной юриспруденции // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. Юрид. наук М.А. Заниной. (2-е издание) – М.: РАП, 2010. С. 161.

4. Ершов В.В. Юридическая природа принципов российского права с позиции легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. – 2010. № 1. С. 19.

5. Ершов В.В., Ершов В.В., Ершова Е.А. Федеральный закон «О формах российского права» (проект) // Российское правосудие. Теория права и государства. – М.: РАП, 2009.

6. Карташов В.Н. От интегративной к синтетической теории права или все-таки наоборот? // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. юрид. наук М.А. Заниной. (2-е издание) – М.: РАП, 2010.

7. Лукашева Е.А. К вопросу о правопонимании. Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 10.

8. Палеха Р.Р. Категория «правопонимание» и ее теоретико-методологический потенциал // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. № 1. С. 24-31.

9. Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания // История государства и права. – 2003. – № 6. С. 8.

10. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм как тип интегративного правопонимания // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. юрид. наук М.А. Заниной. (2-е издание) – М.: РАП, 2010.

11. Саун В.А. Современное правопонимание: от плюрализма к интегративной юриспруденции // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной научной конференции, состоявшейся 22-24 апреля 2008 года в Российской академии правосудия / под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. юрид. наук М.А. Заниной. (2-е издание) – М.: РАП, 2010.

12. Свинин Е.В. Теоретико-методологические вопросы разработки понятийного ряда абстракции «правопорядок» // Государство и право. 2019. № 2. С. 5.

13. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.А. Придворова; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Екатерина Алексеевна Петрова
Ивановский государственный университет

Правопорядок в самом общем виде можно определить как общественный порядок, урегулированный нормами права. Соответственно национальный правопорядок – это общественный порядок, урегулированный нормами национального права. В современных условиях национальный правопорядок претерпевает качественные изменения, вызванные происходящими во всех сферах социальной действительности глобализационными процессами. Право становится всё более единым, что приводит к по-

явлению таких категорий, как наднациональный правопорядок, мировой правопорядок и т.п. Это в свою очередь поднимает проблему сохранения собственной правовой идентичности в рамках интегрирующегося правового пространства. На наш взгляд, можно выделить три основных вектора трансформации национального правопорядка, связанных с изменениями в национальном праве, на котором данный правопорядок и базируется.

Первый вектор - усиление **конвергенционных** процессов между национальными правовыми системами, проявляющихся в *заимствовании (сближении) правовых институтов*, свойственных разным правовым традициям (например, общего и континентального права). В научной литературе юридическая конвергенция определяется как «процесс взаимодействия элементов внутри системы права, права и иных регуляторов отношений в обществе, а также правовых систем различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения»¹. При этом конвергенционные процессы происходят на разных уровнях: глобальном (мегасистемном), внутрисистемном и подсистемном, в соответствии с которыми выделяются три основные формы юридической конвергенции: внешняя, медиальная и внутренняя. Внешняя юридическая конвергенция проявляется в виде сближающего взаимодействия различных правовых систем, а также политических, экономических систем на основе права. При этом, как справедливо подчеркивают исследователи, конвергенция на глобальном уровне отражает общие тенденции в неюридическом, но опосредованном правом сближении стран и народов, вызванном в том числе процессами глобализации и интеграции. Медиальная юридическая конвергенция характеризует сближающее взаимодействие права с иными социальными и несоблюдительными регуляторами. Внутренняя форма юридической конвергенции проявляет сближающие взаимодействия внутри системы права². Очевидно, что все эти формы юридической конвергенции взаимосвязаны и взаимообусловлены, а потому внешнее взаимодействие национальных правовых систем неизбежно влечет за собой и изменение внутреннего строения права конкретного государства и его правопорядка.

Примером может выступать заимствование технико-юридических приемов механизма судебного правотворчества, сложившегося в семье общего права, и механизма законотворчества, получившего свое развитие в праве континентальном.

Так, в российской правовой системе, основанной на традициях романо-германского права, в течение уже не одного десятилетия ведутся дискуссии о необходимости признания судебного прецедента формальным источником права. Правотворческую функцию усматривают в деятельности Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ (до его упразд-

---

¹ Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. С. 8

² Третьякова О.Д. Указ. соч. С. 10-13.

нения), принимающих обязательные для нижестоящих судов разъяснения по вопросам судебной практики, и, конечно же, в деятельности Конституционного Суда РФ как главного «хранителя» и «проводника» подлинного смысла конституционных норм. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, отметим лишь, что, на наш взгляд, судебный прецедент существует в российской правовой системе не как самостоятельный, формально признанный источник права, а главным образом в виде прецедентов толкования высшими судебными инстанциями действующих нормативно-правовых актов; исключения составляют лишь решения Конституционного Суда РФ о признании акта неконституционным, обладающие особым статусом (как акты «негативного» правотворчества), сближающим их с «чистыми» (нормообразующими) прецедентами.

Конвергенционные процессы обратного порядка мы наблюдаем, например, в правовой системе США, традиционно относящейся к семье общего права. Так, наступившая в XX и продолжающаяся в XXI веках «эпоха статутов» («statutory age»¹), превратила закон в основной источник (форму) американского права, отодвинув на второй план характерный для семьи общего права судебный прецедент. Необычайный рост статутов потребовал их унификации и систематизации, что осуществляется в США путем принятия единообразных законов и кодексов. Кроме того, само наличие Конституции (федеральной и штатов) как единого писаного акта, обладающего высшей юридической силой, также сближает американское право с романо-германским. В то же время нельзя утверждать, что, обретя указанную специфику, правовая система США вышла из семьи общего права. Прецедентное право и суды в целом продолжают играть важнейшую роль в правовой системе США, создавая прецеденты толкования, без которых многие статуты просто не имеют смысла, и осуществляя функцию конституционного контроля. Нормы общего права по-прежнему регулируют целый ряд сфер частного права.

В целом процессы юридической конвергенции, происходящие на глобальном уровне, приводят к интеграции характерных черт классических правовых семей и, как следствие, к появлению комплексных (смешанных) правовых систем. Так, российскую правовую систему большинство авторов относят к романо-германской правовой семье, однако, высказываются предложения рассматривать её как пример славянской правовой семьи (основанной на славянской правовой культуре), как пример «переходной» или смешанной правовой системы, сохранившей еще определенные черты права социалистического и заимствовавшей черты права прецедентного.

Второй вектор трансформации национальных правопорядков в современных условиях проявляется в процессах **унификации** норм национального права на основе *международных правовых стандартов* и в рамках *наднациональных (интеграционных) правопорядков*.

---

¹ Madden M.S. The Vital Common Law: Its Role in a Statutory Age // University of Arkansas at Little Rock Law Journal. 1996. Vol. 18. P. 555.

В первую очередь, речь идет о международных стандартах *в области прав человека*¹. Здесь следует отметить, что до середины XX в. права и свободы человека, их реализация и защита относились исключительно к внутренней компетенции государства, в которую, согласно принципу невмешательства во внутренние дела государства, международное сообщество вторгаться не должно. Однако в настоящее время права и свободы человека в значительной мере вышли за пределы каждого отдельного государства, приобретя глобальный характер. Как справедливо подчеркивают исследователи, сейчас «права человека *внетерриториальны и вненациональны*»: «Права человека - не принадлежность отдельных классов, наций, религий, идеологий, а общеисторическое и общекультурное завоевание. Это - нравственно-правовой фундамент любого общества. Права человека представляют собой ценность, принадлежащую всему международному сообществу»². Чем целостнее становится мир, тем значительнее воздействие, оказываемое на права и свободы человека международными факторами. Современное международное право содержит целый комплекс норм в области прав человека, которые нашли отражение в таких документах, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международные пакты о правах человека 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и др.

Однако следует учитывать, что содержание прав человека всегда зависит от исторического развития конкретного государства, характера общественно-политического строя, от национальных, религиозных, культурных, правовых традиций, национальной психологии, наконец, от общей политической и правовой культуры населения. Соответственно реализация их в рамках национального правопорядка будет всегда специфична и по сути, и по объему. Так, например, во многих международных документах закреплено право на брак, но в одних правопорядках оно реализуется лишь в рамках разнополых светских браков, в других – допускаются однополые браки, в третьих – признаются церковные браки и т.д. Поэтому мы согласны с теми учеными, которые утверждают, что «предложение о неких универсальных «правах человека», одинаково пригодных для населения всей планеты, является такой же иллюзией, как и представление о возможности однозначной интерпретации представления о «дobre»³. Как верно отмечает в этой связи Е.А. Лукашева, «следует учитывать, что даже процессы глобализации не могут дать современному миру ни универсального микросистем-

---

¹ Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

² Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. 1998. №4. С. 24.

³ См.: Каламкарян Р.А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь // Государство и право. 2000. №3. С.37.

ного устройства, ни универсальной системы ценностей, ни универсального человека, ни единой концепции прав человека»¹.

Таким образом, нормы международного права, не указывая универсального перечня прав и свобод индивида, в то же время закрепляют универсальный *минимум* этих прав и свобод, который должно гарантировать любое демократическое государство в рамках своего правопорядка. Наличие подобного международного «минимума» приводит к сближению национальных правопорядков, включающих (имплементирующих) его в свое национальное, в первую очередь конституционное, законодательство.

Кроме того, само признание норм международного права частью правовой системы конкретного государства (что, например, закреплено в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) также влечет за собой межгосударственную интеграцию и транснационализацию права на основе общепризнанных принципов международного права.

Высшей формой интеграции международного и национального права выступает создание права *наднационального*, примером которого является «коммунитарное право» Европейского Союза. Вышедшее из международных договоров современное европейское право базируется на классических конституционных (внутригосударственных) принципах прямого действия и верховенства права ЕС. На эту особенность европейского права неоднократно обращал внимание Суд ЕС, подчеркивая его специфику по сравнению с другими правопорядками. Так, в решении по делу «Costa v. ENEL» (1964 г.) Суд ЕС констатировал: «В отличие от обычных международных договоров, Договор о ЕЭС создал свою *собственную правовую систему*, которая с момента вступления в силу Договора стала составной частью правовых систем государств-членов и которую национальные суды обязаны применять»². Таким образом, современное право Евросоюза представляет собой уникальный *наднациональный автономный правопорядок*, отражающий конвергенцию черт международного и национального права. Однако нельзя не отметить, что в реализации этого правопорядка в последние годы возникают определенные трудности, свидетельством которых выступают волнения и беспорядки в странах ЕС, а также первый в истории Евросоюза выход государства-члена из его состава. В литературе справедливо подчеркивается, что полной государственно-правовой когерентности (стабильности и согласованности) между странами Европейского союза так и не наступило; и кризис в Европе - это кризис конвергенции стран ЕС в политической, экономической и правовой сферах³.

Наконец, третий вектор трансформации национальных правопорядков, по сути, отражает противоположные тенденции: вызванную первыми двумя векторами **глобализацию правового пространства** (формирование «мирового правопорядка») и как реакцию на неё - **стремление со-**

---

¹ Лукашева Е.А. Права человека: конфликт культур // Российское правосудие. 2006. №6. С. 24.

²http://eur-lex.europa.eu/smartapi/cgi/sga_doc?smartapi!celexplus!prod!CELEXnumdoc&lg=en&numdoc=61964J0006.

³ Третьякова О.Д. Указ. соч. С. 13.

хранить национальную правовую идентичность, на основе, в первую очередь, социокультурных начал. Идеи о *создании мирового правопорядка* - системы общественных планетарных отношений, формирующихся на основе общегуманистических и естественно-правовых начал и функционирующих в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного и внутригосударственного права - все чаще звучат среди научной общественности. При этом подчеркивается, что мировой правопорядок - реальность нашего времени, без которой невозможно было бы развитие экономических, культурных и научных связей между государствами; что он есть результат согласования интересов государств и народов и гарантия успешного международного сотрудничества в самых различных сферах жизнедеятельности людей. Но формирование его - процесс сложный и противоречивый, поскольку здесь встают проблемы, связанные с неодинаковыми уровнем культуры и качеством жизни в различных странах, с идеологической и военной конфронтацией, экономической экспансией сверхдержав, религиозным и расовым фанатизмом и др.¹

Высказывая в целом сомнения относительно возможности создания некоего универсального глобального мирового правопорядка, мы, тем не менее, согласны с главным - современный правовой мир стремится к единству, к интеграции². Однако очень важно, чтобы данные процессы не приводили к утрате собственной правовой идентичности отдельного государства, сохранению которой должно способствовать поддержание и развитие национальной правовой культуры и национальных правовых традиций. Поэтому и заимствование «зарубежных» правовых институтов (возвращаясь к первому выделенному нами вектору), и имплементация международных стандартов (обращаясь ко второму вектору) должны осуществляться с учетом национальных особенностей конкретного социума.

Таким образом, трансформация национальных правопорядков в современных условиях проявляется в изменении видовых признаков и свойств лежащего в их основе национального права под воздействием объективно происходящих в современном мире глобализационных процессов, характеризующихся прежде всего усилением интеграции, взаимовлияния и взаимосвязи различных социальных явлений, в том числе в правовой сфере. Однако данные процессы не должны приводить к полному стиранию границ между национальными правопорядками, в формировании которых значительную роль играют правовая культура в целом и правосознание в частности. Поэтому сколь бы единым ни было право, реализация его норм в реальных общественных отношениях всегда происходит с учетом сложившихся правовых (и не только правовых, но и моральных и иных) традиций.

---

¹ См. об этом: Перевалов В.Д. Проблемы формирования мирового правопорядка // Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2002. С. 575-586.

² Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2018. №2. С.29-37.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Madden M.S. The Vital Common Law: Its Role in a Statutory Age // University of Arkansas at Little Rock Law Journal. 1996. Vol. 18. P. 555.
2. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
3. Денисенко В.В. , Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2018. №2. С.29-37.
4. Каламкарян Р.А. Права человека в России: декларации, нормы и жизнь // Государство и право. 2000. №3. С. 37-50.
5. Лукашева Е.А. Права человека: конфликт культур // Российское правосудие. 2006. №6. С. 15-24.
6. Матузов Н.И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. 1998. №4. С. 23-35.
7. Перевалов В.Д. Проблемы формирования мирового правопорядка // Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2002. С. 575-586.
8. Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. 42 с.

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ПОЛОЖЕНИЯ 1845 г. О ЗАПОВЕДНЫХ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ИМЕНИЯХ

Павел Львович Полянский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Меры, которое русское правительство в течение многих веков предпринимало по спасению благосостояния благородного российского дворянства, довольно многочисленны. Среди различных привилегий и монополий, поддерживающих правящий класс на плаву, особняком выделяется обладание им недвижимостью. А для XIX века, когда приобретение незаселенных земель будет доступно не только дворянскому сословию, особо следует отметить особенные средства сохранения недвижимостью в руках дворянских родов. К числу этих разнообразных средств относилась возможность приобретения для специально выделенных (или для всех) имений землевладельца статуса заповедного наследственного имения. Общие правила учреждения таких имений были впервые утверждены в России Николаем I в 1845 году. Некоторым аспектам истории появления этого института посвящена настоящая статья.

Любая теория, даже несовершенная, имеет свои сильные стороны, свои интересные аспекты, мимо которых нельзя пройти. В случае с коммуникативной теорией, которой посвящена воронежская конференция 2019 г., лично для меня интерес представляет акцент на взаимодействие общественных групп и государства в целях совершенствования практики правового регулирования. Вот этот момент и будет рассмотрен на приме-

ре разработки Положения 1845 г. «О родовых наследственных именах»¹. В этот период (середина XIX века) государство Российское даже в теории не являлось синтезатором результатов правовой коммуникации (т.е. взаимодействия) различных социальных групп. Откровенно говоря, государство в тот период стояло на страже, прежде всего, интересов лишь одной группы, одного экономически и политически господствующего класса – дворянства. Правда, нельзя сказать, чтобы у иных социальных групп – горожан, духовенства и крестьянства – интересы отсутствовали в принципе. Более того, иногда власть была склонна к самой непосредственной коммуникации с населением. Чего стоит, например, работа Уложенной комиссии Екатерины II (1767 – 1768 гг.), когда депутаты от разных сословий представили наказания и даже успели приступить к работе.

Однако на дворянские запросы власть реагировала быстрее, чему способствовал целый ряд факторов. Например, дворяне могли обращаться со своими бедами непосредственно на императорское имя. Решения, принимаемые по гражданским делам Государственным Советом – а это был орган, чьи мнения после утверждения императора имели силу закона – в большей части были связаны именно с дворянскими проблемами. Конечно, иногда и крестьянские жалобы доходили до престола, чему свидетельство уголовное дело второй половины XVIII века помещицы Дарьи Салтыковой (Салтычихи)². Однако представляется, что, возложив на тех же крестьян целый ряд повинностей, правительство до отмены крепостного права в 1861 г. в основном узнавало об их проблемах через посредников – дворян-помещиков. Вот такая своеобразная «коммуникация».

Для контраста надо отметить, что в России бывали и иные времена. Бывало, что воля большинства граждан как участников правового взаимодействия, принималась правительством в расчет и отражалась впоследствии на нормативном материале. В этой связи необходимо указать на ряд механизмов, успешно опробованных в советский период. Сюда можно отнести: деятельность рабоче-крестьянской инспекции, к работе в которой в разных формах привлекались широкие пласты населения. Скажем, уже почти забыто такое понятие, как «легкая кавалерия» – форма общественного контроля деятельности государственных органов, предприятий, учреждений. Таким «кавалеристом» представлялся, например, 12-летний пионер Егоров, который под видом общественного контроля беспрепятственно ревизовал шкафы и ящики Наркомтяжпрома, Наркомсовхоза, Наркомздрава и совершивший таким образом немало хищений. Именно этот случай с точки зрения некоторых историков стал поводом снизить возраст уголовной ответственности в 1935 г. за ряд преступлений – с 12 лет³. К коммуникативным процедурам отнесем направления писем гражданами в Центральную контрольную комиссию ВКП (б) и лично на имя ее председателя – Арона Александровича Сольца. Нельзя забы-

---

¹ ПСЗРИ-2. Т. XX. Отд. I. № 19202.

² Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 2. М., 2001. С. 161-162, 837.

³ См.: <https://rg.ru/2016/04/22/rodina-pioner.html> (дата обращения - 12.07.2019).

вать о таком взаимодействии власти и населения, как публикация и все-народное обсуждение законопроектов (чему свидетельство центральная печать и юридическая периодика). Также будет небезынтересен факт, что отсутствие обратной связи с населением в рамках избирательной кампании 1924 года и низкая явка избирателей послужили поводом для советского правительства отменить итоги выборов в ряде губерний РСФСР. Как результат: не только были назначены повторные выборы, но и законодательно установлен минимальный процент явки – 35%¹. Вспомним право отзыва депутатов, не оправдавших доверия избирателей, которое базировалось на принципе императивного мандата. Вспомним периодические отчеты народных избранников перед избирателями. Сюда же отнесем деятельность общественных организаций, включая молодежные (пионерская и комсомольская), которые, в том числе, поставляли кадры для управленческого аппарата. Может быть, официальной правовой теорией в советский период и был провозглашен юридический позитивизм. Однако учет государством «социально-юридических практик» взаимодействия с населением даже из приведенных примеров налицо. Вероятно, на родине Юргена Хабермаса (одного из авторов коммуникативной теории), где экономические рычаги и политическая власть традиционно принадлежали Крупнам, Альбрехтам и Шварцам, и уместно хотя бы в теории робко говорить о том, что правопорядок должен быть следствием учета взаимодействия всех социальных групп. Но в России можно не изобретать велосипед, а вспомнить лишь то, что было основательно разрушено несколько десятилетий назад. Хотя сейчас очень многим выгодно, чтобы при упоминании о советском периоде возникала ассоциация лишь с репрессиями и Колымой как «родиной нашего страха».

Разработка Положения 1845 г. «О заповедных наследственных имениях» была ярким примером того, как государство проявляло гибкость в исполнении дворянских запросов². Один из главных запросов – сохранение в родах аристократов недвижимости. Российское правительство уже не первый век разными способами решало этот вопрос, реагируя на изменение ситуации. К числу таких способов можно отнести закрепление в законах Российской Империи раздельной супружеской собственности, учреждение опеки над дворянами-расточителями, отсутствие прав у дворянских внебрачных детей. И, разумеется, нельзя забыть о статусе «родовой недвижимости», который существенно ограничивал возможности ее фактического владельца в целях сохранения благополучия соответствующей аристократической фамилии. Однако этого было мало: родовые имущества не были предохранены от раздробления между законными наследниками. Даже от-

---

¹ Ст. 64 Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов (СУ РСФСР. 1924. № 79. Ст. 603).

² О Положении см.: Федосеев Р.В., Гладилина Ю.С. Правила учреждения дворянских заповедных имений по законодательству середины XIX века / Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. Уфа. 2016. С. 247-252; Федосеев Р.В., Мишин С.В. Порядок наследования дворянских заповедных наследственных имений по Положению 1845 г. / Там же. С. 252-254.

дельные ветви Рюриковичей дробились и приходили в упадок еще с периода феодальной раздробленности. Не были исключением и последующие века. В 1714 г. Петр I попытался положить этому конец и издал знаменитый указ о единонаследии¹, само название которого говорит о его смысле: чтобы имение передавалось одному наследнику. В связи с петровским указом заслуживает еще упоминания то, что имелась в виду и другая широко известная цель – привлечь дворянство на службу. Пусть лишь один наследник владеет фамильной недвижимостью, а остальные будут принуждены искать чинов и служебных окладов. Так размышлял законодатель. Однако дворянство в то время не оценило императивного регулирования землеустройства, и в правление Анны Иоанновны нормы петровского указа были в основном отменены². С этого момента дроблению родовых имений больше не было законодательных препятствий.

Возможно, первый пример «заповедного имения» (майората), учрежденный властью «снизу», т.е. по просьбе самих землевладельцев относится к 1774 г. Так, генерал-фельдмаршал граф Захар Чернышев просил Екатерину II об учреждении статуса нераздельности принадлежащих ему сел³. Опуская детали прошения Чернышева, отмечу лишь, что граф, скорее всего, принимал тем самым меры против брата своего, Ивана Чернышева, дабы он своим мотовством не довел до разорения фамильные земли. У Захара детей не оказалось, поэтому имение в итоге оказалось-таки у брата Ивана, а разорить его почти удалось его сыну, Григорию. По этой причине Павлом I над чернышевскими имениями была учреждена опека, одним из опекунов уже в начале XIX столетия был Г.Р. Державин. В 1817 г. по просьбе графа Строганова с супругой, не имевших сыновей, Александр I учредил нераздельность их имений, которые должны были всегда переродить к одному лицу из фамилии Строгановых. Таким образом, несовершенство правопорядка в сфере регулирования жизни дворянского сословия в XVIII веке выявлялось из прошений дворянства: в частности, расточительство отдельных членов рода, бездетность аристократических семейств требовали существенной коррекции регулирования имущественных прав. Имеются аналогичные примеры прошений первой трети XIX века, по итогам которых были учреждены майораты в имениях Барятинского, Бенкендорфа, Воронцовых, Голицыной, Головкина, Дибича-Забалканского и проч.

Работа над проектом Положения началась с 1840 г., когда при решении вопроса об учреждении майората в имении статс-дамы Апраксиной, Государственный Совет поручил II отделению Собственной его императорского величества канцелярии выработать общие правила для подобных случаев⁴. В ходе работы этот вопрос был соединен с редактированием ст. 889 т. X Свода законов Российской Империи в связи с возможностью бездетного землевладельца разделить родовое имение между несколь-

---

¹ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 698.

² ПСЗРИ-1. Т. VIII. №№ 5653, 5717.

³ ПСЗРИ-1. Т. XIX. № 14117.

⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 3 (1840). Д. 68. Л. 32.

кими наследниками¹. Надо отметить, что за образцы при разработке Положения о майорате были взяты законодательство Англии, Франции, Пруссии, Сардинии, а также положения, разработанные специально для Остзейских (Прибалтийских) губерний и присоединенной к России части Польши. Учтены были и отдельные примеры ранее учрежденных в индивидуальном порядке майоратов. Свои мнения по данному делу также высказывали министры Внутренних дел, Юстиции и Государственных имуществ. Николай I в свою очередь потребовал, чтобы вместо слова «майорат» был найден другой приличный термин, так что в итоговом положении говорится о «заповедных имениях».

Осталось лишь дать краткую характеристику самого Положения «О заповедных наследственных имениях» 1845 года. Этот закон стал важным результатом взаимодействия (коммуникации) дворянского сословия и власти. Повторю: многовековая практика учета интересов важнейшей для государства сословной группы дала весьма гибкий инструментарий, позволяющий сохранять благосостояние дворянства. Итак, по закону 1845 года дворянин мог точно указать, кому именно из своих наследников он завещал имение со статусом «заповедного». Благосостояние этого имения могло поддерживаться учреждением специального капитала, проценты с которого шли, прежде всего, на поддержание заповедного имения. Если учредитель имел несколько законных детей, заповедное имение наследовал старший из них (майорат). Однако данное имение признавалось собственностью не текущего владельца, а всего рода. Поэтому до тех пор, пока был жив хотя бы один из представителей этого рода, такое имение никоим образом не могло быть отчуждено. Взыскания с владельца могли быть направлены лишь на доходы с имения, но не на само имение. Даже при лишении владельца имения за преступление прав дворянства заповедное имение не подлежало конфискации, а поступало его законному наследнику. Таким образом, дворянская недвижимость, объявляемая заповедной, ограждалась во всех сторон: от кредиторов, от государства, от расточительности и мотовства самих владельцев. Выработка такого механизма стала возможной не только (и не столько) с учетом зарубежного опыта, сколько благодаря отеческому вниманию правительства к дворянским интересам.

Взаимодействие российского правительства с дворянством при рассмотрении дворянских обращений об учреждении майоратов, учет иностранного опыта и тщательная разработка Положения 1845 года позволили в итоге создать почти идеальный механизм защиты дворянской недвижимости по сравнению с предыдущими. Действительно, известные прежде институты раздельной супружеской собственности и лишение прав дворянских внебрачных детей отстраняли отдельных лиц от обладания родовой недвижимостью. Рассматриваемое Положение, в свою очередь, позволяло самим учредителям майоратов решать, кто конкретно из

---

¹ Новая редакция ст. 889 т. X была дана после утверждения Николаем I мнения Государственного совета 31 июля 1845 г. (ПСЗРИ-2. Т. XX. Отд. I. № 19246).

родственников будет владеть землями. Ранее известный институт опеки позволял охранять дворянские земли от кредиторов. Прежде известный статус родовых земель (см. Жалованную грамоту дворянству¹) предострашал потерю земли из-за конфискаций и взысканий. Положение 1845 г. пошло дальше: оно установило превентивные меры против разорения (учреждение дополнительного капитала) и по-прежнему выводило майоратные земли из-под взысканий и конфискации.

Гибкость, которую проявляла власть при удовлетворении дворянских запросов и разнообразие методов охраны родовых земель показывали, что правительство было не чуждо «коммуникативного подхода». Правда, повторюсь, эта «коммуникация» касалась лишь одного из сословий. Однако вопрос о родовой недвижимости, пережитком феодализма, совсем недавно, как ни странно, чуть не получил продолжения. В начале 2010-х годов текущего столетия был разработан проект Федерального закона «О родовых поместьях»², который позже трансформировался в проект «О родовых усадьбах» (внесен в Государственную Думу фракцией ЛДПР). Многие роднит нормы проекта с Положением 1845 года: определение минимального и максимального размера родового поместья, запрет конфискации и запрет наложения взысканий на него, передача такого поместья только члену семьи или близкому родственнику. Однако названный проект так и не был рассмотрен в российском парламенте: то ли власть не была склонна в данном случае вступать в соответствующую «коммуникацию», то ли запрет общественности на введение нового старого правового института оказался не таким уж значимым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 1-2. М., 2000-2001.
2. Законодательство Петра I. М., 1997.
3. Федосеев Р.В., Мишин С.В. Порядок наследования дворянских заповедных наследственных имений по Положению 1845 г. / Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. Уфа. 2016. С. 252-254.
4. Федосеев Р.В., Гладилина Ю.С. Правила учреждения дворянских заповедных имений по законодательству середины XIX века / Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. Уфа. 2016. С. 247-252.

---

¹ Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001. С. 29-49.

² См.: https://ldpr.ru/events/Revive_ancestral_homes/ (дата обращения – 12.07.2019).

**КОРРУПЦИЯ И ПРАВОПОРЯДОК:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Александр Константинович Романов
*Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Практика противодействия проявлениям коррупции в жизни современного общества неразрывно связана с решением сложного комплекса задач государственной антикоррупционной политики, укрепления правопорядка и законности. Антикоррупционная деятельность опирается на широкий комплекс правовых, криминологических, социальных и психологических знаний, полученных в результате научных исследований. В противодействии коррупции большое значение имеют меры по выявлению, изучению и нейтрализации причин и условий коррупционных проявлений, факторов, влияющих на процесс формирования истоков коррупции, коррупционных склонностей личности, коррупционной мотивации и механизмы индивидуального коррупционного поведения.

К числу стратегически важных направлений по выработке действенных мер защиты общества от коррупции, совершенствования государственной антикоррупционной политики и правоохранительной деятельности, на наш взгляд, следует относить научные исследования по широкому спектру актуальных проблем теории современного права, действия законодательных норм, правоприменительной практики. Сложность решения проблем противодействия коррупции не следует недооценивать. В научной литературе отмечается, что современные исследования «убедительно показывают, что в основе коррупции лежат не просто корыстные мотивы плохо воспитанных семей и школой злоумышленников, а негодное устройство системы взаимодействия по поводу власти и собственности, которая порой не только не препятствует, но и порой способствует развитию коррупционных практик»¹.

Юридически обязательное определение коррупции содержится в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) "О противодействии коррупции". В законе коррупция определяется следующим образом: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение таких деяний от имени или в интересах юридического лица. Данное определение решает

---

¹ Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учебно-методический комплекс (учебное пособие) / С.А. Авакьян, О.И. Баженова, О.А. Ежукова и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. С. 10.

вполне конкретные, нормативные задачи. Эти положения закона предназначены для того, чтобы очертить круг тех явлений, которые на уровне правовой нормы следует относить к коррупции, рассматривать как коррупцию, связывать с коррупцией. Иными словами, их задача - исключить споры относительно того, что может признаваться коррупцией.

Законом устанавливается, что в рамках нормы права только коррупционные правонарушения - злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение таких деяний от имени или в интересах юридического лица могут признаваться коррупцией. Однако не следует ожидать от закона больше, чем он может дать.

Задачи научного познания, установления действительного положения вещей не являются задачами законодательства, не решаются государством, с помощью государства. Они решаются учеными. Задачи законотворческой деятельности состоят в том, чтобы внесудебным порядком определять норму права, регулировать, предписывать, запрещать и позволять определенные действия участникам правовых отношений. Гораздо важнее, что многие исследователи сводят коррупцию к ее проявлениям. На наш взгляд, трудно согласиться с тем, что Федеральный закон "О противодействии коррупции" «непреренно должен содержать и отражать всю глубину такого явления, как коррупция, что необходимо для понимания первооснов коррупции, в результате чего она зарождается, как развивается и к чему приводит»¹. Законотворческая деятельность, законодательство - не истоки науки, а ее предмет. Положения законодательства сами нуждаются в объяснении.

С юридической точки зрения определение коррупции, установленное законом, является общеобязательным и нормативным. Данное определение не претендует на его истинность и строгость, научную состоятельность и полноту в определении природы того явления, о котором в данном случае идет речь, т.е. той действительности, которая стоит за коррупционными явлениями.

В научной литературе проявления коррупции связываются не только с коррупционными правонарушениями, круг которых для целей нормативного регулирования устанавливаются законом. Многие авторы справедливо в этой связи отмечают, что коррупционные правонарушения – далеко не единственные проявления коррупции².

---

¹ Шокот И.Ю. К вопросу о понятии коррупции, ее сущности и признаках // Военно-юридический журнал. 2015. № 7. С. 12.

² См.: Братановский С.Н., Зеленов М.Ф. Концептуальные подходы к определению сущности коррупционных проявлений // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 41; Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6. С. 3.

Например, Р.В. Закомолдин отмечает, что было бы неверно понимать коррупцию лишь как совершение преступлений и других правонарушений коррупционной направленности¹. А.В. Жирнов к проявлениям коррупции предлагает относить случаи лоббизма². По мнению А.В. Кудашкина, «коррупция проявляется не только в совершении преступлений коррупционной направленности (хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп и т.д.), но и в совершении административных правонарушений (мелкое хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, нецелевое использование бюджетных средств и средств внебюджетных фондов и другие составы, предусмотренные КоАП РФ), а также в совершении дисциплинарных правонарушений, т.е. в использовании своего статуса для получения некоторых преимуществ или уклонении от исполнения некоторых обязанностей по соблюдению антикоррупционных запретов и ограничений, за которое предусмотрено дисциплинарное взыскание; в совершении запрещенных гражданско-правовых сделок (например, принятие в дар или дарение подарков, оказание услуг государственному служащему третьими лицами и подобные деяния)»³.

С этим, однако, согласны не все. Например, по мнению С.В. Максимова, содержание коррупции «определяется совокупностью разнообразных деяний (действий или бездействия), выражающихся в незаконном получении имущества, услуг или льгот лицом, уполномоченным на осуществление государственных функций, а также в предоставлении ему таких преимуществ»⁴. В то же время формами проявления коррупции, по мнению указанного автора, выступают «нарушения специфические виды этических и правовых норм лицами, уполномоченными на выполнение государственных (муниципальных) функций»⁵.

Более того, если проявления коррупции рассматривать с исторических позиций, в ретроспекции, то выяснится, что, определяемые сегодня законом как коррупция, в общественном сознании они не всегда относились к коррупции. «В феодальной абсолютистской Европе, - отмечают авторы издания по конституционно-правовым основам антикоррупционных реформ, - многие из проявлений, которые сегодня относятся к коррупционным, считались совершенно нормальной практикой ведения дел. Так, еще в XIX в. кумовство при должностных назначениях или продажа и

---

¹ Закомолдин Р.В. Коррупция в сфере военной службы: состояние и структура // Военно-юридический журнал. 2013. № 8. С. 2 - 6.

² Жирнов А.В. Институт лоббизма и перспективы его правового регулирования в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 14.

³ Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: Научно-практическое пособие. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 6.

⁴ Максимов С.В. Коррупция и новая антикоррупционная политика России. - М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2014. С. 35.

⁵ Там же.

наследование должностей не считались долгое время чем-то предосудительным в большей части просвещенной Европы»¹.

О коррупции можно сказать словами закона, но можно и словами Александра Радищева: «Чудище, обло, озорно, огромно, стозёвно, и лайй» (эпиграф к книге «Путешествие из Петербурга в Москву 1790») ². В переводе на современный русский язык данная фраза означает буквально следующее: «Чудовище тучное, гнусное, огромное, со ста пастями и лающее». Когда книга Радищева была опубликована, фраза стала крылатой. С тех пор обозначает крайне негативное отношение к тому общественному явлению, о котором идет речь.

Слова закона о коррупции - такие же слова, как слова Радищева об абсолютизме. Закон переносит общеизвестное значение осуждаемых обществом деяний - коррупционных преступлений, административных правонарушений на ту действительность, которая является их источником и порождающим началом. Сказать, что коррупция - это злоупотребление служебным положением, что это - дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства и т.д. все равно, что сказать, что коррупция - это чудище, обло, озорно, огромно, стозёвно. Сказать так — значит выразить к действительности, порождающей коррупционные явления, вполне определенное отношение, но не более того. Ничего нового о коррупции как о необходимых условиях, существование которых предопределяет саму возможность наблюдения коррупционных явлений, из такого определения не узнать. Вопрос о природе коррупционных явлений всякий раз остается без ответа, хотя видимость ответа, может быть, и создается. Эта видимость обманчива. Сформировать понимание тех явлений, которые обращают на себя внимание общества и которые на веру принимаются за коррупцию, не удастся. Зато неясная определенность в этом вопросе заменяется ясной неопределенностью. Нужны последовательно научные догадки о коррупции, чтобы пролить свет понимания на коррупционные явления, определить их действительную природу, разработать реальные антикоррупционные меры и направления противодействия.

Данное определение служит скорее отрицанием самого факта существования коррупции, поскольку сводит ее лишь к тем явлениям, которые объявляются коррупцией, принимаются за коррупцию. Однако подлинная коррупционная природа таких явлений, причины их неискоренимого появления, связь с коррупцией остаются научно недоказанными. Может быть, поэтому на протяжении веков все усилия искоренить коррупцию, избавиться от ее проявлений остаются мечтами и надеждами.

---

¹ Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учебно-методический комплекс (учебное пособие) / С.А. Авакьян, О.И. Баженова, О.А. Ежукова и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. С. 6.

² Радищев А.Н. Полное собрание сочинений / Акад. наук СССР, Институт литературы (Пушкинский дом). Т. 1 / под ред. И.К. Луппола (глав. ред.), Г.А. Гуковского и В.А. Десницкого. Т. I. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 228.

Борьба и противодействие коррупционным явлениям могут дать плоды лишь при условии, что они основываются на знании того, что собой на самом деле представляет коррупция и как она связана с ее наблюдаемыми проявлениями. Знание, между тем, может представлять не только истину, но и заблуждения. Заблуждения могут принимать форму развитых дедуктивных систем, не содержащих логических ошибок. На основе заблуждений могут применяться разнообразные практические меры и средства. В истории человечества, например, заблуждения были представлены разного рода антинаучными учениями - алхимией, хиромантией, научным коммунизмом и др. Учебники, монографии и защищенные диссертации по этим дисциплинам не способны превратить заблуждение в науку. Они представляли заблуждения, а не истину, поскольку не соответствовали действительности. Для разработки практических мер противодействия коррупционным проявлениям в жизни общества и борьбы с такими проявлениями важно знать их природу, их действительную связь с коррупцией. Важно - знать, а не заблуждаться относительно связи коррупционных проявлений с коррупцией.

Возможно, не все проявления коррупции, которые на современном уровне представлений отождествляются с коррупцией, еще установлены. Подлинно научная теория коррупции позволит увидеть ее проявления не только там, где современное общество их видит, но и, возможно, там, где оно их не видит. Научная теория коррупции позволит объединить эти явления, понять их реальную связь с коррупцией, а значит, разработать по-настоящему действенные меры противодействия. Для этого наука должна разработать и предложить понятие коррупции, а не понятие ее проявлений.

Использование последовательно научных методов в изучении коррупции вселяет надежду, что эта проблема может быть решена. Девизом этого направления может быть лозунг: «Не приспосабливаться к коррупции, а жить без коррупции». История науки, ее вклад в решение насущных задач человечества позволяет надеяться на это. Так, в Средние века для борьбы с натуральной оспой применялись молитвы в храмах. Такие меры «борьбы» с оспой не давали результата. Они позволяли жить с оспой, приспосабливаться к оспе, но не более того. Чем больше было заболеваний, тем иступленнее молились люди. Однако избавиться от эпидемий натуральной оспы человечеству помогла наука в лице Эдварда Дженнера, который в 1798 г. предложил вакцинацию. Природа коррупционных явлений, конечно, гораздо сложнее природы оспы, но принципиально задачи противодействия таким явлениям одни и те же.

Коррупцию - с теоретических позиций - можно рассматривать не как акты поведения коррупционеров, как социально-правовое значение их поведения. Социально-правовое значение — это опознавательный эталон вероятных по своей природе событий, выражающихся в актах коррупционного поведения. Следовательно, одной из целей научного исследования коррупции является выяснение того, состоит ли в действительности коррупция из тех событий, которые опознаются как коррупционные. Это проблема научного обоснования исследований коррупционных явлений и коррупции.

Важно не принимать коррупционные проявления за коррупцию, а установить подлинные посылки изучения, ведь именно из действительных, доказательно установленных посылок следует исходить при разработке практических мер борьбы и противодействия коррупционным проявлениям.

Сегодня наблюдаемые, документируемые и латентные коррупционные явления отождествляются с коррупцией, принимаются за коррупцию, выражают коррупцию и определяются как коррупция. Это важно. Однако гораздо важнее установить существующий в действительности денотат всех возможных представлений о коррупционных явлениях, изучить его природу, свойства и характеристики, соотнести с этим денотатом имеющиеся знания о коррупции.

Кантовая физика, отмечает академик В.А. Фок, показала, что «возможность наблюдения предполагает наличие определенных физических условий, которые могут оказаться связанными с сущностью явления. Задание этих условий не сводится к указанию применяемой системы отсчета, а требует более детальной их характеристики»¹. Как представляется, коррупционные явления также предполагают наличие определенных социальных условий, которые могут оказаться связанными с их сущностью. Вот эти социальные условия и являются тем, что можно определить как коррупцию в собственном смысле слова.

Коррупция - это не ее проявления в зримых и осязаемых формах совершаемых коррупционерами деяний, а определенные социальные условия, которые могут оказаться связанными с сущностью коррупционных явлений и существование которых объясняет возможность наблюдения таких явлений в жизни общества. Задача научного исследования коррупции - осознать факт существования таких условий, составить о них свое доказательное представление, изучить связь этих условий с коррупционными явлениями.

Коррупция, если ее сводить только лишь к кругу известных коррупционных явлений и отождествлять с ними, есть абстракция. Принятая за основу и в качестве посылок такая абстракция приводит к абсолютизации коррупционных проявлений. В свою очередь, это позволяет рассматривать коррупционные явления как происходящие сами по себе, вне зависимости от того, существует ли принципиальная возможность для их наблюдения или нет. В настоящее время такая принципиальная возможность наблюдения коррупционных явлений существует, что подтверждается социальной практикой противодействия коррупции, фактами коррупционных правонарушений и т.п. Возможность наблюдения коррупционных явлений свидетельствует о том, что условия, необходимые для констатации коррупционных явлений, существуют, хотя и остаются неизвестными. Совокупность таких условий — это и есть коррупция, с которой обществу приходится иметь дело не как с абстракцией, а как с реальностью, на самом деле. Данные условия требуют научного анализа и их дальнейшей характеристики.

---

¹ Фок В.А. Квантовая механика. - Изд. 5-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 10.

Традиционный подход в исследованиях коррупции состоит в том, что она как социальное явление сводится к коррупционным проявлениям. Тем самым коррупционные проявления принимаются за саму коррупцию. Однако это далеко не одно и то же, и между коррупцией и коррупционными проявлениями существенная разница. Чтобы показать это, уместно воспользоваться метафорой.

«Использование метафоры, - замечает В.Д. Зорькин, - зачастую помогает лучше уяснить действительность»¹. Метафора не является приемом научного мышления, однако ее преимущество в том, что она позволяет уподобить неизвестное известному и тем самым сделать неизвестное более понятным². Прибегнем к метафоре и мы с тем, чтобы показать существенное различие между коррупцией в сравнении с ее коррупционными проявлениями. Предлагаемая для коррупции метафора - азартная игра. И коррупция, и азартная игра - ситуации, в которых возможны равновероятные, но взаимоисключающие события. Так, выигрыш или проигрыш в азартной игре в кости зависит от того, какой гранью упадет игральный кубик. Он может упасть на любую из шести, но только на одну грань. В ситуации коррупции выигрыш или проигрыш общества определяется тем, состоится ли акт коррупционного поведения или нет, а третьего не дано. Коррупционный акт исключает не коррупцию, а лишь ее другое равновероятное, но взаимоисключающее событие - отсутствие коррупционного акта.

Уподобим коррупцию азартной игре. Выигрыши и проигрыши (вероятные, а не predetermined события) в азартной игре подчиняются законам теории вероятностей. Математические основы теории вероятностей были разработаны Блезом Паскалем в середине XVII в. К нему обратился его друг де Мере, страстный игрок в кости. Он надеялся разбогатеть, а для этого он хотел выигрывать, но не проигрывать. Иным словом, его устраивали одни вероятные события, но не устраивали - другие. Де Мере попросил Паскаля рассчитать вероятность выигрышей. Паскаль разобрался и рассчитал. Оказалось, что при бросании шестигранного кубика при игре в кости (в ситуации «азартная игра») имеется всего 6 шесть исключаящих друг друга равновозможных событий. Отношение числа появления каждого из таких событий к числу испытаний называется *частотой события*. Для однородных массовых явлений частоты событий ведут себя устойчиво, т. е. мало колеблются около средних величин, которые и принимаются за вероятности этих событий. Это статистическое определение понятия вероятности.

---

¹ Зорькин В.Д. Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 18

² "Метафора, являющаяся ярким выражением художественного творчества, представляет собой, по сути, своего рода свернутую, сгущенную аналогию. В традиционном понимании метафора – это троп, удачное изменение значения слова или выражения. С помощью метафоры собственное значение имени переносится на некоторое другое значение, которое подходит этому имени лишь ввиду того сравнения, которое держится в уме". - Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. С. 38.

Ситуация коррупции предполагает существование всего двух равно-возможных, но исключающих друг друга события - акт коррупционного поведения и его отсутствие. Оба события вероятные по своей природе. Мы можем лишь требовать, чтобы одно вероятное событие наступало всегда, а другое не наступало никогда. Скажем, мы можем требовать, чтобы участники коррупционной ситуации никогда не прибегали к коррупции, мы можем угрожать им негативными последствиями и карами, но ситуация от этого не изменится. Такие события все равно останутся вероятными и взаимоисключающими.

В ситуации коррупции во внимание принимается лишь одно вероятное событие - взятка будет дана и получена, и в этом заключается принципиальная теоретическая ошибка. Ведь одним вероятным событием при коррупции будет проявление коррупции, в чем бы оно ни состояло. Однако другим равновероятным событием служит отсутствие коррупционного события. И эти события являются не только равновероятными, но и взаимоисключающими друг друга. Математически можно рассчитать частотность таких событий, и это - закон, которым подчиняется коррупция. Ненаучность традиционного подхода в исследованиях коррупции состоит как раз в том, что во внимание принимаются лишь одно и всегда только одно событие из их неразрывной пары. Желание исключить лишь одно вероятное событие, но оставить другое, выполнимо лишь при условии, что удастся каким-то чудесным образом отменить законы математики.

Учитывая криминологические особенности коррупционной преступности, в частности, ее высокую латентность, при разработке мер противодействия коррупции в сфере государственного и муниципального управления целесообразно принимать во внимание данные официальной статистики, материалы, полученные в результате социологических исследований, опросов общественного мнения на федеральном, региональном и местном уровне, данные изучения материалов судебной, следственной, прокурорской практики.

Статистика показывает относительную стабилизацию объема применяемых мер противодействия коррупции за последнее время. Так, если в 2013 г. в РФ было зарегистрировано 42 506 коррупционных преступлений, а то в 2017 г. данный показатель составил 29 634 коррупционных преступлений (снижение на 31%). Эту же тенденцию подтверждает такой показатель, как удельный вес регистрируемых учетами коррупционных преступлений в общем количестве преступлений: в 2013 г. - 1,9%, в 2017 г. - 1,4%¹. По данным МВД РФ за январь - апрель 2019 г. этот показатель для взяточничества упал до 0,8%².

Анализ региональных особенностей выявляет, что каждое четвертое коррупционное преступление выявлено в 9 субъектах РФ: Москва (4,9%), Республика Башкортостан (3%), Краснодарский край (3,0%), Республика

---

¹ Личность коррупционного преступника: монография / под общ. ред. Р.В. Журбина; Университет прокуратуры Российской Федерации. - М.: Проспект, 2919. С. 32.

² URL: <https://мвд.рф/reports/item/16945572/> (дата обращения: 26.05.2019).

Татарстан (2,7%), Челябинская область (2,7%), Ростовская область (2,5%), Красноярский край (2,3%), Ставропольский край (2,2), Волгоградская область (2,2%)¹.

Исследования показывают, что в структуре тех явлений, которые, по общему убеждению, отождествляются с коррупцией, определенные особенности выявляются в зависимости от уровня властных полномочий, которыми располагают субъекты коррупционных отношений. Так, если на разных уровнях властной вертикали (федеральный, региональный, местный) коррупционные проявления характеризуются стабильностью, то распределяются они неравномерно. Если на федеральном уровне в 2017 г. в сфере законодательных органов власти статистикой было зарегистрировано 8,0% от общего числа коррупционных преступлений, то на уровне исполнительной власти этот показатель составляет 92,0%. Такое же соотношение сохраняется на уровне субъектов РФ: 2,5% и 97%, соответственно, на муниципальном уровне - 8,9% и 91,1%².

На фоне стабильных показателей официальной статистики, замеры общественного мнения с применением социологических методов показывают рост социальной напряженности в связи с фактами коррупции и все возрастающим коррупционным давлением на правопорядок, граждан, общество и государство. Так, по данным ФОМ, на протяжении последних пяти лет сохраняется отсутствие положительной динамики доли граждан, которые оценивают уровень коррупции в государственном и муниципальном управлении как высокий. Так, если в 2012-2013 г. высоким уровень коррупции считали 80% опрошенных, а средним - 12% и низким - 2%, то в 2018 г. как высокий уровень коррупции отметили 75% опрошенных, как средний - 17% и как низкий - 2%³.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - 2-е изд., испр. - М.: "Языки русской культуры", 1999.
2. Братановский С.Н., Зеленев М.Ф. Концептуальные подходы к определению сущности коррупционных проявлений // Российская юстиция. 2016. № 12. С. 41 - 44.
3. Жирнов А.В. Институт лоббизма и перспективы его правового регулирования в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 14 - 17.
4. Закомолдин Р.В. Коррупция в сфере военной службы: состояние и структура // Военно-юридический журнал. 2013. № 8. С. 2 - 6.
5. Зорькин В.Д. Коррупция как угроза стабильному развитию общества // Журнал российского права. 2012. № 7. С. 18 - 20.
6. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учебно-методический комплекс (учебное пособие) / С.А. Авакьян, О.И. Баженова, О.А. Ежукова и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. 568 с.

---

¹ Личность коррупционного преступника: монография / под общ. ред. Р.В. Журбина; Университет прокуратуры Российской Федерации. - М.: Проспект, 2919. С. 34.

² Указ. соч. С. 50.

³ Уровень преступности в России. События в Дагестане. URL: <http://fom.ru> (Дата обращения: 25.05.2019).

7. Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 368 с.
8. Кудашкин А.В., Козлов Т.Л. Еще раз о правовом понятии коррупции // Современное право. 2010. № 6. С. 3 - 8.
9. Личность коррупционного преступника: монография / под общ. ред. Р.В. Журбина; Университет прокуратуры Российской Федерации. - М.: Проспект, 2919. 384с.
10. Максимов С.В. Коррупция и новая антикоррупционная политика России. - М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2014. 223с.
11. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений / Акад. наук СССР, Институт литературы (Пушкинский дом). Т. 1 / под. ред. И.К. Луппола (глав. ред.), Г.А. Гуковско-го и В.А. Десницкого. Т. I. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 506с.
12. Уровень преступности в России. События в Дагестане. URL: <http://fom.ru> (Дата обращения: 25.05.2019).
13. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. - М.: Гардарики, 2004. 1072с.
14. Фок В.А. Квантовая механика. - Изд. 5-е. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 367с.
15. Шокот И.Ю. К вопросу о понятии коррупции, ее сущности и признаках // Военно-юридический журнал. 2015. № 7. С. 8 - 12. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16945572/> (дата обращения: 26.05.2019).

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА ПРАВОПОРЯДКА

Евгений Викторович Семьянов
Российский Новый университет

Мы часто говорим об ответственности, но понимаем ли при этом – что имеем в виду? Действительно, что понимать под ответственностью, тем более – юридической ответственностью?

Распространено мнение, что юридическая ответственность — это всегда обязанность правонарушителя претерпеть некие негативные последствия своего противоправного поведения.

Есть мнение, что юридическая ответственность – это не только обязанность претерпеть негативные последствия своего поведения, но и ответственное отношение к жизни, нарушение прав и законных интересов другого (-их), иными словами – соблюдение правопорядка. Тем самым выделяется негативная и позитивная юридическая ответственность.

Исторически термин «юридическая ответственность» появился в конце позапрошлого столетия во Франции¹.

В советской юридической литературе было сформировано несколько подходов к определению юридической ответственности:

---

¹ «Термин «ответственность» был введен в юридический язык во Франции относительно недавно: он стал широко применяться лишь в XIXв. Знаменитый французский цивилист Дома, живший и работавший в XVIIIв., вовсе не употреблял этот термин». (Mazeaud Henri et Leon et Tune Andre. Traite theorique et pratique de la responsabilite civile delictuelle et contractuelle, t. I, 5 ed. P., 1957. P. 1.)

(I) Самым распространенным мнением было то, что *юридическая ответственность является мерой государственного принуждения, как реакции государства на совершенное правонарушение¹ (ретро-спективная ответственность)*:

(а) Одни авторы в рамках общего подхода акцентировали внимание на том, что *ответственность есть совокупность дополнительно обременяющих лицо обязанностей²*;

(б) Другие указывали, что *юридическая ответственность – это реализация санкции после того, как правонарушение совершено³*;

(в) Сторонники концепции хозяйственного права предложили свой вариант понимания ответственности. Сущность юридической ответственности заключается в том, что она есть *«отражение в имущественной сфере хозрасчетного предприятия всех отрицательных экономических последствий его хозяйственной деятельности, а отсюда и ущемление его экономических интересов»⁴*;

---

¹ Эта точка зрения нашла свое отражение в следующих правовых исследованиях: «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. – М.: Юридическая литература, 1970. С. 562; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. I. – Свердловск, 1972. С. 375; Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. – «Ученые записки Тартуского государственного университета». Труды по правоведению. – Тарту, 1966. С. 122; Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. – Воронеж, 1970. С. 39; Иоффе О.С. и Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: Госюриздат, 1961. С. 314-318; Антимонов Б.С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. – М.: Госюриздат, 1962. С. 14; Малейн Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. – М.: Наука, 1968. С. 8-13; Гражданско-правовая охрана интересов личности. / Под ред. Б.Б. Черепахина. – М., 1969. С. 35-58; Советское гражданское право. Т. I. / Под ред. О.С. Иоффе. – Л., 1971. С. 408; Иоффе О.С. Вина и ответственность по советскому праву. // Советское государство и право. - №9. – 1972. С. 38; Советское гражданское право. Т. I. Изд. 2-е. / Под ред. О.А. Красавчикова. – М., 1972. С. 414; Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М.: Юридическая литература, 1970. С. 30-57; Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Л.: Издательство ЛГУ, 1955. С. 11-15; и др.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2. – Свердловск, 1964. С. 184-189; Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве. Автореф. канд. дисс. – Свердловск, 1968. С. 4-5, 12, 15, 16-18; Ардашкин В.Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве. Автореф. канд. дисс. – Томск, 1968. С. 6-9, 11; Базылев Б.Т. Основания юридической ответственности // Материалы научной конференции юридического факультета Красноярского государственного университета. – Красноярск, 1972. С. 8-9; Стоякин Г.Н. Меры защиты в советском гражданском праве. Автореф. канд. дисс. – Свердловск, 1973. С. 6-7; Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Сборник научных трудов. Вып. 27. – Свердловск, 1973. С. 16 и др.

³ См.: Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М.: Госюриздат, 1962. С. 67-86; Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юридическая литература, 1971. С. 207 и др.

⁴ Мамутов В.К., Овсиенко В.В., Юдин В.Я. Предприятие и материальная ответственность. – Киев: «Наукова думка», 1971. С. 37-49.

(II) Для полного понимания идеи ответственности (вне рамок позитивного права) нам необходимо выйти за пределы узкого правопонимания, включить в сферу права не только, а порой и не столько, сами законы и иные нормативно-правовые акты, но, например, и правосознание.

Вторая группа располагается в некоторой оппозиции первой: ряд авторов считает, что *сущность ответственности – в сознательном и инициативном исполнении моральных, юридических и иных обязанностей, в осознании своего долга перед обществом, государством¹ (активная или проспективная ответственность)*;

III) Сторонники третьей группы трактовали *ответственность как правоотношение*.

В рамках этого понимания юридическая ответственность рассматривается как определенное средство регулирования общественных отношений, но в порядке отрицательной «обратной связи»², так как цель ответственности – «восстановить нарушенное равновесие, поколебленную упорядоченность – социалистический правопорядок, равно как и нарушенные права потерпевшего. Восстановление равновесия, упорядоченности – это вместе с тем и необходимое условие выполнения нормами права их динамических функций, т.е. дальнейшего развития регулируемых ими отношений»³.

В действительности вышеуказанная цель ответственности является ничем иным как целью наказания. Происходит досадная подмена термина «ответственность» термином «наказание».

(IV) Ответственность как обязанность.

Автором этого подхода является С.Н. Братусь⁴.

Вслед за М.М. Агарковым, заявившим на основании высказывания В.И. Ленина еще в 1940 году, что обязанность входит в понятие обязательства⁵, С.Н. Братусь отмечал, что «юридическая ответственность – это исполне-

---

¹ См.: Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм. // Правоведение. - №3. - 1971. С. 50-52 и др.

² Ребане И. Цит. соч. С. 120.

³ Братусь С.Н. Цит. соч. С. 36.Эту позицию разделяли многие ученые. Например, Я.М. Брайнин считал, что ответственность как конкретное правоотношение возникает вследствие нарушения закона, и ее содержанием является юридическая обязанность правонарушителя подвергнуться действию санкций. (См.: Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – М.: Юридическая литература, 1963. С. 11.)М.Д. Шаргородский, отправляясь от детерминированности человеческого поведения и относительной свободы его выбора, считал, что ответственность есть правовая обязанность претерпеть государственное принуждение, вытекающая из правоотношения. (См. об этом, напр.: Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность. // Правоведение. - №1. - 1968. С. 46; Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности. // Советское государство и право. - №12. - 1967. С. 40.)

⁴ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). – М.: Издательство «Юридическая литература», 1976.

⁵ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юридат, 1940. С. 44.

ние обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения. Юридическая ответственность в позитивном правоотношении – это опосредованное государственным принуждением исполнение обязанности»¹.

Юридическую ответственность можно определить как «состояние принуждения к исполнению обязанности»². При этом добровольное исполнение обязанности ответственностью не является³.

Сегодня ни одна из вышеприведенных точек зрения не получила ясно обоснованного господства. Следовательно, точка в вопросе об определении сущности юридической ответственности не поставлена.

Представляется заслуживающей внимания точка зрения В.В. Бибихина: «...когда наступает пора..., когда врач подходит к этому больному, рулевой встаёт за руль этого корабля в этом проливе, предписания науки и техники отступают на второй план: для данного больного, для данного моря в данную минуту предписаний нигде отыскать нельзя. Норм, законов и правил для единичного в принципе нет. Надо смотреть «на то, чего требует минута... Если врач не чувствует, что именно надо сделать здесь и сейчас, ему по-настоящему уже никто и ничто не поможет. Положение человека перед «каждой» вещью, перед «вот этим» такое же, как перед первыми началами: руководства его оставили, он полностью свободен и сам за всё отвечает»⁴. Эти «первые начала», перед которыми *hic et nunc* оказывается каждый человек, внеположены логике рационального дискурса...

Иными словами, ответственность есть нечто внеположенное логике рационального, внеуниверсальное единичное (казуальное) и вместе с тем имманентное объективному, этике – явление сущностного. В этом смысле можно говорить о том, что юридическая ответственность как вид ответственности есть явление правопорядка.

В европейском сознании отображен принцип ответственности всех за всех. Это и есть свобода. Но это одновременно есть и то, что кардинально отделяет европейское сознание от российского. В российском сознании идея свободы отсутствует, поэтому отсутствует и идея ответственности. Ведь наличие означающего вовсе не означает существования означаемого⁵. Именно так и обстоит с ответственностью в России: есть означающее, но нет означаемого, точнее – на деле произошла его подмена. Этим и объясняется во многом отождествление ответственности и наказания в текстах отечественных правоведов. Последнее связано также и с тем, что в отечественной юридической традиции уголовное право всегда имело приоритетное значение. Этот подход в XIX веке в связи с развитием капитализма был несколько скорректирован – чуть большее значение стало обрета-

---

¹ Братусь С.Н. Цит. соч. С. 85.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 85.

⁴ Бибихин В.В. Язык философии. – СПб.: Наука, 2007. С. 98.

⁵ Для наглядности: сказочный персонаж «баба-Яга» - означающее есть, а означаемое отсутствует. В данном случае мы имеем дело не с фикцией и не с конвенцией, и даже не с мифологизацией.

гражданское право, однако кардинальных перемен не произошло до сих пор. Российское право «неотцивилизовывается», оставаясь при активной поддержке полицейского государства криминалистическим.

Так, например, А.А. Иванов в цитируемой выше монографии, посвященной исследованию вопроса индивидуализации юридической ответственности начинает с того, что «юридическая ответственность – это в значительной мере кара за правонарушение»¹. Далее, во «Введении», он раскрывает мотивацию отождествления юридической ответственности с уголовным наказанием, призывая в союзники Н.С. Таганцева² и Е.Б. Пашуканиса³. Не меняется картина и в наши дни⁴. Подобный подход является результатом инфантильного состояния общественного сознания – когда яркие картины преступлений затмевают «скучно-серые» картинки цивилистики и даже профессиональное правосознание демонстрирует свою полную неспособность что-либо изменить.

Вся история российской правовой и социально-политической мысли тому пример: все, сколь-нибудь значительные российские политические и научные деятели активно обсуждали только два вопроса – смертная казнь и система наказаний. Может создаться впечатление, что кровь, трупы и насилие являются источником вдохновения российских политических и общественных деятелей, мыслителей и теоретиков права.

Европейский вариант либерального понимания свободы и ответственности достаточно прост: «Мы свободны, потому что ответственны и мы ответственны потому, что свободны; нет свободы без ответственности, как и нет ответственности без свободы – они неразрывны. ... Нет свободы, а значит, нет и ответственности, существует только судьба, всегда трагичная»⁵.

Общее лингвистическое толкование слова «ответственность» позволяет заключить, что ответственность есть потенциальная способность

---

¹ Иванов А.А. От талиона к индивидуализации юридической ответственности. Исторический очерк становления правового принципа: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 3.

² «Из всех областей права наиболее изменчивым является право уголовное: на понятиях о преступлении и наказании с наглядностью отражаются все политические и социальные перевороты народной жизни, и чем быстрее развивается жизнь, тем быстрее совершаются эти реформы». (Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. – М., 1994. С. 105.)

³ «Из всех видов права именно уголовное право обладает способностью самым непосредственным и грубым образом задевать отдельную личность. Поэтому оно всегда вызывало к себе наиболее жгучий, и притом практический, интерес. Закон и кара за его нарушение вообще тесно ассоциируются друг с другом, и, таким образом, уголовное право как бы берет на себя роль представителя права вообще, является частью, замещающей целое». (Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по теории государства и права. – М., 1980. С. 160.)

⁴ См., напр.: Малько А.В. Правовая политика и организация правовой жизни // Российская правовая политика / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2003. С. 162. («В уголовных актах содержатся ценные и концентрированные (обобщенные) сведения о культуре народа, его укладе, отражается своеобразие общественно-политического уклада».)

⁵ Малори Ф. Свобода и ответственность. – М., 2003.

субъекта отвечать, нести некое бремя. Смысл ответственности включает в себя также вменяемость (как субъективную способность), соответствие (как аксиологическую значимость) и согласование (как договорное начало). Именно потому ответственность можно «нести», но нельзя «применять», а тем более – измерять.

Прежде всего, следует различать ответственность в позитивном праве, то есть как юридическая ответственность, и ответственность в праве вообще, правовую ответственность или просто ответственность, если мы находимся в юридическом дискурсе.

Для позитивно-правового понимания нет и не может быть ответственности вне правоотношения. В то же время ответственность не тождественна правоотношению, равно как и не тождественна санкции. Отождествление ответственности с санкцией уничтожило бы свободу, свободу выбора, свободу субъекта – тем самым и самого субъекта, так как без свободы субъект недееспособен.

Ответственность не является мерой государственного принуждения. Ответственность есть обязанность. Ответственность есть обязанность и в позитивном праве, и в праве вообще; различаться будет лишь смысл ответственности в обоих случаях.

Рассматривая ответственность как правовое явление, мы не можем не отметить, что ответственность является также и частью правосознания, правовой культуры и правовой идеологии. Следовательно, ответственность имеет аксиологическую сущность и ценность.

В современном позитивном праве ответственность в результате тотальной этатизации¹ превратилась в подобие бриколажа – ритуал с заранее известным исходом, что лишает пассивного субъекта («страдающего» субъекта) ответственности всякой возможности действовать, делает его адееспособным, то есть в какой-то мере *a priori* «без-ответственным».

Необходимо деэтатизировать ответственность для освобождения субъекта; государство должно перестать бояться своих граждан, стать само свободным и освободить каждого.

Идея юридической ответственности есть отражение-воплощение идеи правопорядка.

Идея правопорядка в основе своей предполагает совокупность и/или систему организационных мер, приводящих в результате к соблюдению всеми субъектами режима законности. Идея же юридической ответственности есть соблюдение всеми субъектами права обязанности не нарушать права всех субъектов – абсолютная обязанность соблюдать права.

Позитивистское понимание юридической ответственности проистекает из этатистского понимания правопорядка. Именно это обстоятельство и является основанием смешения терминов, которое мы наблюдаем: когда ответственность неразумно подменяется санкцией в её самом крайнем выражении – наказании.

---

¹ Отождествление ответственности с наказанием (неважно, в каком термине это описано) и есть одна из форм этатизации ответственности.

Позитивистско-правовое понимание советской юридической школы, как бы ни трактовалась ответственность в исследованиях разных ученых, все равно сходилось и сходится на том, что ответственность – это результат государственного принуждения, наказание. Таким образом, этатизация ответственности, лишаящая ее тем самым статуса принципа права, всегда в российской действительности определяла ей производную функцию, зависимую роль в деятельности государства.

В самом деле, ответственность – это всегда ответственность перед кем-то и/или перед чем-то. Следовательно, это всегда есть некое сравнение с эталоном, а отсюда и аксиологический характер идеи ответственности и юридической ответственности, в частности.

Ответственность сочетается с принципами свободы и справедливости. В разные исторические эпохи это сочетание отражается в позитивном праве более или менее удачно.

Восприятие/понимание ответственности как наказания в русской, советской и пост-советской правовой традиции обусловлено особым и постоянным отношением, а точнее – противостоянием, личности и государства: полного бесправия личности и тотального господства и подавления личной свободы каждого государством.

Понимание идеи ответственности как наказание в случае нарушения правила – это очень просто. Такой подход упростил бы идею ответственности.

На определенном историческом этапе ответственность замещает долг, который был характерен в эпоху аристократического правления. Ответственность в тот исторический момент становится «долгом», равный и для аристократов, и для плебеев.

Именно в то время появляется острая необходимость в ответственности как юридической ответственности; в разработке понятия юридическая ответственность, в обосновании ее существования и оформления ее идеи и смысла.

Социологическая и идеологическая составляющие ответственности — это компетентность, которая позволяет субъекту знать о последствиях своих действий/бездействия в общем современном ему социальном контексте.

Ответственность есть принцип права и именно как принцип права есть абсолютная обязанность.

Ответственность как обязанность носит абсолютный характер: соблюдать всю совокупность прав других (всех и каждого), и именно в этом качестве она выступает как основа правопорядка.

Абсолютная обязанность конкретизируется в диспозициях правовых норм, представленных в виде правоотношения.

Справедливость требует ответственности, ведь соблюдение только формального равенства (юридический эквивалент справедливости) требует ответственности, дополнительно включающей в себя эту формальную определенность и одновременно формальную ограниченность и отграниченность. В действительности же ответственность в своей свободе и есть справедливость.

Существование донормативной стадии правового регулирования необходимо детерминирует ситуацию, когда нормы (санкции, а следовательно, и никакого государственного принуждения) нет, а регулирование (ответственность) есть.

Российская правовая мысль всегда воспринимала идею юридической ответственности лишь как наказание.

Как отмечал М. Фуко, «...в современных обществах, с XIX века и до наших дней, существуют, с одной стороны, законодательство, дискурс, система государственного права, основанная на принципе суверенитета общества и делегирования каждым его суверенной воли государству; с другой стороны – разветвленная сеть дисциплинарных принуждений, фактически обеспечивающая связь внутри общества. Но эта сеть ни в коем случае не может быть обоснована с помощью права, последнее, однако, является его необходимым сопровождением. ...они столь гетерогенны, что никоим образом невозможно совместить их друг с другом»¹.

Современная власть использует право, опирается на него, но не является носителем юридического порядка. Власть устанавливает свои правила, которые в меньшей степени имеют юридическое свойство. Формируется сфера нормализации и сфера юридическая. Современное общество – это «общество нормализации». Государство непрестанно вторгается в социальную жизнь, столь же непрестанно формируя определенные дисциплинарные порядки, нормы, отражая эти изменения в законодательстве. Сегодня законодательство и даже позитивное право столь же различены друг от друга, как еще совсем недавно мы устанавливали различные права и позитивного права.

Осмысление ответственности как всеобщей абсолютной обязанности субъекта соблюдать права всех, как принципа права, как конституирующего элемента права, во-первых, возвращает нас к субъекту, превратившемуся в последнее время всего лишь в актора, то есть в статистическую единицу, способную совершать некие действия (при этом и первое и второе подвергается постоянной регистрации и упорядочению со стороны власти), а, во-вторых, на уровне позитивного права позволяет усмотреть некие методологические рекомендации для последующего формулирования понятия «юридическая ответственность» и при формировании системы правовых норм, системы законодательства.

Возвращение к субъекту, деэтизация права и вместе с ним институты юридической ответственности – цель и направление развития российской юридической науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. – М.: Юридическая литература, 1970.

---

¹ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. – СПб.: Наука, 2005. С. 56.

2. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юриздат, 1940.
3. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2. – Свердловск, 1964.
4. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. I. – Свердловск, 1972.
5. Антимонов Б.С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. – М.: Госюриздат, 1962.
6. Ардашкин В.Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве. Автореф. канд. дисс. – Томск, 1968.
7. Базылев Б.Т. Основания юридической ответственности // Материалы научной конференции юридического факультета Красноярского государственного университета. – Красноярск, 1972.
8. Бибихин В.В. Язык философии. – СПб.: Наука, 2007.
9. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – М.: Юридическая литература, 1963.
10. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). – М.: Издательство «Юридическая литература», 1976.
11. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. – Воронеж, 1970.
12. Гражданско-правовая охрана интересов личности. / Под ред. Б.Б. Черпакина. – М., 1969.
13. Иванов А.А. От талиона к индивидуализации юридической ответственности. Исторический очерк становления правового принципа: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.
14. Иоффе О.С. Вина и ответственность по советскому праву. // Советское государство и право. 1972. № 9.
15. Иоффе О.С. и Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: Госюриздат, 1961.
16. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Л.: Издательство ЛГУ, 1955.
17. Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве. Автореф. канд. дисс. – Свердловск, 1968.
18. Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Сборник ученых трудов. Вып. 27. – Свердловск, 1973.
19. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М.: Госюриздат, 1962.
20. Малейн Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. – М.: Наука, 1968.
21. Малори Ф. Свобода и ответственность. – М., 2003.
22. Малько А.В. Правовая политика и организация правовой жизни // Российская правовая политика / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2003.
23. Мамутов В.К., Овсиенко В.В., Юдин В.Я. Предприятие и материальная ответственность. – Киев: «Наукова думка», 1971.
24. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. – М.: Юридическая литература, 1970.
25. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм. // Правоведение. 1971. № 3.
26. Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по теории государства и права. – М., 1980.
27. Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности. // Советское государство и право. 1967. № 12.
28. Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. – «Ученые записки Тартусского государственного университета». Труды по правоведению. – Тарту, 1966.

29. Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юридическая литература, 1971.
30. Советское гражданское право. Т. I. / Под ред. О.С. Иоффе. – Л., 1971.
31. Советское гражданское право. Т. I. Изд. 2-е. / Под ред. О.А. Красавчикова. – М., 1972.
32. Стоякин Г.Н. Меры защиты в советском гражданском праве. Автореф. канд. дисс. – Свердловск, 1973.
33. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Т. 1. – М., 1994.
34. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. – СПб.: Наука, 2005.
35. Шаргородский М.Д. Детерминизм и ответственность. // Правоведение. 1968. № 1.
36. Mazeaud Henri et Leon et Tune Andre. Traite theorique et pratique de la responsabilite civile delictuelle et contractuelle, t. I, 5 ed. P., 1957.

РОЛЬ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Людмила Николаевна Сенных
Воронежский государственный университет

Аннотация: бедность является неизбежным атрибутом любого государства любой формации. Главной задачей любого социального ориентированного государства, в том числе и России, является борьба с бедностью, а также ее профилактика. Период глобальных экономических и политических реформ в нашей стране привел к тому, что ожидания народа на временный характер наличия бедности как последствия перехода к рыночным отношениям не оправдались, а категория бедных растет и по разным оценкам уже составляет около 20 миллионов человек. Тем самым проблема бедности стала одной из самых острых проблем Российского государства, которая признана на высшем государственном уровне. Создавая целую систему разнообразных социальных механизмов, государство на законодательном уровне делает попытку сокращения бедности в различных слоях нашего населения. В статье рассматриваются практические и теоретические вопросы реформирования пенсионного законодательства в решении проблемы бедности среди пенсионеров.

Ключевые слова: бедность, Конституция Российской Федерации, прожиточный уровень, потребительская корзина, минимальный потребительский бюджет, федеральная социальная доплата, валоризация, публичное обсуждение законопроектов.

Политические потрясения начала 90 годов, произошедшие в нашей стране, коренным образом изменили экономические отношения. Переход на рыночные отношения развернул уклад российской жизни на 180 градусов. С этими изменениями в нашу жизнь и в повседневный обиход прочно вошло понятие бедность. Это совершенно не означает того, что этого явления не было в советские годы. Просто применение этого термина в советские годы по политическим мотивам было невозможным. Кроме того, имеющаяся на тот момент экономическая ситуация в стране не позволяла делать выводы о масштабных проблемах населения, связанных с бедностью. Именно экономические последствия перехода к рынку, выраженные в об-

щем экономическом спаде, безработице, низкой оплате труда, сверхдифференциация и сверхполяризация заработной платы привели к увеличению числа бедных в стране и признанию существованию проблемы масштабно-сти такого явления как бедность на высшем государственном уровне¹. В документах высших органов власти отражена динамика количества бедных в нашей стране. Так, в 2000 году за чертой бедности находились 42 миллиона человек, это почти 30 процентов - 29 процентов населения страны. В 2012 году около 14 миллионов человек - 10 процентов населения. Из-за последствий экономического кризиса бедность вновь подросла. Сегодня с ней сталкиваются 20 миллионов граждан - 14 процентов населения². Обширность и массовость этого явления привела к осознанию того, что категория бедности является неотъемлемой частью общественной системы нашего государства. Естественно это повлекло за собой законодательное закрепление появившихся новых общественных отношений, так как именно закону определена роль регулятора этих отношений, а также он служит важнейшим средством преобразований в экономической, социальной и иных сферах, способствует стабилизации, устойчивости общественной обстановки. Все это обострило интерес ученых к данной проблеме³. Кроме того, актуальность темы бедности и конкретных путей борьбы с ней находится в числе первых общемировых проблем и одним из главных направлений деятельности международных организаций, интерес которых к этой проблеме возник в конце 60 годов прошлого века⁴. Провозглашение ООН года борьбы с бедностью (1996 год), а также десятилетие борьбы с этим явлением показывает глобальность стремлений международных организаций сократить масштабы этой проблемы. Большую роль в постоянном изучении, мониторинге, а также разработке рекомендаций применительно к каждому государству в вопросах бедности играет Международная организация труда (МОТ)⁵. Несмотря на прилагаемые усилия, по данным МОТ и других международных организаций, более чем у 1 млрд. жителей Земли отсутствуют необходимые средства к существованию, т.е. они причисляются к

---

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208// Собрание законодательства РФ. 2017. N 20. ст. 2902; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018: Российская газета. N 46. 02.03.2018; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019// Российская газета. N 38. 21.02.2019 и т.д.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018: Российская газета. N 46. 02.03.2018.

³ Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 47. URL: <https://www.pravo.ru/news/201502>.

⁵ Аристов Е.В. Деятельность Организации Объединенных Наций и Всемирной организации здравоохранения, направленная на аллелиацию и редуцирование бедности/ Е.В. Аристов // Международное право и международные организации. 2016. N 1. С. 22 - 27.

маргинальному населению¹. Поэтому признание масштабности проблемы бедности в России высшими должностными лицами государства, а также закрепление в нормативных актах² стратегической задачи по уменьшению бедности в нашей стране является, по мнению ученых³, наглядным примером имплементации международно-правовых принципов социального обеспечения и социальной помощи нуждающимся в российскую правовую систему. Однако, идя по пути использования всего самого лучшего из мирового опыта, наша страна в то же время, учитывая особенности собственно исторического развития, еще не до конца сформировала модель комплекса мер по борьбе с этим явлением.

Общеизвестно, что Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека⁴. Ключевым (с позиции нашего исследования) в основном законе является направленность политики нашей страны на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, а также конкретизация этих условий в гарантиях государства в виде пенсионного обеспечения и социальных выплат и пособий на детей, оплаты труда не ниже минимального размера труда и т.д. Однако, как справедливо отметил В.Д. Зорькин: «Закрепленные в ст. 7 Конституции РФ понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие человека» еще не получили в нашей стране не только надежного практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления»⁵.

По моему мнению, в юридической литературе недостаточно теоретических осмыслений причин появления бедности и ее профилактики именно на современном этапе, поскольку сама тема борьбы с бедностью своими корнями уходит в далекое прошлое. Трудно не назвать ученых-мыслителей, не касавшихся в той или иной степени этой темы в рамках вопросов справедливого перераспределения материальных благ в обществе⁶. Взгляды на проблему бедности выделились в два основных подхо-

---

¹ Челнокова Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: Научно-практическое пособие./ Г.Б. Челнокова// М.: Проспект, 2009. С.1.

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 год: Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 (в ред. от 19.07.2018)//Российская газета. N 97с. 2018; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года: утв. Правительством РФ 29.09.2018// СПС Консультант Плюс и т.д.

³ Фомин А.А. Имплементация международно-правовых стандартов социальной помощи малоимущим в российскую правовую систему // Российская юстиция. 2018. N 8. С. 25 - 27.

⁴ Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // М.: Юрид. лит., 1997. - 64 с.

⁵ В.Д. Зорькин. Буква и дух закона/ В.Д. Зорькин//Российская газета. 2018. № 226 (7689).

⁶ Платон. Сочинения: В 3 т./ Платон/ М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 89 - 156; Макиавелли Н. Избранные произведения./ Макиавелли Н. / М., 1982. С. 101; Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов./ Смит А. / М., 1962. С. 194; Спенсер Г.

да: эгалитаристское и социал-дарвинизм. Представители социал-дарвинизма, к которым относят А. Смита, Д. Рикардо, Т. Мальтуса и Г.Спенсера, связывают появление бедности с наступлением индустриального развития общества и естественного расслоения общества по праву сильнейшего (принцип естественного отбора через призму теории Ч. Дарвина). Революционные идеи 19 века о всеобщей справедливости наложили свой отпечаток и на изменение представления о понятии бедности и ее ликвидации. Яркими представителями нового эгалитаристского подхода к бедности являлись К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Реклю. Суть нового взгляда на бедность заключалась в объявлении ее социальным злом и закреплении организации общественной жизни по уравнительному принципу. Важными моментами этого подхода, особенно с точки зрения марксизма, являлось акцентирование внимание не только на социально-экономических сторонах бедности, но и на механизме ее репродуцирования, что оказало огромное влияние на теоретическое осмысление предмета исследования и в наши дни.

При кажущейся элементарности понятия бедности на современном этапе единого общепринятого как в мировом, так и в российском масштабе, научно обоснованного определения не существует. Кроме того, учеными делается вывод о невозможности дать такое универсальное определение в силу того, что бедность по своим сущностным проявлениям качественно разнородна, что влечет за собой широкий спектр предложенных в экономической, социологической и юридической литературе определений¹. Учеными² отмечаются новые характеристики этой категории, обусловленные быстро меняющейся реальностью. Однако, несмотря на все новшества, дополняющие или кардинально отличающиеся от «старых и традиционных» характеристик этого понятия, на современном этапе они объединились в два концептуальных подхода к определению и, что немаловажно, измерению бедности. Первый концептуальный подход заключается в поддержке той категории населения, доходы которых не достигают среднего, достигнутого в обществе стандарта благосостояния и, соответственно, не позволяют им достичь уровня и образа жизни, распространенных в данном обществе. Отсюда вытекает название этого подхода - «относительная бедность». Очевидно, что такой концептуальный подход к бедности может быть применим только к странам, имеющим высокий

Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. / Спенсер Г. / СПб., 1906. С. 112 - 113; Маркс К. Капитал. /Маркс К./М., 1955. Т. 1. С. 650 - 651; Реклю Э. Богатство и нищета. / Э. Реклю /М., 1906. С. 33. и т.д.

¹ Челнокова Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: Научно-практическое пособие. / Г.Б. Челнокова / М.: Проспект, 2009. С.20.

² Например, Аниденкова М.М. Бедность как социальная проблема/ М.М.Аниденкова М.М.// Сборник научных трудов Sworid. - 2012. Т. 15. №2. С. 3; Д.А.Зияев. Теория и практика борьбы с бедностью в современном обществе / Д.А.Зияев// Экономические науки. - 2013. - №100. - С.59; Разумов А. Бедность в современной России/ А.Разумов, М. Ягодкина. - М.: Формула права, 2009. - С. 136 и др.

уровень благосостояния. В качестве наглядных примеров таких государств приводят Францию и США.

Второй концептуальный подход называется «абсолютная бедность», здесь в качестве определяющего фактора отнесения к бедным выступает неспособность человека обеспечить себя минимумом благ, необходимых для поддержания жизни на уровне биологических потребностей. Для определения указанного минимума государством утверждается минимальный стандарт, который является маркером того, кто находится за чертой бедности и является правовым основанием для оказания им адресной помощи от государства. Абсолютный подход к бедности характерен для развивающихся стран, где доходы основной массы населения низкие, а перераспределение социальной помощи - основной метод социальной поддержки тех, кто находится в существенно худшей, чем другие члены общества, ситуации. К сожалению, в условиях экономики в нашей стране реалистична только последняя модель Единственным измерителем бедности в нашей стране до сих пор является прожиточный минимум, который вводился еще в 1992 году¹ как временное решение. По настоящее время не изменился и подход к его формированию, представляющий собой стоимостную оценку потребительской корзины и обязательные платежи и сборы².

Законом закреплены три категории населения, в отношении которых устанавливается прожиточный минимум как в целом по стране, так и по регионам, это трудоспособные, дети и пенсионеры. Немало споров проходит по составу потребительской корзины в плане ее недостаточности, необходимости установления прожиточного минимума для других категорий населения, отсутствия единых методик расчета потребительской корзины по регионам, что приводит к дифференциации социальных прав граждан по территориальному признаку и отражает не объективные факторы, характерные для того или иного региона, а экономические возможности субъектов Российской Федерации т.д.³ Главной же целью государства выступает недопущение падения доходов населения ниже прожиточного уровня. Для этого государство применяет целый спектр взаимосвязанных разнообразных мер социально-экономического характера. Господствовавший в этой сфере денежно-распределительный принцип пассивного предоставления благ в виде выплаты денежных выплат до прожиточного минимума в соответствии с общемировой тенденцией ак-

---

¹ О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.03.1992г. №210// СПС Консультант Плюс.

² О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 N 134-ФЗ (ред. от 01.04.2019)// Российская газета. – 1997. № 210.

³ Элефтеров Д. П. К вопросу о потребительской корзине: парадоксы и компромиссы / Д. П. Элефтеров // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.).Т. I. — М.: РИОР, 2011. — С. 172-174; О. Бухарова, О.Игнатова Прожиточный минимум ума/О. Бухарова, О.Игнатова// Российская газета. 2018. № 230(7693) и т.д.

тивного развития человеческого потенциала подлежит коренной перестройке. В необходимости перехода на современные стандарты в решении этой проблемы, воздействии на бедность путем оживления экономики и создания условий, стимулирующих трудовую активность, уверено и Правительство России. В то же время, нельзя не отметить такую категорию населения как пенсионеры, которые в силу физиологических возможностей без помощи государства в виде прямых денежных выплат не смогут преодолеть рубеж прожиточного минимума. О наличии такой категории пенсионеров и необходимости решения проблемы бедности у пенсионеров на высшем уровне впервые говорится в Послании Президента России в 2007 году¹. В качестве причины появления такой проблемы указывается крах, неприспособленной к рыночным условиям пенсионной системы². Необоснованность частых и довольно радикальных изменений пенсионного законодательства, демонстрирующих непоследовательность и противоречивость государственной политики в этой сфере, наличие существенных пробелов и противоречий в законодательном регулировании пенсионных отношений, отсутствие правовых механизмов, которые были бы направлены на неуклонное (хотя и постепенное) повышение уровня пенсионного обеспечения³ привели к тому, что численность пенсионеров, получающих пенсию ниже прожиточного минимума с момента введения доплаты к пенсии до прожиточного минимума в 2010 году увеличилась с 5 млн. до 7,5 млн. человек⁴. А в отношении пенсионеров, у которых общая сумма материального обеспечения всего лишь на десять, двадцать или сто рублей превышает прожиточный минимум, статистика умалчивает.

Убедительным доказательством снижения пенсионного обеспечения служит изменение подхода законодателя к вопросу минимального размера пенсии, который первоначально был установлен на уровне прожиточного минимума⁵. Затем его приравнивали к минимальному размеру оплаты труда⁶, который уже был ниже прожиточного минимума. Впоследствии размер минимальной пенсии утверждался отдельным законом⁷, а в период с 2002⁸ по 01.03.2005г.¹ размер трудовых пенсий не мог быть ниже 660

---

¹ Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 26.04.2007// Российская газета. 2007. N 90.

² Там же.

³ Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI в. М., 2008.- с. 323 – 326.

⁴// http://www.pfrf.ru/press_center~2019/04/18/180303.

⁵ О государственных пенсиях в РСФСР: Закон РСФСР от 20.11.1990 N 340-1// Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. N 27. ст. 351.

⁶ О порядке индексации и перерасчета пенсий, установленных в соответствии с Законом РСФСР "О государственных пенсиях в РСФСР: федеральный закон от 05.05.1994 N 2-ФЗ//Российская газета. 1994. N 86.

⁷ О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации: федеральный закон от 07.08.2000 N 122-ФЗ// Российская газета. 2000. N 155.

⁸ О трудовых пенсиях в Российской Федерации: федеральный закон от 17.12.2001 N 173-ФЗ// Российская газета. 2001. N 247.

рублей. А в настоящее время, что подтверждено и Конституционным Судом России² понятие минимального размера пенсии законодательством не предусмотрено. В то же время³ пенсия входит в состав общей суммы материального обеспечения пенсионера, которая учитывается при определении федеральной социальной доплаты до прожиточного минимума, установленного для этой категории, при дополнительном условии прекращения им работы. Таким образом мы видим стремление государства по уходу от гарантированного минимума разных социальных обязательств и приведение всех получаемых социальных выплат к единому показателю - прожиточному минимуму. В то же время разная наполненность содержания минимальной пенсии говорит об уменьшении расходов обязательств государства в этой сфере.

Совсем недавно в законодательстве о социальной доплате к пенсии, введенной с 2010 года, произошли изменения. Напомню, введение социальной доплаты было призвано устранить пробел законодательства в вопросе минимальной социальной гарантии государства. Суть доплаты к пенсии сводится к недопущению получения пенсионером общей суммы материального обеспечения, в которую включается и пенсия, ниже прожиточного минимума, установленного в регионе, где он проживает. Разница между прожиточным минимумом и суммой полученного материального обеспечения и составляет размер этой доплаты. Законодательно установленные нормы приводили к тому, что ежегодные индексации пенсии, которые по своей сути являются одним из способов борьбы с бедностью пенсионеров, поскольку в основе определения суммы индексации лежит рост потребительских цен, не приводили к увеличению общей суммы материального обеспечения. С идеей увеличения пенсии сверх прожиточного минимума выступил Президент России⁴. В рекордные сроки (с момента озвучивания этой инициативы до подписания закона⁵ прошло 39 дней) приняты изменения в законодательство, устанавливающие новый порядок индексации, по которому социальная доплата к пенсии в связи с индексацией пенсии уменьшаться не должна. Конечно

---

¹ О внесении изменений в Федеральный закон "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" в связи с установлением размеров базовых частей трудовых пенсий и порядка индексации базовой и страховой частей трудовой пенсии в 2005 году: федеральный закон от 14.02.2005 N 3-ФЗ//Российская газета. 2005. N 32.

² По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации": Определение Конституционного Суда РФ от 15.02.2005 N 17-0// Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. N 5.

³ О государственной социальной помощи: федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ (в ред. от 01.04.2019)// Российская газета. 1999. N 142.

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019// Российская газета. N 38. 21.02.2019.

⁵ О внесении изменений в статью 12.1 Федерального закона "О государственной социальной помощи" и статью 4 Федерального закона "О прожиточном минимуме в Российской Федерации": Федеральный закон от 01.04.2019 N 49-ФЗ//Российская газета. 2019. N 72.

же, указанное фактическое повышение минимального материального обеспечения пенсионера заслуживает положительных оценок, однако, к сожалению, назвать его результатом планомерной деятельности государства по преодолению бедности в нашей стране и обеспечению достойной жизни не приходится. Что мешало принять соответствующие изменения раньше, когда об этой несправедливости указывалось еще в докладе Уполномоченного по правам человека¹. Остается в тени и вопрос, что послужило основанием для включения этой темы в ежегодное Послание Президента. Представляется, что причина принятия такого решения кроется в смягчении резко негативной реакции общества на недавние изменения в законодательство в части увеличения пенсионного возраста². Не глядя на общенациональные протесты, закон был принят и теперь с 2019 года начнется поэтапное увеличение возраста выхода на пенсию на 5 лет для мужчин и женщин. Уже на следующий день глава государства признал, что его поправки к пенсионной реформе превратили саму реформу в убыточное для государства мероприятие. Поскольку теперь на обеспечение потребностей Пенсионного фонда России нужно еще больше денежных средств, а эффект от проводимой реформы на самом деле оказался нулевым. В результате, вместо доходов в бюджет, новая пенсионная реформа, после принятия президентских поправок, принесет федеральному бюджету лишь одни убытки. Теперь на реализацию президентских инициатив в ближайшие шесть лет потребуется выделить дополнительные 500 миллиардов рублей³. К ним, в частности, относится и выплата фиксированной выплаты в повышенном на 30 процентов работников сельского хозяйства, которая была заморожена ранее⁴. Если же копнуть еще глубже, то и введение федеральной социальной доплаты и валоризации с 2010 года было обусловлено снижением реальных доходов пенсионеров в связи экономической ситуацией в стране⁵.

---

¹ Например, Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Российская газета. 2018. № 81.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ // Российская газета. 2018. № 223.

³ Виталий Тагоров. Пенсионная реформа бесполезна. / Тагоров В. // Ресурсы интернет - <https://wek.ru/pensionnaya-reforma-bespolezna-putin-udivil-neozhidannym-zayavleniem>.

⁴ О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий: федеральный закон от 29.12.2015 № 385-ФЗ // Российская газета. - № 297, 31.12.2015; О приостановлении действия частей 14 и 15 статьи 17 Федерального закона "О страховых пенсиях": федеральный закон от 19.12.2016 № 428-ФЗ // Российская газета. - № 292, 23.12.2016.

⁵ Соловьев А.К. Проблемы сокращения бедности пенсионеров в России в условиях бюджетного кризиса / А.К. Соловьев // Социальное и пенсионное право. 2018. № 1. С. 44 - 49.

Для решения вопроса бедности пенсионным законодательством на сегодня предусмотрены следующие меры:

1) меры предупредительного характера, направленные на недопущение снижения уровня пенсионного обеспечения граждан:

- ежегодная индексация пенсий в связи с ростом стоимости жизни;

- валоризация пенсий;

- увеличение фиксированной выплаты страховой пенсии (с учетом инвалидности, иждивенцев, работникам сельского хозяйства и работникам, работавшим в районах с неблагоприятными климатическими условиями).

2) меры, направленные непосредственно на выплату прямых доплат пенсионерам, чье материальное обеспечение не достигает величины прожиточного минимума:

федеральная социальная доплата.

Обобщая информацию по теме исследования, можно констатировать, что государственная пенсионная система Российской Федерации переживает кризис и представляет собой одну из острейших социально-экономических проблем. Несмотря на проводимые в течение 20 лет реформы в этой сфере, не решена главная проблема создания финансово-устойчивой пенсионной системы. С целью уменьшения финансовых социальных обязательств государства идет постоянный процесс ужесточения условий предоставления пенсионных прав (повышение пенсионного возраста, увеличение количества стажа для определения права на пенсию, лишение права на страховую пенсию лиц, имеющих неполный стаж, ограничения по перерасчету пенсий работающим пенсионерам и т.д.). Вместе с тем материальное обеспечение пенсионеров неуклонно падает. Показательно и все увеличивающееся количество пенсионеров, получающих пенсию ниже прожиточного минимума, который находится на уровне биологического выживания. В связи с этим государство вынуждено обратить внимание на эту категорию граждан. С неуклонным падением материального обеспечения пенсионеров растет и число норм социального законодательства, как основного регулятора общественных отношений, затрагивающие вопросы выплаты пенсии малообеспеченным пенсионерам, в части увеличения им денежных выплат. Однако следует отметить не планомерный, а скачкообразный характер этих изменений. Зачастую эти запоздалые изменения вызваны не "благими" намерениями государства по обеспечению достойной жизни этой категории, а вынужденной мерой причиной которого является сложная экономическая и (или) политическая ситуация (например: для смягчения негативной реакции населения на изменение в сторону ухудшения норм пенсионного законодательства. К сожалению, ситуация в стране не позволяет сделать вывод о качественном прорыве в отношении увеличения реального содержания пенсий и недопущению ухудшения уровня жизни пенсионеров - как основной причины появления бедности у этой категории. В связи с этим нормы о минимальном уровне гарантий материального положения пенсионеров являются для них жизненно необходимыми. В этих условиях законодателю

рекомендуется более гибко реагировать на решение вопросов бедности среди пенсионеров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аниденкова М.М. Бедность как социальная проблема/ М.М.Аниденкова М.М.// Сборник научных трудов Sworld. - 2012. Т. 15. №2. С. 3-27.
2. Аристов Е.В. Деятельность Организации Объединенных Наций и Всемирной организации здравоохранения, направленная на аллевиацию и редуцирование бедности/ Е.В. Аристов // Международное право и международные организации. 2016. N 1. С. 22 - 27.
3. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
4. Зияев Д.А. Теория и практика борьбы с бедностью в современном обществе / Д.А.Зияев// Экономические науки. - 2013. - №100. - С.59
5. Зорькин В.Д. Буква и дух закона/ В.Д. Зорькин//Российская газета. 2018. № 226 (7689).
6. Макиавелли Н. Избранные произведения./ Макиавелли Н. / М., 1982. С. 101.
7. Маркс К. Капитал. /Маркс К./М., 1955. Т. 1. С. 650 - 651.
8. Платон. Сочинения: В 3 т./ Платон/ М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 89 - 156.
9. А.Разумов, М. Ягодкина. - М.: Формула права, 2009. - С. 136.
10. Реклю Э. Богатство и нищета. / Э. Реклю /М., 1906. С. 33.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов./ Смит А. / М., 1962. С. 194.
12. Соловьев А.К. Проблемы сокращения бедности пенсионеров в России в условиях бюджетного кризиса / А.К. Соловьев // Социальное и пенсионное право. 2018. N 1. С. 44 - 49.
13. Спенсер Г. Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества./ Спенсер Г. / СПб., 1906. С. 112 - 113.
14. Виталий Тагоров. Пенсионная реформа бесполезна./Тагоров В.//Ресурсы интернет - <https://wek.ru/pensionnaya-reforma-bespolezna-putin-udivil-neozhidannym-zayavleniem>.
15. Фомин А.А. Имплементация международно-правовых стандартов социальной помощи малоимущим в российскую правовую систему // Российская юстиция. 2018. N 8. С. 25 - 27.
16. Челнокова Г.Б. Социальное законодательство, направленное на защиту от бедности в России: Научно-практическое пособие / Г.Б. Челнокова // М.: Проспект, 2009. 104 с.
17. Элефтеров Д. П. К вопросу о потребительской корзине: парадоксы и компромиссы / Д. П. Элефтеров // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.).Т. I. — М.: РИОР, 2011. — С. 172-174.

ПРАВООРЯДОК И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Валентина Васильевна Серегина
Воронежский государственный университет

Аннотация: Правопорядок охватывает массу общественных отношений, которые регулируются и охраняются правом. Государственная власть устанавливает и поддерживает правопорядок, охраняет от нарушений, а в необходимых случаях защищает имеющейся в ее распоряжении принудительной силой, поэтому государственное принуждение выступает как одно из средств обеспечения правопорядка. Достичь состояния упорядоченности общественных отношений можно не только с помощью государственного принуждения, но и насилия, подавления, подчинения общества государству.

Ключевые слова: правопорядок, государственное принуждение, законность

Среди многочисленных проблем юридической науки и практики несомненный интерес представляют вопросы правопорядка и государственного принуждения. Сегодня обеспечение правопорядка имеет особое значение для любого государства.¹ Обсуждая вопросы экономического развития, социального обеспечения, борьбу с преступностью, коррупцией, экстремизмом, терроризмом и т.д., так или иначе говорят о правопорядке.

И если проблемы государственного принуждения давно и обстоятельно разрабатываются юридической наукой², то работ, посвященных специальному анализу правопорядка, немного, да и последнее фундаментальное исследование Н.Н. Вопленко издано в 2006 году.³

Вместе с тем, как справедливо отметил С.В. Тарадонов, «страна фактически утратила ту систему обеспечения правопорядка, которая на протяжении многих десятилетий обеспечивала стабильность и устойчивость ее институтов, - систему, которая основывалась на классовых идеологии и сильном государстве, но теоретически эта утрата до сих пор даже не отражена, и ей не предложена обоснованная и концептуально разработан-

---

¹ Госсекретарь министерства внутренних дел Франции Лоран Нуньес заявил, что «начиная с 30 марта 2019 года все участники протестов «желтых жилетов» будут считаться бунтовщиками и с ними церемониться перестанут». Впрочем, до этого полиция тоже не жалела для манифестантов пуль, хоть и резиновых. С начала протестов от травматика правоохранителей пострадали 2,2 тыс. человек. А когда на Украине в 2014 году законные власти пытались обуздать откровенных погромщиков и националистов, на Западе сильно возмутились. (См.: Экспресс газета. 2019. № 12. С.2) В связи с этим возникает вопрос о законодательно установленных пределах возможного, допустимого, необходимого принудительного воздействия для обеспечения правопорядка.

² См., например: Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву (Монография). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1991. - 120 с.; Овсяян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (теоретико-правовое исследование). Ростов-на-Дону: «Эверест», 2005. - 276 с.

³ См., например: Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Саратов. 1977. 408 с.; Шамба Т.М. Демократизм социалистического правового порядка. М., 1985, 158 с.; Виссаров А.В. Правопорядок в Российской Федерации и его обеспечение: теория и практика (Монография). М., 2004, 258 с.; Вопленко Н.Н. Законность и правовой порядок (Монография). Волгоград, 2006, 135 с.

ная альтернатива. Общество уже живет принципиально новыми установками и реалиями..., а представления и ориентации в сфере теории правопорядка остаются не пересмотренными».¹ Да и из тех имеющихся на сегодняшний день представлений о правопорядке, много дискуссионных вопросов. Это и проблемы определения понятия правопорядка, его характерных черт, содержания и форм, структуры, функций, принципов и т.д.

Правопорядок охватывает массу общественных отношений, которые регулируются и охраняются правом. Государственное принуждение выступает как одно из средств обеспечения правопорядка. Правопорядок — государственно-правовое явление. Он возникает и существует там и тогда, где и когда возникает государственная власть, которая в нем заинтересована. Она устанавливает и поддерживает его, охраняет от нарушений, а в необходимых случаях защищает имеющейся в ее распоряжении принудительной силой.² Государственное принуждение, основанное на праве, входит в систему организационно-правоохранительных средств российского государства, в систему юридических гарантий обеспечения нормального функционирования государственного управления. Государственное принуждение в России — это одновременно и правовое принуждение. Его конкретные формы и меры так или иначе регламентируются правом, протекают и осуществляются в предусмотренных им процессуальных формах. Поэтому вряд ли логична дифференциация принуждения в условиях нашей страны на государственное принуждение, присущее государству как политической организации власти и состоящее в фактической деятельности по обороне страны, ее защите, охране общественного порядка и т.д. и на государственное принуждение, выраженное в праве, закрепленное им.

В условиях режима законности и правопорядка вооруженная защита Отечества, как и фактически принудительная деятельность государства по обеспечению правопорядка внутри страны и т.д., регламентируется правом, протекает в определенных им границах. На взаимосвязь права, правопорядка и принуждения обращает внимание немецкий правовед Ф. Нойман: «Понятие права мы определяем посредством двух элементов: порядка и принуждения... Благодаря принудительному характеру право отличается от нравов и морали. Все другие дефиниции бесполезны. Со времен Ренессанса государство, и только государство, создавало аппарат принуждения. Однако право больше, чем просто продукт государства — власть принуждения есть только один его элемент. Другой элемент права — порядок, который конституируется другими социальными факторами и силами».³

Известно, что правопорядок — результат правового регулирования со стороны государства, правового положения и взаимоотношений участни-

---

¹ Тарадонов С.В. Правовой порядок и пути его укрепления. Параметры внутригосударственного и международно-правового совершенствования. // Государство и право. 2006. №5. С.75.

² См.: Борисов В.В. Правовой порядок. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2007. Т.3: Государство, право, общество. С.217.

³ Neumann F. Die Herrschaft des Gesetzes. Frankfurt am Main, 1980. S.27.

ков общественного взаимодействия. Однако он включает в себя не только упорядоченность отношений на основе права в сфере власти, но и отношения людей в сфере гражданского общества. Поэтому совершенно очевидно, что без государства обеспечить правопорядок невозможно».¹

«Если государство, - писал Г. Кельзен в одной из своих работ, - по сути своей есть аппарат принуждения, то это потому, что оно также является и правопорядком, и все его внешние проявления могут, следовательно, быть только правовыми актами».² По его мнению, государство тождественно правопорядку и не содержит в себе ничего, что выходило бы за рамки права.

Система принуждения по российскому праву может воздействовать на поведение людей статически, в форме соответствующих правовых институтов и даже отдельных отраслей права (уголовное право и т. д.), и динамически, реально, в смысле фактического применения санкций правовых норм к конкретным субъектам. В динамической форме принуждение приобретает черты реального правового явления, правового состояния и правоотношения. Государственное принуждение в качестве своей правовой возможности оказывает огромное влияние на упорядочение организационных отношений в сфере государственного управления. Сущность принуждения заключается в принудительном свойстве акций, связанных с воздействием психического, физического и иного характера на конкретного субъекта с целью заставить (принудить) его поступить согласно воле принуждающего. С точки зрения внешне выраженных форм принуждение как социально-правовое явление приобретает характер правоприменительного процесса, конкретной правовой деятельности по применению принудительных мер в строгом соответствии с процедурно-процессуальными нормами.

Понимание правопорядка как состояния фактической упорядоченности и организованности общественной жизни, основанных на праве и законности в отечественной юридической литературе общепризнанно. Достичь состояния упорядоченности общественных отношений можно не только с помощью государственного принуждения, но и насилия, подавления, подчинения общества государству. Мы поддерживаем позиции тех авторов, которые полагают, что принуждение и насилие как социальные явления не идентичны. Согласно взглядам Д. Ллойда, принуждение может осуществляться только государственной властью, которая обладает легитимностью, а в исключительные моменты истории, такие как войны и революции, обществом временно могут править сила или террор.³ И в таком случае сила и террор характеризуются им как понятия, тождественные насилию, и выступают в виде негосударственных форм принуждения. И как справедливо отмечает В.В. Борисов: «Только при демократических и гуманных режимах, когда право проявляет себя как искусство добра и справедливости, порождаются правовые порядки».⁴ Сила

---

¹ См.: Мухаев Р.Т. Теория государства и права. М.: «Издательство Приор», 2001. С.477.

² Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. Berlin, 1925. S.43.

³ См.: Ллойд Д. Идея права. М.: «Книгодел», 2004. С.38.

⁴ Борисов В.В. Указ. раб. С.215.

государства в данном случае определяется не его репрессивно-карательными возможностями, а правотой выбранной цели, тем авторитетом, которым обладает государственная власть, ее единством, организованностью, исполнимостью и ответственностью.¹

Между тем, государственное принуждение по своим потенциальным возможностям – весьма серьезный инструмент социального воздействия. Его неоправданное использование может привести к искажению его роли в осуществлении государственной власти, причинить ущерб общественным отношениям, нанести урон правам человека, а значит, и правопорядку. Поэтому роль своеобразного посредника между правопорядком и принуждением выполняет законность.² Проблема обеспечения законности при применении мер государственного принуждения стоит довольно остро. Известны случаи прямого нарушения закона и прав граждан органами следствия, полиции и др. органами исполнительной власти. В средствах массовой информации неоднократно отмечается, что среди наиболее часто выявляемых прокурорами нарушений выделяются незаконное возбуждение уголовных дел, необоснованное привлечение к уголовной ответственности и т. д.

Все это вызывает недоверие населения государственной власти. И как справедливо заметил И.Ю. Козлихин: « авторитет права, суда и всей правоохранительной системы, а значит, и государства в целом резко падает».³

Объективности ради следует заметить, что в юридической литературе указывается и на длительность проповеди бичевания государственной власти как зла, всеобщего разложения и безысходности. «Тем более такая неблагоприятная атмосфера начисто исключает вероятность появления «законнической культуры» граждан, а стало быть, исключает вероятность появления в стране порядка демократически-правовой законности».⁴ Ведь в правовом государстве законность — это гарантия правомерности применяемого принуждения. В связи с этим законность необходимо рассматривать как требование к субъектам, наделенным государственно-властными полномочиями и осуществляющим свою деятельность в строгом соответствии с нормативно-правовыми актами.

---

¹ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. М.,1993. С.134.

² В настоящее время в юридической литературе отсутствуют специальные теоретические монографические исследования, посвященные вопросам обеспечения законности применения мер государственного принуждения. За последние годы по проблемам государственного принуждения защищено десятки кандидатских диссертаций. И только одна из них посвящена правомерности применения мер государственного принуждения. (См.: Латушкин М.А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект): дисс. ... канд.юрид.наук. Саратов, 2011).

³ Козлихин И.Ю. Закон и правопорядок: Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции./ Под общ. ред. Д.И. Луковской. Спб., Санкт — Петербургский государственный университет, 2001. С.32.

⁴ Мамут Л.С. Разработка концепции законности — новые импульсы: Правовой режим законности: вопросы теории и практики... С.8.

В интересах повышения эффективности правоприменительной деятельности, связанной с осуществлением государственного принуждения, целесообразна была бы разработка и принятие Основ законодательства Российской Федерации о применении мер государственного принуждения, в которых единообразно, в масштабе всей страны были бы решены основные вопросы осуществления мер и форм принуждения, не охватываемые правосудием.¹

Как известно, непосредственным итогом правового регулирования является правопорядок — состояние фактической упорядоченности общественных отношений, выражающее реальное, практическое осуществление требований законности. И если законность и правопорядок выступают правовой основой демократического общества и функционирования государственной власти, то государственное принуждение является движущей силой правового регулирования и правоприменительной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Саратов, 1977.408 с.
- 2.Борисов В.В. Правовой порядок. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. Ред. М.Н. Марченко. М.:Норма, 2007. Т.3: Государство, право, общество. С. 212 -240.
3. Виссаров А.В. Правопорядок в Российской Федерации и его обеспечение: теория и практика (Монография). М.,2004. 258 с.
4. Вопленко Н.Н. Законность и правовой порядок (Монография). Волгоград, 2006. 135 с.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.,1993 г.
6. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre.Berlin, 1925.
7. Козлихин И.Ю. Закон и правопорядок: Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. (Под общ. ред. Д.И. Луковской. Спб, 2001. С. 32-34.
8. Ллойд Д. Идея права.М.: «Книгодел», 2004.376 с.
9. Мамут Л.С. Разработка концепции законности — новые импульсы: Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. (Под общ. ред. Д. И. Луковской. Спб, 2001. С. 5-8.
10. Мухаев Р.Т. Теория государства и права. М.: «Изд-во Приор», 2001.
11. Neumann F. Die Herrschaft des Gesetzes. Frankfurt am Main, 1980.
12. Овсепян Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение (теоретико-правовое исследование). Ростов-на-Дону: «Эверст», 2005.-276 с.
13. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву (Монография). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та,1991. - 120 с.
14. Тарадонов С.В. Правовой порядок и пути его укрепления. Параметры внутригосударственного и международно-правового совершенствования // Государство и право. 2006. №5. С. 75.
15. Шамба Т.М. Демократизм социалистического правового порядка. М., 1985. 158 с.

---

¹ Обоснованность и структура предлагаемого нормативно-правового акта см. подробнее: Серегина В.В. Принуждение как метод осуществления государственной власти и правового регулирования общественных отношений: Юридические записки. Вып.3: Проблемы государственной власти. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. С.93-100.

ПРАВООРЯДОК В ГИБРИДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА*

Ольга Анатольевна Сиденко
Воронежский государственный университет

Аннотация: В статье предпринята попытка рассмотреть проблему правопорядка в гибридных политических режимах сквозь призму концепта сложных адаптивных систем (*Complex Adaptive Systems, CAS*). Раскрывается специфика и проблемы использования концепта CAS в анализе правопорядка, а также соответствующее видение феномена. Рассматриваются особенности правопорядка в условиях политической гибридности.

Ключевые слова: социальный порядок, правопорядок, сложная адаптивная система, гибридный политический режим.

Раскрывая заявленную тему, в относительно небольшой статье хотелось бы обозначить контуры двух взаимосвязанных проблем, во-первых, это трансформация социального порядка в современном обществе и, как следствие, необходимость переосмысления родовой по отношению к правопорядку категории – социальный порядок. По мере возрастания динамики, усложнения, своего рода мультифасеточности социального пространства, порядок как совокупный социальный эффект теряет устойчивость. Всё чаще исследователи рассматривают современные реалии сквозь призму концепта сложных адаптивных систем (*Complex Adaptive System, CAS*), эвристический потенциал которого представляется весьма значительным. Чаще всего к проблематике сложности и адаптации обращаются в эволюционной биологии, физике, поведенческих и социально-экономических науках¹. Соответствующих работ в политологии и юриспруденции гораздо меньше². В плане анализа регулятивных систем сквозь призму CAS рассматривается мораль³.

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-008806 на тему «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределённости и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)».

¹ Eidelson R.J. *Complex Adaptive Systems in the Behavioral and Social Sciences* // *Review of General Psychology*. – 1997. – Vol. 1. – No. 1. – P.42-71; Axelrod R. *The Complexity of Cooperation: Agent-based Models of Competition and Collaboration*. Princeton: 1997; Bowles S., Gintis H. *Cooperative Species: Human Reciprocity and Its Evolution*. Princeton, 2011; Wilson D. S. 2016. *Two Meanings of Complex Adaptive Systems*. In *Complexity and Evolution: Toward a New Synthesis for Economics*, David S. Wilson and Alan Kirman (eds). Cambridge, MA: MIT Press. 2016. P. 31-46; Bicchieri C., McNally P. *Schemata, Scripts, and Social Norms: How Change Occurs*. *Social Philosophy & Policy*. 2018. Vol. 35, N. 1 (Spring).

² К примеру, из относительно недавних трудов: Colander D., Kupers R. *Complexity and the Art of Public Policy: Solving Society's Problems from the Bottom Up*. Princeton. 2014; Kim E. R., Mackey B. *International Environmental Law as a Complex Adaptive System*. *International Environmental Agreements*. 2014. Vol. 14(1). P. 5-24.

³ Gaus Gerald *The Tyranny of the Ideal: Justice in a Diverse Society*. Princeton: Princeton University Press. 2016; Gaus Gerald *The Priority of Social Morality*. In *Morality, Governance, and Social Institutions: Reflections on Russell Hardin, Thomas Christiano, Ingrid Creppell and Jack Knight* (eds). New York: Palgrave MacMillan. 2018. P. 23-57;

Во-вторых, с наступлением «эры постправды» масштаб манипуляций настолько возрос, что, видимо, пора ставить вопрос о серьёзном кризисе рациональности. Т.е. саму идею коммуникативного разума, диалогичного поиска истины, предложенную Ю. Хабермасом, целесообразно рассматривать в другом контексте. С одной стороны, фрагментация порядка, сдвиг в сторону рамочной регуляции, акцентирует ситуацию, когда значимость нормы задаётся процедурным характером социального дискурса. С другой – посредством множественных и не всегда пересекающихся публичных коммуникаций всё сложнее поддерживать целостность политики, политическое обязательство, что не может не сказываться и на правопорядке. Как известно, консенсус может быть и навязанным, обеспечивающимся за счёт политики «воображения» (Н. Трифт), ограничивающей поиск альтернатив, неравного доступа к ресурсам и масштабных манипуляций массовым сознанием. Особенно это характерно для недемократических, гибридных режимов. Необходимо, однако, отметить, что переход от мира социальных институтов к миру сетей и гетерархий порождает гибридность, далеко выходящую за рамки собственно режимных параметров.

Социальный порядок как родовая категория, его трансформация в современных условиях

Для описания реалий современного общества используется целый ряд новых концептов: технозона (Э. Барри), новый трайбализм (М. Маафесоли), общество риска (У. Бек и др.), текучая современность (З. Бауман), сетевое общество и сетевое государство и т.д. В условиях сетевизации границы распространения «образца» подвижны. Социальный порядок всё сложнее увязывать с политической нацией, так как изоморфные среды пересекают границы не только стран, но и макрорегионов.

Помимо своего рода интернационализации фрагментация социального порядка на сегодняшний день также не вызывает сомнений. Ускорение общественного развития сопровождается усилением эффекта «разбега-ния» социальных слоёв (Л. Григорьев). Всё больше формируется аутопойетических систем. Новые пласты конструируемой реальности, требуют осмысления не только как отдельно взятые социально-предметные феномены, но и как элемент социального порядка. В городском пространстве прогрессирует феномен сегрегации, что создаёт серьёзную угрозу целостности территориальных общностей.

Управленческую перспективу можно обозначить именно как сложную адаптивную систему (Э. Остром). Единственной приемлемой оперативной стратегией в условиях современного общества выступает коэволюция: публичные акторы встраиваются в диверсифицированную, сложную, динамическую, инновационную техно-экосистему¹.

---

¹ См.: Круглый стол «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределённости и рисков». А. В. Глухова, А. А. Романовский и др. Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2018. №4. С. 96-113.

Функциональную устойчивость социального порядка призваны поддерживать: базисные технологии**; культурные архетипы; механизмы социализации; механизмы конвертации разных форм капитала и правовая система, обеспечивающая приемлемое совместное бытие (Г. Харт), способствующая достижению Парето-оптимального состояния т.д. Парето-оптимальное решение целесообразно определять как оптимум между снижением рисков и уменьшением неопределённости с одной стороны, и повышением результативности, эффективности функционирования системы – с другой.

Понимание правопорядка сквозь призму концепта CAS

Привычной, отработанной категорией для юридических наук является правовая система. Её открытость и дифференцированность обеспечивают взаимодействие с внешними средами. Схематично связи можно представить следующим образом (рис. 1):

Рисунок 1 – Схема связи правовой системы с внешними средами

** Гипотетически можно предположить, что при смене уклада, на стадии адаптации социальных институтов к новым базисным технологиям, неизбежно возникает дисфункция социального порядка, проявляющая себя в том числе и в правовой плоскости.

Однако возникает вопрос правовой и шире – политико-правовой целостности, объясняемой в рамках концептов правопорядка^{***}, политико-правового порядка. Если ставить во главу угла регулятивные системы, связность обеспечивается триадой мораль – обычай – закон.

Сквозь призму концепта CAS правопорядок можно рассматривать как сложную адаптивную систему, позволяющую интегрировать автономные подсистемы, обеспечивающие *надлежащее* (в логике реализации принципов справедливости, процедурного равенства и свободы выбора) формирование, распространение и воспроизводство образца. При этом каждая отдельно взятая CAS рефлексирует внутренние процессы и средовые параметры, однако тренды задаются более масштабными CAS (рис. 2).

Рисунок 2 – Схема связи между CAS разного уровня

Насколько жёстко действуют тренды, какой эффект они производят на системы в логике самообучения и гибкой подстройки, зависит от включённости в институциональные комплексы, их централизации/децентрализации, а также плотности сетевых коммуникаций. Что касается адаптации (*изменение состава субъектов, правил взаимодействия, каналов коммуникации, модификация внутренних и внешних сред*) и коэволюции (*внутренняя коэволюция элементов и внешняя, приводящая к устойчивому развитию, оптимальному ресурсоизвлечению и воспроизводству*), то в правовой плоскости они имеют существенную специфику, осо-

^{***} В большом юридическом словаре правопорядок определяется следующим образом: основанная на праве и сложившаяся в результате осуществления идеи и принципов законности такая упорядоченность общественных отношений, которая выражается в правомерном поведении их участников; Как определенное состояние регулируемых правом общественных отношений правопорядок характеризуется реальным уровнем соблюдения законности, обеспечения и реализации субъективных прав, исполнения юридических обязанностей всеми гражданами, органами и организациями.

бенно на макроуровне. Так, при повышенной сложности мы имеем дело с системами систем (*Composed of Many Coadapting CAS*), в которых институциональные ловушки, теневые «порядки» и прочие результаты плохого приспособления могут являться частью общей картины. Самовоспроизводящийся механизм тех или иных элементов порядка не обязательно обеспечивает Парето-оптимальное состояние. Адаптация в любом случае идёт скорее методом проб и ошибок, но в условиях повышенной неопределённости выбирают отнюдь не лучшую альтернативу. Ускорение развития приводит к слишком быстрым средовым изменениям, что усиливает вероятность плохого приспособления. *De jure* же это не что иное, как деградация правопорядка. Ценностная коннотация термина – своего рода аксиома, при этом расширяющаяся зона фронта, прежде всего, технологического, бросает серьёзный вызов. Как обеспечить коэволюцию дифференцирующихся правовых комплексов в обществах с усиливающейся фрагментацией социального пространства и эффектом разбегания? Проблема приобретает особую остроту в свете того, что именно нормы служат механизмами координации поведения и регулирования конфликтов без вмешательства центральной власти, а метанормы облегчают установление и защиту групповых норм (Р. Аксельрод).

Дополнительную сложность составляет необходимость включения в анализ политической составляющей. Правопорядок может способствовать адаптации макросоциальной системы к внутренним и внешним вызовам только посредством обеспечения политико-правовой целостности, поддержания равновесия и координации между различными CAS. Такие достигаются разными способами, в рамках европейской традиции – это, прежде всего, конституционализм. В специфической модели советского конституционализма – идеология. Что касается, гибридных политических режимов, то, чем больше они опираются на силовые ресурсы и, чем чаще перекраивают правовое поле в угоду правящим силам, тем меньше шансов на создание и поддержание правопорядка как политико-правовой основы общества.

Правопорядок в условиях гибридности

Как указывалось ранее, феномен гибридности в современных обществах весьма многообразен. Это гетерархии, характеризующиеся релятивизмом, самоорганизацией, адаптацией, инновативностью и представляющее собой нечто среднее между организационным форматом, институтом и сетью. В политической плоскости чаще всего внимание исследователей привлекают сетевые политические партии. К гибридам также относится метауправление как синтез сетевого и иерархического начал в публичном управлении. Однако, в рамках статьи, интерес, прежде всего, представляют гибридные политические режимы: нелиберальная демократия (Ф. Закария), делегативная демократия (Г. О’Доннел), псевдодемократия (Л. Даймонд), соревновательный авторитаризм (С. Левицкий и Л. Вей), электоральный авторитаризм (Л. Шедлер), плебисцитарный авторитаризм (Л. Арон) и др.

Если в демократических режимах проводятся: открытые, свободные и справедливые выборы, периодически приводящие к смене власти законным путём; защищаются права и свободы человека и гражданина; избранная власть обладает реальными управленческими полномочиями без контроля со стороны военных или служителей церкви¹, то гибриды отступают от базовых принципов в диапазоне от искажений и изъятий до полного выхолащивания сути демократических процедур.

Наибольшие дефекты, разлагающие саму основу целостности – справедливость, наблюдаются при неопатримониализме (В. Я. Гельман). Механизм власти и управления носит иерархический характер с единым центром принятия решений. Автономия экономических и политических акторов по отношению к этому центру условна и может свободно ограничиваться и/или изменяться. Формальные институты как «правила игры» имеют значение только в той степени, в какой способствуют извлечению ренты. Целью и основным содержанием государственного управления становится извлечение ренты, а аппарат управления разделяется на организованные структуры и неформальные клики, соперничающие за доступ к ренте².

Фундаментальная проблема видится в том, что формальные институты выстраиваются вокруг неформального ядра неопатримониального режима, стабильность которого тесно связана с притоком ренты. Нестабильность правового поля и деформализация правил – неизбежные атрибуты неопатримониализма.

Концепт деформализации правил был разработан российским социологом В. В. Радаевым. Под деформализацией он понимает «непрерывную трансформацию институтов, в ходе которой формальные правила в значительной мере замещаются неформальными и встраиваются в неформальные отношения». Процесс предполагает: введение формальных правил законодательными и контролирующими органами в таком виде и при таких условиях, которые не предполагают их полного и безусловного выполнения; отсутствие у агентов возможностей для открытого и организованного оспаривания формальных правил в политической сфере; систематические нарушения и обход формальных правил агентами; установление выборочного контроля за соблюдением этих правил со стороны контролирующих органов; использование формальных правил контролирующими органами и агентами как способов давления на других агентов и инструментов реализации собственных неформальных практик; обсуждение агентами конкретных условий реализации формальных правил с контролирующими органами и их трансформация в неформальные соглашения; выработку агентами деловых стратегий, которые приводят к изменению структуры транзакционных издержек в пользу неформаль-

---

¹ Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. – 2002. – № 2. – P. 51-65.

² Гельман В. Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 10, 11.

ных платежей; возникновение множественных способов легитимации практик, нарушающих формальные правила¹.

Деформализация теснейшим образом связана с несовершенством действующего законодательства; низкой эффективностью судебной системы и низким уровнем правовой культуры общества; закрытостью процесса выработки и принятия политических решений; нарушением принципа разделения властей, отсутствие баланса, слабостью сдержек и противовесов; элитизмом и корпоративизмом при слабости горизонтальных связей и гражданского общества. Немаловажную роль играют такие факторы как бедность, социальная поляризация, институционализация коррупции, аморализм, ориентация на получение прибыли любыми способами и др.

Очевидно, что правовая система далека от поддержания оптимума Парето. Погружение в сетевые структуры не амортизируется укоренёнными демократическими институтами, ориентированными на общее благо, как следствие, общим благом пренебрегают, режимы легче впадают в популизм, демагогию и манипулятивизм. Избирательная законность доводит различие положений верхов и низов до опасного экстремума. Необходимо отметить, что и в демократических системах состоятельным чаще, чем представителям низших слоёв удаётся уйти от ответственности (Н. Кристи и др.), однако именно в гибридных политических режимах властвующий олигархат фактически выводится из-под действия закона, в то время как контроль над низами усиливается. Это представляется крайне опасным, особенно в свете возросших издержек «выхода» (О. Хиршман) и низкого качества отношений между людьми.

В целом же исследование проблематики политико-правовой реальности в условиях широко понимаемой гибридности может значительно расширить научные горизонты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гельман В. Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
2. Круглый стол «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределённости и рисков». А. В. Глухова, А. А. Романовский и др. // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. – 2018. – №4. – С. 96-113.
3. Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред.: Т. И. Заславская. – М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001.
4. Axelrod R. The Complexity of Cooperation: Agent-based Models of Competition and Collaboration. – Princeton: Princeton University Press, 1997.
5. Bicchieri C., McNally P. Schemata, Scripts, and Social Norms: How Change Occurs. *Social Philosophy & Policy*. – 2018. – Vol. 35. – N. 1.

---

¹ Радаев В. В. Деформализация правил в российской хозяйственной деятельности // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред.: Т. И. Заславской. – М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001. – С. 253-261.

6. Bowles S., Gintis H. Cooperative Species: Human Reciprocity and Its Evolution. – Princeton: Princeton University Press, 2011.
7. Colander D, Kupers R. Complexity and the Art of Public Policy: Solving Society's Problems from the Bottom Up. – Princeton: Princeton University Press. 2014.
8. Eidelson R.J. Complex Adaptive Systems in the Behavioral and Social Sciences // Review of General Psychology. –1997. – Vol. 1. – No.1. – P.42-71.
9. Kim E. R., Mackey B. International Environmental Law as a Complex Adaptive System // International Environmental Agreements. – 2014. – Vol. 14(1). – P. 5-24.
10. Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. – 2002. – № 2. – P. 51-65.
11. Wilson D. S. 2016. Two Meanings of Complex Adaptive Systems. In Complexity and Evolution: Toward a New Synthesis for Economics, David S. Wilson and Alan Kirman (eds). – Cambridge, MA: MIT Press. 2016. – P. 31-46.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Елена Владимировна Скоморохина
Воронежский государственный университет

Аннотация: Экологический правовой порядок является составной частью правового порядка и входит, как элемент, в систему общественного порядка. Реализация национального экологического правового порядка невозможна без учета международных экологических требований и стандартов. Национальный экологический правовой порядок – часть мирового экологического правового порядка и мирового общественного порядка в целом.

Ключевые слова: Общественный порядок, экологический правовой порядок, взаимодействие национального и мирового правового порядка.

Экологический правовой порядок – малоизученная и редко применяемая категория в современном экологическом праве, равно как и в других отраслях современного российского права. Вместе с тем она имеет важное теоретическое и практическое значение для дальнейшего формирования и совершенствования экологического законодательства и практики его реализации. Потребность в формировании концепции экологического правового порядка может быть обоснована необходимостью, во-первых, определения состояния экологического законодательства на современном этапе его развития, во-вторых, определения направлений развития правового регулирования экологических правоотношений в России, в-третьих, мониторинга состояния экологического законодательства¹.

Для того чтобы понять место и значение экологического правового порядка в системе общественного порядка, следует проанализировать связь таких общественных явлений как: общественный порядок, правовой порядок, экологический правовой порядок, мировой экологический правовой порядок, мировой порядок².

---

¹ Мухина И.Д. Экологический правовой порядок: проблемы содержания // Теория и практика общественного развития. – 2015. - № 9. – С. 144.

² Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

По мнению Малько А.В. и Матузова Н.И., общественный порядок - это обусловленная закономерностями социального развития система правил и институтов, обеспечивающая упорядоченность общественных отношений и придающая им определенную организационную форму¹.

Хропанюк Н.В. под общественным порядком понимает всю совокупную систему общественных отношений, которая складывается в результате реализации социальных норм: норм права, норм морали, норм общественных организаций, норм неправовых обычаев, традиций и ритуалов.²

Правовые нормы, исходящие от государства, являясь регулятором общественных отношений, носят властный характер и обязательны для исполнения неопределенным кругом лиц. Их действие порождает такое правовое явление, как правопорядок, которое в общественном порядке занимает весомое место.

Правопорядок представляет собой состояние упорядоченности регулируемых правом общественных отношений в результате последовательного осуществления законности, характеризующееся реальным обеспечением прав и свобод личности, неукоснительным соблюдением юридических обязанностей всеми лицами, органами и организациями, правомерной деятельностью всех индивидуальных и коллективных субъектов права. Правопорядок предусматривает решительную борьбу с любыми нарушениями правовых норм, применение мер государственного принуждения к правонарушителям, восстановление нарушенных субъективных прав. Правопорядок – воплощение законности в конкретных волевых отношениях, урегулированных правом, в системе прав и обязанностей их участников, результат неукоснительного исполнения юридических предписаний. Это порядок, где взаимоотношения органов, организаций и отдельных граждан четко определены законом, обеспечены и защищены государственной властью³.

В целях создания прочной правовой основы каждого элемента правопорядка государственная власть обязана:

- определить четкий перечень участников правопорядка, их строгое соподчинение по юрисдикции и функциональным нагрузкам, по правам и обязанностям, по правовым свойствам и состояниям во всех сферах их взаимодействия;

- указать на их связи и отношения, которые подвергаются правовой регламентации, и определить процедуру и процесс их осуществления;

- избрать правовые методы, средства и формы их регулирования, определить нормативность всех сторон в правопорядке, их качественные характеристики⁴.

Но, следует не забывать, что «...нет правового порядка вообще. Он мыслим лишь как совокупность сложившихся правовых отношений в об-

---

¹ Теория государства и права / Под ред. А.В. Малько и Н.И. Матузова. – М., 1997. – С. 522.

² Там же. – С. 521.

³ Большая юридическая энциклопедия. – М., 1999. – С. 759-760.

⁴ Юнусов А.А. Правопорядок, общественный порядок и права человека/ А.А. Юнусов // Вестник ЮУрГУ. -2007. - № 4. – С. 38.

ществе. Естественно полагать, что в реальной действительности каждому виду правовых отношений присущ соответствующий им правовой порядок: конституционный, административный, экологический и др. Правовой порядок складывается и существует как результат воздействия действующего законодательства на общественные отношения»¹.

Возвращаясь к пониманию экологического правопорядка, следует отметить, что его определяют как вид правового порядка, определившегося в гражданском обществе как результат и состояние существующей совокупности правоотношений, сложившихся по поводу охраны среды обитания человека и бережного, рационального использования природных ресурсов, объектов и комплексов, главным назначением которого, является обеспечение экологической безопасности населения и территории России².

Как юридическое явление экологический правопорядок формируется на базе государственно-правовых предписаний, ориентирующих членов российского общества на сохранение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности живущего и будущего поколения людей.

Предписания экологического законодательства реализуются в упорядоченную систему экологических правоотношений посредством решений, поступков и действий субъектов экологического правопорядка. Для того чтобы правопорядок достиг предписанного правом уровня (качества) законности, он должен формироваться только правомерными действиями и поступками субъектов экологического правопорядка, а это, в свою очередь, возможно тогда, когда названные субъекты обладают высоким уровнем экологического правосознания.

Основными участниками экологических правоотношений выступают хозяйствующие субъекты, строящие свою основную деятельность на использовании окружающей среды и имеющие стремление получить максимальную прибыль, поэтому говорить о высоком уровне их правосознания сегодня достаточно сложно. И это одна из первопричин того, что экологический правопорядок не достигает должного уровня качества, даже при наличии огромного количества правовых норм, призванных повысить его эффективность.

Не стоит забывать, о том, что главным распорядителем природных ресурсов является все же государство. Оно также является и приоритетным собственником ресурсов, находящихся на соответствующей территории. Реализуя свою внутреннюю экологическую функцию, прежде всего, государство обеспечивает реализацию экологического правопорядка в стране.

Экологическая функция включает в себя: во-первых, деятельность по распоряжению природными ресурсами; во-вторых, деятельность, направленную на обеспечение рационального использования природных ресурсов с целью предотвращения их истощения; в-третьих, по охране окружающей

---

¹ Ращупкина Л.В., Солоухина С.В. Экологическое правосознание в системе экологического правопорядка //Вопросы современной юриспруденции: сб.ст.по мат. XXXIV междунар.науч.-практ.конф. № 2(34). – Новосибирск, 2014.

² Дубовик О.Л. Экологическое право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп.- М., 2009. - С. 160.

среды от деградации ее качества; в-четвертых, по охране экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц¹.

Обеспечивая свой внутренний экологический правопорядок, каждое экономически развитое государство не должно забывать, что есть и внешняя экологическая функция, необходимость осуществления которой связана с существованием глобальных экологических проблем.

Внутренний экологический правопорядок не может быть эффективно реализован без учета требований международных экологических норм и стандартов.

Взаимодействие международного и национального правового регулирования в экологической сфере опирается на ряд объективных факторов:

- единство окружающей среды в целом;
- общественный резонанс, вызываемый состоянием окружающей среды;
- межрегиональный характер экологических проблем;
- углубление интеграционных процессов, происходящих в мире и влияющих на международное экологическое сотрудничество;
- существование проблем в области окружающей среды и на международном, и на национальном уровнях, когда единый объект требует в определенной мере единых начал регулирования тех отношений, которые по поводу него возникают.

Другими словами можно сказать, что на внутренний экологический правопорядок несомненное воздействие оказывает мировой экологический правопорядок, формирование которого происходит на базе международно-правовых документов, ориентирующих государства, других субъектов международного права на обеспечение благоприятной окружающей среды и рациональное природопользование на благо настоящего и будущих поколений людей.

При этом важно понять, что эту проблему нельзя решить в рамках одного региона. Решение национальных экологических проблем не устраняет проблем глобальных. Без обеспечения мирового экологического правопорядка невозможно достичь успехов в обеспечении национального правопорядка. Мировой правопорядок невозможен без активного международного сотрудничества. На современном этапе развития человечества все чаще ставится вопрос о наличии у развитых государств обязанности активно предоставлять развивающимся государствам помощь, то есть «сильные» участники мирового хозяйства должны оказывать содействие «слабым» в решении взаимосвязанных задач экономики и экологии. В научной литературе нередко отмечается, что глобальный характер экологических задач, стоящих перед человечеством, способствует формированию новой философии и практики международного экономического взаимодействия.

Немаловажное значение в достижении международного экологического правопорядка играет механизм обеспечения экологических прав человека. Экологические права гражданина – основа и национального экологическо-

---

¹ Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды)/ М.М. Бринчук. - М., 1998. - С. 59-60.

го правопорядка. В этом также прослеживается взаимосвязь и взаимозависимость международного экологического правопорядка и национального.

Должный уровень обеспечения экологических прав человека и их защита как на национальном, так и на международном уровнях, бесспорно, положительно скажется на обеспечении международного экологического правопорядка. Ведь результатом этой деятельности будет здоровая, благоприятная для жизни человека окружающая среда, сохраненные для будущих поколений природные ресурсы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды)/ М.М. Бринчук. - М., 1998. - С. 59-60.
2. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
3. Ращупкина Л.В., Солоухина С.В. Экологическое правосознание в системе экологического правопорядка // Вопросы современной юриспруденции: сб.ст.по мат. XXXIV междунар.науч.-практ.конф. № 2(34). - Новосибирск, 2014.
4. Юнусов А.А. Правопорядок, общественный порядок и права человека/ А.А. Юнусов // Вестник ЮУрУГ. -2007. - № 4. - С. 38.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРИТЯЗАНИЙ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Марина Геннадьевна Смирнова
*Российский государственный университет правосудия
(Северо-западный филиал)*

Аннотация: В статье исследуются социальные притязания и правопорядок. Человек, его стремления, интересы и социальные притязания выступают сердцевинной правового порядка, которые во многом получают свое оформление в правах и свободах, обязанностях и ответственности гражданина. Путем институционализации социальных притязаний в соответствующих формах осуществляется регламентация общественных отношений, которая порождает правопорядок. Социальные притязания являются инструментом правопорядка и правового государства, их гарантом.

Ключевые слова: социальные притязания, институционализация, правопорядок.

Проблема социального притязания возникает в процессе появления новых форм общения людей, их практического взаимодействия, которое порождает нормативные требования сторон (индивидов, социальных групп). Вне такого взаимодействия интерес, составляющий сущностную сторону социального притязания, реализуется непосредственно субъектом и не требует правового опосредования. По мнению М. Капустина, «закон возникает не произвольно, а вследствие необходимости охранить известное отношение между лицами. Эта необходимость открывается каждый раз, когда образовавшееся отношение остается юридически не охраненным или когда средства для его охранения оказываются недостаточными. Закон имеет

свою причину, повод или мотив в самой жизни, требующей охранения в форме права»¹. И одним из таких поводов или мотивов являются, на взгляд автора, социальные притязания.

Право появляется и существует там и тогда, где и когда человек ощущает себя способным реально претендовать на что-то. Социальные притязания — это основа права, которая затем облекается законом государства в ту или иную форму.

Социальные притязания, имеющие характер правовых требований, воплощаются в процессе правотворчества в действующем законодательстве и, следовательно, влияют на меру свободы поведения.

Социальные притязания являются ближайшей социальной основой права. В зависимости от своего содержания и конкретной социальной обстановки они в одних случаях выступают в качестве основания для преобразования и изменения существующих юридических установлений, в других — «предвосхищают» установленные законом правовые нормы.

Социальные притязания признаются государством и закрепляются им в законодательном порядке. Тем самым социальные притязания приобретают статус юридических прав граждан. В результате возникают соответствующие правоотношения между государством и носителями этих прав (управомоченными и обязанными), а также последних между собой.

Социальные притязания — это требования, которые предъявляют индивиды, социальные группы, иные субъекты к обществу и государству об осуществлении практических действий, способствующих реализации конкретных социальных интересов, а также их институционализации.

Выдвигая и отстаивая социальные притязания, субъекты тем самым создают потенциальную возможность появления правового образа, определенной модели поведения участников общественных отношений. Притязания по своей сути являются социальной основой права.

Социальные притязания выполняют значимую роль в формировании права, поскольку отражают и фиксируют потребность в правовом регулировании общественных отношений. Они выступают критерием способности права действовать, воплощаться в конкретных отношениях, помогая преодолеть путь от замысла к результату. Динамика, действие права идет от социальных притязаний к субъективным правам, а затем и конкретным правоотношениям.

«Народное правосознание, - как писал И. А. Ильин, - может стоять на высоте только там, где на высоте стоит юридическая наука»². Осознание значимости своего участия в социальном процессе формирования права, путем выдвижения и отстаивания своих социальных притязаний в различных формах политического и неполитического характера (референдум, членство в политической партии, общественной организации, участие в выборах, выполнение профессиональных ролей, соблюдение традиций и деловых обыкновений) постепенно приучит членов общества

---

¹ Капустин М. Теория права: Общая догматика. М., 1868. Т. 1. С. 141.

² Ильин И.А. Сущность правосознания. М. 1993. С. 30

воспринимать себя как истинных творцов правил правового общения, не умаляя при этом роли законодателя в институционализации этих норм, притязания им общеобязательной силы.

Граждане, их коллективные объединения и общество в целом активными внешними действиями побуждают правотворческие органы к институционализации в нормах права социальных интересов. При этом в предложенной концепции социальных притязаний термин «институционализация» используется в соответствии с его содержанием, как процесс закрепления социальных притязаний в нормах права. Закрепляемые в праве социальные притязания должны отвечать следующим критериям: 1) соответствие историческим традициям, культуре, социально-экономической и политической ситуации, а также конъюнктуре момента (ожиданиям населения); 2) относительная рациональность социальных притязаний, то есть закрепленные в норме права социальные интересы должны служить обеспечению целостности, интеграции общества, преодолению политического противостояния; 3) общезначимость отношений, отражаемых в норме права; 4) формальное равенство субъектов правоотношений; 5) подверженность отношений, получающих отражение в норме права, внешнему контролю и прямой заинтересованности в них общества; 6) согласованность с нормами общечеловеческой морали; 7) реальная исполнимость. Формами институционализации социальных притязаний в российском праве выступают нормативно-правовой акт, правовые позиции Конституционного Суда РФ, правоположения судебной практики, индивидуальный договор.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ выступают в качестве одной из форм институционализации социальных притязаний в праве. Нормативные начала решений Конституционного Суда обладают высокой степенью информационно-правовой насыщенности и обобщенности, способностью отражать посредством своих конституционно-интерпретационных характеристик высшие конституционные ценности на основе выявленного в решении суда баланса государственных (публичных) и частных интересов, соответствующих социальных притязаний.

Одной из форм институционализации социальных притязаний в праве выступают правоположения судебной практики, которые по своей юридической природе представляют своеобразные правовые средства, институционные образования, обладающие определенной юридической силой и степенью обязательности. Правоположения судебной практики выражены не только в резолютивной части судебного решения, формулирующей окончательные выводы суда, но и в мотивировочной части, в которой суд приводит мотивы в обоснование этих выводов. Социальные притязания получают закрепление в правоположениях судебной практики по делам непосредственного и опосредованного нормоконтроля, а также институционализируются в разъяснениях высших судебных органов при преодолении пробелов правового регулирования, устранении противоречий и коллизий.

Индивидуальный договор является формой институционализации социальных притязаний в частном праве. Однако, не все индивидуальные договоры могут выступать формами институционализации социальных

притязаний, а только те, которые содержат в себе особые правила поведения, формируемые субъектами договора самостоятельно.

Из сказанного можно сделать вывод, что право берет начало из социальных притязаний, придавая им юридическую форму, обеспечивая их реализацию и создавая, тем самым правовые гарантии правопорядка в целом.

В современной юридической литературе существует несколько интерпретаций такого понятия как правопорядок. Одни авторы определяют его как «порядок общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения и исполнения законов и основанных на них других юридических актов».¹ другие – дают более широкое определение: «В качестве социально-культурного феномена правовой порядок представляет собой такую устойчивую совокупность общественных отношений и социальной деятельности, которая обеспечена механизмами социального нормирования и регулирования, соответствующими им ценностными основаниями, идеями и принципами конкретного государства, закрепленными в его законах, институтах и иных источниках права»².

В.М. Корельский и В.П. Первалов определяют правопорядок как основанную на праве и законности организацию общественной жизни, отражающую качественное состояние общественных отношений на определенном этапе развития³.

По мнению А.В. Малько и Н.Н. Матузова, общественный порядок – это обусловленная закономерностями социального развития система правил и институтов, обеспечивающая упорядоченность общественных отношений и придающая им определенную организационную форму»⁴.

Стоит согласиться, что в целом правопорядок представляет собой состояние упорядоченности регулируемых правом общественных отношений в результате последовательного осуществления законности, характеризующееся реальным обеспечением прав и свобод личности, неукоснительным соблюдением юридических обязанностей всеми лицами, органами и организациями, правомерной деятельностью всех индивидуальных и коллективных субъектов права. Правопорядок – воплощение законности в конкретных волевых отношениях, урегулированных правом в системе прав и обязанностей их участников, результат неукоснительного исполнения юридических предписаний. Это порядок, где взаимоотношения органов, организаций и отдельных граждан четко определены законом, обеспечены и защищены государственной властью.⁵

Правопорядок также характеризует состояние правовой регламентации общественных отношений.

---

¹ Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 389.

² Артемов В.М. Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации. М. 1998. С. 77-78.

³ Теория государства и права: учебник /под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М., 1999, С. 456-457.

⁴ Теория государства и права: учебник /под ред. А.В. Малько и Н.Н. Матузова . М., 1997, С. 522.

⁵ Большая юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 759-760.

В этой связи стоит согласиться с Д.А. Керимовым, который отмечает, что «прогрессивное воздействие на действительность может быть достигнуто прежде всего тогда, когда правотворчество опирается на необходимые возможности, способствующие правовыми средствами их превращению в действительность».

Путем институционализации социальных притязаний в соответствующих формах осуществляется регламентация определенных общественных отношений, которая порождает правопорядок. В свою очередь правопорядок выступает в качестве своеобразного интегративного эффекта системности правовых норм¹. Состояние правопорядка характеризует полноту правового регулирования, уровень развития формальной определенности и системности норм права. Вместе с тем природа права как регулятора общественных отношений требует, чтобы существующие предписания воплощались в реальном поведении субъектов.

Права человека являются результатом выдвижения, отстаивания и закрепления в законодательстве социальных притязаний субъектов, в которых проявляется их извечное стремление к справедливости, равенству и свободе. Так, еще Л. Петражицкий и П. Сорокин говорили о правообразовании, как о процессе, выражающемся во взаимных притязаниях и ожиданиях определенного поведения в интересах решения жизненной проблемы.²

В концепции социальных притязаний находит выражение жесткая (и с этой точки зрения вполне природная, естественная) зависимость права от внешних факторов, от всего того, что образует человеческое бытие. В этом отношении социальные притязания в настоящее время выполняют особо значимую миссию. Они выступают движущей силой права, участвуют в «рождении права», помогая ему преодолеть путь от замысла к результату. Эволюция права идет от социальных притязаний к нормам права, затем через реализацию норм к общественной практике.

Социальные притязания являются ближайшей социальной основой права как юридического феномена. Они, оказывая прямое влияние на правовое регулирование общественных отношений, через механизм правосознания учитываются в правотворчестве и применении права. Посредством закрепления интересов граждан, иных лиц в объективном праве их социальные притязания получают свое воплощение в субъективном праве. На субъективных правах «замыкается» закономерная для права цепь зависимостей, идущих от объективных потребностей общества к социальным притязаниям и от них (в условиях сложившихся юридических систем — через объективное право) — к юридической свободе поведения.

Таким образом, человек, его стремления, интересы, социальные притязания выступают сердцевиной правового порядка, которые во многом получают свое оформление в правах и свободах, обязанностях и ответ-

---

¹ Свинин Е.В. Правопорядок как воплощение идей законности и необходимости // Журнал российского права. 2017. № 9. С.26.

² Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. 1907. С. 179; Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль. 1919. С 32-33.

ственности гражданина, реализуются в последующем в отношениях между ними, а также во взаимосвязях с государством и обществом. Институционализация социальных притязаний в праве выступает фактически гарантом правопорядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артемов В.М. Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации. М. 1998.
2. Большая юридическая энциклопедия. М., 1999.
3. Ильин И.А. Сущность правосознания. М. 1993.
4. Капустин М. Теория права: Общая догматика. М., 1868. Т. 1.
5. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. 1907.
6. Свинин Е.В. Правопорядок как воплощение идей законности и необходимости //Журнал российского права. 2017. № 9.
7. Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль. 1919.
8. Теория государства и права: учебник /под ред. А.В. Малько и Н.Н. Матузова. М., 1997.
9. Теория государства и права: учебник /под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М., 1999.
10. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999.

ПРАВОПОРЯДОК В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО

Галина Викторовна Стародубова
Воронежский государственный университет

Аннотация: В статье анализируется сущность и содержание правопорядка в сфере уголовного судопроизводства. Раскрывается взаимосвязь и взаимозависимость объективного и субъективного аспектов в порядке правовых отношений в ходе производства по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовный процесс, правопорядок, закон, объективное, субъективное.

Одним из основополагающих принципов уголовного процесса является законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ). Правопорядок в сфере уголовного судопроизводства, как и в любой иной сфере, в своей основе имеет законность и является ее результатом¹. Целью правовых норм является упорядочение общественных отношений, правопорядок в обществе. В этом ракурсе порядок правовых отношений – идеальный образ того результата, который стремится получить законодатель, придавая государственно-властный характер системе определенных установлений. Однако даже качественный, не противоречивый в своем содержании закон

---

¹ Строгович М.С. Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права. М., 1966. С. 28.

не гарантирует правопорядок, поскольку его содержанием является правомерное поведение людей, надлежащая правореализация.

Особое значение «правовое состояние общественных отношений»¹ имеет при производстве по уголовным делам в виду чрезвычайной важности защиты прав и интересов лиц и организаций, которым преступлением причинен вред, а равно защиты личности от незаконного уголовного преследования, обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Правоотношения, составляющие правопорядок в сфере уголовного судопроизводства, разнообразны. Главными из них являются отношения органов государственной власти и их должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, с гражданами и организациями, вовлекаемыми в том или ином качестве в «процессуальную орбиту». Последние могут иметь собственный интерес в исходе производства по делу (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый), могут быть источником информации, имеющей значение для дела (свидетель, эксперт, специалист) либо содействовать процессу раскрытия, расследования, рассмотрения уголовного дела (понятой, переводчик). В правопорядок включается блок отношений государственных органов и должностных лиц, ведущих производство по делу, между собой (отношения ведомственного контроля и прокурорского надзора за деятельностью следователя и дознавателя, судебное санкционирование использования государственного принуждения, проверка вышестоящим судом законности и обоснованности приговора или иного решения нижестоящего суда). Наконец, в структуре правопорядка можно выделить немногочисленные отношения невластных участников уголовного судопроизводства между собой. В то же время следует оговориться, что большинство из них так или иначе связаны с деятельностью следователя, дознавателя, судьи (примирение потерпевшего и обвиняемого является основанием для вынесения следователем, дознавателем или судом постановления о прекращении уголовного дела).

Сущность правопорядка в сфере уголовного судопроизводства как общественного явления ярко проявляется через соотношение нормативных предписаний и реальной картины их применения. Причиной появления законодательных установлений порядка расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел по существу является деятельность человека. Нормотворчество и правореализация в исследуемой области – деятельность человека, конечной целью которых является корректировка также деятельности человека. Неразрывная связь уголовного судопроизводства с человеком обуславливает сильную субъективную составляющую данной сферы. Объективный элемент, не зависящий от сознания человека, меняется в зависимости от процессуального положения конкретного субъекта. Субъективная и объективная составляющие порядка правовых отношений в сфере уголовного судопроизводства находятся в сложной взаимосвязи и взаимозависимости. Диалектически противоположные по своей природе, они могут менять свой характер, будучи объ-

---

¹ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С. 635.

ективными сущностями для одного участника уголовного судопроизводства и проявлением субъективного начала в деятельности другого.

Уголовный процесс как отрасль права, которая представляет собой формально определенную систему норм, нормативных правил поведения, для правоприменителя является объективной сущностью. Более того, эта система норм, как и любая другая отрасль права, по своему содержанию, по отраженным в данных нормах общественным отношениям имеет объективную основу. «Право как объективное социальное явление, - отмечал В.С. Нерсесянц, - это... особая духовная форма выражения совокупных итогов сложного и многофакторного социально-исторического процесса общественной жизни людей, результат достигнутой соответствующим обществом (и народом) ступени развития в общецивилизационном прогрессе равенства, свободы и справедливости в человеческих отношениях»¹.

Преступление объективно предопределяет содержание и смысл уголовно-процессуального права как некоей объективной сущности. Базовое правило, основанное на общих представлениях о справедливости, - правило о необходимости установления виновного, привлечения только его к уголовной ответственности и назначении наказания только ему. Это правило реализуется через установления, обеспечивающие достоверность получаемой информации, и механизмы, направленные, если не на исключение ошибок, то хотя бы на их минимизацию. Отличительной особенностью процесса доказывания виновного совершения преступления конкретным человеком является существенное вторжение в зону прав и свобод субъектов, вовлекаемых в этот процесс или затрагиваемых им. Данная сфера общественной жизни объективно нуждается в правовом регулировании и упорядочении поведения людей².

Одновременно с этим государственная деятельность, направленная на официальное выражение и закрепление упорядоченной совокупности правовых норм, объединяемых в УПК РФ и регулирующих порядок производства по уголовному делу, не свободна от субъективного элемента, привносимого в нее самими лицами, ее осуществляющими. Правотворчество или правоустановление не свободно от субъективного влияния личности правотворца или правоустановителя. Выявление потребности в регулировании тех или иных отношений, складывающихся в ходе производства по делу о преступлении, либо потребности в корректировке существующей нормативной модели поведения, формулирование нормативно закрепляемых соответствующих правил, определяющих взаимоотношения участников уголовного судопроизводства, проходит через сознание субъекта правоустановительной деятельности и преломляется в его правосознании; правовая норма является результатом его осознанного творчества. Уголовно-процессуальное право,

---

¹ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М., 2012. С. 416.

² На содержание и характер правотворчества в сфере производства по уголовным делам оказывает существенное влияние сложно переплетенная совокупность субъективных и объективных, экономических и духовных факторов, что нельзя недооценивать.

как и право в принципе, «выражает единство двух сторон общественной действительности – объективной и субъективной»¹.

Как было отмечено, право, выраженное в законе, является объективной сущностью для правоприменителя. Для него же объективным явлением будет имевшее место в прошлом событие преступления, которым инициируется его профессиональная деятельность. Одновременно ни деятельность по государственному установлению норм права, ни деятельность по их применению не свободны от субъективного элемента, обусловленного личностью правотворца и правоприменителя. При этом сознание и правотворца, и правоприменителя как источник субъективного не только отражают объективное – право, выраженное в уголовно-процессуальном законе, но и является важным фактором в развитии самого объективного.

Бесспорно, правоприменительная деятельность ведущих производство по уголовному делу государственных органов и их должностных лиц по осуществлению их прав и обязанностей, объединяемых категорией «полномочия», специфична относительно правореализующих действий других участников уголовного судопроизводства. Эта специфичность обусловлена официально-властным характером данных субъектов, содержанием их компетенции, принимаемыми ими правоприменительными актами, в т.ч. направленными на использование возможностей государственного принуждения, и т.д. Однако их правоприменение должно осуществляться как исполнение конкретных предписаний правовой нормы в соответствии с правилами, общими для всех субъектов реализации права, и вписываться в единую нормативно-регулятивную модель. Подчинение правоприменителя единым требованиям и правилам² предполагается режимом законности и представляет собой гарантию против произвола государственно-властных субъектов в социально-чувствительной сфере уголовного судопроизводства.

Все действия правоприменителей в сфере уголовного процесса на всех этапах правоприменения внутри каждой из стадий производства по делам о преступлениях представляют собой предписанные применяемыми правовыми нормами действия, имеющие юридическое значение, для определения юридического же значения конкретных фактических обстоятельств произошедшего события и принятия по данному уголовному делу решения. Фактические и легальные аспекты правоприменительной деятельности в ходе расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела тесно переплетены. Формально определенные общеобязательные уголовные запреты, правила квалификации и производства по уголовному делу, которые по отношению к правоприменителю имеют объективный характер, связываются через субъекта-правоприменителя и его сознание с конкретным преступлением как совокупностью фактических обстоятельств, которое также для него является объективным явлением.

---

¹ Шейншлин Б.В. Объективное и субъективное в праве // Правоведение. 1961. № 4. С. 123.

² См., напр.: Стародубова Г.В. Проверенные временем общие условия судебного разбирательства // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 196-199.

Разрешению уголовного дела по существу предшествует сложная деятельность правоприменителей по установлению обстоятельств произошедшего события и оценка их соответствия правоприменительным условиям – признакам преступления, элементам его состава. Именно субъективная мыслительная деятельность выявляет соответствие между двумя явлениями объективного порядка: событием реальной действительности и правовыми нормами, закрепляющими модели уголовно-наказуемых деяний. Кроме того, исследование обстоятельств преступления происходит в соответствии с нормативными целями, задачами, процессуальными формами и юридико-доказательственными средствами этой деятельности, в рамках и на основе установленного правопорядка, что означает необходимость соотнесения объективных фактических оснований для действий с объективными же правилами производства по уголовным делам.

Правоприменительная деятельность следователя, дознавателя, прокурора, судьи в ходе производства по уголовному делу – это и реализация данными должностными лицами своих полномочий (обязанностей и прав), которые закреплены в диспозициях применяемых правовых норм. При этом такое должностное лицо вправе и обязано реализовать диспозицию соответствующей нормы, уполномочивающей его на определенные действия. Оно должно реально использовать определенные властные правомочия из всего комплекса правомочий, составляющих его компетенцию, в рамках решаемого правового вопроса в конкретный момент производства по уголовному делу.

Традиционно выделяемые стадии правоприменения, в т.ч. и в уголовно-процессуальной сфере, – установление фактических обстоятельств дела, юридическую квалификацию этих обстоятельств и принятие решения по делу – таким образом можно охарактеризовать с точки зрения примата объективного либо субъективного начала. Первая стадия своим предметом имеет объективную действительность – обстоятельства преступления как факта реального прошлого. Вторая стадия включает в себя объективно существующие правовые модели преступлений, с которыми сопоставляются установленные обстоятельства преступления как факта объективной действительности посредством мыслительной деятельности правоприменителя, его умозаключений. Третья стадия включает в себя принятие решения по делу, включая обоснование доказанности конкретных обстоятельств преступления, каждого из элементов его состава, мотивировку назначаемого наказания и т.д. Содержание деятельности преимущественно носит субъективный характер.

Конкретная процессуальная ситуация характеризуется набором особенностей, что влечет за собой ее индивидуальность и уникальность, а вследствие этого невозможность механически на нее наложить «трафарет» нормы закона. Каждый раз требуется уточнение в контексте определенной ситуации.

В этой связи в правоприменение свою лепту вносит интерпретация или толкование норм уголовно-процессуального права, которое связано с сознанием интерпретатора. Оно представляет собой мыслительный процесс – уяснение и разъяснение подлинного содержания нормы права, ко-

торая должна быть применена в конкретной процессуальной ситуации. А.В. Поляков толкование правовых текстов в его прикладном правореализационном значении определяет как «индивидуальный интеллектуальный процесс, направленный, во-первых, на установление смысла правовых текстов применительно к поведению правовых субъектов (уяснение права), а во-вторых, на разъяснение этого смысла другим субъектам правовой коммуникации (разъяснение права)»¹. Как указывает В.О. Белоносов, целями толкования являются: «а) обеспечение правильного и единообразного применения толкуемой нормы, устранение неясностей и возможных ошибок при ее реализации; б) устранение или смягчение недостатков посредством нормативных предписаний»².

Регулятивное содержание нормы уголовно-процессуального права выражено в тексте УПК РФ. Формулировки правовых предписаний при производстве по уголовным делам, как и любых иных, являются общими, абстрактными. Применение этих норм носит характер конкретики: в каждой процессуальной ситуации свой набор внешних условий, субъектов, сведений, подтверждающих наличие оснований для применения данной нормы и т.д. В этой связи статичное абстрактное правовое предписание требует конкретизации применительно к динамике уголовного судопроизводства. В этом и состоит толкование нормы права. Ее регулятивный смысл должен быть осознан и обоснован правоприменителем в развитии процессуальной ситуации.

Интерпретация нормы права – прежде всего, уяснение ее содержания – процесс, проходящий через и посредством сознания интерпретатора. Уяснение понимается как «сама юридико-познавательная процедура выявления, осмысления и обоснования искомого содержания толкуемой нормы»³. Причем через сознание субъекта текст нормы и регулятивная ситуация проходят в единстве и соотнесенности друг с другом. Осознание и осмысление формулировки статьи УПК РФ, закрепляющей толкуемую норму, в контексте конкретной процессуальной ситуации во всей ее индивидуальности вскрывает актуальное регулятивно-правовое содержание нормы, которое подлежит применению в этой ситуации. При этом следует отметить, что в ходе толкования нормы права у разных субъектов могут возникать разные версии относительно смысла данной нормы. Эти версии могут быть обусловлены «процессуальным интересом» правоприменителя и стать причиной проверки его действий и решений, отражающих выявленный им смысл правовой нормы.

Нами показаны далеко не все субъективные и объективные аспекты порядка правовых отношений в производстве по делу о преступлении. Интереснейшим направлением научного анализа в этом разрезе является уголовно-процессуальное доказывание, где должно иметь место вычле-

---

¹ Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. – 2-е изд., исправл. и доп. М., 2016. С. 772.

² Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России: монография. Самара, 2006. С. 14.

³ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М., 2012. С. 496.

нение объективных сведений на фоне субъективных оценок, обвинительного уклона, противодействия расследованию, злоупотребления процессуальными правами и прочих факторов. Однако выявленные точки соприкосновения объективного и субъективного в сфере уголовного судопроизводства дают некую общую картину взаимовлияния объективной и субъективной составляющих процессуального правопорядка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белоносов В.О. Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России: монография. Самара, 2006. 416 с.
2. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М., 2012. 560 с.
3. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. 642 с.
4. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. – 2-е изд., исправл. и доп. М., 2016. 832 с.
5. Стародубова Г.В. Проверенные временем общие условия судебного разбирательства // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 196-199.
6. Строгович М.С. Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права. М., 1966. 64 с.
7. Шейндлин Б.В. Объективное и субъективное в праве // Правоведение. 1961. № 4. С. 123-126.

ВЫБОРЫ ТЮРЕМНЫХ СТОРОЖЕЙ В РОССИИ XVII ВЕКА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВЕРХОТУРЬЯ)

Анатолий Викторович Сумин

*Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний
России*

Аннотация: В России XVII в. в условиях высокой интенсивности боевых действий, особенно на т.н. «фронтире», имел место кризис общественного порядка в широком его понимании. Это касалось различных сфер жизни общества, в том числе и вопросов тюремного быта. На основе документов Верхотурской приказной избы описывается нестандартная процедура выбора тюремного сторожа в условиях восстания башкир и сылвенских татар против России в 1662-1664 гг.

Ключевые слова: тюрьма, тюремный сторож, выбор.

В Московском государстве XVII в. функции тюремного персонала выполняли как служилые люди, так и тюремные сторожа и целовальники из различных категорий населения. Основным документом, регламентировавшим обязанности последних, являлся, по-видимому, «выбор», составленный по присланному из соответствующего приказа образцу. Большая часть «выборов» хранилась в архивах местных учреждений – губных, съезжих и приказных избах, а также в подчиненных этим уездным органам управления населенных пунктах. Сохранность архивов XVII в. такова, что основной массив подобных документов сохранился в фонде №1111 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) «Верхотур-

ская приказная изба»¹. Хронологически первым в числе актов ф. 1111 РГАДА является интересный и нетипичный «выбор» тюремного сторожа к верхотурской тюрьме в 1664 году от крестьян Ирбитской слободы вместо крестьян Невьянской слободы.

В 1662-1664 гг. в Западной Сибири проходило восстание башкир и сылвенских татар против России². В июле 1664 г. восставшие взяли Невьянский монастырь и разорили слободу. В этих чрезвычайных условиях в августе 1664 г. верхотурский воевода Колтовский затребовал из Невьянской слободы тюремного сторожа на следующий год, начинавшийся тогда с 1 сентября. Староста Невьянской слободы вместе с выборным крестьянином Тагильской слободы били челом воеводе о том, чтобы сторож был выбран из Ирбитской слободы. Воевода пошел навстречу «челобитью» и отправил 7 августа 1664 г. «память» в Ирбитскую слободу, указывая: «как к тебе ся память придет, и ты б ирбитцким крестьяном велел выбрать меж себя к верхотурской тюрьме сторожа – человека добра тотчас, не мешкав, не дожидаясь о том к себе иной памяти, потому что невяньские крестьяне от татар разорены, а подмоги ему будет со всех волостей»³. К «памяти» в Ирбитскую слободу прилагался образец «выбора», который не имеет аналогов в схожих доступных нам документах.

Во-первых, выбор происходил не только населением Ирбитской слободы, а населением уездного города Верхотурье и рядом подчиненных ему слобод: «...верхотурские посадские люди и ямские охотники, и пашенные подгородные, и тагильские, и невяньские, и ницынские, и арамашевские, и ирбитцкие, и пышминские, и белослудские, и усть-ирбитцкие крестьяне, выбрали мы ирбитцкого крестьянина в сторожи к верхотурской тюрьме...»⁴.

Во-вторых, подмога выбранному сторожу, которая включала в себя «подможные деньги» и «подможный хлеб», должна была предоставляться не избравшими его крестьянами слободы, а всеми волостями уезда (подмоги ему будет со всех волостей).

В-третьих, интересна формулировка ответственности выборщиков за возможные правонарушения тюремного сторожа: «...и на нас, выборных людех, в том пеня Великих Государей. А пеню, что они, Великие Государи, укажут и исцовы иски и наши, выборных людей, головы вь его голову место, а хто нас, выборных людей, будет в лицах – на том порука вся и на то послух»⁵. Исходя из того, что сторожа выбирают как с Верхотурья, так и ряда слобод, то было бы логично предположить, что ответственность за его действия, как и *подмога*, должна была быть «со всех волостей».

---

¹ В масштабнейшем Ф. 210 «Разрядный приказ» нами было обнаружено всего три документа, касающихся выборов тюремных сторожей и целовальников и предоставления им подможных денег и подможного хлеба.

² Башкирское восстание 1662—1664 гг. // Исторические записки. — Т. 24. — М., 1947. - С. 30-110.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 1111 Верхотурская приказная изба. Оп. 1. Стб. 109. Л. 125.

⁴ Там же. Л. 127.

⁵ Там же. Л. 128.

Таким образом, мы имеем интересный и уникальный комплекс документов о действиях уездного воеводы г. Верхотурья по кадровому обеспечению Верхотурской тюрьмы в условиях чрезвычайной ситуации кризиса общественного порядка и военного времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Память Верхотурского уезда 7 августа 1664 г. в Ирбитскую слободу верхотурскому стрелецкому десятнику Меркушке Вискунову о выборе из ирбитских крестьян тюремного сторожа к Верхотурской тюрьме вместо невянских крестьян, разоренных от татар.

(Л. 123) Лета 7172-го августа в 7 день по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России и государя благоверного царевича и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России указу память Верхотурского уезу¹ на Ирбит верхотурскому стрелецкому десятнику Меркушке Вискунову. Били челом великим государем, а на Верхотурье в съезжей избе столнику и воеводе Ивану Яковлевичю Колтовскому, да подьячему Василью Богданову подали челобитную невянской выборной староста Елфимко Тихонов, да тагилской (Л. 124) выборной крестьянин Тимошка Корелин на ирбитцких крестьян. Правят де на них, крестьянех, на Верхотурье к тюрьме сторожа и целовалника, а у них де невянских и тагилских крестьян на Верхотурье по вся годы на годовых службах бывают человека по два в целовалниках на винокурне и у винокуренных запасов, а ирбитцкие де крестьяне тех годовых служб с ними не служат и живут в ызбылех не ведо-(Л. 125)-мо для чего. И как к тебе ся память придет, и ты б ирбитцким крестьяном велел выбрать меж себя к верхотурской тюрьме сторожа – человека добра тотчас, не мешкав, не дожидаяся о том к себе иной памяти, потому что невянские крестьяне от татар разорены, а подмоги ему будет со всех волостей. А как крестьяне сторожа к тюрьме выберут – и ты б того сторожа и на него выбор выборных людей за руками прислал на Верхотурье по тому же тотчас, да о том отписал, а отписку и выбор велел подать и сторожу явитца в съезжей избе столнику и воеводе Ивану Яковлевичю Колтовскому да подьячему Василью Богданову. А как выбор на сторожа написан и о том под сею памятью послан к тебе образец к сей памяти. (Л. 126) Великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Феодора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя России печать земли сибирские города Верхотурья приложил столник и воевода Иван Яковлевич Колтовской².

(Л. 126 об.)³ Справил Федка Шилов.

РГАДА Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 109. Лл. 123-126.

---

¹ Так в тексте.

² Далее фрагмент печати черного воска на бумажной кустодии.

³ По листам скрепа: лл. 123 об. – 124 об. «При», лл. 124 об. – 125 об. «пи», лл. 125 об. – 126 об. «сал», лл. 126 об. – 127 об. «Василей», лл. 127 об. – 128 об. «Богда», л. 128, после текста «нов».

Образец выбора августа (без числа) 1664 г. в тюремные сторожа ирбитского крестьянина (без имени) от имени верхотурских посадских людей и ямских охотников, пашенных подгородных, тагильских, невьянских, ницынских, арамашевских, ирбитских, пышминских, белослудских и усть-ирбитских крестьян.

(Л. 127) Лета 7172-го августа в ...¹ день по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии указу верхотурские посадские люди и ямские охотники, и пашенные подгородные, и тагильские, и невьянские, и ницынские, и арамашевские, и ирбитские, и пышминские, и белослудские, и усть-ирбитские крестьяне, выбрали мы ирбитского крестьянина в сторожи к верхотурской тюрьме - не пьяницу и не вора, и не зерщика, человека доброво, что быти ему за нашим выбором у дела Великих Государей у тюрьмы в сторожах. И тюрьмы беречь, и над сиделцами смотреть, чтоб они тюрьмы не подкопали и не подрезали, и ножей и топоров, и шил, и никакова железа и ни веровок, и костей, и с корчмою и з зернью в тюрьму никого не пускать, и тюремным сиделцом в тюрьме зернью играть и бражничать не давать, и к тюрьме никаких воровских людей не подпускать, и смотреть накрепко, чтоб никто к тюрьме с воровством и с подговором и з железом не приходил. И самому не бражничать, и тюремных сиделцов без указу Великих Государей ис тюрьмы не выпускать. А как пойдет он им рек с тюремщиками в мир, (Л. 128) и ему их беречь, и на кабак не пускать, и бражничать не давать, и самому пьяну не напиватца, и их из города на поле не выводить. А будет он им рек за нашим выбором учнет пить и бражничать, и тюрьмы беречь, и над сиделцами смотреть не станет, и в тюрьму с ножами, или с топорами или с каким железом, или с веревками, или с костью, или с корьмчою, или зернью кого пустит, или тюремные сиделцы ево небереженьем учнут в тюрьме зернью играть и бражничать, или каких воровских люде² с воровством и с подговором или каким железом припустит, или без указу Великих Государей тюремных сиделцов ис тюрьмы выпустит, или в мир пойдет да отпустит, или на кабак отпустит и бражничать даст, и сам напиватца станет или тюремных сиделцов из города на поле выводит - и на нас, выборных людех, в том пеня Великих Государей. А пеню, что они, Великие Государи, укажут и исцовы иски и наши, выборных людей, головы въ его голову место, а хто нас, выборных людей, будет в лицах - на том порука вся и на то послух. Им рек выбор писал им рек.

(Л. 128 об.) 172-го году августа в 12 день подал память Григорья Черткова человек Васка.

РГАДА Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 109. Лл. 127-128.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Башкирское восстание 1662—1664 гг. // Исторические записки. — Т. 24. — М., 1947.
2. РГАДА Ф. 1111 Верхотурская приказная изба. Оп. 1. Стб. 109.

---

¹ Оставлено место для числа, но число не вписано.

² Так в тексте.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНОМНЫХ И ИНЫХ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СМЕШАННЫХ ПРАВООРЯДКАХ

Елена Николаевна Трикоз
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Российский университет дружбы народов

Под смешанным правовым порядком понимается такая правовая структурная общность, в которой объединяются элементы двух или более правовых традиций (правовых семей), и которая отличается полиюридизмом, неоднородностью правовой регламентации и юридической гетерогенностью. В результате в разных уголках мира формируются многослойные и многогранные образы права. В этом системном многообразии обособились такие феномены, как рациональные и иррациональные правовые системы, «смешанные», «кочующие» и примыкающие правовые системы, микстовые, переходные и атипичные правовые конструкции¹.

«Смешанное правовое семейство» объединяет заимствованные и синкретичные правовые системы как в границах одного национального государства, так и на уровне субрегиональных международных организаций. Смешанные правовые порядки развиваются либо в границах семьи «западного права» - на пересечении двух классических универсальных юрисдикций (романо-германской и англо-американской), либо же на стыке «западного права» с «восточным правом» (религиозным или традиционным). Поэтому принято различать две подгруппы: гибридный (дуалистический) и плюралистический типы смешанных правовых порядков. На базе континентально-прецедентного права выделились еще два подвида «правовых гибридов»: *примыкающие смешанные системы* (скандинавско-балтийские и латиноамериканские), и *локальные смешанные подсистемы* (право Шотландии в Великобритании, право Квебека в Канаде, право Луизианы в США, право Джамму-и-Кашмира в Индии, и др.).

Наиболее инновационной зоной правового регулирования в смешанных правовых порядках являются вопросы искусственного интеллекта, цифровизации права и биотехнологического воздействия на право.

В современном мире четвертая промышленная революция и радикальная биотехнология набирают неконтролируемые обороты, когда национальное законодательство просто не успевает за ежедневными лабораторными открытиями. Еще в 80-е гг. прошлого века началась разработка и институционализация основных принципов «транснационализма» и глобализация геномики человека². Уже через несколько десятилетий большинство детей будут зачаты в лабораториях, и новая жизнь

---

¹ См.: Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Нижний Новгород, 2018. № 2 (42). С. 29-37.

² Stevens H. Globalizing Genomics: The Origins of the International Nucleotide Sequence Database Collaboration // Journal of the History of Biology. 2017. Oct 6.

сможет зарождаться «без участия тела женщины». Мы станем свидетелями того, как у потомства богатых родителей ещё до того, как эмбрион окажется в теле женщины, будет больше биологических преимуществ на основе ВРТ, определяющих его предпочтительный пол, лучшую внешность, модели поведения, в том числе с помощью технологии редактирования ДНК будущего ребёнка и генома всего потомства.

В то же время небезопасное обращение с прорывными биотехнологиями и или неконтролируемый оборот генетической информацией потенциально угрожает фундаментальным правам человека, неприкосновенности частной и семейной жизни. Защита подобного рода персональных данных представляет собой задачу современного технологического общества, которое наиболее резкими толчками развивается в нестабильных смешанных правовых порядках. Обеспечение биологической безопасности и защиты геномной информации является важнейшей гарантией прав человека в сфере частной жизни, направлено на пресечение произвола, злоупотреблений и дискриминации по признаку различий в геноме человека. Актуальные вопросы правового регулирования биоэтики проявляются в сфере применения эвтаназии, гомотрансплантации и аллотрансплантации, клонирования, искусственного материнства, абортов, ксенотрансплантации и др.

Базовые принципы и гарантии применительно к геномным исследованиям, внедрению их результатов в жизнь и защите геномной информации содержатся в ряде обязательных документов универсального международного права¹. Непосредственно вопросы обращения с человеческим геномом и персональной ДНК-информацией регулируются в актах мягкого международного права, в числе которых особо выделим следующие: 1) Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принятую путем аккламации 11.11.1997 и одобренную Генеральной Ассамблеей ООН 09.12.1998; и Руководящие принципы осуществления Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, одобренные резолюцией ГА ООН 16.11.1999; 2) Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии от 02.11.2001; 3) две резолюции Экономического и Социального Совета ООН о генетической конфиденциальности и недискриминации 2001/39 от 26.07.2001 и 2003/232 от 22.07.2003; 4) Международная декларация о генетических данных человека, принятая резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16.10.2003. Эти документы закрепляют, что геном человека не должен служить средством обогащения, и человек

---

¹ В частности, к ним относятся такие правовые документы ООН, как: Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948; два Международных Пакта об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах от 16.12.1966; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21.12.1965; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18.12.1979; Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989; Конвенция МОТ (№ 111) о дискриминации в области труда и занятий от 25.06.1958; Декларация о Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) и общественном здравоохранении 14.11.2001; и др.

имеет право на возмещение вреда из-за детерминирующего воздействия на его геном¹.

Декларация о клонировании человека, принятая резолюцией ГА ООН 59/280 8 марта 2005 г., содержит призыв к государствам запретить все формы клонирования человека в той мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни. Также стоит выделить принятую в Рио-де-Жанейро Конвенцию ООН о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 г., и дополнивший ее 29 октября 2010 г. Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения². Центральное место в Протоколе занимают обязательства, касающиеся доступа к генетическим ресурсам, совместного использования на справедливой и равной основе выгод от применения генетических ресурсов, а также соблюдения предварительного обоснованного согласия на использование традиционных знаний и взаимосогласованных условий.

Рассмотрим далее уникальный опыт юридической регламентации этой новой сферы в рамках стран сообщества гибридной правовой семьи (на пример Латинской Америки и стран АТР). Обратимся к «примыкающим смешанным правовым системам» в Латинской Америке³. Здесь издавна сложилось особое правовое пространство, которое объединяет два десятка государств Центральной и Южной Америки, так называемое «Иberoамериканского Сообщества Наций»⁴. Правовые системы этого региона являются уникальным сплавом различных правовых традиций и культур: аборигенной (индейской), англо-американской и романо-германской (испанской и французской), а также отчасти социалистического права⁵. В последние десятилетия в этих государствах интенсивно развивается законодательство в области биоэтики, биобезопасности и генетических исследований.

В Мексике уже сложился многоуровневый механизм регламентации, состоящий из нескольких законодательных актов по биобезопасности (в частности, Закон о биобезопасности генетически модифицированных организмов 2005 г., Регламент применения данного закона с дополнениями 2009 г., Положение о комиссии по биобезопасности генетически модифицированных организмов 2006 г., Правила функционирования Целевого

---

¹ Трикоз Е.Н., Гуляева Е.Е. Позиции ЕСПЧ по некоторым вопросам биоэтики и генетических данных // *Advances in Law Studies. Scientific and Theoretic Journal*. 2018. Том 6, № 4. С. 36-40.

² https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf

³ Политический термин «Латинская Америка» был введен французским императором Наполеоном III для обозначения тех частей Америки, которые заселяли на протяжении XV – XVI вв. выходцы из Франции, Испании и Португалии. Жидков О.А. История государства и права стран Латинской Америки. М., 1967.

⁴ Гриценко И.А. Иberoамериканское Сообщество Наций: кризис, обновление, перспективы // *Иberoамериканские тетради*. 2016. № 1 (11). С. 67-72.

⁵ За пределами этой правовой семьи остается Куба, где сохраняется социалистическое право, а также Белиз, Гайана и другие бывшие британские колонии Карибского бассейна, где преобладают традиции «общего права». Eder Ph.J. *A Comparative Survey of Anglo-American and Latin American Law*. N.Y., 1950.

фонда для поощрения и поддержки научных и технологических исследований в области биобезопасности и биотехнологии, Соглашение об обороте информации и документации, которая должна быть представлена в случае проведения работ в условиях ограниченного использования, раскрывающая уникальный формат уведомлений об ограниченном использовании генетически модифицированных организмов, Национальный и международный правовой порядок по биобезопасности генетически модифицированных организмов 2015 г., и др.).

Конституция Мексики запрещает любые посягательства на жизнь и достоинство человека с момента зачатия (статьи 1, 4, 14 и 22 Конституции), что также подтверждается в судебной практике (например, в решении Верховного суда по делу № 14 от 2002 г.)¹. Недавно Мексика присоединилась вслед за Францией и Германией, которые первыми предложили ввести полный запрет на репродуктивное клонирование и мораторий на терапевтическое клонирование. Инициатива мексиканских депутатов была поддержана правительством и в итоге появилась новая статья 100-bis и была отредактирована статья 465 Общего закона Мексики о здравоохранении. Здесь был установлен запрет на большую часть репродуктивного клонирования, которое направлено на полное воспроизводство людей, а также на терапевтическое клонирование, предназначенное для воспроизведения только тканей или органов человека. Также запрещается ввоз продуктов, полученных в результате клонирования. Под «клонированием человека» понимается бесполое искусственное поколение человеческих эмбрионов, с момента существования зиготы, начиная от переноса ядра или любой другой технической процедуры и вплоть до окончания 12-ой недели беременности, с ядерно-генетической наследственностью, идентичной человеческому существу. Кроме того, согласно мексиканскому регулированию, человеческие стволовые клетки эмбрионального происхождения не могут быть предметом исследований как научных, так и медицинско-терапевтических.

В Бразилии на фоне быстро развивающейся сферы биотехнологий также была пересмотрена система нормативных регуляторов и правовая база. Так, в 1996 году был принят Закон Бразилии о патентах, который был соотнесен с подписанным ранее соглашением ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (т.н. TRIPS)². Первый в Бразилии закон о биологической безопасности был инициирован еще в 1995 году и предполагал регулирование процесса создания генетически модифицированных организмов, затрагивал вопросы биологической безопасности окружающей среды, применение биотехнологий в здравоохранении и проч. В Бразилии установлен законодательный запрет на генетические манипуляции с зародышевыми клетками и любые действия с эмбрионами человека, что привело к жесткому ограничению биотехнологических исследований в области медицины.

---

¹ Источник: <https://www.nexos.com.mx/?p=11956> (дата обращения: 01.07.2019).

² https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/intel2_e.htm

В Перу, согласно ст. 105 Общего закона о здравоохранении, государство поощряет использование биотехнологий в соответствии с принципами сохранения биологических ресурсов, защиты окружающей среды и здоровья людей. Риски, связанные с использованием биотехнологий, описаны в специальном Законе №27104, в Верховном указе 2011 г. о правилах применения современных биотехнологий для сельского хозяйства, в целом ряде министерских резолюций и постановлений, которое типизирует нарушения и устанавливает санкции в рамках моратория на ввоз генетически модифицированных продуктов. Следует отметить, что, как в целом в латиноамериканском регионе, так и в частности в Перу упрочилась тенденция на присоединение к международно-правовой системе регулирования биотехнологий и генетических исследований. К таким правовым актам в Перу следует отнести Законодательную резолюцию 1993 г. №261181 о ратификации Конвенции ООН о биологическом разнообразии, принятой в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г., а также Законодательную резолюцию 2004 г. №29170, ратифицирующую Картахенский протокол по биобезопасности от 15 мая 2000 г.¹

Что касается запрета клонирования, то в УК Перу в Главе V генетические манипуляции криминализированы как «преступление против человечности». Так, статья 324 гласит, что любое лицо, которое использует какую-либо технику генетических манипуляций с целью клонирования человека, наказывается лишением свободы на срок от шести до восьми лет и дисквалификацией². В ст. 7 Общего закона Перу о здравоохранении запрещается оплодотворение человеческих яйцеклеток в целях, отличных от целей деторождения, а также установлен прямой запрет на клонирование людей.

Обратимся далее к опыту правового регулирования вопросов биоэтики, генетики и биотехнологий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Предварительно обращаем внимание на неоднозначную практику получения и использования генетических данных в странах Восточной и Южной Азии, что позволяет нам выделить три юридических модели оборота генетических результатов и защиты генома человека³.

Начнем с правовой системы Индии, в которой последовательно сменились две «макро-кочующие правовые системы»: сначала местная индубуддийская и традиционная обычно-правовая система, затем их «поглотила» пришедшая мусульманская система права, которую два века назад

---

¹ Источник: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

² Источник: <https://www.monografias.com/trabajos48/clonacion-humana/clonacion-humana.shtml> (дата обращения: 01.07.2019).

³ Трикоз Е.Н. Законодательный опыт регулирования геномных исследований и применения их результатов (на примере стран Восточной и Юго-Восточной Азии) // Сборник тезисов Международного Конгресса «VII Съезд Вавиловского общества генетиков и селекционеров, посвященный 100-летию кафедры генетики СПбГУ, и ассоциированные симпозиумы» (18-22 июня 2019 г., г. Санкт-Петербург). Научное электронное издание. СПб.: Издательство ВВМ (WM Publishing Ltd.), 2019. С. 372-373.

вытеснила британская правовая культура¹. Современное индийское право полисистемно, включает в себя две лично-религиозные системы индуистского и мусульманского права и общенациональное право с большим пластом англосаксонского статутного и прецедентного права.

В современной Индии сформировался наиболее строгий законодательный режим генетически-диагностических исследований. Здесь строго запрещена преимплантационная диагностика (кроме рисков тяжелых генных и хромосомных нарушений), а в рамках пренатальной диагностики запрещена селекция пола или обеспечение супружеской пары ребенком мужского пола, с целью «предотвратить фетицид плодов женского пола». Менее строго регламентируется в специальных инструкциях пренатальная диагностика для выявления генетических, метаболических и хромосомных заболеваний плода, а также целый список показаний в анамнезе беременной женщины.

В то же время другие важные вопросы биоэтики и биомедицины недостаточно урегулированы индийским законодательством. Его пробельный характер позволил распространиться в стране т.н. «репродуктивному туризму». В Индию ежегодно приезжают тысячи «туристов» с целью получения особых услуг ВРТ в условиях либерального юридического режима. Известен пример, когда 80-тилетний фермер и его 72-хлетняя супруга после почти полвека безуспешных попыток стать родителями, в 2017 году осуществили свою мечту, приехав в Индию, где законодательство не ограничивает возраст потенциальных родителей, и воспользовались там ВРТ-технологией для зачатия².

В Китайской Народной Республике действует закон о применении репродуктивных технологий, который запрещает использование эмбрионов в коммерческих целях, а проведение генетических исследований строго регламентируется законом о защите здоровья матери и ребенка 1995 г. Они допускаются в пренатальной сфере, за исключением цели определения пола ребенка, например, при обнаружении врачом аномалии плода или подозрении на передачу эмбриону наследственного заболевания. Режим получения разрешения на генетическую диагностику не требуется, его принимает сам врач при наличии лицензии Минздрава КНР на проведение таких генетических исследований.

В Японии службы непрерывной трудовой занятости контролируют сбор генетической информации в рамках трудоустройства, с целью того, чтобы генетически здоровые сотрудники оставались на рабочем месте вплоть до пенсионного возраста. Пренатальная генетическая диагностика регулируются в Японии не законодательством, а профессиональными инструкциями (например, «Инструкцией по проведению генетического тестирования»). В частности, закрепляется такой критерий инвазивной

---

¹ Крашенинникова Н.А. Индусское право: история и современность. М., 1982. С. 27-28.

² См.: Кулакова Е.А., Трикоз Е.А. Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий // Право, общество, государство: проблемы теории и истории: Сборник материалов конференции (РУДН, г. Москва, 26 – 27 апреля 2019 г.) / Отв. за выпуск Е.Н.Трикоз. М., 2019. С. 318-320.

пренатальной диагностики, как риск передачи плоду тяжелого генетического заболевания, но в любом случае требуется индивидуальное разрешение «Японского общества акушерства и гинекологии» и наличие показаний (наличие у родителей тяжелого аутосомно доминантного заболевания, хромосомной патологии, и др.).

В большинстве стран со смешанным правовым порядком имеются успешные примеры правового регулирования биомедицины, генной терапии, генетических тестов, равенства по признаку генома человека и проч. Хотя стоит подчеркнуть, что национальному законодателю в этих странах еще предстоит доработать вопрос обеспечения реальной недискриминации при получении / истребовании генетической информации в целях медицинского страхования и трудоустройства¹.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК В ИНТЕРНЕТЕ

Александр Владимирович Червяковский
Омская академия МВД России

Интернет долгое время оставался не урегулированным с помощью правовых норм, исходящих от государства. Государство не вмешивалось во взаимодействие граждан в интернете, его присутствие в интернете было минимальным. Даже развивалась и поддерживалась отдельными должностными лицами позиция, что воздействовать на интернет с помощью правовых норм в силу его особенностей нет никакой необходимости и пользователи сами смогут урегулировать отношения по своему усмотрению.

Оценив как возможности интернета, так и угрозы, исходящие в связи с его дальнейшим развитием, государство стало активно участвовать в наполнении интернета, создавая различные сайты и порталы, используя иные возможности сети (социальные сети, мессенджеры и т.д.). Оно начало постепенно регулировать данную достаточно специфическую сферу общественных отношений, устанавливая свои правила и свой порядок в сети. Присутствие государства в интернете продолжает активно расширяться². Государство все более активно принимает меры по контролю за интернетом, в том числе с помощью имеющихся в его распоряжении правовых и иных средств. На смену порядку в сети, организованному самими пользователями, неправительственными организациями, интернет-провайдерами и иными участниками интернет-коммуникаций, постепенно приходит новый порядок с участием государства в области интернет-отношений.

---

¹ См. также: Трикоз Е.Н., Новикова Р.Г. Проблемы защиты персональных данных в процессе использования результатов геномных исследований // Права человека как достижение цивилизации: Сборник статей участников Международной студенческой научной конференции «Право, общество, государство: проблемы теории и истории». М., 2019. С. 167-169.

² Терещенко Л.К. Публичная власть в Интернете // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 145.

Важно отметить, что государство создает свой правопорядок в интернете не только путем правового регулирования существующих отношений в сети, но и другими способами. Говоря о формировании правопорядка в т.ч. в части отношений в сети интернет, мы должны понимать, что государство осуществляет достижение поставленных им целей и задач через различные формы осуществления функций государства. Государство организует правопорядок в интернете не только увеличивая количество правовых норм, регламентирующих взаимодействие пользователей и иных субъектов, связанных со «всемирной паутиной», но и расширяя свое присутствие гласное или негласное в сети.

Информация представляет собой «первичную» ценность, которая является предметом отношений в сети Интернет. Посредством сети как рядовой пользователь, так и иные субъекты, в т.ч. государство, получают доступ к самым различным видам и источникам информации. Государство за все время существования интернета стремилось контролировать информацию, распространяющуюся в сети, а также получать сведения, о тех лицах, которые принимают участие в создании, хранении и распространении информации в интернете. С другой стороны, государство всегда предпринимало усилия защитить имеющуюся в его распоряжении информацию от возможности ее передачи другим государствам, организациям, иным субъектам или разглашения широкой общественности. Государство обладает различного рода сведениями не только о нем самом, но и об обществе, поскольку для выполнения своих функций, решения задач, стоящих перед ним, а также в угоду отдельных заинтересованных лиц (что тоже имеет место быть) собирает, анализирует, систематизирует и хранит информацию об отдельных своих гражданах и их объединениях, и об обществе в целом.

Попытки закрепления в законодательстве возможности государства, его органов осуществлять неконтролируемый доступ к информации, которой делятся пользователи в сети, вызывают опасения как среди правозащитных организаций, так и рядовых пользователей сети. 30 апреля 2018 г. международная организация «Статья 29» и ряд других известных неправительственных организаций сделали заявление: «попытки российских властей контролировать онлайн-связь и вторжение в частную жизнь выходят далеко за рамки того, что можно считать необходимым и соразмерным противодействию терроризму и нарушению международного права»¹. 27 июня 2018 г. «Статья 29» от своего имени и от имени 51 организации выступила с устным заявлением на 38-й сессии Совета по правам человека Организации Объединенных Наций, подчеркнув обеспокоенность в отношении действий, предпринятых Российской Федерацией в целях ограничения свободы в Интернете и конфиденциальности цифровых данных, которые имеют серьезные последствия для пользователей

---

¹ Russia: Telegram block leads to widespread assault on freedom of expression online // Article 19. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.article19.org/resources/russia-telegram-block-leads-to-widespread-assault-on-freedom-of-expression-online/> (последний просмотр 26.06.2019).

Интернета во всем мире¹. По мнению Международной правозащитной группы «Агора» уже сегодня обычный законопослушный житель России подвергается постоянному риску произвольного доступа к информации о его частной жизни и персональным данным. Как отмечают представители Московской Хельсинкской группы, государство стремится контролировать не только открытые каналы распространения информации, но и конфиденциальную переписку пользователей².

В соответствии с Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»³ (т.н. «Закон Яровой»), с 20 июля 2016 г. Центр оперативно-технических мероприятий ФСБ России может потребовать от любого сервиса из реестра организаторов распространения информации передать ему «информацию, необходимую для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений пользователей сети интернет». В 2018 г был заблокирован мессенджер Telegram, от которого правоохранительные органы требовали такую информацию. 4 июня 2019 г. стало известно, что ФСБ также потребовало от «Яндекс.Почта» и «Яндекс.Диск», находящихся в реестре организаторов распространения информации, «ключи шифрования».⁴

Государственные органы, аккумулируя сведения об обществе и государстве, не делятся информацией в полном объеме с заинтересованными субъектами. Законодательство предусматривает ряд запретов и ограничений в отношении оборота информации, находящейся в распоряжении государства. Помимо защиты сведений, составляющих государственную тайну, государство ограничивает в доступе к информации, как относящейся к иным видам тайн. Пределы информационной закрытости (открытости) государства, его органов, должностных лиц, а также предприятий и организаций, в т.ч. создаваемых с участием государства, должны быть четко прописаны в законах государства. Нередко те сведения, которые были ранее открытыми для пользователей, оказываются недоступными.

В тоже время государственные органы активно распространяют информацию о своей деятельности в средствах массовой информации, а также размещения ее в сети Интернет. Основные способы обеспечения доступа к

---

¹ Russia: 50+ NGOs urge UN to challenge restrictions to online expression and digital privacy // Article 19. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.article19.org/resources/russia-ngos-call-on-un-to-challenge-restrictions-to-information-online-and-digital-privacy/> (последний просмотр 26.06.2019).

² Права человека в Российской Федерации: сб. докл. о событиях 2017 г. / [отв. ред. и сост. Н. Костенко]. М., 2018. С. 40.

³ Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.

⁴ ФСБ потребовала ключи шифрования переписки пользователей у «Яндекса» // РБК. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/06/2019/5cf50e139a79474f8ab5494b (последний просмотр 26.06.2019).

информации о деятельности государственных органов определены Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹. Посредством реализации данных способов, а также иными способами осуществляется влияние государства на состояние информированности граждан. Государственными органами создаются и поддерживаются официальные страницы этих органов в сети интернет. В соответствии Ст. 10 Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ органы государственной власти создают сайты, где размещены информация о деятельности этих органов. В распоряжении государства имеются специальные сайты и порталы, предназначенные для решения государственных органами тех или иных задач, в тоже время они могут использоваться для доведения информации до населения по тем или иным вопросам. В настоящее время государственные органы, политические деятели, иные должностные лица имеют свои страницы в социальных сетях, а также паблик-аккаунты в различных мессенджерах. Уже стал вполне привычным тот факт, что информацию о проводимой США политике средства массовой информации, иные интернет-пользователи узнают, читая твиттер-канал Президента США Д. Трампа. В Твиттере немало страниц российских политиков, а также государственных органов. Существенными недостатками официальных источников в социальных сетях и мессенджерах является мозаичность информации, получаемой пользователем, использование официально-делового стиля изложения информации, сугубо официальная манера подачи информации, промодерация комментариев пользователей, их опасения из-за своих комментариев на официальных страницах государственных органов в социальной сети. Сеть Интернет также активно используется государственными органами и должностными лицами для оказания информационного и воспитательного воздействия на общество. С помощью интернета государство доводит до общества необходимую, по мнению государственных органов, информацию. Такое влияние государства на пользователей интернета и других субъектов позволяет формировать и укреплять государственный порядок.

Правопорядок формируется не только посредством размещения государством «достоверной» информации, но и путем создания препятствий и ограничений в доступе пользователей к информации, которая, по мнению государства, является «недостоверной», «лживой», фейковой, опасной для граждан и иных лиц, а также к сведениям, содержащим предвзятую оценку государственной политики, направленных на размывание традиционных духовно-нравственных ценностей. В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

¹ Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Государство, оказывая информационное и воспитательное воздействие на общество, создавая и поддерживая правопорядок, предъявляет требования к информации, создаваемой членами общества, определяет, какая информация может быть запрещена или ограничена в распространении. Государство также устанавливает в законодательстве ограничения в доступе к различного рода информации для отдельных категорий населения. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹ содержит положение, согласно которому аудиовизуальный сервис в интернете должен содержать знак информационной продукции (в том числе в машиночитаемом виде) и (или) текстовое предупреждение об ограничении распространения среди детей информационной продукции. Сайт в сети Интернет, не зарегистрированный как средство массовой информации, также может содержать знак информационной продукции и (или) текстовое предупреждение об ограничении ее распространения среди детей.

Организуя правопорядок, государство контролирует каналы распространения информации, которые выступают источниками получения обществом информации. Путем принятия законов и подзаконных нормативных правовых актов оно устанавливает требования, предъявляемые к средствам массовой информации и иным лицам (как к индивидам, так и организациям), желающим распространять (или «просто поделиться») информацию среди других лиц. Среди субъектов, создающих и распространяющих информацию, особо стоит обратить внимание на средства массовой информации. Государство учитывает влияние средств массовой информации на общество и стремится контролировать эти рычаги воздействия. Средства массовой информации проходят обязательную государственную регистрацию. В современном мире средства массовой информации активно осваивают сеть Интернет. Создают интернет-сайты, теле- и радиоканалы организуют вещание в сети, печатные издания предлагают познакомиться со своей продукцией на сайте издания или скачать ее в электронном виде. Как указано в Законе РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»², сайт в сети Интернет может быть зарегистрирован как сетевое издание.

С развитием Интернета государство также стремится нормативно упорядочить деятельность и данных субъектов, не являющихся «привычными» для восприятия субъектами распространения информации. В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ с 2012 г. появились такие понятия «владелец сайта в сети Интернет», «провайдер хостинга», «организатор распространения информации в сети Интернет», «блогер», «оператор поисковой системы», «владелец новостного агрегатора», «владелец аудиовизуального сервиса». Из участников оборота информации

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

² Ведомости СНД и ВС РФ. 1992 № 7. Ст. 300.

можно выделить несколько групп субъектов, в зависимости от их роли в этом обороте: производители информации, получатели информации, субъекты, систематизирующие и хранящие информацию, а также субъекты, оказывающие услуги по распространению (передаче) информации. В отношении всех перечисленных субъектов государство стремится нормативно регламентировать их правовой статус. Для более эффективного контроля за действиями отдельных наиболее активных субъектов государство заносит сведения о них в соответствующие реестры.

Иногда государству приходится отказываться от ранее принятых решений в отношении отдельных субъектов. Так законодателем была предпринята попытка поставить в определенные рамки деятельность блогеров. Блогерство появилось задолго до принятия Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»¹. Данный закон ввел в российское законодательство термин «блогер» и определил специфику обязанностей указанного субъекта. Многие блогеры были внесены в единый реестр. Однако, данное «нововведение без какой-либо глубокой общественной дискуссии»² было отменено Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ³.

В последнее время посредством внесения изменений в законодательство государство пытается регламентировать деятельность субъектов, которые непосредственно сами не создают новую информацию, однако оказывают услуги потребителям контента путем систематизации и передачи информации. Речь идет об информационных посредниках. Согласно ст. 1253.1 Гражданского кодекса России под информационным посредником понимается лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети "Интернет", лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети. Устанавливая запреты и ограничения в отношении субъектов, оказывающих услуги по распространению информации (информационных посредников), государство возлагает на них обязанности, которые фактически являются продолжением государственных функций¹.

Государство обладает возможностью применения силы на основаниях, определяемых им в законах и подзаконных актах. Осуществляя госу-

---

¹ Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.

² Наумов В.Б. Право в эпоху цифровой трансформации: поиск решений // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6. С. 5.

³ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4825.

¹ Азизов Р.Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016. С. 27.

дарственное принуждение, государственные органы и должностные лица привлекают к юридической ответственности граждан и организаций за нарушение установленных правовых норм. В законодательстве и до появления интернета имелись нормы, предусматривающие ответственность за распространение различного рода информации. Однако с ростом интернет-взаимодействий количество таких норм выросло. В настоящее время российское законодательство прямо предусматривает ответственность за деятельность в сети. Так в Кодексе РФ об административных правонарушениях появились статьи, которые содержат составы административных правонарушений, совершение противоправных деяний будет связано с использованием им интернета (ч. 2 и 3 ст. 6.17, ч. 2 и 4 ст. 6.21, ст. 13.6, ч. 4 ст. 13.15, ст. 13.18 и др.).

На правопорядок оказывает влияние не только закрепление в законодательстве норм, предусматривающих ответственность за деяния с использованием интернета, но и складывающаяся практика применения таких норм¹. Нередко правоприменительная деятельность отдельных субъектов вызывает недоумение как среди рядовых граждан, так и должностных лиц. Так, к примеру, И. Фришман еще в 2010 г. разместил в социальной сети «ВКонтакте» пародийный ролик на сериалы «Ликвидация» и «17 мгновений весны». ЦПЭ УМВД России по Омской области по результатам мониторинга сети «Интернет» и проверки полученной информации составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, суд первой инстанции оштрафовал за публикацию в соцсети ролика с данной пародией на тысячу рублей. Однако в связи с протестом прокурора Омский областной суд отменил решение и прекратил дело по обвинению дизайнера в пропаганде нацизма (ч.1 ст.20.3 КоАП)². Бурную реакцию как пользователей сети, так и организаций в последнее время вызвала складывающаяся практика применения законодательства об ответственности за «оскорбление власти».

Одно государство не может не только полностью отключить сеть, но и контролировать интернет. Попытки определить правила, по которым будут организованы отношения в сети государствами предпринимаются как на международном, так и внутригосударственном уровнях. На международном уровне решить вопрос о регулировании отношений в сети не удаётся по разным причинам. Главная причина разногласий между государствами видится в существовании множества подходов такому регулированию, насколько государства готовы пойти на ограничения прав граждан и иных субъектов, участвующих в интернет-взаимодействии. В

---

¹ Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.

² Решение по административному делу – первый пересмотр. Дело №77-330(72)/2019. Решение // Омский областной суд. Электронный ресурс. Режим доступа: https://oblsud--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6013668&delo_id=1502001&new=&text_number=1&case_id=5734941 (последний просмотр 26.06.2019).

National Cyber Strategy of USA 2018 г. указывается: «Мы будем всячески противодействовать попыткам авторитарных государств, рассматривающих открытый интернет как политическую угрозу, превратить свободный и открытый интернет в авторитарную сеть с тотальным контролем под видом обеспечения безопасности или борьбы с терроризмом»¹.

Наличие острых противоречий по поводу правового регулирования интернета между государствами приводят к тому, что государства принимают меры по регулированию интернет-отношений на привычном для них уровне в рамках национальной правовой системы. В рамках отдельного государства оно может ограничивать граждан и организаций в пользовании Интернетом. Такие ограничения могут, как показывает мировая и российская практика, устанавливаться в отношении как отдельных лиц, отдельных страниц, порталов в сети, социальных сетей, мессенджеров, так и в отношении возможности пользоваться всей социальной сетью. Ограничения на пользование сетью могут касаться как отдельных граждан и организации, так и отдельных территорий государства, всего государства в целом. После событий в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 2009 г. в Китае полностью был отключен Интернет на шесть месяцев. Власти Китая мотивировали это борьбой с терроризмом, уйгуры-мусульмане, составляющие около 40% населения региона, были объявлены подверженными влиянию радикальных исламистов. В настоящее время в Китае власти просто отключают мобильную связь тем, кто уже скачал на свой смартфон запрещенные приложения.²

Согласно Федеральному закону от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, операторы связи обязаны установить государственное оборудование на точках обмена трафиком внутри страны и линиях связи, пересекающих границу РФ, обмен трафиком между операторами связи должен осуществляться только через точки обмена, внесённые в специальный реестр, порядок включения в который будет определен Правительством России. Предусматривается возможность установки на сетях связи технических средств, определяющих источник передаваемого трафика. Технические средства должны будут обладать возможностью ограничить доступ к ресурсам с запрещенной информацией не только по сетевым адресам, но и путем запрета пропуска проходящего трафика. Посредством заложенных в нормах закона механизмов, как полагают разработчики, будут созданы необходимые «защитные меры для обеспечения долгосроч-

---

¹ National cyber strategy. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (последний просмотр 26.06.2019).

² Брылева Е.А. Неприкосновенность частной жизни: частные и публичные интересы // Информационное право. 2018. № 4. С. 6.

³ Собрание законодательства РФ. 2019. № 18. Ст. 2214.

ной и устойчивой работы сети Интернет в России, повышения надёжности работы российских интернет-ресурсов»¹.

Еще до принятия закона Государственной Думой 10 марта 2019 г. в Москве и ряде других городов России состоялись митинги «Против изоляции рунета»². Последствиями принятия данного закона стала реакция неправительственных правозащитных организаций. *Human Rights Watch*, ARTICLE 19 и другие организации призвали Президента России, не подписывать данный закон, поскольку, по их мнению, это приведет к дальнейшему ограничению в стране свободы интернета и средств массовой информации, которые и без того уже поставлены в достаточно жесткие рамки³.

Как пишет Дж. Ассанж: «Однажды государство разобьет наши мечты о независимости, а затем, усевшись на оптоволоконные кабели и наземные станции систем спутниковой связи, начнет массовый перехват информационных потоков нашего нового мира – самой его сути, успевшей стать основой любых личных, экономических и политических взаимоотношений»⁴. Хочется, чтобы предсказания известного человека не сбылись. В тоже время Дж. Ассанж поднимает, как мы видим, действительно насущные проблемы защиты индивидов от неоправданного вмешательства государства в их личные дела, ограничения государства в регулировании и контроле за взаимоотношениями пользователей сети в Интернете.

Государство оказывает в современный период активное воздействие на развитие сети Интернет. Государство может способствовать усилению закрытости общества, формированию нетерпимости к проявлению других позиций и взглядов, ограничению (дозированию) получаемой обществом информации. Такое поведение государства ведет к патернализму с его стороны над обществом и усилению авторитарных и тоталитарных тенденций как в государстве, так и обществе в целом. В тоже время вполне возможен и предпочтителен другой подход, когда государство содействует информационной открытости общества, распространению информации, исходящей от различных источников, формированию взвешенных взглядов на ту или иную проблему.

---

¹ Законопроект № 608767-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/download/C4174801-EBBB-4498-BCF9-90BFB9E07C19> (последний просмотр 26.06.2019).

² «Интернетом пытаются управлять люди, которые не умеют пользоваться электронной почтой» // Коммерсантъ. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3907444> (последний просмотр 26.06.2019).

³ Совместное заявление в связи с принятием законопроекта о «суверенном Рунете» // Human Rights Watch. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.hrw.org/ru/news/2019/04/26/329632> (последний просмотр 26.06.2019).

⁴ Ассанж Дж. Шифропанки: свобода и будущее интернета. М., 2014.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азизов Р.Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016.
2. Ассанж Дж. Шифропанки: свобода и будущее интернета. М., 2014.
3. Брылева Е.А. Неприкосновенность частной жизни: частные и публичные интересы // Информационное право. 2018. № 4. С. 4-7.
4. Денисенко В.В. Легитимация права с позиции иррациональности в теории юридического постмодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. №1. С.69-78.
5. Наумов В.Б. Право в эпоху цифровой трансформации: поиск решений // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6. С. 4-11.
6. Права человека в Российской Федерации: сб. докл. о событиях 2017 г. / [отв. ред. и сост. Н. Костенко]. М., 2018.
7. Терещенко Л.К. Публичная власть в Интернете // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 144–157.

ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНОГО УЧАСТИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА В ПРИНЯТИИ ОБЩЕЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ (ВОРОНЕЖСКИЙ КЕЙС)

Дарья Владимировна Щеглова
Воронежский государственный университет

Аннотация: В данной статье рассматриваются условия и практики публичного участия жителей города в принятии общезначимых решений. В качестве таких практик освещены инициативное бюджетирование, общественные слушания и сетевые формы участия в управлении городом.

Ключевые слова: гражданское участие, делиберативная демократия, публичное участие, инициативное бюджетирование, сетевые практики управления городом, потенциал кооперации, Воронежская область.

Говоря о практиках публичного участия, в данном материале мы фокусируемся, прежде всего, на его гражданском типе. Возвращаясь к неугасающим научным спорам между сторонниками либерализма и коммуитаризма (в которые в свое время внес серьезный вклад Ю. Хабермас), необходимо отметить, что публичное участие жителей в принятии решений является одним из столпов делиберативной демократии. Именно участие в управлении подразумевает под собой коммуникацию, диалог, о котором говорил Ю. Хабермас, характеризуя эффективные формы политического управления¹.

Таким образом, опираясь на логику республиканизма, мы понимаем гражданское участие как вертикальное участие, связанное с процессами соуправления (с органами власти различного уровня, а также различными институтами демократического свойства – Общественной палатой,

---

¹ Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. Ю.С. Медведева, под ред. Д.В. Скляднева. – СПб: Наука. 2001. – Глава 9. Три нормативные модели демократии. – С. 291-317.

Счетной палатой и пр.) и принятия решений, направленных на коррекцию или разработку альтернатив с точки зрения общественных интересов, а, например, социальное участие локализуется на горизонтальном уровне как практика коллективной взаимопомощи и кооперации.

Все это определяет и главные функции гражданского участия: оно позволяет вовлечь сообщество в решение социальных проблем; обеспечить общественный контроль за принятием и реализацией решений государственной и муниципальной власти; содействовать росту социальной сплоченности и социальной идентичности членов сообщества; повысить удовлетворенность населения от эффективных социально-политических решений и, наконец, оно оказывает влияние на личностное развитие индивидов, рост их социальной и гражданской компетентности и активности.

Исследователи, занимающиеся проблемами МСУ в России, отмечают, что в нашей стране существует противоречие между разнообразием форм гражданского участия населения и практикой их применения¹. Проще говоря, «на бумаге» прописаны разнообразные формы участия, каналы артикуляции интересов, возможность контроля за решениями органов МСУ, на практике есть целый ряд проблем с реализацией.

Важно отметить, что сложившиеся практики функционирования муниципальных властей соответствуют «юридической» концепции местного самоуправления. Это концепция предполагает, что формальное регулирование и «хорошие законы» обуславливают и эффективное муниципальное управление и даже исключают «человеческий фактор». Именно поэтому изменения, которые происходили с МСУ последние 20 лет, были реформами его моделей управления, которые закреплялись законодательно, но зачастую не соответствовали реальным практикам. При оценке неудачи таких моделей, критиковались правовые формы регулирования, закон об МСУ². В указанной парадигме местное самоуправление видится не только юристам, но и социологам, политологам и иным специалистам по общественной сфере. Именно поэтому стоит сосредоточиться не на формально-правовой составляющей местного самоуправления, а на том, с какими препятствиями сталкивается коммуникация и деятельность по самоуправлению в конкретных случаях. В данном материале внимание будет сфокусировано на проблеме инициативного правотворчества, пуб-

---

¹ Панкевич Н. В. Местное самоуправление в системе государственной власти. – Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 62-73; Петухов Р. В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема. – Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61-75; Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991-2006. СПб.: Норма, 2008. - 368 с; Гельман В.Я. От местного самоуправления – к вертикали власти. – Pro et Contra. 2007. № 1. Т. 11. С. 6-18; Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм. – Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.- 2014. - № 4 (122). - С. 60-71.

² Петухов Р.В. К проблеме социального содержания местного самоуправления // Мониторинг. 2018. №6 (148). - [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sotsialnogo-soderzhaniya-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 01.07.2019).

личных слушаний и новых форм городского гражданского участия посредством сетевых технологий.

Вначале обозначим основные «фоновые» тенденции, влияющие на характер гражданского участия: глобальные и российские.

Исследователями-политологами фиксируется сокращение гражданской активности, осуществляемой через традиционные структуры участия как на локальном, так и на макроуровне, что позволяет говорить об эрозии гражданства, о кризисе демократических институтов участия.

Стефан Маседо во вступительной статье к коллективной монографии «Демократия в опасности: как политические выборы подрывают участие граждан, и что мы можем с этим делать» отмечает: «Граждане участвуют в общественных делах реже, а меньшим знанием и энтузиазмом, в меньшем количестве мест и менее равномерно, чем необходимо для здоровья динамично развивающегося государства»¹.

Появляются новые формы участия, которые пытаются уловить эксперты: активизация новых гражданских и социальных групп и добровольчество. Граждане все меньше участвуют в выборах и все больше применяют активные и проблемно-специфические способы участия в политике, потенциал общественного участия перетекает из традиционных форм в иные. Самыми видными становятся движения одной проблемы, то есть «точечные» акции участия и привлечения внимания.

Эта тенденция характерна и для России. Так, например, для современного общественного и гражданского участия в России характерно участие в «коротких» и акционных практиках и низкие значения практик, требующих длительной деятельности формализованного и неформализованного типа, а также массовых практик политического и гражданского риска.

Особой проблемой развития современного гражданского участия становится снижение его политической составляющей. Гражданская активность россиян в этом отношении носит эпизодический и несистемный характер. Политический уровень во многом остается закрытым для гражданских инициатив и строго контролируется представителями власти².

Часто, уровень гражданского участия понимается как противовес политической стабильности в регионе, хотя, наоборот, публичные практики должны стать его базисом.

Общим фоном этого выступает низкий уровень доверия к МСУ (См. Рис.1)

---

¹ Macedo S. Democracy at Risk. How Political Choices Undermine Citizen Participation, and What We Can Do About It, 2005. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://ru.scribd.com/document/125991573/Macedo-et-Al-democracy-at-Risk-How-Political-Choices-Undermine-Citizen-Participation> (Дата обращения: 01.07.2019).

² Говоров Юрий Л., Невзоров Борис П. Политическая и гражданская активность россиян // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. №2 (4). -[Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-i-grazhdanskaya-aktivnost-rossiyan> (дата обращения: 07.07.2019).

**Уровень доверия и недоверия органам местного самоуправления
в различных типах поселений, октябрь 2016 г., %**
*The Level of Trust and Distrust in the Local Authorities Depending
on the Type of Settlement, October 2016, per cent*

Тип поселения	Доверяют	Не доверяют	Затруднились ответить
Мегполис	21	49	31
Областной центр	21	54	25
Районный центр	20	56	24
ПГТ	13	60	27
Село	21	54	26
Всего	20	54	26

Рис. 1. Доверие МСУ согласно исследованиям РАН 2016 г.¹

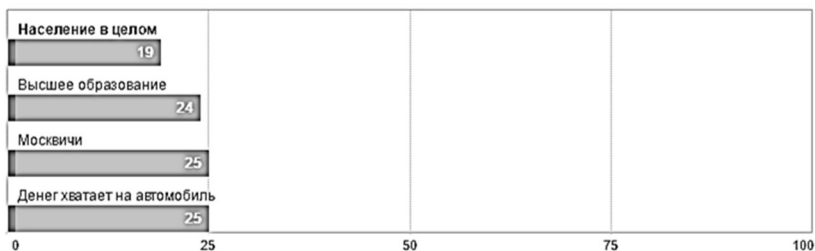
Рис. 2 Динамика уровня доверия МСУ 2014-2018 гг. по данным ФОМ

Неоспоримым является то, что доверие органам МСУ – та почва, на которой должно основываться публичное управление. А доверие в свою очередь напрямую связано с потенциалом кооперации. Социологи измеряют потенциал кооперации уровнем доверия другим людям и практиками совместного решения проблем.

Ниже представлены данные проекта ФОМ по исследованию потенциала кооперации в целом по России. Так, примерно 20% опрошенных считают, что людям доверять можно. Это чаще всего москвичи и высокоресурсные группы – более обеспеченные, более образованные.

¹ Взято из: Мониторинг общественного мнения, ВЦИОМ - [Электронный ресурс]. - URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2018/148/2018_148_07_Petukhov.pdf (дата обращения 06.07.2019).

Чаще других считают, что большинству людей можно доверять

Чаще других считают, что с людьми надо быть осторожными

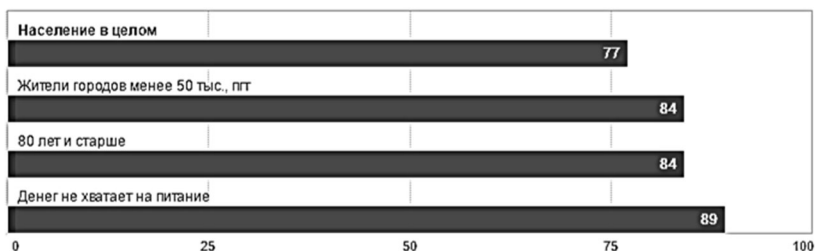

Рис. 3 Уровень межличностного доверия по данным ФОМ

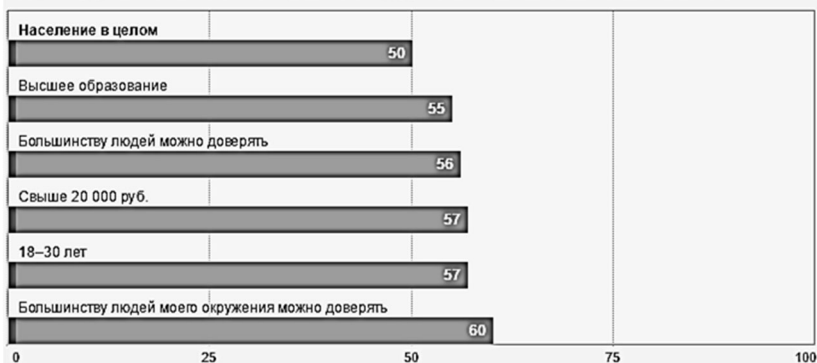
Но общая тенденция в целом негативная, так как большая часть россиян — примерно 70-75% — все 10 лет опросов ФОМ отвечают, что: «Нет, с людьми надо быть осторожными»¹.

Что касается потенциала кооперации, то он имеет позитивный тренд².

¹ Межличностное доверие/ БД ФОМ [Электронный ресурс]. - URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (Дата обращения 01.07.2019).

² Доверие в обществе/ БД ФОМ [Электронный ресурс]. - URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11253> (Дата обращения 01.07.2019).

Чаще других готовы объединяться с другими для совместных действий

Чаще других не готовы объединяться с другими для совместных действий

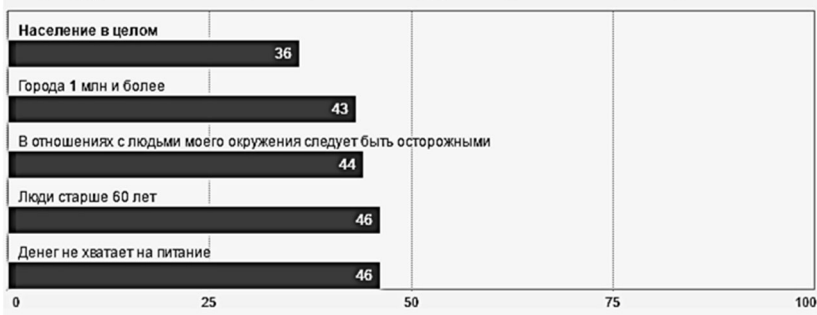

Рис. 4. Потенциал общественной кооперации (по данным ФОМ)

Однако, потенциал кооперации оценивается не так однозначно, как кажется. В частности, важно понимать, как можно оценить состояние гражданского общества в российских регионах, его вклад в стабильность регионального развития. И вообще, является ли высокий уровень «политической стабильности региона» – успехом? Вопрос этот и практический, и методологический. Так, например, методология рейтинга стабильности регионов связана с динамикой отставок/назначений, конфликтов внутри ветвей власти в регионе, соотношений положительных и отрицательных событий, прежде всего экономических. Однако такие факты, как избрание самовыдвиженца на сельских выборах, протесты относятся к негативным событиям, снижающим рейтинг региона¹. Политическая стабильность таким образом, понимается в консервативном ключе, достаточно ограниче-

¹ В рейтинге политической устойчивости Воронежская область подкатилась к середнякам. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://gorcom36.ru/content/v-reytinge-politicheskoy-ustoychivosti-voronezhskaya-oblast-podkatilas-k-serednyakam/> (Дата обращения 03.07.2019).

но. Публичное участие должно пониматься конструктивно. Протест – как форма низовой активности – это механизм прямого и быстрого «воздействия», он часто понимается как экстремальный способ коммуникации с властью, хотя это не так.

Что касается Воронежского кейса, то понять уровень доверия и публичного участия мы можем по имеющимся данным ИОМ «Квалитас». Так, на фоне информированности о деятельности Президента (что логично из-за его высокого медиаприсутствия), ситуация с МСУ в городе Воронеже достаточно печальная (Табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «О Деятельности каких органов власти вы знаете больше всего?»

Социально-демографические характеристики респондентов		Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Областная Дума	Губернатор	Мэр	Органы местного самоуправления	Никаких из перечисленных	Затрудняюсь ответить
		%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Всего		36,1	9,9	2,2	11,4	4,0	12,6	2,2	12,7	31,1	4,0
Пол	мужской	37,0	11,7	1,9	13,2	4,2	10,9	1,9	12,8	30,2	4,2
	женский	35,4	8,6	2,4	10,0	3,8	13,9	2,4	12,7	31,9	3,8
Возраст	18-29 года	29,0	10,3	3,2	15,5	3,9	11,6	3,2	18,7	32,3	1,3
	30-49 лет	35,2	9,7	3,6	9,7	4,1	15,8	3,6	13,8	34,2	2,0
	50-59 лет	38,2	10,9	0,0	11,8	2,7	10,0	0,9	10,0	31,8	8,2
	60 лет и старше	43,4	9,1	0,7	9,1	4,9	11,2	0,0	7,0	25,2	6,3
Образование	неполное среднее	33,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	66,7	0,0
	среднее	37,5	3,6	1,8	14,3	7,1	7,1	1,8	5,4	33,9	7,1
	ср. спец. и незак. высшее	34,3	9,1	0,5	10,1	2,5	11,1	1,5	14,1	34,3	5,1
	высшее	36,9	11,5	3,2	11,8	4,3	14,4	2,6	13,3	28,5	2,9

Но при этом, положительная оценка деятельности МСУ имеет положительный тренд.

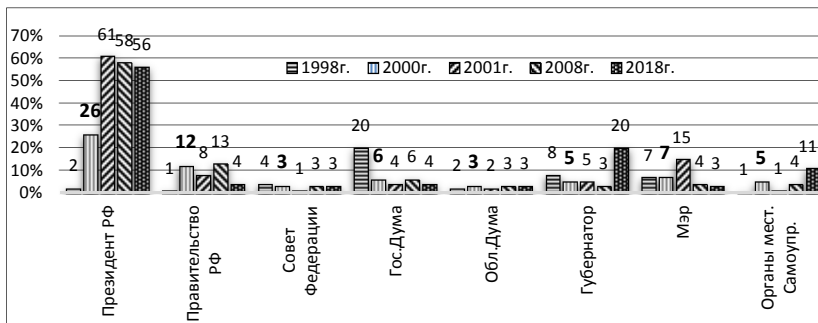

Рис. 5. Распределение ответа на вопрос, «деятельность каких из перечисленных органов власти Вы оцениваете наиболее положительно?»

Таблица 2

Распределение ответа на вопрос, «Лично вы готовы или не готовы принять участие в мероприятиях, направленных на благоустройство нашего города, улучшения среды?» среди жителей г. Воронежа

Социально-демографические характеристики респондентов		Да, готов при условии, что кто-то выступит организатором	Да, готов даже выступить организатором	Нет, не готов
		%	%	%
Всего		60,8	10,6	28,6
Пол	мужской	59,2	14,1	26,7
	женский	62	7,9	30,1
Возраст	18-29 года	58	12,7	29,3
	30-49 лет	71,6	12,4	16
	50-59 лет	62,7	10,9	26,4
	60 лет и старше	47,6	5,6	46,9
Образование	неполное среднее	33,3	11,1	55,6
	среднее	57,9	6,6	35,5
	ср. спец. и незак	53,3	11	35,7
	высшее	66,2	11,3	22,6
Материальное положение	бедственное	44,8	24,1	31
	плохое	48,5	8,1	43,4
	удовлетворительное	62,9	10,9	26,2
	хорошее	67,1	8,5	24,4
	отличное	60	20	20

Еще одна практика публичного участия, о которой необходимо сказать хотя бы в общих чертах — это инициативное бюджетирование. К сожалению, Воронежская область в этом вопросе далеко не лидер.

Согласно докладу Минфина России¹ о результатах реализации проектов инициативного бюджетирования, Воронежская область не значится в регионах-лидерах по этому вопросу

При проведении анализа были отобраны 38 практик из 33 субъектов Российской Федерации, удовлетворяющие следующим критериям инициативного бюджетирования:

- 1) непосредственное участие граждан в инициировании проектов; – участие граждан в обсуждении и приоритизации выдвинутых предложений;
- 2) конкурсный характер отбора выдвинутых проектов; – возможность участия граждан в реализации отобранных проектов;
- 3) открытый публичный характер процедур и общественный контроль за реализацией проектов.

¹ Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/08/main/IB_2018.pdf (Дата обращения 04.07.2019).

Данные мониторинга за прошлые годы свидетельствуют о значительном росте количества различных практик инициативного бюджетирования в 2017 году по сравнению с 2016 годом (18 практик) и 2015 годом (17 практик). По данным анализа за 2017 год, в 21 субъекте Российской Федерации применяется более одной практики, предусматривающей участие граждан в бюджетных решениях. В 11 регионах было отмечено 3 и более различных практик, реализация которых осуществляется на региональном или муниципальном уровне: Республика Башкортостан, Республика Коми, Кемеровская, Костромская, Курганская области, Краснодарский край, Ленинградская, Оренбургская, Тамбовская области, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

В общем и целом, приведенные цифры не очень значительны, что объясняется тем, что инициативное бюджетирование – практика для России новая, в то время как ряд стран (в том числе Перу, Южная Корея, Бразилия, Колумбия, Аргентина) ее осуществляет уже около 30 лет. Воронеж и Воронежская область имеют значительный потенциал для вовлечения граждан в такой тип бюджетирования, и с нашей точки зрения, необходимо активно развивать проекты, связанные с этой темой.

Одним из перспективных направлений развития инициативного бюджетирования является интеграция принципов инициативного бюджетирования и территориального общественного самоуправления в России. В настоящее время вопросы развития ТОС в Российской Федерации также находятся в центре внимания – разрабатываются новые механизмы поддержки, обсуждаются законопроекты с поправками в федеральное законодательство. Для организаторов ИБ в регионах перспективными задачами становятся изменения в госпрограммах развития ТОС и интеграция механизмов инициативного бюджетирования и ТОС. Инициативное бюджетирование может предложить ТОС более гибкие механизмы обеспечения участия ТОС в решении проблем местного значения. Пока что в Воронежской области формат такой работы – это стимуляция инициативы граждан «сверху».

Еще одной формой публичного участия граждан является инициативное правотворчество. Институт муниципального права «правотворческая инициатива граждан» урегулирован Федеральным законом N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот закон содержит норму о возможности реализации гражданами правотворческой инициативы. При этом, в федеральном законе об МСУ не дается понятия правотворческой инициативы граждан, оставляя его на усмотрение муниципальных правовых актов. Анализ последних показывает, что правотворческая инициатива граждан может пониматься как «форма осуществления местного самоуправления посредством внесения гражданами проектов правовых актов по вопросам местного значения в органы местного самоуправления» и как «право граждан, обладающих избирательным правом, вносить на рассмотрение

органов и должностных лиц местного самоуправления проекты муниципальных правовых актов по вопросам местного значения»¹.

Субъектом правотворческой инициативы могут выступать граждане, причем в законе не уточнено, какие именно категории граждан, так что теоретически с правом выступить с правотворческой инициативой может и гражданин Российской Федерации, и иностранный гражданин (подданный), и бипатрид. Положения по инициативному правотворчеству приняты практически во всех муниципальных органах власти².

Численность инициативной группы является одной из проблем использования гражданами права на правотворческую инициативу. Например, по данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2019 г. в Воронеже проживали 1 054 537 человек. Соответственно, численность инициативной группы в Воронеже должна быть не менее 1 055 человек. В крупных городах заручиться поддержкой такого количества жителей весьма затруднительно. Кроме того, агитация с целью создания инициативной группы потребует существенных материальных затрат и серьезного организационного труда, который могут себе позволить скорее общественные организации. Эти же факторы не позволяют реализовать право граждан на правотворческую инициативу в муниципальных районах, где население проживает в удаленных друг от друга населенных пунктах, в том числе и в труднодоступных местностях.

Таким образом, численность групп, отсутствие каналов публичной поддержки как со стороны партий (в т.ч. оппозиционных), так и системных, общественных организаций, приводит к тому, что этот канал артикуляции работает слабо.

Публичное участие в форме общественных слушаний является еще одной формой гражданского участия в управлении на уровне МСУ.

Что касается Воронежа, то общественные слушания проводятся не по всем актуальным для общественности вопросам (особенно по проблемам строительства) они проводятся, что неоднократно освещалось в СМИ.

Общественная реакция все чаще находит выход в обращениях к публичным лидерам общественного мнения в Сети, а также в подписях петиций.

Публичное участие и цифровизация – это финальный для данного материала, но не менее важный сюжет по проблемам гражданского участия на уровне местного самоуправления.

---

¹ См.: Например, Устав г. Воронежа. Глава II. Система местного самоуправления городского округа город Воронеж [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.gordumavoronezh.ru/ustav/2.html> ; Об организации МСУ в г. Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7flg7vLu4fDg5uDI8vH/I03II0lg7+7x6+Xk7eXpIPDI50Dq9ujo&nd=131037210&page=1&rdk=4#I0 Устав Ишимского муниципального района Тюменской области [Электронный ресурс]. - URL: https://ishim-mr.admtymen.ru/mo/ishim-mr/about_OMSU/ustav.htm?id=10544130@cmsArticle и т.д. (дата обращения 30.06.2019).

² См. например: Об утверждении Положения о порядке реализации правотворческой инициативы граждан в городском округе город Воронеж. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://docs.cntd.ru/document/440510473> (Дата обращения 02.07.2018).

Пожалуй, самым показательным в этом вопросе является реализация концепта *Smart City* в российских городах и, в частности, в Воронеже. Чтобы оценить это, приведем этапы становления Умного города.

К первому этапу можно отнести несколько необходимых характеристик, таких как:

1. Доминирование на рынке крупных технологических компаний
2. Работа чиновников и выборных лиц с данными, поступающими в реальном времени.
3. В городе вводятся централизованные системы мониторинга и управления.
4. Сбор данных происходит не ручным подсчётом, а с помощью различных технологий, к примеру системы RFID.
5. Взаимодействие жителей с городом и властью тоже начинает протекать скорее в информационное поле, к примеру оплата услуг ЖКХ и различных городских сервисов.

Можно отметить, что сейчас уровень развития Воронежа как умного города находится примерно на этом уровне, а в некоторых моментах и не дотягивает до титула *Smart city*. Так, например, в реальном времени в Воронеже посылают данные далеко не во всех сферах деятельности, а лишь нескольких, к примеру, в транспортной сфере поступают данные системы ГЛОНАСС с общественного транспорта. Многие городские сервисы можно оплачивать через интернет, как, например, оплата платной парковки в центре города или услуги ЖКХ. Также сбор данных производится ручным подсчётом, как это происходило в начале 2019 года с данными транспортных потоков города, которые собирали вручную студенты опорного университета¹.

Следующий же этап характеризуется более сложным и широким функционалом города и его властей, так, к примеру, неотъемлемыми чертами являются:

1. Развитие и функционирование города на основе рассчитанной цифровой модели городской инфраструктуры.
2. Появление систем «умного» распределения электроэнергии, которые позволяют эффективно и экономично расходовать такой важный в современных условиях ресурс, как электроэнергия.
3. Создание сети городского высокоскоростного интернета.
4. Становится невозможно осуществлять эффективную деятельность без использования и анализа Big Data.
5. Ввиду проблем, связанных с экологией, которые вызывает город, в том числе из-за бытовых отходов, актуальным становится вопрос переработки отходов и сокращение энергозатрат путём улучшения энергоэффективности зданий.

---

¹ МК.ру Воронеж. Собирать данные для воронежской дорожной сети будет тысяча студентов/ [Электронный ресурс]. - URL: <https://vrn.mk.ru/social/2019/02/27/sobirat-dannye-dlya-voronezhskoy-dorozhnoy-seti-budet-tysyacha-studentov.html> (Дата обращения 27.05.19)

И последним в классификации на данное время является *Smart city 3.0*, который включает в себя как элементы предыдущего этапа, так и возводит многие аспекты на более высокий уровень.

1. Одним из условий перехода к этому уровню является активное участие горожан в городских проектах и общественной деятельности. Через элементы партисипаторной демократии в обсуждении проблем должны участвовать все лица, чьи интересы затрагивают изменения. Горожане сами могут конструировать городскую среду и общественные пространства.

2. Перевод зданий и инфраструктуры на автономное и автоматизированное управление.

3. Увеличение объёма и качества аналитики *Big Data* за счёт использования облачных хранилищ, для выявления паттернов поведения и прогнозирования моделей поведения.

Вовлечение обычных людей в управление и проектирование на данный момент является одним из ключевых трендов развития как мегаполисов, так и небольших городов. Как итог можно сказать, что информатизация и цифровизация городов и как следствие процессов коммуникации — это неизбежный процесс, который приводит к повышению эффективности распределения ресурсов, повышению качества управления и повышению качества жизни в городе. К сожалению, на данный момент ближе всего к статусу *Smart city 3.0* является Москва, а все остальные города отстают от неё с большим разрывом, а по данным КБ «Стрелка» по интегральному показателю валового городского продукта, Воронеж находится на последнем месте среди городов миллионников¹.

В качестве заключения хотелось бы отметить, что гражданское участие как практика ведения диалога и совместной коммуникации между гражданами, местными властями, бизнесом и различными инициативными группами, по-прежнему сталкивается с рядом проблем. Эти проблемы – не формально-юридические, а культурные. Культура диалога и со-управления складывается долго и непросто, и у Воронежской области, как и у других регионов России есть к этому неплохой потенциал. Можно предположить, что развитие гражданского участия на уровне МСУ может пойти по двум основным сценариям. Первый предполагает концентрацию усилий государства на повышении эффективности местных органов власти в их «правовом» понимании, и сохранение лишь формальных элементов самоуправления. Второй сценарий – это новая попытка реализации на практике собственно идеи местного самоуправления, что предполагает повышение политической субъектности этого института, прежде всего через обеспечение влияния граждан на политику муниципальных властей. Хотелось бы выразить надежду на развитие второго варианта прогноза, в противном случае, представленные в статье инициативы и потенциал гражданского участия так и не будут реализованы.

---

¹ РБК. Города-миллионники отстали от Москвы по уровню экономики на 100 лет/ Юлия Старостина, Антон Фейнберг. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cebeb359a7947560980595b> (Дата обращения 27.05.19)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники:

1. В рейтинге политической устойчивости Воронежская область подкатилась к середнякам. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://gorcom36.ru/content/v-reytinge-politicheskoy-ustoychivosti-voronezhskaya-oblast-podkatilas-k-serednyakam/> (Дата обращения 03.07.2019).
2. Доверие в обществе/ БД ФОМ [Электронный ресурс]. - URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11253> (Дата обращения 01.07.2019).
3. Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/08/main/IB_2018.pdf (Дата обращения 04.07.2019).
4. Межличностное доверие/ БД ФОМ [Электронный ресурс]. - URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (Дата обращения 01.07.2019).
5. Мониторинг общественного мнения, ВЦИОМ - [Электронный ресурс]. - URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2018/148/2018_148_07_Petukhov.pdf (дата обращения 06.07.2019).
6. Об организации МСУ в г. Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=x07q8+zl7flg7vLu4fdG5uDl8vH/IO3lIOlg7+7x6+Xk7eXrPDI5ODq9ujo&nd=131037210&page=1&rdk=4#10
7. Об утверждении Положения о порядке реализации правотворческой инициативы граждан в городском округе город Воронеж. - [Электронный ресурс]. - URL: <http://docs.cntd.ru/document/440510473> (Дата обращения 02.07.2018).
8. Устав г. Воронежа. Глава II. Система местного самоуправления городского округа город Воронеж [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.gorduma-voronezh.ru/ustav/2.html>
9. Устав Ишимского муниципального района Тюменской области [Электронный ресурс]. - URL: http://ishim-mr.admyumen.ru/mo/Ishim-mr/about_0MSU/ustav.htm?id=10544130@cmsArticle и т.д. (дата обращения 30.06.2019).

Литература

1. Macedo S. Democracy at Risk. How Political Choices Undermine Citizen Participation, and What We Can Do About It, 2005. - [Электронный ресурс]. - URL: <https://ru.scribd.com/document/125991573/Macedo-et-Al-democracy-at-Risk-How-Political-Choices-Undermine-Citizen-Participation> (Дата обращения: 01.07.2019).
2. МК.ру Воронеж. Собирать данные для воронежской дорожной сети будет тысяча студентов/ [Электронный ресурс]. - URL: <https://vrn.mk.ru/social/2019/02/27/sobirat-dannye-dlya-voronezhskoy-dorozhnoy-seti-budet-tysyacha-studentov.html> (Дата обращения 27.05.19).
3. Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991-2006. СПб.: Норма, 2008. - 368 с.
4. Гельман В.Я. От местного самоуправления – к вертикали власти // Pro et Contra. - 2007. - № 1. - Т. 11. - С. 6-18.
5. Говоров Юрий Л., Невзоров Борис П. Политическая и гражданская активность россиян // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. - 2017. - №2 (4). -[Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-i-grazhdanskaya-aktivnost-rossiyan> (дата обращения: 07.07.2019).
6. Панкевич Н. В. Местное самоуправление в системе государственной власти// Полис. Политические исследования. - 2016. - № 2. - С. 62-73.

7. Петухов Р. В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема. – Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61-75.

8. Петухов Р.В. К проблеме социального содержания местного самоуправления // Мониторинг. 2018. - №6 (148). - [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sotsialnogo-soderzhaniya-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 01.07.2019).

9. Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.- 2014. - № 4 (122). - С. 60-71.

10. РБК. Города-миллионники отстали от Москвы по уровню экономики на 100 лет/ Юлия Старостина, Антон Фейнберг. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cebeb359a7947560980595b> (Дата обращения 27.05.19).

11. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. Ю.С. Медведева, под ред. Д.В. Складнева. – СПб: Наука. 2001. – 474 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОРРУПЦИИ

Евгения Анатольевна Юртаева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Коррупция еще сравнительно недавно не воспринималась ни международным сообществом, ни отдельными государствами как препятствие позитивной динамике современного миропорядка или как угроза социальной стабильности. Однако в последнее время отдельные государства, как и мировое сообщество в целом, демонстрируют значительные успехи в области глобальной борьбы с коррупцией.

Интенсивность международного правового сотрудничества государств в области противодействия коррупции начала возрастать в последнее десятилетие XX в., и причиной усиления активности государств в этой сфере стало понимание того, что коррупция представляет угрозу не только отдельным государствам, но может угрожать многим государствам одновременно, мировому сообществу в целом.

Государства приходят к пониманию того, что сохранение высокого уровня коррупции чревато превращением коррупции в неотъемлемую часть управленческой институциональной структуры со всеми отрицательными последствиями для развития национальных экономик, эффективности управления и общественного доверия к официальным органам и публичным должностным лицам государства, для мирового прогресса в целом.

Государства все более вовлекаются в организацию совместной работы по определению мер против коррупции и все охотнее реализуют в собственной политической (и юридической) практике лучшие образцы антикоррупционных мероприятий и совместно выработанные средства противодействия коррупционному поведению, взаимодействуют при привлечении виновных в коррупции к ответственности и при возмещении ущерба,

хотя, как справедливо отмечают исследователи, высоким, схожим с международным, уровнем правового сопровождения антикоррупционной деятельности могут «похвастаться» только отдельные государства¹.

С 2006 г. в противодействии коррупции на условиях вовлеченности в международное взаимодействие и создание эффективного национально-антикоррупционного механизма включилась Российская Федерация.

В контексте выработки общих приемлемых решений, пересмотра подходов к оценке коррупции и, соответственно, адекватной постановки задач противодействия коррупции, можно упомянуть о предложенных Ю. Хабермасом правилах коммуникации: равнозначимость и инклюзивность участия (каждого, кто заинтересован), свободное (доступное, ненасильственное) и равноправное (неиерархизированное) участие в предложении аргументов (провозглашается «исключение обмана и иллюзии»: говорят то, что подразумевают), а также общая мотивированность участия – в интересах совместного достижения обоснованного и прагматического согласия при формировании решения². Очевидно, что при соблюдении этих условий совместная выработка государствами взаимоприемлемых правовых решений должна служить стимулом к их реализации в национальном законодательстве и правоприменительной практике.

Противодействие коррупции как глобальная проблема и общая задача в настоящее время является одним из важнейших направлений международного сотрудничества государств как в универсальном, так и в региональном масштабе. Это объясняется, по крайней мере, тем, что совместная деятельность против преступлений трансграничного распространения способна принести гораздо больший значимый и полезный результат. Немаловажным при этом следует считать формирование общего взгляда на понимание и, как следствие, на формы проявления коррупции для последующей фиксации интегрированного видения самого явления, а также способов его солидарного и системного преодоления. Для объективации коррупции равно важны как адекватное понимание этого явления, так и правильное установление главных источников для обеспечения противодействия.

Из определения, данного Федеральным законом «О противодействии коррупции»³, следует такое понятие коррупции: «Коррупция: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде де-

---

¹ См.: Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом. Учебно-методический комплекс (учебное пособие) / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. С. 536-537.

² См.: Хабермас Ю. Между натурализмом и религией: философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратов. М.: Весь мир, 2011. С. 44-45; Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: Издательский центр «Экономпресс», 2000. С. 66.

³ Федеральный закон «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (часть 1). Ст. 6228.

нег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» (подпункт «а» пункта 1 ст. 1); также к коррупции отнесены случаи совершения перечисленных деяний от имени или в интересах юридического лица (подпункт «б» пункта 1 ст. 1). То есть в российском законодательстве закреплено понятие коррупции в качестве обобщающего наименования для некоторой совокупности уголовно (или – в отдельных случаях – административно) наказуемых деяний; причем это понятие коррупции является применимым только к лицам, облеченным «должностным положением».

Однако, как следует из международной (а также иных стран) практики исследования и противодействия коррупции, феноменологически категория «коррупция» существенно выходит за рамки дачи-получения взятки. По смыслу определения коррупции, данного в Федеральном законе, в качестве коррупционных правонарушений нельзя рассматривать, например, такие чрезвычайно распространенные коррупционные деяния, как коррупционный фаворитизм, покровительство, протекционизм, заинтересованность в получении нематериальных выгод и др. А это нельзя признать правильным, учитывая деформирующие социальную жизнь последствия именно таких коррупционных действий. Кроме того, необходимость пересмотра подхода к пониманию коррупции диктует складывающийся международный миропорядок. Не в одной международной конвенции предлагается понимание коррупции, не совпадающее с бытующим в России «юридическим» ее определением как преступления (или иного правонарушения). Однако любое из предлагаемых в международно-правовых актах понятий коррупции, в случае умышленного совершения признаваемого коррупцией деяния, влечет применение «юридических» мер, как минимум – оставление должности. Поэтому обзор понятий коррупции, предлагаемых в международных актах, снабженных показательным опытом иностранных юрисдикций¹, полезен не только в информационных целях.

Одним из первых международно-правовых документов, фиксирующих общий подход к понятию коррупции, стала Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности². В частности, в статье 8 «Крими-

---

¹ Свидетельством активности в противодействии коррупции могут служить данные об оценках ее распространенности в отдельных государствах, ежегодно публикуемые Transparency International (в виде исчисляемого по специальной методике Индекса восприятия коррупции с рейтингованием на первых местах наиболее успешно борющихся с коррупцией стран), согласно которым, например, Дания и Новая Зеландия занимают 1 и 2 места, Германия и Великобритания – 14 и 15, Франция и США – 24 и 25, Россия и Азербайджан соответственно 146 и 155 места; замыкает список Сомали (183 место). См.: Индекс восприятия коррупции – 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiy/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsiy-2018-28-ballovo-iz-100-i-138-mesto> (дата обращения: 05.06.2019).

² Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15 ноября 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 10.04.2019). Данная Конвенция ратифи-

нализация коррупции» цель и ее реализация для объективации коррупции в национальном законодательстве государств формулируется в том смысле, что каждое из государств, участвующих в соглашении, принимает все меры, включая законодательные, для того чтобы предусмотреть в национальной правовой системе наказуемость умышленных деяний (совершаемых с участием как собственных граждан, так и иностранных публичных лиц или международных служащих), которые состоят в следующем:

а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей;

б) вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей».

Нетрудно заметить, что предлагаемое в этой Конвенции понимание коррупции несводимо к преступлению и не может однозначно интерпретироваться только как правонарушающее деяние.

Для выработанного международным сообществом понимания коррупции, как и для практики противодействия коррупции, важным представляется значение двух конвенций против коррупции, принятых в рамках Совета Европы. Первая – Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию¹, вторая – Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию². Первая из Конвенций – об уголовной ответственности за коррупцию – была ратифицирована Российской Федерацией³; вторую Конвенцию Россия не ратифицировала. Между тем ресурс этой Конвенции для понимания и противодействия коррупции представляется довольно весомым.

Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию является, по сути, первым международным актом, в котором

цирована Российской Федерацией Федеральным законом «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» № 26-ФЗ от 26 апреля 2004 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3882.

¹ Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. 27 января 1999, ETS № 173. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f58c> (дата обращения: 10.04.2019).

² Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. 4 ноября 1999, ETS № 174. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f58d> (дата обращения: 10.04.2019).

³ Федеральный закон «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» от 25 июня 2006 года № 125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3424.

предусматриваются общие нормы гражданско-правового воздействия при выявлении случаев коррупции. В Конвенции дается определение коррупции, которое значительно более полно, чем в российском законодательстве, представляет феномен коррупции в ее современной правовой интерпретации: коррупция означает просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуют от получателя взятки предоставления ненадлежащего преимущества или обещания такового (ст. 2).

Документом, могущим представлять интерес для отечественного нормативного правового уточнения подхода к определению коррупции, можно считать и Конвенцию о защите финансовых интересов Европейских Сообществ¹. В интересах противодействия мошенничеству, которое, как признают специалисты, может существенно влиять на уровень доходов или расходов определенного лица, Конвенция определила рамки, в которых это правонарушение является уголовно наказуемым. Вскоре после подписания Конвенция была дополнена Протоколом о борьбе с коррупцией². В Протоколе разграничиваются два вида коррупции – пассивная и активная. Под пассивной коррупцией понимается «умышленное деяние должностного лица, которое прямо или через третьих лиц запрашивает, получает какие-либо выгоды или принимает обещание предоставить такие выгоды, предназначенные для него самого или для других лиц, в обмен на совершение или несвершение должностным лицом действий в нарушение своих должностных обязанностей или с использованием служебных полномочий» (ст. 2). Под активной коррупцией понимается «умышленное деяние кого бы то ни было, состоящее в прямом или через третьих лиц предоставлении или обещании предоставить какие-либо выгоды должностному лицу, предназначенные для него или для других лиц, в обмен на совершение или несвершение должностным лицом действий в нарушение своих должностных обязанностей или с использованием служебных полномочий» (ст. 3). Под «выгодами» при этом понимаются не только материальные объекты (деньги, иные ценности), но и действия, представляющие определенный интерес для должностного лица (выполнение работ, списание или уменьшение задолженности и др.), а также получение любых преимуществ нематериального характера¹. При этом субъектом коррупции, согласно Протоколу, признается «любое лицо, являющееся

---

¹ Convention on the protection of the European Communities' financial interests. Council Act of 26 July 1995 (95/C 316/03) (вступила в силу 17 октября 2002 г.). [Электронный ресурс]. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31995F1127\(03\)&from=PL](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31995F1127(03)&from=PL) (дата обращения: 10.04.2019).

² Protocol to the Convention on the protection of the European Communities' financial interests. Council Act of 27 September 1996 (96/C 313/01). [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:1996:313:FULL&from=BG> (дата обращения: 10.04.2019).

¹ См.: Волеводз А.Г., Дамирчиев Э.И.О. Правовые основы и некоторые организационные механизмы борьбы с экономическим мошенничеством в Европейском Союзе // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 4. С. 4.

официальным служащим или агентом, нанятым по контракту с полномочиями официального служащего, а равно любое другое лицо, направленное в Сообщества государствами-членами или любым государственным или частным органом, которые выполняют функции официальных служащих» (ст. 1). То есть любой сотрудник любого из институтов Европейского союза признается субъектом коррупции¹. Содержание, характер деяний, их субъекты, как они определены в Конвенции о защите финансовых интересов Европейских Сообществ и дополняющем ее Протоколе о борьбе с коррупцией, отвечают пониманию коррупции не только как денежному подкупу государственного должностного лица или злоупотреблению им полномочиями, но гораздо более современно представляют формы коррупционного поведения и круг субъектов коррупции.

Совместные подходы к пониманию коррупции и выработка общих мер не обязательного, а рекомендательного характера против коррупции обсуждаются в рамках Содружества Независимых Государств. Например, предлагаемое в модельных законах СНГ понимание коррупции существенно отличается от того понятия, которое закреплено в Федеральном законе «О противодействии коррупции». Так, в Модельном законе «О противодействии коррупции»² коррупция определяется как «совершение лицом, указанным в статье 10 настоящего Закона (речь идет главным образом о публичных должностных лицах государственных органов или коммерческих организаций. – Е. Ю.), виновного противоправного деяния, носящего общественно опасный характер, направленного на использование своего служебного положения и связанных с ним возможностей для неправомерного получения материальных и иных благ в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, предложения или предоставления ему таких благ физическим или юридическим лицом» (извлечение из ст. 3 Модельного закона). В Модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике»³ также предлагается более актуальный подход к пониманию коррупции. В соответствии со ст. 2 Модельного закона, коррупция – подкуп (получение или дача взятки), любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг или льгот и/или преимуществ, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу. Приведенные примеры понимания коррупции в модельных актах СНГ видятся гораздо более приемлемыми с точки зрения отражения современных задач, стоящих в настоящее время в сфере противодействия коррупции.

---

¹ См.: Волеводз А.Г., Дамирчиев Э.И.О. Указ. соч. С. 5.

² Модельный закон «О противодействии коррупции». Постановление МПА СНГ от 25 ноября 2008 года № 31-20. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902157723> (дата обращения: 02.04.2019).

³ Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике». Постановление МПА СНГ от 15 ноября 2003 года № 22-15 // Информационный бюллетень МПА СНГ. 2004. № 33.

Обобщающим антикоррупционные нормативные разработки ООН документом стала универсальная Конвенция ООН против коррупции¹. В этой Конвенции представлен современный взгляд на формы и условия распространения коррупции для целей закрепления правил для национального и международного противодействия коррупции, предложены меры для их внедрения государствами в интересах борьбы с коррупцией.

Нормирующий современную социальную жизнь сложившийся в международном масштабе правовой порядок (применительно к оценкам и противодействию коррупции) явственно требует совершенствования национального правового регулирования, в т. ч. криминализации коррупционных практик, таких как заинтересованность в получении нематериальных выгод от занимаемой должности, протекционизм и др. Но не только. Сфера применения нормативных регуляторов, как и сфера их создания, тоже нуждается в осовременивании. Международно-правовое противодействие коррупции и реализуемый государствами на его основе правопорядок актуализирует проблему коррупции вплоть до формирования «общегуманитарного», а не только «юридического» представления о ней.

Против коррупции, безусловно, способна помочь масштабная ревизия российского законодательства с целью выявления устарелых форм регулирования, позволяющих продуцировать коррупционные практики. Речь идет не столько о поиске недостатков, противоречий в действующем нормативном регулировании, сколько о выявлении и преодолении несовременности законодательства в целом – его принципиальной ориентированности на поддержание архаичных форм социальных взаимоотношений, невнимании к достижениям мирового правового прогресса, громоздкости законодательства, порождающей сложности в правоприменении, недоступности актуальных законодательных текстов и т. п. Сложный характер, недостаточная ясность или неадекватность нормативных правил подчас становится основой для морального узаконивания и практического оправдания коррупционных действий. Кроме того, неадекватность действующего нормативного регулирования приводит к тому, что то, что является формально узаконенным, не всегда воспринимается обществом как моральное и законное, а то, что официально является незаконным – не считается обществом аморальным и незаконным. Поэтому законодательные антикоррупционные усилия могут не приносить общественно ожидаемый результат, если они не принимают во внимание условия повседневной жизни, общественные идеалы и лучшие из образцов международного или зарубежного антикоррупционного опыта.

Коррупцию, традиционно определяемую для научно-исследовательских целей в экономических терминах «выгод» и «издержек», а для правоприменительных – в юридических терминах «криминализации», «правонарушения», необходимо пересматривать и дополнять

---

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 58/4 от 31 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 10.04.2019).

иными характеристиками. Коррупция, по мнению швейцарского исследователя Верены Рауен (*Verena Rauen*), имеет не только юридическое, но и моральное измерение: коррупция – это неэтичный обмен, в котором человеческое достоинство и моральные ценности выменивают на рыночном торге¹. Действительно, взяточничество во все времена считалось извращенной социальной практикой, подрывающей взаимное уважение: она повсеместно скрывается, ее всячески маскируют, называя пожертвованиями, подарками, рассматривая в контексте способа ведения бизнеса и др. При этом политическое и гражданское общественное согласие целиком основывается на доверии; также производственные процессы, прежде всего, опираются на здоровую рыночную экономику, которая тоже предполагает доверие. Коррупция это доверие разрушает, поэтому она является аморальной по определению и не может не приводить как минимум к общественному неодобрению и утрате авторитета и уважения замешанными в ней лицами, как максимум – социальной обструкции власти и ее решений, что является пагубным для государства в перспективе.

Кодексы этики (или иные формы внедрения нравственных норм в повседневную общественную практику) в отечественном опыте почти не используются (вопреки позитивным примерам из международной или иностранной практики) в соответствии с их потенциалом. Однако становится все более очевидным, что такие кодексы (в т. ч. этические кодексы поведения руководителей) требуется не только рекомендовать к использованию, но возвести в ранг действенных социальных регуляторов.

Кроме того, важным средством защиты от коррупции следует считать распространение правовых форм контроля на все случаи отправления лицами полномочий на руководящих должностях – за соблюдением служебного соответствия, недопущением профессиональной ограниченности, посредственности, преодолением формализма². Недостаточность систем контроля и отчетности служит укреплению тенденций произвольного принятия решений, перекладывания руководителями своих обязанностей на подчиненных и, в конечном счете, ведет к разбалансировке между правовой системой и общественными потребностями, культивирует питательную среду для распространения и укоренения коррупционных практик.

Безусловным требованием должно стать ужесточение применения регулирующих норм – правовых или нравственных. Ужесточение – в значении безоговорочного включения (а) контрольного механизма во всех случаях обнаружения отклоняющегося в моральном отношении поведения и (б) правоприменительного механизма – в каждом случае нарушения правовых норм антикоррупционного законодательства. Противодействие кор-

---

¹ See: Rauen V. Corruption: Uncovering the Price of Normative Morality and the Value of Ethics // *German Law Journal*. 2016. Vol. 17 (1). P. 101-117.

² Например, зарубежные исследователи называют коррупцию «политической патологией», корни которой видят в непрофессионализме руководителей: коррупционеры некомпетентны и бесталанны, поэтому неуверенность в своем соответствии занимаемой должности подвигает их к тому, чтобы воровать и обманывать (Морис Иойль (Maurice Yolles)).

рупции чрезвычайно осложняется, когда предусмотренные законами меры, направленные против коррупции, не сопровождаются положениями о реализации либо, вопреки установленным правилам, не применяются.

Предлагаемый международным сообществом специальный нормативный тип социального действия, в котором одним из ресурсов выступает адекватный современным условиям выработанный государствами совместно подход к пониманию коррупции, позволит, используя терминологию Ю. Хабермаса, согласовать «систему» Российской Федерации с ее общественным «жизненным миром». Для этого отечественные национальные усилия в практике противодействия коррупции следует перероентировать с установления преимущественно «системных императивов» в область обеспечения простых и понятных взаимодействий, идейно проистекающих из обычного понимания равенства, справедливости, правдивости. Только тогда публично провозглашенные, нормативно закрепленные и последовательно реализуемые солидарные антикоррупционные усилия государства и общества могут приобрести «характер осмысленных, четких и ясных в своем контексте действий»¹.

В этом смысле можно снова обратиться к выводам Ю. Хабермаса в его размышлениях о свободе и субъективной природе. «Из конфронтации с миром, - считает философ, - мы можем чему-то научиться лишь в той мере, в какой мы одновременно способны учиться на критике другого»². В отсутствие убедительных аргументов в защиту своеобразно понимаемых и также по-особенному реализуемых задач противодействия коррупции можно рассчитывать только на специфический результат.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волеводз А.Г., Дамирчиев Э.И.О. Правовые основы и некоторые организационные механизмы борьбы с экономическим мошенничеством в Европейском Союзе // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 4. С. 3-16.
2. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом. Учебно-методический комплекс (учебное пособие) / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. 568 с.
3. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: Издательский центр «Экономпресс», 2000. 224 с.
4. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией: философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратов. М.: Весь мир, 2011. 331 с.
5. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / пер. с нем. В. И. Иванова // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 123-136.
6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) / пер. с нем. А. Б. Рахманова // Вопросы социальной теории. 2009. Том I. Вып. I. С. 229-245.
7. Rauen V. Corruption: Uncovering the Price of Normative Morality and the Value of Ethics // German Law Journal. 2016. Vol. 17 (1). P. 101-117.

---

¹ Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / пер. с нем. В. И. Иванова // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 123-136; Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) / пер. с нем. А. Б. Рахманова // Вопросы социальной теории. 2009. Том I. Вып. I. С. 242-243.

² Хабермас Ю. Между натурализмом и религией: философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. М.: Весь мир, 2011. С. 198-199.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Николай Юрьевич, преподаватель кафедры финансового права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

Архипов Владислав Владимирович, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук

Баранова Марина Владимировна, профессор кафедры теории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор

Белов Александр Васильевич, заместитель прокурора Коминтерновского района прокуратуры Воронежской области, кандидат юридических наук

Белова Надежда Васильевна, доцент кафедры уголовного права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

Беляев Максим Александрович, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права РАН, кандидат философских наук

Вольский Михаил Валентинович, начальник отделения по работе с личным составом Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России, подполковник внутренней службы;

Воробьева Александра Дмитриевна, научно-образовательное объединение «Интеллектуальные среды», кандидат философских наук

Денисенко Владислав Валерьевич, доцент кафедры теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

Дерюшева Олеся Ивановна, старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук

Зуева Надежда Леонидовна, доцент кафедры трудового права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

Карпова Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры трудового права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

Клименко Алексей Иванович, профессор кафедры теории государства и права Университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук

Ковкель Наталья Францевна, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Куприянова Ольга Ильинична, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук

Купцова Ольга Борисовна, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Лаптева Людмила Евгеньевна, заведующий кафедрой истории государства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, декан юридического факультета, профессор, доктор юридических наук

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, профессор внебюджетного факультета Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний, доктор исторических наук

Ломакина Ирина Борисовна, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук

Лунина Наталия Александровна, доцент кафедры трудового права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

Мачин Игорь Федорович, доцент кафедры теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук

Медведев Владимир Владимирович, доцент кафедры истории государства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук

Молчаков Никита Юрьевич, старший преподаватель кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук

Палеха Роман Робертович, доцент кафедры теории и истории права и государства Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук

Панько Кирилл Константинович, профессор кафедры уголовного права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук

Петрова Екатерина Алексеевна, доцент кафедры теории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук

Полянский Павел Львович, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук

Романов Александр Константинович, заведующий кафедрой основ правоохранительной деятельности Института права и национальной безопасности Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Семьянов Евгений Викторович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского Нового университета, кандидат юридических наук

Сенных Людмила Николаевна, доцент кафедры трудового права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

Серегина Валентина Васильевна, доцент кафедры теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

Сиденко Ольга Анатольевна, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, кандидат политических наук

Скоморохина Елена Владимировна, доцент кафедры трудового права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

Смирнова Марина Геннадьевна, профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук

Сорокина Юлия Владимировна, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Воронежского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Стародубова Галина Викторовна, заведующий кафедрой уголовного процесса Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Сумин Анатолий Викторович, старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат юридических наук

Триkoz Елена Николаевна, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО (У) МИД России; доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук

Червяковский Александр Владимирович, доцент кафедры теории и истории государства и права Омской Академии МВД России, кандидат юридических наук

Честнов Илья Львович, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ

Щеглова Дарья Владимировна, доцент кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, кандидат политических наук

Юртаева Евгения Анатольевна, доцент кафедры теории государства и права имени Г.В. Мальцева Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник

Научное издание

Правопорядок и его институциональные основы

Сборник трудов международной научной конференции

(Воронеж, 31 мая – 1 июня 2019 г.)

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 18,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ИП Алейникова О.Ю.
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 12.